

Путь Шоу-Дао. Книга 1

ИРИНА Медведева

ТАЙНОЕ УЧЕНИЕ ДАОССКИХ ВОИНОВ

Ученичество Александра Медведева, первого
европейца, посвященного в древнее учение
Бесмертных

Москва *САТТВА* 1997

У
Д
К
29
9.5
ББ
К
86.
39
М
42

Медведева И.Б.

М42 Тайное учение даосских воинов—М.: Саттва, 1996.—320с. —(сер. «Путь Шоу-Дао», кн. 1)—ISBN 5-86873-009-7

В книге описывается период ученичества Александра Медведева у мастера эзотерической даосской школы Шоу-Дао. Это захватывающая история взаимодействия двух полярных мировоззрений ученика и Учителя и перестройки психики ученика в соответствии с законами одного из древнейших тайных кланов, происходящая на фоне разборок с бандитами, преследованиями со стороны КГБ, даосских таинств управления сексуальной энергией согласно канонам Бессмертных и страстной любви, которой приходится пожертвовать ради Учения.

А. Медведев—президент международной ассоциации боевых искусств Шоу-Дао, вице-президент военно-спортивной ассоциации «Уни-бос», главный консультант журналов «Боевые искусства планеты» и «Спецназ», инструктор рукопашного боя в военной академии имени Фрунзе, автор книг «Как дрались в НКВД», «Его величество нож», «Кунг-фу», «формы Шоу-Дао» и других, посвященных боевым искусствам, восточным оздоровительным системам, специальной и психофизической подготовке в армии и правоохранительных органах; создатель серии видеофильмов, посвященных рукопашному бою Шоу-Дао и созданной на его основе системе УНИБОС (универсальной боевой системе),

внедряемой в подготовку русской армии, а также видеофильмов, раскрывающих тайны работы с сексуальной энергией и ци-гуна Шоу-Дао.

УДК 299.5
ББК 86.39

Данное издание охраняется авторским правом РФ. Переиздание, перепечатка, воспроизведение с помощью электронных средств или любым иным способом, всей книги или ее части, допускается только с письменного разрешения автора.

ISBN 5-86873-009-7

©И.Б. Медведева 1997

©Оригинал-макет: САТТВА
1997

Издательство выражает благодарность обществу «Хайдаканди Самадж» за содействие в издании этой книги. С пожеланиями и предложениями обращаться:

117602 Москва, а/я 380, САТТВА По
вопросам оптовых закупок звоните по тел.
(095) 752-2623

Белые люди пришли к нам из Индии.
Среди них был Великий Учитель, Великий
Мастер.
Они называли себя «Хранители Времени»,
а путь свой звали «Дорогой Спокойствия».
Долгое время они жили в горах, и к ним
приходили
многие из тех, кто позднее стал знаменитым.
Первые «невидимки» Китая—тоже их
потомки.
Настал день, когда Великий Мастер приказал
им
сойти в долины и растаять среди других...

ЛиН.

Наверное, я был бы счастлив счастьем
обычного человека, если бы не встретил
Учителя. Но ужас при мысли о том, что этой
встречи могло не быть, для меня сильнее, чем
страх, что я мог не родиться...

А.Н. Медведев.

Дорогие друзья!

Перевернув последнюю страницу этой книги — первого тома истории моего ученичества в клане воинов Шоу-Дао, написанного по моим рассказам моей женой, многие из Вас, возможно, задумаются о том, что же заставило меня способствовать выходу в свет этого повествования и быть столь откровенным в описании некоторых моментов моей жизни.

Должен признать, что такая откровенность далась мне нелегко, но к этому меня побуждало в первую очередь желание показать массовой аудитории один из тайных даосских «срединных» путей познания мира и обретения счастья, и предоставить многим тысячам читателей, пытающимся практиковать Шоу-Дао по моим книгам и видеофильмам, возможность ознакомиться с некоторыми духовными практиками и нестандартными формами обучения, принятыми в этой школе.

Я благодарен судьбе за то, что у меня была очень интересная жизнь, но учение Шоу-Дао—лишь одна из ее граней, хотя и наиболее яркая. Поэтому данное произведение нельзя рассматривать как рассказ о моей жизни или о жизни Учителя. Здесь даются лишь краткие зарисовки некоторых моментов общения Учителя и ученика и показывается, как менялось мироосознание ученика в процессе этого общения.

О многом я расскажу в последующих томах серии «Путь Шоу-Дао», но, к сожалению о многом придется умолчать в связи с ограничениями, наложенными на меня Учителем. Естественно, что имена и фамилии моих друзей, врагов и знакомых в книге изменены.

Книга «Путь Шоу-Дао» таит в себе гораздо больше ключей к самосовершенствованию по школе «Спокойных», чем это может показаться на первый взгляд. Для людей, интересующихся этим учением, она может стать существенным дополнением к моим книгам из серий «Тайны воинских искусств» и «Сохраненное Сокровенное», посвященным боевым, духовным, оздоровительным и медицинским практикам.

В течение ближайших лет, помимо последующих томов серии «Путь Шоу-Дао» будут опубликованы несколько книг из се-

рии «Секреты зонного массажа» и «Тайные касания Шоу-Дао», в которых, помимо медитативных и оздоровительных техник, будут раскрыты методы укрепления духа и тела, управления потоками ци и секреты сложнокоординационных движений, являющихся основой боевой техники «Спокойных».

И последнее, о чем я хотел бы напомнить. В учении Шоу-Дао нет ничего мистического или сверхъестественного несмотря на то, что многое из того, что делал мой Учитель и о чем рассказано в этой книге может показаться выходящим далеко за рамки человеческих возможностей, и нет ничего, что могло бы для здравомыслящего человека служить препятствием при изучении боевых техник «Спокойных», их оздоровительных практик или философии.

Учитель однажды сказал: «Люди Запада с надеждой смотрят на Восток, желая в заре увидеть отблески мудрости. Люди Запада готовы многим заплатить за нашу жизнь, готовы многое отдать Школе и Учителю. Но Шоу-Дао не требует ничего. Шоу-Дао только дает...»

С наилучшими пожеланиями, А.Н. Медведев.

ВВЕДЕНИЕ

После публикации моих первых книг «Кунг-фу. Школа бессмертия» и «Кунг-фу. Формы Шоу-Дао» я регулярно получаю тысячи писем от читателей, которые интересуются личностью моего учителя Ли Н., его системой подготовки, философией и мировоззрением школы Шоу-Дао. Потребовалась бы целая книга только для того, чтобы перечислить все вопросы, которые мне присылают в этих письмах. Некоторые утверждают, что встречали моего Учителя или что он обучает их во сне. К своему удивлению, я узнал, что появились группы людей, объединяющиеся в секты и называющие себя шоу-даосами, которые пытаются практиковать систему Шоу-Дао по отрывистым сведениям, почерпнутым из моих книг.

Книга «Путь Шоу-Дао» была написана по двум причинам: во-первых, я попытался в ней ответить на некоторые вопросы и дать более полное представление о Шоу-Дао и о личности моего Учителя и, во-вторых, для того, чтобы, описывая период моего ученичества, заново пережить волшебное ощущение от столкновения с чем-то явно выходящим за рамки повседневной жизни и обычного человеческого сознания. Учитель говорил, что Шоу-Дао—это жизнь, и, как невозможно объяснить обычными словами, что такое жизнь, невозможно объяснить, что такое Шоу-Дао. Это—путь, по которому можно следовать, когда существует человек, указывающий и направляющий на него, как направлял меня мой Учитель. Путь Шоу-Дао—это формирование ощущения жизни, отличного от ощущений обычного человека, это формирование принципиально другой психики. Другой жизненной позиции, другой шкалы ценностей, другого мышления.

В этой книге основное внимание не будет уделяться детальному изложению техники рукопашного боя системы Шоу-Дао, я хочу рассказать лишь о процессе преобразования моего сознания и мировоззрения, которое последовательно осуществлял со мной Учитель, используя для этого любые средства, хитрости и трюки из своего богатого арсенала.

Для того чтобы подробно изложить все наши беседы, тренировки и приключения, потребовалось бы написать десятки томов, и даже тогда мне не удалось бы до конца передать опущение духа Шоу-Дао, потому что это можно только пережить, но не пересказать.

В этой книге я упомяну лишь о некоторых интересных моментах моих встреч с Учителем, которые помогут получить представление о его личности и методах обучения, причем, скорее всего, это впечатление будет неверным, потому что я сам так и не смог понять до конца, каким был Ли, и до сих пор не знаю, кем он был на самом деле. Поведение Учителя всегда было непредсказуемым. Он с неуловимой легкостью перемещался от состояний самых невероятных эксцентрических крайностей к позиции уравновешенного мудреца. Лишенный обычных человеческих эмоций, он мог в совершенстве создавать иллюзию любой эмоции—положительной, отрицательной, благородной, безобразной, мгновенно чередуя их. Иногда он казался человеком тошнотворным до омерзения, иногда возвышенно-духовным, иногда жадным, глупым, трусливым или униженным. И вдруг, сбросив маску. Ли перевоплощался в великого воина или философа, стоящего выше всех человеческих проблем и слабостей.

На первом этапе моего обучения Ли непрерывно использовал формы поведения, в своих крайностях доходящие до абсурда, чтобы заставить меня осознать, что истина никогда не лежит на поверхности событий, а находится посередине между двух крайностей, между двух сторон медали, между «да» и «нет». Своим поведением он разрушал стереотипы поведения и установки, с детства заложенные в меня родителями и окружением, и на их месте создавал новое чарующее мироощущение воинов жизни, Спокойных, следующих по пути Шоу-Дао. Своим поведением Ли научил меня одинаково относиться к прекрасному и безобразному. потому что и то и другое—проявления жизни, и разница между прекрасным и безобразным существует только в нашем сознании; одинаково воспринимать победы и поражения, потому что часто победа по своей сути может оказаться поражением и, наоборот, поражение может стать победой.

Я до сих пор точно не знаю, почему Ли выбрал

именно меня своим учеником. Он впоследствии давал мне разные объяснения этого решения, но, как я понимаю, каждое из этих объяснений предназначалось для того уровня сознания, которое у меня было в данный момент.

Нашу первую «случайную» встречу Ли подготовил заранее и провел ее с величайшим актерским мастерством и юмором, наслаждаясь моей неконтролируемой эмоциональной реакцией на его внешний вид и асоциально-эксцентричное поведение. Он играл роль чрезвычайно неопрятного и некультурного человека так, что я чувствовал сильную неловкость от того, что кто-нибудь из знакомых может увидеть меня в его обществе. Но одновременно с этим он сумел настолько заинтересовать меня рассказом о боевом искусстве, которому его обучали, что я готов был вытерпеть все неудобства, чтобы увидеть это.

Когда, наконец, я научился воспринимать Учителя таким, каким он был, без внутреннего сопротивления—со всей его неопрятностью, шутовством, ужасным акцентом, эксцентричными и шокирующими поступками—и думал, что уже ничему не удивлюсь, он в корне перевернул все мое представление о нем.

Однажды, через несколько месяцев после нашего знакомства Ли снова пригласил меня пообедать в ту же пельменную, где мы ели в день нашей первой встречи. Но на этот раз вместо грязного некультурного азиата, поедающего суп без ложки и выплевывающего пенки от кофе на стол и на пол, я увидел человека, которого, если бы не его восточная внешность, по одежде и манере держаться мог бы принять за дипломата или английского лорда. Одежды такого качества и уровня элегантности мне никогда раньше встречать не приходилось. Все, начиная от туфель и кончая пальто классического стиля с воротником из соболя, было импортного производства и явно стоило очень дорого. Когда Ли снял пальто, мне бросились в глаза булавка для галстука с крупным бриллиантом и золотые с бриллиантами запонки. Вид Ли абсолютно не подходил к обстановке грязноватой пельменной, но он, не обращая на это никакого внимания, заказал пельмени и принялся их есть так, как будто находился на приеме во дворце. Единственное, что осталось в нем прежним,—это насмешливые искорки, мелькавшие в его глазах, когда он видел мое

состояние, и его неизменный акцент. Прodelывая со мной массу трюков, подобных этому. Ли учил меня не реагировать на форму событий и явлений, стараясь каждый раз постигать их суть.

Например, в течение довольно длительного периода, пока Учитель испытывал меня, решая, подхожу ли я для того, чтобы обучать меня боевому искусству Шоу-Дао (до этого момента Ли утверждал, что умеет драться только в воздухе, а не на земле, и

обучал меня технике прыжков), он не открывал мне своего имени, заставляя каждый раз называть его по-иному: Грозовая туча, Александр, Юрий и т.д.

Когда период проверки закончился и Ли начал всерьез обучать меня рукопашному бою. Учитель сказал мне, что его зовут Ли Намсараев, что его мать— корейка, а отец—бурят, что мой отец когда-то на лесосплаве спас жизнь его отцу, что его родители развелись и мать в раннем детстве увезла его в Корею, где он и научился искусству Шоу-Дао. Ли объяснил, что долги отцов платит сын сыну и что он приехал сюда для того, чтобы заплатить долг отца и передать мне свое знание.

В самом конце обучения Ли намекнул мне, что дело обстояло совсем не так, что в действительности он не является Намсараевым и рассказал мне эту историю только для того, чтобы мой европейский ум не заставлял язык задавать себе и ему слишком много ненужных вопросов.

Следующим решающим этапом моего обучения был момент, когда Ли заговорил со мной без всякого акцента, на чистейшем русском языке. Это означало окончание первой фазы ученичества, когда моя психика была уже достаточно перестроена для восприятия Шоу-Дао и я достиг определенного уровня в боевых искусствах Спокойных.

Заговорив по-русски без акцента. Ли сказал мне:

— Этот момент означает, что ты достиг уровня, когда я могу разговаривать с тобой, как с равным. Наконец-то, мой маленький брат, ты стал большим братом.

Со временем я узнал, что Ли свободно владел не только русским языком, но и всеми основными европейскими языками, а также японским, китайским и санскритом. У него была абсолютная фотографическая память, и он мог воспроизводить дословно по нескольку страниц текста, едва взглянув на них. Учитель объяснил мне, что это не врожденная способность, и что он ее развивал с детства с помощью специальных методик.

Поскольку в этой книге я не смогу полностью привести беседы с Учителем об истории клана Шоу, его легендах и традициях, я изложу вкратце некоторые сведения, которые помогут создать общее представление о том, в каких условиях формировалось учение Шоу.

Обычно Ли рассказывал мне предания и легенды Шоу-Дао, используя эти рассказы в качестве элемента упражнений по расширению сознания. Я слушал его рассказы, занимаясь растяжкой, тренируя управление эмоциями или сохраняя контроль над болью. Информация была спорадической, без указания каких-нибудь дат или важных исторических событий. Поэтому то, что будет сказано ниже, не претендует на историческую достоверность. Я просто перескажу некоторые факты из истории клана, которые я узнал от Учителя.

Шоу-Дао в переводе означает «Путь спокойствия». Иногда последователи Шоу-Дао называли свою школу «Путь бессмертия», а себя—Спокойными, Бессмертными или Воинами жизни. Шоу-Дао относится к плановым школам Китая, и на Западе ее техника практически неизвестна. Мне посчастливилось стать первым европейцем, посвященным в секреты Спокойных, и, насколько я знаю, я и впоследствии мой напарник Слава Скворцов были единственными европейцами, удостоенными этой чести.

В различные исторические периоды, когда клан Шоу-Дао не подвергался гонениям со стороны окружающего его общества, его последователи развивали более активную, чем обычно, деятельность в поисках приверженцев учения. Дело в том, что, кроме благополучия клана как такового, членов клана беспокоило и благополучие людей вообще.

Жителей Земли они называли Большим народом, нации, национальности и этнические группы—малыми народами. Они говорили: «Когда Большой народ станет большой семьей, не тогда ли дети и отцы будут счастливы?» Шоу-крестьянин шел к крестьянам, шоу-воин шел к воинам, шоу-феодал общался с феодалами. Перед лицом семьи (клана) шоу-феодал был равен шоу-крестьянину, учитывались лишь заслуги и возраст. Но шоу-крестьянин в те времена не мог посеять семена знания среди феодалов, за исключением редких случаев, а шоу-феодал долго бы искал понимания в среде крестьян.

К сожалению, семена прорастали с трудом... Иногда я задаю себе вопрос: «Не потому ли Ли выбрал меня своим учеником, что со своим удивительным даром предсказывать события и мои действия заранее знал, что когда-нибудь я напишу книгу о его учении?»

Может быть, это была попытка посеять семена древнего знания среди европейцев?» Не знаю...

Как ни странно, истоком учения Шоу-Дао было небольшое языческое племя белых людей где-то на севере Европы. Люди этого племени поклонялись дереву. Они в совершенстве владели оружием, сделанным из дерева, знали секреты разнообразных ловушек, имеющих деревянные элементы. История этого племени в чем-то перекликается с исходом Рамы, легендарного

вождя друидов, из Европы в Азию. Зен Авеста, священная книга персов, рассказывает об этом переселении. Рама был тем, кому приписывалось открытие и описание двенадцати знаков Зодиака, он был основателем арийской религии и любимым героем индийского эпоса. Но в то время, как символом Рамы был Овен, основатели Шоу-Дао сохранили неизменным культ и символ дерева, как объекта поклонения, и в Индии они стали называть себя «Ветви дерева».

Впоследствии уже в Китае культ поклонения дереву слился с учением о пяти первоэлементах—у-син* и превратился в учение о «человеке-дереве», где «дерево»—символ совершенства, итог долгих трудов, мучений и тревог. «Человек-дерево» был воином и философом, хранителем знаний и носителем добра, врачом и поэтом, художником и крестьянином в одном лице.

Но вернемся в Европу. Поклоняющееся дереву племя враждовало с племенами, являющимися носителями других культов, и боролось в первую очередь против человеческих жертвоприношений. Племя возглавляли несколько ведунов—носителей знаний, традиций и ритуалов.

Враги не могли победить людей дерева, но теснили их. Племя начало отступать. Оно уходило сначала на юг, а затем на восток. Отступление не было поспешным. Избегая вооруженных столкновений с местными жителями, племя останавливалось, иногда на годы, в приглянувшихся ему местах, а потом вновь отправлялось в путь, обрастая по дороге представителями иных племен и народностей. Для того чтобы люди, говорящие на разных языках, могли лучше понимать друг друга, был выработан и доведен до совершенства язык жестов, с помощью которого и сейчас последователи Шоу-Дао могут узнать друг друга в толпе и объясниться даже в том случае, если их разделяет языковой барьер.

* *Пять первоэлементов—у-син.* Пять первоэлементов (стихий)—огонь, вода, воздух, земля и дерево—философские категории Востока, с помощью которых древние ученые объясняли и описывали все явления как в природе, так и в человеческом организме. Широко известно построение первоэлементов в форме звезды, в котором отражены законы их взаимного влияния (усиления и угнетения). В Шоу-Дао существовало построение схемы взаимодействия

первоэлементов в форме креста «Дерева жизни», в которой «дерево» располагалось в центре, а остальные элементы—по сторонам креста. Эта схема символизировала способ рождения жизни, когда живое (дерево) рождается из неживого—земли, воздуха, воды и огня (солнца). Одно из толкований схемы было также духовное совершенствование человека-дерева, подчинившего себе и уравновесившего четыре стихии.

Постепенно формировался клан. члены которого, несмотря на различную племенную, национальную и расовую принадлежность, сохраняли общность ритуалов и поклонялись дереву жизни* как символу жизни.

Впоследствии поклонение дереву жизни модернизировалось в учение «Вкус плода с дерева жизни», или, сокращенно. «Вкус жизни».

В первый раз клан раскололся в очень глубокой древности. Часть клана ушла в Египет, другая часть направилась в Индию. Неизвестно, что произошло с египетской ветвью клана, но существует легенда, что после того, как воссоединятся обе ветви —египетская и индокитайская, тайное знание Шоу станет полным и принесет человечеству огромную пользу.

К моменту, когда клан прибыл в Индию, там существовало невероятное количество племен, верований, различных экзотических сект и кланов. Члены некоторых таких сект принадлежали к разным национальностям и вероисповеданиям. Их объединяло служение тайным магическим культам, соединенное иногда с политическими или коммерческими интересами. Примером такой секты является секта тхагов, или тутов-душителers, — секта грабителей и убийц. Тхаги не имели какой-то особой религиозной доктрины. К ним мог присоединиться как мусульманин, так и индуист.

Существует следующий миф о возникновении секты тхагов: однажды богиня Кали в образе устрашающей богини Бхайрави отметила среди своих почитателей самых верных—тхагов, наделила их необычайной силой и коварством и научила душить свои жертвы специальной лентой—румалом. Молодые тхаги проходили период обучения, а затем на празднике дашахра совершался обряд посвящения. Они получали заступ, чтобы рыть могилы для жертв, румал, с помощью которого они душили, а затем, в зависимости от своей веры. они присягали на каком-нибудь священном индуистском тексте или на Коране, давая клятву верности, храбрости и молчания.

Душителers имели разветвленную организацию и точно разработанный порядок действий. Разведчики выясняли, когда и откуда отправляются в путь богатые купцы или ростовщики, жертву душили, и гробовщики священным заступом тут же

- *Дерево* жизни—философская категория клана

«Спокойных», обозначающая жизнь как таковую и все, что с ней связано. В легендах Шоу-Дао фигурируют «Дерево жизни»—символ материальной жизни и «Жемчужное дерево жизни»—символ знания, мудрости и бессмертия.

рыли для нее могилу. Тхаги старались не выделяться среди обычных граждан, в промежутках между операциями они жили дома, занимаясь ремеслом или торговлей.

Клан «Ветви дерева» сформировался в основном на территории Индии, вобрав в себя множество мелких кланов и школ. Там же, в Индии, он объединился с кланами «Хранителей времени», «Держащих» и «Многоруких». Все эти кланы владели хорошо развитыми воинскими искусствами и тайными знаниями. Как раз из-за тайных знаний «Хранителей времени» клан «Ветви дерева» оказался вовлеченным в войну с кланом «Черного камня».

Люди «Черного камня» поклонялись священному черному камню небесного происхождения. Они владели большим черным камнем и несколькими его осколками, хранившимися у посвященных клана.

При помощи священных черных камней можно было излечивать болезни, стимулировать жизненные силы организма, убивать, развивать сверхспособности и делать многие другие невероятные вещи.

Клан «Хранителей времени» во время войны с «Черным камнем» раскололся на три части: одна часть клана примкнула к «Ветвям дерева», другая—предпочла остаться нейтральной, а третья—перешла на сторону клана «Черного камня».

«Ветвям дерева» удалось победить и захватить большой черный камень. Он был распилен на несколько сотен очень маленьких прямоугольных частей. Эти прямоугольники использовались в дальнейшем последователями Шоу-Дао для лечения, в качестве пароля и как личный амулет посвященного. С одной стороны такого амулета при помощи микроскопических точек и знаков отмечались все заслуги и достижения его владельца. Промахи и ошибки фиксировались на другой стороне. С тех пор повелось, что рядовые члены клана имеют деревянные таблички, на которых они отмечают определенные ступени своей жизни и этапы прохождения путей.

Тут я хочу немного отвлечься и рассказать о путях в Шоу-Дао и о том, как последователи этого учения переходят с первого пути на второй.

Существовало несколько трактовок слова «путь». Оно означало как образ жизни, так и время жизни, как объем знаний и достижений, так и отрезок времени, равный 99 годам, 9 месяцам, 9 дням, 9 часам.

Посвященные «Спокойных» проходили 9 путей, после чего, согласно легендам, достигали бессмертия. Считалось, что для получения знаний необходимых для завершения каждого пути требовалось около ста лет.

Великолепно зная медицину и умея вылечить практически любую болезнь, последователи Шоу-Дао преуспели и в другом, прямо противоположном лечению болезней деле, а именно в вызывании и симуляции болезней. Благодаря успешной симуляции члены клана не слишком явно выделялись на фоне обремененного различными недугами населения, среди которого им приходилось жить. «Вызывание болезни»—это симуляция самой высшей степени, как правило, в присутствии компетентного лица, имеющего шанс разоблачить симулирующего.

При симуляции заболевания последователи Шоу-Дао самовнушением, регулированием частоты пульса и другими способами создавали настолько полную картину болезни, что отличить ее от настоящей было чрезвычайно сложно. В устных преданиях клана есть много интересных историй, повествующих о том, как тот или иной Шоу пользовался этим умением для достижения определенной цели. То Шоу, притворяясь больным, попадает в монастырь, где узнает давно интересовавший его способ изготовления секретного лекарства: то ввергает в панику захвативших его врагов, вызвав у себя признаки заразного, смертельно опасного заболевания, вынуждая их оставить его в лесу.

Вся система упражнений, этики и морали, верований и ритуалов Шоу-Дао была направлена на достижение основной цели—бессмертия при жизни для каждого члена клана. По достижении семидесятипяти—восьмидесятилетнего возраста член клана с группой своих одногодков начинал готовиться в дальнюю дорогу. Эта подготовка сводилась прежде всего к улаживанию дел со своим ближайшим окружением в обыденной жизни, которое должно было воспринять уход старца либо как смерть, либо как исчезновение в результате несчастного случая. Тут пригождалось умение симулировать заболевание, а то и смерть. Естественно, что сообщники из числа Шоу помогали своему товарищу в столь важном мероприятии. Группа «умерших» уходила в пустынную местность, как правило, в горы или в

густые лесные массивы, куда за ними являлся посланник второго пути, который отводил их в тайную обитель, где путем регулярных упражнений вся группа успешно завершала первый путь и получала знания о втором. После обучения люди изменялись до неузнаваемости, по внешнему виду им невозможно было дать больше сорока пяти—пятидесяти лет. Им да-

вались другие имена, легенды их жизни и назначалась новая среда обитания.

Результаты тренировок старших братьев*, направляемых на истинный путь посланцами второго пути, настраивали младших братьев на оптимистический лад. Окончившие второй путь переходили на третий и т.д.

Существуют легенды о семи священных камнях, которыми владеют посвященные клана Шоу-Дао и некоторых других тайных кланов.

Первым из священных камней был найден черный камень. Согласно легенде, его нашел человек, который был изгнан из своего племени за какую-то провинность. С помощью магических свойств черного камня этот человек впоследствии стал главой изгнавшего его племени.

Считается, что черный камень имеет небесное происхождение. Черный камень обладал многими необыкновенными свойствами. Но чтобы он их не потерял, требовалось время от времени оживлять его. Одним из способов оживления камня было вымачивание его в крови, прогревание и некоторые другие манипуляции. После выполнения всех необходимых процедур черный камень становился прозрачным и изменял цвет на светло-фиолетовый. Кровь могла быть любая—птицы или зверя. но клан «Черного камня» предпочитал для ритуала человеческую кровь.

При помощи черного камня можно было лечить или убивать. Если кусочек черного камня находился в воде в течение месяца, стакан такой воды мог убить человека. Если камень держали в воде в течение меньшего срока, вода приобретала целебные свойства. Вода, в которой находился камень, никогда не портилась, даже спустя долгий срок после того, как камень вынимали из нее, и не изменяла своих свойств. По вкусу, виду или запаху ее было бы невозможно отличить от обычной воды. Человек мог умереть, если камень долго находился в комнате у его изголовья. Иметь при себе черный камень было опасно. Обычно его хранили закопанным в землю недалеко от дома. Во время путешествия камень укладывали в специальный каменный футляр, который закрывался так, чтобы не было ни малейшей щели. в которую могло бы проникнуть вредоносное излучение камня.

* *Старшие и младшие братья*—градация последователей учения «Спокойных». Старшинство

определялось не по возрасту, а по количеству времени,
проведенному с Учителем.

Ли, мой Учитель, имел тоненькую треугольную пластинку черного камня и всегда носил ее с собой в футлярчике из свинца. Упакованный таким способом черный камень был обернут в платок, который вышила для Ли дочь его Учителя. Футляр с камнем Ли носил в портсигаре, в котором, кроме него, находились маленький кусочек белого камня (о котором речь пойдет ниже), полынная сигарета и несколько снадобий, о которых он мне никогда не рассказывал. Они имели консистенцию резины и были, похоже, минерально-растительного происхождения. Эти снадобья жевали и сглатывали образующуюся слюну. Их запах немного напоминал запах чистого мумие.

На платке, в который был обернут камень, был вышит символ птицы—хранительницы камня. При внимательном рассмотрении на этом очень изящном графическом рисунке за сложным переплетением ветвей угадывался силуэт птицы, сидящей спиной к зрителю. Вид птицы и то, сидит ли она на ветке или на земле, определить было трудно. Птица, слегка напоминающая выпь, считалась хранительницей камня и была одной из центральных фигур в притчах и легендах Спокойных. Изучавшие рукопашный бой Шоу-Дао сталкивались с боевыми техниками, такими как «каменная птица, подхваченная ветром», бой «когтем каменной птицы» и упражнения с яйцами каменной птицы.

Легенды гласили, что, если на камень, находящийся в черном состоянии, падали солнечные лучи, он ночью начинал светиться, как правило, в одно и то же время. Никто не замечал, чтобы камень светился днем. Длительность свечения камня зависела от времени облучения. Во время свечения камень часто издавал звук, который приводил в экстаз, а затем усыплял окружающих. Во время забытья их посещали видения, они слышали музыку и т.д.

Если облучение камня было слишком долгим, то звук камня становился чересчур интенсивным, и после выхода из транса у людей долгое время наблюдалось нарушение координации движения и резкое ухудшение самочувствия. С наступлением утра звук камня исчезал, и состояние транса прекращалось. Камень никогда не светился дольше одной ночи.

Ли рассказывал, что его Учитель вылечил себе рак желудка, проглотив черный камень и пропустив его через желудок и кишечник. Причиной рака было то,

что Учитель Ли вынужден был зарабатывать себе на жизнь в Корее, готовя всевозможные блюда китайской кухни и китайские лекарственные препара-

ты. При приготовлении этих блюд и препаратов ему приходилось все время нюхать и пробовать их, что было очень вредно для здоровья. Когда Ли расстался с Учителем, тому было 98 лет, но он жил по поддельным документам пятидесятилетнего человека. Будучи китайцем. Учитель Ли после курса омоложения с новыми документами эмигрировал в Корею, где его никто не знал, а затем ушел и оттуда для продолжения изучения второго пути. Вместо себя наставником для других учеников он оставил Ли, завещав ему в качестве знака посвященного треугольную половину своего черного прямоугольного камня и очень маленький кусочек белого камня. Ли к тому времени получил знания полутора путей. Учитель Ли как посвященный второго пути имел еще и осколок красного камня.

Если верить легендам, семь священных камней в далеком прошлом играли огромную роль в истории клана Шоу-Дао и других тайных кланов. Большинство столкновений и войн между кланами велось ради того, чтобы обладать хоть крошечным кусочком священного камня.

Белый камень, согласно легенде, стал известен значительно позже черного. Его нашел в пещере какой-то индус. Считается, что белый камень имеет земное происхождение. Белый камень якобы имел свойство снимать многие неприятные последствия воздействия черного камня, в первую очередь его отрицательное влияние на человека.

Но вернемся к истории клана. Члены клана «Ветви дерева» непосредственно перед переходом из Индии в Китай начали называть себя Спокойными. В Китае после слияния с некоторыми даосскими* школами они стали называться Бессмертными. Впоследствии из-за идеологических преследований, для того чтобы замаскировать свое учение, они, оставив почти прежнее звучание, изменили в своем названии написание иероглифа Шоу, означающего «спокойствие», на иероглиф Шоу, означающий «кисть», «рука», маскируясь под школу рукопашного боя.

Спокойные появились в Китае задолго до буддизма и Бод-хидхармы. После затяжной войны с кланом «Черного камня» они, несмотря на победу, были сильно обескровлены и предпочли перебраться в более безопасные места.

В Китае клан «Спокойных» раскололся во второй

раз, когда трое братьев из числа посвященных клана
были осуждены за

* Даосский—относящийся к даосизму—китайской
религии, цель которой в обретении бессмертия.

поступок, противоречащий законам Шоу: они за деньги убили противника одного китайского военачальника.

Последователи Шоу-Дао никогда не убивали нарушивших закон клана и даже предавших клан людей- Они просто изолировали таких людей от себя. И трое братьев были изгнаны из клана. К чести клана нужно сказать, что за всю его историю только трое посвященных нарушили его законы. Трое изгнанных братьев и несколько примкнувших к ним последователей организовали клан Кэндока. Название нового клана было образовано из частей имен троих братьев, его возглавлявших. Кэндоки стали, по существу, ниндзя, выполняя заказы на убийства и участвуя в политической борьбе. Другие люди называли их «люди-волки» или «люди-собаки», так как они на телах своих жертв оставляли своеобразные метки—укусы. Хочу отметить, что рукопашный бой стиля собаки не имеет к Кэндокам никакого отношения.

Школа Шоу-Дао хранит много притч и легенд. В первую очередь—это легенды и притчи об истории школы и притчи о Великом Мастере. Легенды и притчи позволяли ученикам накапливать опыт «на чужих ошибках», 'за чужой счет», вдохновляли на дальнейшие достижения в самосовершенствовании, помогали приобретать специальные знания по той или иной теме, раскрывали секретные методы, бывшие на вооружении разных кланов, школ и военачальников.

Для иллюстрации бесед, например, о знании учителя использовали притчи с сюжетами типа: «о том, как один воин Шоу разрушил замыслы врага, когда узнал и использовал знание о готовящейся ловушке: когда узнал и использовал знание об уязвимом месте в планах врага: когда использовал знание рукопашного боя в битве» и т.д.

Существуют притчи о «мертвом» (то есть бесполезном) и «живом» (полезном) знании и о том, как эти категории при определенных обстоятельствах меняются местами. К ним относятся притчи о мудреце, который погиб в лесу, так как не знал, как добыть пропитание, и о мудреце, не сумевшем оказать сопротивление вражескому воину и погибшем. Из этих притч делается вывод, что только гармоничное развитие и знания из разных областей делают человека неуязвимым в различных ситуациях.

Легенды, притчи и шутки были важным элементом для пробуждения в ученике способности к «осознанию», о которой будет рассказано позже. Фактически при помощи ряда таких осознаний учителя перестраивали психику своих учеников, фор-

мировали у них мироощущение «школы Спокойствия», уничтожали многие комплексы и установки, с детства заложенные в подсознании ученика.

Физическая и психологическая подготовка школы Шоу-Дао была очень сложна и многообразна. Помимо многочисленных знаний и умений, включающих в себя глубокие знания по медицине, психологии, управлению психической и внутренней энергией организма, последователи Шоу-Дао создали оригинальный стиль рукопашного боя, позволяющий не только защитить в случае необходимости свою жизнь, но и дающий возможность практически неограниченного физического и психического совершенствования человека.

В процессе тренировок обучающиеся проходят три малые ступени, составляющие одну большую ступень обучения; девять больших ступеней, составляющих первый путь; затем переходят ко второму пути и т.д. Ли говорил, что поскольку для прохождения только первого пути требуется около 100 лет, последователь Шоу-Дао обучается специальным методам продления жизни, восстановления клеток (в том числе и нервных) и омоложения тканей. Эти методы включают в себя медитации, различные виды массажа, использование лекарственных трав, систему питания и т.д.

В традиционном китайском варианте даже упражнения первой малой ступени слишком трудны для европейца. Это связано как с недостатком времени, так и с желанием европейцев как можно скорее получить желаемый результат. Европейец стремится изучить сразу как можно больше приемов, китаец же сначала в течение нескольких лет закладывает физическую и психологическую базу для последующего выполнения любых действий и движений (здесь под китайцем подразумевается последователь древних семейных школ у-шу. В современном Китае большинство древних секретов подготовки уже утеряно:

культурная революция погубила многие школы и заставила лучших мастеров покинуть страну).

Приведу один пример. К мастеру одной из школ у-шу пришел человек и попросил принять его в ученики. Мастер согласился и заставил новичка выполнять тяжелую работу. Каждый день мастер жестоко избивал ученика палкой, ничему его не обучая. Через

несколько лет ученик научился так хорошо уворачиваться от палки, что было почти невозможно в него попасть. Только тогда мастер начал обучение. Впоследствии этот ученик тоже стал великим мастером.

Если попробовать отнести стиль рукопашного боя школы Шоу-Дао к какой-либо категории воинских искусств, то скорее всего он займет промежуточное положение между внутренними (Нэй-чиа) и внешними (Вай-чиа) стилями Китая. Дело в том, что Шоу-Дао в равной степени использует как жесткость, так и мягкость, как круг, так и прямую линию, тяготея, впрочем, немного более к внутренним стилям. Основными канонами стиля являются представление о сфере, пронизанной линиями и кругами концентрации внутренней энергии Чи, представление о движении, как о ряде застывших поз, а также чуждая догматике и муштре, основанная на индивидуальных способностях ученика система тренировки. Как философия Шоу-Дао, не отбрасывая мудрость различных религий и верований, выработала свое мировоззрение, так и рукопашный бой этой школы ассимилировал практически все направления боевых искусств, отобрав из них наиболее эффективные и динамичные моменты.

Рукопашный бой школы Шоу-Дао представляет собой медитативное свободное творчество среди необозримого количества приемов в отличие от жестко регламентированных, основанных на ограниченном количестве отработанных в совершенстве приемов школ типа карате и других ортодоксальных направлений.

Однако в Шоу-Дао имеется ряд постулатов, с которых начинается обучение и которые являются краеугольными камнями системы. Это те общие принципы, на которых зиждутся законы движения человеческого тела и его энергии.

Рукопашный бой—не основной аспект учения Шоу-Дао. Он был необходим для поддержания хорошей физической формы, а также позволял в случае необходимости защитить свою жизнь. Помимо великолепного владения воинскими искусствами, последователь школы Шоу-Дао в совершенстве осваивал искусство врачевания, искусство «Вкус жизни» (способность наслаждаться жизнью в любых, даже самых тяжелых условиях), искусство общения,

искусство управления своей психикой и психикой окружающих его людей, а также знания, искусства и ремесла, необходимые для жизни в обществе.

Я пытаюсь перечислить то, из чего складывалось учение Шоу, но было бы неправильно думать, что обучение знанию Шоу-Дао чем-то напоминало университетское образование с набором обязательных и факультативных дисциплин. Все дисциплины сливались и переплетались, усиливая и дополняя друг друга, складываясь в единое целое.—искусство «Вкус плода с

дерева жизни»—искусство и философию самой жизни, искусство выживания, доведенное до совершенства.

Например, изучая рукопашный бой, ученик, одновременно развивал быстроту мышления, решал стратегические и тактические задачи, подобно шахматисту или игроку в го, пытаясь предсказать поведение противника на несколько ходов вперед. Рукопашный бой был великолепным стимулом для развития сверхспособностей, потому что позволял с легкостью моделировать критические ситуации, почти не встречающиеся в обычной жизни, и тем самым, используя состояния крайнего стресса, заставлял человека выйти за рамки своих обычных возможностей.

Медитации, направленные на то, чтобы управлять во время боя своей энергией, энергией противника и его психикой, могли использоваться и для разрешения сложных ситуаций в обычной жизни, но, поскольку в обычной жизни ситуации, требующие применения сверхспособностей, встречаются сравнительно редко, у ученика не было бы стимула усердно заниматься ими—рукопашный бой этот стимул создавал.

Ли называл людей, изучающих боевые искусства только ради самих боевых искусств, воинами смерти и говорил, что будо*—это жесткое искусство воинов, искусство смертников. Это искусство людей, не умеющих мыслить вне рамок, в которые их поместили, и вне предназначения, ради которого их создали. Люди, идущие по пути будо, не следуют настоящему искусству, потому что они предназначены для смерти и, хотя они могут получить удовольствие от смерти, сделать это они могут только один раз.

Последователей Шоу-Дао Ли называл воинами жизни—потому что основной их целью было прожить и использовать дарованную им жизнь целиком и полностью, реализовав все свои внутренние резервы и сделав свою жизнь насыщенной, интересной и полной наслаждения.

Если ученика в будо учили главным образом убивать, то ученика Шоу-Дао в первую очередь готовили к жизни, и в случае, когда последователь будо пытается решить свои проблемы силой, последователь Шоу-Дао использует все возможности для того, чтобы избежать прямой конфронтации, но если невозможно избежать поединка, приходится драться, и искусство убивать в Шоу-Дао также

доведено до совершенства.

* *Будо*—комплекс боевых искусств Японии.

Различие в мировоззрении будо и Шоу-Дао отражается также и на отношениях между учителем и учеником.

В будо учитель полностью подчиняет себе личность ученика, добиваясь этого иногда достаточно жестокими методами.

Наставник Шоу-Дао делает ученика своим другом и братом, потому что подавление личности лишает человека его индивидуальности, способности мыслить и действовать самостоятельно и, в результате, затрудняет процесс обучения.

Школой Шоу-Дао разработан сложный этический комплекс правил и ряд специальных навыков, помогающих последователю Шоу-Дао жить в обществе и в клане. Эти правила и навыки были необходимы человеку для охраны от посягательств на его внутреннюю свободу, они спасали его в сложнейших жизненных ситуациях.

Последователи Шоу-Дао никогда не проявляли излишней агрессивности, но и не стояли на позициях всепрощенчества и отрицания насилия. Мера и порядок во всем—один из принципов школы.

Зло злу—добро: зло добру—двойное зло;
добро злу—двойное зло: добро добру—добро.

Эти принципы имеют дальнейшее развитие и в канонах ученичества, где каждому ученику дается положенная ему толика знания, и пока он не поднялся на ступеньку выше самого себя, он не получает качественно нового знания, так как не умеет с ним обращаться. Целебные зерна знания не должны падать на неблагодарную почву, ибо привносимое в ничто добро становится злом, так как уничтожается и освобождает место для зла.

По представлениям школы Шоу-Дао, для каждого человека существует своя правда, именно та, которая ему приятна, которую он может понять и которая близка его мировоззрению. Учителя Шоу считали, что говорить другую правду человеку— это преступление против него, преступление против правды, которую ты говоришь, и против людей, являющихся носителями другой правды. Последователь Спокойных никогда ни с кем не спорит. Он либо учит тех, кто достоин его учения, либо соглашается с теми, кто стоит на своем, ибо спорить с убежденным бессмысленно, так же как наливать в чашку с чаем новый чай, не вылив старый.

В школе Шоу-Дао положено соблюдать все обычаи

и требования клана, а если человек попадает в другое сообщество лю-

дей, необходимо выполнять любые обычаи того сообщества. Спокойные смогли выжить и сохранить свое учение именно благодаря тому, что внешние проявления никогда не ставились над внутренними, а великая сила спокойствия и твердого рассудка побеждала эмоции и желания первых порывов души.

Однажды я спросил Ли, почему Шоу-Дао, одна из лучших систем жизни, которая учит человека, как быть счастливым и бессмертным, не получила широкого распространения.

Ли сказал, что люди боятся бессмертия и что им нравится болеть.

—Так бывает,—добавил он,—когда одни не хотят брать, а другие не желают отдавать.

— Ну, второе понятно, —сказал я, —а первое?

— Люди боятся сложного и потому упрощают: люди боятся цельного и потому разделяют: люди боятся чужого разума и остаются при своем; люди боятся истории и создают свою; всего берут по кусочку; изменяют, а не дополняют; охотно уходят на ложный путь, который кажется кому сложнее, а кому легче; одно и то же понимают по-разному: хотят, не хотят или завидуют. Нужно ли приводить еще примеры?—спросил Ли.

— Мне показалось, что я понял, но что такое «хотят, не хотят»?

— Очень сильно желать так же вредно, как внутренне не желать, внешне вовлекаясь в поток. Только спокойный познает равномерно и надежно, не забывая о гранях жизни.

(Грани жизни—это, согласно восточной теории пяти первоэлементов, земля—материальное благополучие, огонь—духовное благополучие, дерево—радости жизни, вода—управление, временем и собой и воздух—единение со всем остальным.)

Этика, философия, медицина, как, впрочем, и любой другой аспект учения Шоу-Дао, имеют неразрывную связь с рукопашным боем. Приведу пример, когда, казалось бы, чисто этическая концепция находит использование в боевой ситуации.

Законы школы гласят: «Проявляй уважение к тем, кто достоин его, ибо в этом нет ничего постыдного: проявляй уважение к тем, кто жаждет его, ибо в этом нет ничего трудного; проявляй уважение к тем, кто недостоин его. если это тебе позволят обстоятельства, ибо в каждом есть что-то достойное уважения».

Между внутренним уважением и внешним его проявлением—огромная пропасть. Так, ты можешь уважать врага и должен уважать врага, но последователь Шоу-Дао, даже в случае, если с ним на бой идет ребенок, приводит себя в полную боевую готовность, так как если бы на него в атаку шел опытный воин. Тем самым проявляется уважение к недостойному уважения, ибо этим последователь Шоу-Дао застрахован от неожиданностей.

А вот еще одна философская концепция Спокойных.

В мире нет ничего удивительного, так как в мире все удивительно, и поэтому удивляться чему-то одному—это означает терять картину мира в целом и, следовательно, становиться уязвимым. Только разлитое спокойное удивление окружающим нас миром приносит наслаждение им. заставляет каждодневно ощущать его вкус по-новому и приносит знание о нем.

В мире нет четких ответов, в мире есть лишь желание чего-то. Ты не можешь сказать «да», ты просто желаешь этого; ты не можешь сказать «нет», так как отрицательный ответ—лишь проявление твоих желаний. Если ты не веришь во что-то, это значит, что ты не желаешь в это верить, и это вовсе не значит, что этого нет. То же самое и с твоим желанием верить.

Истинное равновесие между движением и покоем—это спокойствие.

Истинное равновесие между «да» и «нет»—это Шоу.

И философия Шоу-Дао, и рукопашный бой этой школы неразрывно связаны с повседневной жизнью последователей учения Спокойных. Рукопашный бой—это отражение внутреннего состояния человека, и в бою с равным противником решающую роль играют отрешенность и контроль, спокойное созерцание ситуации среди намеренно вызванных эмоций и ощущений. Причем намеренно вызванные эмоции могут быть любыми—от изображения бешеного неистовства для того, чтобы испугать противника, до изображения страха и слез, чтобы обмануть противника.

Довольно грубую и неполную классификацию различных аспектов учения Шоу-Дао можно представить следующим образом:

I. Этико-философская концепция учения, в том числе обоснование смысла жизни, счастья, свободы,

ответы на все известные вопросы человечества.

II. Воинское искусство.

1. Бой без оружия против одного или нескольких, вооруженных или безоружных, пеших или конных противников в любое время года и суток, в любой местности или стихии (вода, огонь, земля, воздух, дерево).

2. Бой с оружием. Изучение десятков разновидностей оружия. классифицирующихся по своей принадлежности к пяти стихиям. Обучение начиналось с искусства владения камнем, веревкой, палками разной длины и хитроумными комбинациями этих природных видов оружия. Через работу с предметами закладывались основы техники движения в бою.
3. Бой против вооруженного противника. Имеются в виду способы взаимодействия в бою группой, а также ведение боя как группой, так и в одиночку против войсковых формирований.
4. Метательное оружие, в том числе арбалет и лук. Все разновидности боя с использованием этого оружия и против него, а также умение метко метать практически любой предмет, уходить от поражения метательным оружием или брошенным предметом. Использование зажигательных снарядов, приспособлений и многое другое.
5. Бой со зверем, а также укрощение, манипулирование и подчинение различных живых существ.
6. Искусство разведки, уловки, хитрости, включающие широкий спектр знаний, необходимый для выживания клана.
7. Военная тактика и стратегия, а также искусство стратегогамм, — построение военной хитрости на основе какой-нибудь идеи. например «уходя-подойти» и т.д.

III. Управление внутренней энергией и ее использование в боевой ситуации и в целях оздоровления.

1. Работа с сексуальной энергией, базирующаяся на упражнениях «спящей собаки» (образ внутренней энергии).
2. Техника «ядовитой руки», позволяющая убивать или парализовать противника легким прикосновением пальца.
3. Развитие экстрасенсорных способностей для обнаружения и предугадывания действий противника и для бесконтактного воздействия на него.
4. Ци-гун Шоу-Дао и использование внутренней энергии для лечения и самолечения.

IV. Общение и управление собой и другими

людьми или «поедание плода с Дерева Жизни» — стройная концепция взаимодействия с другим человеком, группой или толпой людей на физическом, энергетическом, подсознательном, психическом и других уровнях одновременно для достижения определенных целей.

V. Система «Вкус плода с дерева жизни». Как говорят последователи Шоу-Дао, это система, «с помощью которой достигаются все цели». Эта система предусматривает развитие всех органов чувств, тела и различных способностей; управление любыми процессами, происходящими в теле человека, в обществе и в ближайшем его окружении; искусство выживания: формирование оптимистического взгляда на жизнь и соответствующего душевного настроя; искусство наслаждения земными радостями; медитативное осознание жизни и многое другое.

VI. Традиции и ритуалы. Они основывались на системе мы-слеобrazов членов клана и предназначались для преобразования сознания и мироощущения ученика. Сюда входили ритуалы посвящения, ритуалы общения с природой и многое другое.

VII. Медицинские знания.

1. Массаж и самомассаж, контактный и бесконтактный, осознанный и бессознательный, выполняемых человеком или животным, с использованием снадобий и приспособлений, в разных средах (стихиях—вода, огонь, земля, воздух, дерево) и т.д.
2. Медитативные и дыхательные оздоровительные упражнения.
3. Система правильного питания.
4. Использование лекарственных средств растительного, минерального и животного происхождения.
5. Методики омоложения и т.д.

Все это представляло из себя единое целое и часто имело иные формы, не те, с которыми ассоциируются приведенные выше термины у современного человека.

Медицинские знания клана Шоу-Дао были необычайно глубоки и разносторонни. Отношение к здоровью членов клана было очень ответственным.

Как правило, не было болезни, перед которой спасовали бы целители Шоу-Дао. Если же будущему ребенку предстояло с самого рождения стать членом

клана, то забота о его здоровье начиналась задолго до его появления на свет.

Последователи Шоу-Дао еще на том. раннем, примитивно-материалистическом уровне развития своего сознания, обозначая полужыческими символами силы и явления природы, которым не могли дать объяснения, четко и ясно определили все основные правила лечения больных. Придерживаясь образа человека-дерева, Спокойные выделили и основные пути проник-

новения болезни в организм. Болезнь, проникающая через семя.—это заболевания, заимствованные от родителей в скрытой или явно выраженной форме. Путь болезни через корни— это болезнь, попавшая в организм с едой и питьем; через кору и соки— проникшая через кожу и кровь, через ветви и листья— через легкие. Кроме того, изучался дисбаланс стихий и питающих дерево элементов, т.е. огня, воды, земли и воздуха. Каждая из этих категорий сама по себе несла опасность нарушения ритма правильной жизни, и какое-либо отступление от нормы, изменение качества или количества, а также переход из одного состояния в другое уже таили в себе опасность для человека-дерева.

Несколько тысяч наименований компонентов растительного, животного и минерального происхождения использовались в лекарственных сборах. Сбор подбирался индивидуально к каждому человеку и был направлен против всех недугов организма в целом, а не против одной конкретно выбранной болезни. Лишь в крайнем случае, когда того требовали обстоятельства, больного лечили ступенчато, изгоняя из организма одну болезнь за другой.

Последователи Шоу-Дао в борьбе с болезнями использовали самые разнообразные методы. Помимо лекарственных, экстрасенсорных, диетических, массажно-мануальных и рефлексотерапевтических способов воздействия. Шоу с успехом применяли как индивидуальные, так и групповые психотерапевтические воздействия, сеансы гипноза и медитации.

Естественно, что все это называлось по-другому, да и внешняя атрибутика была совсем иной, но для современного читателя более понятны привычные для него термины.

Медицинские знания передавались из поколения старших братьев поколению младших братьев не только практически, но и теоретически, в устной форме. Приходилось выучивать наизусть огромные куски речитатива, посвященные той или иной теме. Неудивительно, что много знаний было утеряно, часть их терялась при переводах с одного языка или наречия на другой. Поэтому из среды Шоу со временем стали выделяться люди, основной целью которых было сохранение медицинских знаний, в те далекие времена несших в себе признаки не только милосердного

спасения от недугов, но и тайного, грозного оружия.

Несмотря на хорошее знание медицины, немногие из клана доживали до достаточно почтенного возраста. Бесконечные кровопролитные стычки с другими кланами, междоусобные войны феодальных правителей уносили много человеческих жизней. Живя в миру, большинству членов клана просто не хватало времени выполнить необходимую для их физического и духовного совершенствования программу, а значит, и освоить более высокую ступень учения. И вновь понадобились Хранители знания. Все знания, в том числе и медицинские, были разбиты на части, и после прохождения первичного семидесятилетнего обучения по общим основам Шоу-Дао ученика посвящали в тайные разделы знаний, в которых ему предстояло совершенствоваться до конца пути, а потом так же передать ученикам. Знание клана стало еще более уязвимым. Если по какой-либо причине член клана должен был мигрировать в другие области или страны, он не мог увезти с собой все знания Шоу-Дао, а оставшиеся на месте не могли воспользоваться теми секретами, в которые был посвящен уехавший или ушедший в другую местность брат. Естественно, что и все находки и открытия в различных областях знания, сделанные на новом месте ушедшим братом, не могли стать достоянием оставшихся.

По причине нехватки времени для выполнения требований учения в отношении упражнений физического, духовного и медитативного плана в Шоу-Дао было введено своеобразное послушничество, по требованиям которого младшие братья брали на себя хозяйственные заботы, приготовление пищи, выращивание съедобных и лекарственных растений. Тогда же последователи Шоу-Дао начали организовывать мелкие поселения, куда приходило лечиться контактировавшее с кланом Шоу местное население. Тогда же были сделаны первые попытки сохранения знаний клана в письменном виде.

Так, по словам моего Учителя, у Учителя его Учителя хранилась уникальная рукопись, посвященная лечению ряда заболеваний путем поселения больного в той или иной местности, даже, скорее, месте, ограниченном пространстве в несколько квадратных метров, где он должен был находиться определенное

время в определенных позах.

Шоу лечили и запахами трав и минералов, и грязевыми ваннами, которые составлялись на основе ряда трав и препаратов животного происхождения. Некоторые лекарства готовились долго и сложно. Например, туша быка, специальным образом приготовленная, напиговывалась растительными, животными и минеральными препаратами, и закапывалась на несколько десятков лет в каком-либо месте, а данные о распо-

ложении этого места передавались младшим братьям вместе с рецептом приготовления из туши лекарства или грязи.

Исключительно интересным был метод лечения «сын неба — дочь земли», связанный как с управлением энергией, так и с методами самогипноза и групповой психотерапии. Больной вводился группой последователей Шоу-Дао в состояние, подобное гипнотическому, в котором он представлял себя малой частью Вселенной, обоеполым зародышем, слившимся воедино с отцом-небом и матерью-землей. После транса, который длился 36 часов, выздоровевший больной приходил в сознание.

Уникальность Шоу-Дао, с моей точки зрения, заключается именно в разнообразии способов воздействия на человеческий организм, в каждодневном совершенствовании и улучшении функционирования как внутренних органов и органов чувств, так и всего организма в целом, а также в постоянных положительных установках, направленных, с одной стороны, на ощущение молодости, причем в ее оптимальном варианте, а с другой—на постоянное ощущение радости бытия и силы жизни.

Помимо моих встреч с Учителем, в книге я попытался описать и другие события, происходившие непосредственно во время моего ученичества и до него, потому что эти события во многом влияли на мои отношения с Ли, и, кроме того, мне хотелось воспроизвести атмосферу того времени—начала 70-х годов, когда сведения о боевых искусствах, помимо традиционных самбо и дзю-до, захлестнули Советский Союз и увлечение боевыми искусствами, приняв характер эпидемии, во многих случаях переходило все разумные пределы.

ГЛАВА I

Увлечение боевыми искусствами захватило меня с девятого класса, когда я записался в секцию самбо при Сельскохозяйственном институте. Впоследствии я начал изучать дзю-до под руководством Игоря Васильевича Бощенко и Вячеслава Ловягина.

К концу девятого класса я впервые услышал о карате и, продав коллекцию марок, купил набор фотографий, сделанных с польского учебника карате, где были показаны основные стойки, удары руками и ногами, разные ударные части. Я очень увлекся этим, тогда еще практически неизвестным и почти мифическим видом единоборств.

Через моего тренера я доставал различную литературу по боевым искусствам, но, в основном, это были книги по самообороне, джиу-джитсу, чехословацкие, немецкие и другие учебники.

На первом курсе института я узнал, что несколько моих бывших одноклассников занимаются карате у легендарной тогда в Симферополе личности по кличке Мишель. Настоящее имя Мишеля было Эльюнси Мухаммед. Он был подданным Туниса и учился в Симферопольском медицинском институте. По словам его учеников, Эльюнси был обладателем высоких титулов в различных дисциплинах будо. Мои друзья—ученики Эльюнси—обучали меня его технике на лестничной площадке одного из жилых домов Симферополя. На лестничных площадках нижних этажей обычно целовались влюбленные парочки, а самая верхняя площадка заменяла нам спортзал. Терпеливые жители дома покорно сносили какофонию звуков, складывающуюся из вздохов и стонов влюбленных и ударов, рычаний и криков, доносившихся сверху. Наши тренировки продолжались долгие часы, иногда до двух-трех часов ночи.

По сравнению с самбо и дзю-до в карате и системе Мишеля меня поражали простота, четкость и эффективность приемов. и сама эта простота и новизна иногда казались одновременно шокирующими и завораживающими.

Тогда-то в полной мере и зародилась во мне страсть к боевым искусствам, потому что спортивное самбо и дзю-до меня давно не удовлетворяли своей усложненностью и тяжеловесностью. Мне захотелось отыскать или создать самому наиболее эффективную систему рукопашного боя.

По городу поползли слухи, что я увлекаюсь карате, и ко мне потянулись многие из тех, кто интересовался боевыми искусствами. У меня появились ученики, и мы тренировались где только возможно—в лесу, в поле, подвале, на улицах, в квартирах, на лестничных площадках.

Потом я познакомился еще с несколькими студентами самых разных национальностей, которые в своих странах изучали рукопашный бой, и обучался у них. Постепенно сформировался устойчивый круг общения среди энтузиастов кунг-фу, карате и представителей других стилей и направлений.

К сожалению, атмосферу, царившую в этом круге, трудно было назвать благоприятной и дружественной. Тут были и соперничество, и самоутверждение, и молниеносно распространяющиеся самые невероятные сплетни и легенды друг о друге. Одну из таких удивительных легенд о самом себе я услышал однажды в поезде от случайного попутчика. Я возвращался из Одессы в Симферополь, и в купе со мной ехал молодой человек с костяшками рук, деформированными от ударов.

Я спросил его, занимается ли он карате, и он, необычайно от этого вопроса воодушевившись, начал мне рассказывать, что он близкий друг Медведева и тренируется у него. К моему удивлению, я узнал, что под Новоромановкой у меня есть тайный подземный город с тренировочными залами, где я обучаю избранных, что другие каратисты и кунгфуисты мне платят дань, и вообще, что я—отец крымского кунг-фу. Рассказ изобилует массой подробностей, например, о тайных ключевых стуках, которые используются для того, чтобы открыть тот или иной канализационный люк, который выводит в определенное место подземного города. Мимоходом он упоминал о каких-то тайных приемах, которые я якобы ему показывал.

Прощаясь со своим попутчиком на вокзале, я попросил его познакомить меня с Медведевым, и он клятвенно обещал мне сделать это. Впоследствии я

несколько раз случайно встречал его в городе, и каждый раз он снова и снова обещал устроить мне встречу с Медведевым, но по каким-то причинам эта встреча всегда откладывалась.

Месяца через три я встретил его в компании общих знакомых, и, выяснив, наконец, кто я такой, он, к моему удивлению, упал передо мной на колени и начал биться головой о землю, умоляя пощадить его. Слегка напуганный такой бурной реакцией, я поспешил его успокоить, сказав, что я только благодарен ему за то, что он так веселил меня все это время и что я не держу на него зла.

До меня периодически доходили десятки самых разных сплетен обо мне, например, что я сумасшедший и для развлечения периодически с разбега головой пробиваю заборы (эта история появилась в самом начале моего знакомства с Ли, когда он действительно показал мне, как в прыжке он пробивает головой забор из толстых крепких досок, и я рассказал об этом своему знакомому, но у меня и в мыслях не было пытаться повторить это самому).

После того, как я рассказал кому-то, что я видел, как иностранный студент в низких стойках проходил под столом и быстро перемещался вокруг его ножек, делая перекаты, появилась сплетня, что во время тренировок я залезаю под стол и кричу не своим голосом.

Тогда я еще не до конца понимал все возможные последствия такой, слегка нездоровой популярности. Ко мне стали обращаться люди с предложением, чтобы я работал на них, оказывая в некоторых случаях довольно рискованные и сомнительные услуги. Теневые дельцы предлагали мне стать телохранителем или заниматься выколачиванием денег из должников. Мне приходилось быть очень дипломатичным, чтобы, с одной стороны, не влезать ни в какие тайные аферы, а с другой стороны, не обидеть людей, имеющих достаточно большое влияние и власть, да к тому же хорошо ко мне относившихся.

Хотя официально считалось, что в те времена в Советском Союзе не было организованной преступности, на самом деле она существовала. Через людей, которые предлагали мне работу, я познакомился с некоторыми влиятельными людьми, и хотя я отказывался сотрудничать напрямую, ссылаясь на учебу, тренировки, больную мать и полную

нехватку времени, я не всегда мог отказаться от приглашения просто прийти в гости и поговорить. Больше всего во время этих посещений меня интересовали книги и журналы по боевым искусствам, которые в то время официально не разрешалось провозить через границу.

Очень интересным моментом моей жизни было знакомство со Славой Скворцовым, достаточно известным в кругах почи-

тателей воинских искусств благодаря своей великолепной физической подготовке, он был кандидатом в мастера спорта по боксу и считался очень талантливым рукопашником. Слава был буквально одержим единоборствами, занимался карате, кунг-фу и всем, что ему еще удавалось увидеть или узнать. Нас познакомил сосед Сковцова, один из студентов сельхозинститута, и через некоторое время мы подружились настолько, что стали практически неразлучны. Мы каждый день тренировались вместе где только могли, а когда он через некоторое время начал работать милиционером, мы использовали для тренировок все охраняемые им объекты, вплоть до крупных административных зданий Симферополя. Впоследствии из нескольких кандидатов Ли выберет именно Сковцова моим напарником.

Группы изучающих рукопашный бой периодически устраивали поединки друг с другом, пытаясь доказать свое превосходство. Иногда такие поединки принимали довольно жестокие и дикие формы, тренировочные спарринги выходили из спортзалов на улицы и превращались в групповые разборки с засадами, «проверками» и избиениями.

Например, в то время было модно «проверять» иностранных студентов—мастеров боя, чтобы выяснить степень их квалификации. Несколько человек вооружались палками, лопатами, обрезками арматуры и, выследив ничего не подозревающего студента, нападали на него в каком-нибудь уединенном месте. Если студенту удавалось с честью выйти из потасовки, его признавали учителем, но обычно он оставался избитым на земле, зачастую с достаточно серьезными травмами.

С одним из таких студентов, выдержавшим испытание, я подружился и некоторое время изучал у него карате. Сейчас я уже не помню, откуда он приехал, но помню его неподражаемый рассказ о том, как он стал чемпионом своей страны (это было где-то в Латинской Америке) по бесконтактному карате.

Звучал его рассказ примерно так:

— Мой папа, моя мама, моя невеста надели свои лучшие одежды и заняли лучшие места на трибуне. Они взяли с собой еду, потому что чемпионат продолжался долго.

Я выхожу на ринг. Мой противник такой мощный и сильный. Мне очень страшно. Он разворачивается и

бьет меня ногой в лицо. Кала летит в одну сторону, я — в другую. Я теряю сознание. Открыв глаза, сквозь слезы я вижу испуганное лицо отца. Мама плачет. Невеста плачет. Рефери поднимает меня, выводит в центр круга и поднимает мне руку как победителю. Я выиграл, так как мой противник применил запрещенный удар.

Со следующим противником произошла почти такая же история, но запрещенный удар он нанес рукой. Снова латинос темпераментно, с забавным акцентом описывал, какой страшный был противник, как плакали папа, мама и невеста.

Два других его противника просто не явились — один отравился грибами, а другой попал в авткатастрофу, и в результате он стал чемпионом страны в своей весовой категории.

Другой очень интересной личностью был негр Фекадо, который изучал различные корейские стили единоборств и одновременно официальное тхэквондо. Фекадо был исключительно приятным и добродушным человеком, с радостью показывал уловки и приемы корейских стилей, будо и некоторых японских направлений.

Что же касается Мишеля, или Эльюнси Мухаммеда, о котором я упоминал ранее, то его было бы трудно назвать приятным человеком даже с большой натяжкой. Мишель был скользким и алчным, умел оказывать психологическое воздействие на окружающих и широко этим пользовался. Некоторых своих учеников он подчинил до такой степени, что они делились с ним даже своими женами. Среди учеников Эльюнси ходили легенды, что их сенсей был потомком самураев (якобы его бабушка была японкой), что он прошел секретную школу будо на океанском лайнере, оборудованном несколькими тренировочными залами, что на этом корабле одновременно изучали технику лайджицу, тайджицу, дзю-до, карате, айкидо, фехтование на мечях, иайдо и еще неизвестно что.

Ходили легенды о его необычайной физической силе, о том, что он ударом руки срубает деревья и демонстрирует прочие чудеса.

Организовав в Симферополе группу из учеников и преподавателей пединститута, где он учился, Мишель обеспечил себе беззаботную жизнь, потому что сокурсники писали за него конспекты и делали контрольные работы, а преподаватели, не спрашивая,

ставили ему зачеты и отличные отметки на экзаменах.

Интересно, что, используя преподавателя до конца и выяснив, что тот ему больше не понадобится, Эльюнси избавлялся от него достаточно оригинальным способом: каждое занятие он, словно бы случайно, наносил ему сильный удар в пах, потом

извинялся, участливо спрашивал о самочувствии и поступал так до тех пор, пока преподаватель сам не переставал ходить на тренировки.

Помимо группы в мединституте у Мишеля была другая группа, не общающаяся с первой и набранная из уличной шпаны. Эта группа помогала Эльюнси в некоторых не совсем законных делах вроде выбивания долгов, но, в основном, занималась фарцовкой и перепродажей товаров, которые Эльюнси получал или привозил из-за границы.

Эльюнси не терпел конкуренции со стороны других преподавателей боевых искусств, особенно русских, и, услышав о каком-либо новом лидере, отправлялся к нему и в спарринге доказывал свое превосходство.

Однажды, как мне рассказали, он услышал легенду о Саше-китайце [мы были знакомы, но он не знал, что это легенда обо мне) и его подземном городе в Новоромановке. Эльюнси надел свои широкие черные штаны, сшитые так, чтобы не мешали наносить удары ногами, и несколько дней бродил по Новоромановке, пытаясь отыскать следы подземного города и нового неизвестного конкурента.

Сильный дух соперничества и желание доказать свое превосходство были свойственны практически всем, кто в те годы практиковал или изучал боевые искусства. Мои знакомые, с которыми я тренировался на лестничной площадке, придумали для себя довольно неприглядную форму игры-тренировки, которая доставляла им большое удовольствие. Они начали отрабатывать приемы и методы психологического давления на совершенно посторонних людях. Желание прочувствовать удар на ком-то в полную силу иногда приобретало маниакальную форму, и они просто избивали людей на улицах без всякого на то повода.

Игра, о которой я упомянул, заключалась в том, чтобы один человек смог психологически подчинить себе и унижить группу людей, подавив в них желание сопротивляться.

Выглядело это примерно так: выбиралась компания гуляющих по городу молодых людей, которые в обычной ситуации не упустили бы возможности подраться. Тот, кто вел игру, оставлял часы и все, что могло бы сломаться во время драки, своим товарищам и, подойдя к группе молодежи,

завязывал конфликт, сильно толкнув кого-то плечом, наступив на ногу или просто не уступив дороги. Когда противники заводились настолько, чтобы вступить в драку, он демонстрировал свое преимущество серией быстрых ударов без касания, остановленной у горла ногой и т.д., давая понять, что с ним связываться слишком опасно. Проявив свое превосходство и агрессивность, он намеренно оскорблял и унижал их, не давая с честью выйти из ситуации и одновременно запугивал до такой степени, что они даже группой не решались напасть на него.

Другой формой тренировок стали драки, провоцируемые на танцплощадках, причем к этим дракам тщательно готовились, закладывая иглы в отвороты одежды, чтобы затруднить захваты, накладывая щитки на голени, предплечья и пах. Но этим занимались в основном школьники старших классов.

Естественно, что волна увлечения боевыми искусствами, мистикой и эзотерическими учениями вызвала пристальное внимание со стороны органов госбезопасности. И если учесть мою довольно широкую известность, не удивительно, что КГБ заинтересовалось мной. Выяснив, что я не занимаюсь никакой противозаконной деятельностью, один из работников Комитета предложил мне преподавать рукопашный бой сотрудникам КГБ и впоследствии сотрудничать с органами госбезопасности еще более тесно. Большую роль сыграли и хорошие рекомендации, данные моим первым тренером по самбо.

Воспитанный в семье ярых коммунистов, я с детства считал своим идеалом Дзержинского и мечтал стать, подобно Абелю, знаменитым советским разведчиком. Поэтому, не оформляя мое сотрудничество с Комитетом официально, я дал согласие работать. Вскоре я получил первое в республике удостоверение инструктора по карате и рукопашному бою, и, если бы не встреча с Учителем, моя жизнь потекла бы по совершенно другому руслу.

В настоящее время я, возможно, был бы отставным офицером Комитета Госбезопасности или сотрудником ФСК.

ГЛАВА II

Вечером, возвращаясь из института, я, как обычно, вышел на улицу Пушкина — наш Симферопольский пешеходный «Бродвей», чтобы немного прогуляться, и направился к центру города.

У перекрестка, недалеко от кинотеатра Шевченко, находилась аптека. Стены ее были отделаны когда-то черным мрамором, поэтому все называли ее «черная аптека», хотя мрамора уже не было и от его бывшего великолепия остались только воспоминания. Я вошел в «черную аптеку», купил витамины для своего приятеля, поболтал со знакомой продавщицей и, выглянув в окно, заметил компанию из трех человек, беседующих около закусочной. Присмотревшись, я узнал двоих—это были мои старые приятели Осин и Рогов. Третьего человека я видел в первый раз. Решив подойти и поздороваться, я вышел из аптеки и окликнул их. Вся компания повернулась ко мне, и тут я впервые внимательно посмотрел на спутника моих приятелей. Он был среднего роста, в потертом костюме, мешковато сидящем на нем, засаленном и лоснящемся на локтях, черной полосатой рубашке не первой свежести с расстегнутым воротничком, и всем своим видом напоминал председателя колхоза, возвращающегося с уборки урожая. По его лицу восточного типа трудно было определить возраст или национальность, но про себя я решил, что это кореец, так как в Крыму было много корейцев. Одет он был довольно легко, учитывая, что был конец октября и многие симферопольцы уже надевали плащи и куртки.

Осин и Рогов явно обрадовались моему появлению. Рогов бросился ко мне, произнося обычные слова приветствия, и вдруг без всякого перехода спросил, не мог бы я помочь их товарищу. Я немного удивился и поинтересовался, что от меня требуется.

— Это мой друг, — с подозрительным энтузиазмом начал объяснять Рогов. — Такой веселый человек, просто с ума можно сойти. Весь день нас смешит. Он приехал из Средней Азии, но еще не успел как следует устроиться, а только забросил чемоданы к каким-то знакомым. Знаешь, он очень хочет, чтобы ты отвел его в пельменную. Он просто достал нас этими пельменями. Можно подумать, что он без них жить не может.

Я был немного удивлен, так как не мог понять, почему человек, который только что увидел меня в первый раз, может хотеть, чтобы именно я отвел его

поестьпельменей, и откуда Рогов это знает.

Тут Осин потянул меня за рукав, отвел в сторонку и прошептал:

— Ради бога, избавь нас от этого «монгола». Привязался, как репей, и все время болтает какую-то чушь.

Я не стал заставлять себя долго уговаривать, так как после института еще не успел поесть и сам не отказался бы от порциипельменей. Поэтому я сказал, обращаясь к корейцу:

— Я с удовольствием отведу вас впельменную. Кореец широко улыбнулся в ответ и мгновенно откликнулся с сильным акцентом:

—Я угощаю.

Это меня вполне устраивало.

Мы попрощались с Осиным и Роговым, быстрым шагом добрались до памятника Ленина, повернули направо, прошли через сквер Тренева и дальше, направляясь кпельменной.

Пока мы шли, кореец неожиданно начал говорить о рукопашном бое и спросил меня, совершенствуюсь ли я в боевых искусствах. В то время этим термином еще не пользовались, говорили только о конкретных видах единоборств—карате, джиу-джитсу, дзю-до, поэтому я ответил, что занимаюсь всем понемногу, что мне интересно изучать все виды единоборств. Я заострил внимание на том, что слова «боевые искусства» мне непривычны.

— Нет, нужно заниматься или спортом или боевыми искусствами,—настаивал кореец.

— Не понимаю, почему обязательно выбирать что-то одно. —возразил я.—Я, например, занимаюсь и спортом и самообороной.

Тогда я не понял, что мой собеседник хотел узнать, чем являются для меня боевые искусства—искусством или спортом.

Я начал рассказывать, что изучаю самбо, дзю-до, карате и другие виды единоборств.

Выяснив, что я ничего не смыслю в высоких материях, кореец быстро перевел разговор на другую тему, мы начали рас-

суждать о самбо и о дзю-до и так за разговорами дошли до пельменной.

Кореец со своим ужасным акцентом заказал три порции пельменей с маслом, и я, решив не отставать от него, тоже попросил три порции.

Потом мой спутник попросил себе порцию бульона и, схватив тарелку так, что большие пальцы его рук утонули в супе, залпом выпил через край содержимое тарелки, громко причмокивая от удовольствия.

Меня слегка покорило, и кореец, заметив мою реакцию, сказал, что надо быть проще и что только простота приносит определенное счастье в жизни.

Проигнорировав тему счастья и простоты, я начал его расспрашивать о боевых искусствах, что он о них знает, занимался ли чем-либо сам и откуда у него такой интерес к единоборствам.

Кореец на это ответил, что раньше он тоже был причастен к изучению разных видов борьбы, но теперь он не занимается этим глупым делом, потому что есть дела и поинтересней.

Сказав это, он откинулся на стуле и закинул ногу на ногу. И тут я впервые обратил внимание на его туфли. В жизни я не видел туфель такого покроя. Они были черными, узкими, с длинными загибающимися кверху носками. Я не мог представить себе безумца, изготовившего такие туфли, и серьезно над этим задумался. Было ясно только одно—они не фабричного производства. Я раньше встречал обувь с длинным узким носком, но чтобы носки туфель были вытянуты настолько, что казались клоунскими и завивались вовнутрь на полтора оборота, почти как у старика Хоттабыча, такого мне видеть еще не приходилось.

Я спросил корейца, где он взял эти удивительные туфли и зачем ему туфли такого фасона, на что он гордо ответил со своим неповторимым акцентом, что такие туфли подчеркивают оригинальность человека и что в определенной среде (тут он сделал многозначительную паузу) это очень модный стиль.

Я молча проглотил это замечание, но был ужасно заинтригован, потому что никак не мог себе представить, что существуют крути, в которых одежда и обувь моего спутника могут быть модными.

Я и сам был одет. прямо скажем, не роскошно. На штанах у меня вечно были заплаты, потому что они быстро протирались от отработки ударов ногами на

улице или в лесу.

Но вид корейца бил все рекорды.

Я снова бросил взгляд на его костюм, на залощенные затасканные рукава, на сальные пятна. Кореец выглядел чрезвычайно неопрятным человеком, явно не уделяющим своей одежде достаточного внимания. Тем более было странно слышать от него какие-то рассуждения о моде.

Я подумал, собрался с духом и спросил:

— Но если вы хотите быть модным, почему у вас такой костюм, явно не первой свежести. В чем же заключается мода? Он высокомерно посмотрел на меня и сказал:

— Это деловой костюм. В таком костюме я встречаюсь с людьми и делаю разные дела. В определенных кругах приняты определенные формы деловой одежды.

— И в каких же кругах приняты такие формы одежды?— поинтересовался я.

— Мы с вами еще достаточно шапочно знакомы, чтобы вас информировать по строго конфиденциальным вопросам мировой значимости. — заявил кореец с абсолютно серьезным выражением лица. Его акцент, казалось, еще усилился, он тщательно выговаривал каждую букву, произнося слова как будто по слогам с ударением на каждом слоге, словно желая подчеркнуть значительность того, что он говорит.

— В чем же заключается мировая значимость?— спросил я, прилагая большие усилия, чтобы не рассмеяться.

— Европейцы всегда проявляют излишний интерес к не своим делам. — по слогам произнес кореец.

Я не обиделся, так как просто не мог воспринимать всерьез все эти безапелляционные заявления. Посмотрев несколько секунд на своего собеседника, я рассмеялся.

Кореец на мою улыбку никак не отреагировал и неожиданно принялся с большой скоростью поглощать оставшиеся на тарелке пельмени.

Я спросил:

— Скажите, как вы все-таки относитесь к разным видам борьбы, или, как вы их называете, боевым искусствам?

— Ну, как вам сказать. — продекламировал он, — есть ритуал и есть форма. Есть также и искусство жизни.

— В каком смысле ритуал, в каком смысле форма и искусство жизни?—спросил я.

—Ну как вам сказать... Я в принципе не надеюсь, что вы поймете.

— Тогда постарайтесь объяснить.

— А стоит ли стараться объяснить, если человек не понимает?

— Ну а вдруг я пойму?

— Вдруг здесь не подходит. Либо я рассказываю и вы что-то понимаете, либо я просто сотрясаю воздух. На все это я ответил:

— Воля ваша, конечно. Но дело в том, что мне действительно очень интересно узнать ваше мнение, и если я не смогу понять, то постараюсь хотя бы запомнить.

Кореец сказал на это:

— Сейчас вы говорите, как мудрец востока.

— Не понимаю, что здесь мудрого, — удивился я.

— А не взять ли нам еще и прелестных пончиков с повидлом, а также кофе?—вдруг, неожиданно оживившись, предложил он.

Я согласился, и мы взяли по три стакана кофе и по шесть пончиков с повидлом.

Мы ели пончики с повидлом, и беседа о возвышенном продолжалась.

— Дело в том, что ритуал,—говорил кореец, жестикулируя рукой с зажатым в ней пончиком и роняя капли повидла себе на рубашку,—дело в том, что ритуал—это тогда, когда два толстых человека встречаются и борются за приз—за женщину или быка. Тогда они должны делать все самое трудное, и при этом наименее эффективное. Если это форма, то один или два человека показывают хвост павлина. Они выглядят красиво, но их основная цель—выглядеть красиво. Если же это—искусство, то один человек живет в трудном мире, и живет при этом хорошо.

— Но вы говорите о жизни, а причем же здесь боевое искусство?—спросил я.

— Если кто-то мешает ему жить хорошо, он просто пробивает ему голову, — с выражением явного удовольствия заявил кореец.

Мы доели пончики и начали пить кофе. Качество кофе явно оставляло желать лучшего, и на его поверхности плавали мерзкого вида пенки.

Кореец набирал кофе в рот и с отвращением сплевывал пенки на стол и на пол, отхлебывая кофе с таким шумом, что люди за соседними столиками поневоле оглядывались на него. Кореец не обращал ни малейшего внимания на окружающих и лишь время от времени менял положение ног, закидывая их одну на другую и демонстрируя всем замысловатый фасон своих туфель. Мысленно я возблагодарил небеса за то,

что среди посетителей не было моих знакомых.

Под конец нашей беседы, когда кофе был почти допит, я задал вопрос:

— А чему же вы все-таки сами учились?

— Меня обучали секретному искусству, — сказал мой спутник,—но об этом искусстве не говорят с первым встречным, даже если он тебя отвел в заведение общественного питания и пожрал за твой счет.

На мгновение я онемел от возмущения и, стараясь казаться спокойным, возразил:

— Но я же не напрашивался, вы сами предложили угостить меня.

— Обидчивость—одна из уязвимых черт, препятствующих воинскому искусству,—с важностью заявил кореец.—Настоящий воин не должен обладать эмоциями.

—А вы—действительно настоящий воин?—спросил я.

— Вы знаете, зависит от того, с какой стороны посмотреть, —сказал он.—На земле я ноль, но в воздухе...

— Как понять «в воздухе»?

— Меня с детства учили воинскому искусству, но меня учили драться только в воздухе.

Это заявление меня окончательно заинтриговало. Мы немного помолчали. Затем, очевидно, заметив, что меня все-таки обидели его слова о том, что он не хочет разговаривать с первым встречным и о дармовом угощении, кореец выдал следующий перл:

— В принципе можно простить иностранцу за плохое владение языком. Мне трудно выражать гладко свои мысли. Я ответил:

— Не так уж бугристо вы выражаете их. Вы же сами предложили угостить меня. Могли бы этого не делать. Кстати, у меня с собой все равно почти нет денег, поэтому считайте, что пропала ваша трешка или сколько вы там заплатили за обед.

— Я не волнуюсь за трешку, —сказал он, —я волнуюсь за твою душу.

— Вы случайно не миссионер какой-нибудь восточной церкви?—спросил я.

—Нет,—ответил азиат,—никакой я не миссионер восточной церкви, я—хранитель великого знания.

— Но это больше напоминает цирк, — заметил я. — И какое же знание вы храните?

— Придет время, и ты, презренный, узнаешь, — отрезал кореец.

— Вот я уже и презренный, — усмехнулся я.

— Я погорячился.

— А как насчет ваших эмоций?

— Какой ты наблюдательный, — азиат захлопал в ладоши. — Но это эмоции, которые внешние.

Некоторое время разговор продолжался в таком же ключе, как вдруг мой спутник неожиданно спросил:

— Тебя вообще интересует боевое искусство? Ты много говорил о нем, но сможешь ли ты непосредственно его воспринять? Немного раздраженно я поинтересовался:

— Куда же мы пойдем его воспринимать на полный желудок?

— Полный желудок — основа воина, — заявил кореец. — Чем полнее середина, тем она крепче.

— Но с полным желудком трудно передвигаться, — возразил я.

Кореец засмеялся, с шумом отодвинул стул, вышел из-за стола и направился в туалет. Я машинально последовал за ним. В туалете он принялся самым тщательным образом мыть руки. Я молча стоял рядом.

— После еды надо мыть руки, — безапелляционно заявил кореец.

— А почему вы не мыли руки перед едой, — спросил я, как-то механически начиная мыть руки.

— Раньше у меня руки были чистыми, они не были жирными. А теперь у меня жирные пальцы. В этой пельменной не моют тарелки. Когда я брался за тарелку, чтобы выпить бульон через край, у меня руки стали жирными, а я не люблю, когда у меня жирные руки.

Я нахально спросил:

— А после туалета руки моют?

— Моют руки перед туалетом, потому что ты можешь всякую гадость себе занести. Я спал с одной девушкой, перед туалетом руки не вымыл, и потом у меня жир с конца капал.

Я посмотрел на него.

— Это розыгрыш? — спросил я.

— Да, это шутка. Ха-ха-ха, — засмеялся он.

— Хорошо, что я знаю этот анекдот, — подумал я про себя.

Кореец вытер руки о штаны, и мы пошли к выходу из пельменной.

Выйдя на улицу, он взглянул на меня и сказал:

—Ты говорил, что на полный желудок трудно передвигаться. Для передвижения, если воину не нужна твердая середина, а нужна легкость, делают вот так...

Тут он засунул даже не два пальца, а практически всю кисть руки себе в рот, отведя большой палец на 90° в сторону, откинулся немножечко назад, нажал второй рукой себе на солнечное сплетение, и его вырвало невероятно длинной струей. Как говорят в таких случаях в Крыму: «блеванул дальше, чем видел».

Рвота, вылившись ему на руку, запачкала рукав рубашки и пиджака и даже затекла внутрь рукава. Кореец выпрямился так, словно ничего особенного не произошло, отряхнул руку, засунул ее в карман и начал демонстративно вытирать о внутреннюю часть кармана.

Я почувствовал себя не совсем хорошо.

Заметив мою кислую гримасу, он протянул эту испачканную руку ко мне и взял меня за рукав, да так цепко, что я не мог ни вырваться, ни отстраниться, после чего произнес:

— Пойдемте, мы побеседуем на эту тему.

Я ощутил непреодолимое желание убежать, но что-то заставило меня остаться. Надо сказать, что я был законченным фанатиком рукопашного боя. В поисках новых систем и интересных приемов я встречался с массой людей, ездил по другим городам, разыскивал специалистов по единоборствам и все, что узнавал, записывал в многочисленные дневники.

В процессе поисков я сталкивался с разными людьми. Среди них встречались и эксцентричные и, мягко говоря, не совсем нормальные, так что я приучился не реагировать на какие-то странные слова или поступки, упорно выясняя то, что меня интересовало.

Человек, который держал меня за рукав, побил все рекорды эксцентричности. Но я не представлял, как дерутся в воздухе. И если кореец не врал, я должен был все увидеть собственными глазами. Я глубоко вздохнул и остался стоять на месте, не делая никаких попыток освободиться, и только подумал о том, что мою одежду нужно будет хорошо постирать.

Продолжая держать меня за рукав, кореец повел меня вниз по улице, за рынок, рассказывая мне по дороге о том, что когда он жил в Корее, у него были братья—воины, обучавшие его

фамильному бою, и был друг семьи—старик-китаец, который обучал его древнему искусству и завещал ему свои секреты.

Все это время я чувствовал определенную неловкость, потому что брезгливость боролась во мне с растущим интересом к его рассказу. Эти переживания были ясно написаны у меня на лице. Было совершенно невозможно вырваться, потому что мой спутник очень цепко держал меня своей грязной рукой. Я думал о том, что просто обязан с честью пройти все это до конца.

Я был одет в голубой китель с якорями, под ним была фланелевая рубашка китайского производства фирмы «Дружба». Вероятно, кореец сумел разглядеть эту нижнюю рубашку, когда я нагибался или еще в какой-нибудь момент, потому что, заговорив о старике-китайце, он перевел тему на китайцев вообще и сказал:

—Вот, у тебя китайская рубашка. Ты должен знать, насколько китайцы хорошие люди. Тот старик-китаец и вообще некоторые китайцы бывают такими же хорошими людьми, как та рубашка, которая надета на тебя.

— Я бы не сказал, что это очень хорошая рубашка, — заметил я.

— Не смотрят на вид, а смотрят на суть.—сказал он. —Она мягкая и ласковая. И, кроме того, теплая. Вот и тот старик был такой же хороший человек, как эта рубашка. Он не имел вид, но внутри он был хорошим человеком. Я вид не имею, но внутри я лучший человек. Лучший человек, какого ты вообще в жизни встречал, кроме, конечно, твоих родителей.

— Откуда вы знаете про моих родителей?—спросил я.

— Это большой секрет. ТЫ узнаешь об этом позже, —сказал он. — Сейчас очень многое для тебя решается. Сейчас очень важный момент в твоей жизни. ТЫ понимаешь?

— Ничего не понимаю.—искренне ответил я. Некоторое время мы шли молча, потом он сказал:

— Если человек такой, как ты увлеченный, он должен понять, откуда приходит настоящее знание.

—Мы с вами даже еще не познакомились,—сказал я.— Может быть. вы скажете, как вас зовут?

—Какая разница, какое имя ты дашь цветку? От этого смысл не изменится. ТЫ можешь называть меня

Грозовая туча на твоём безупречно голубом небосклоне.

— Хорошо, Грозовая туча, — сказал я. — Что же все-таки вы мне хотите сказать и почему я вас так заинтересовал?

— Я сразу вижу человека, который отмечен печатью судьбы. Это редкость, это судьба, это знак великой силы, знак благоволения небес.

— В чем выражается знак благоволения небес? — спросил я.

— В том, что, когда два человека встречаются, они могут беседовать на равных. Мне Сережа Рогов сказал, что тебе нет равных на земле, а мне нет равных в воздухе. Я хочу, чтобы ты меня учил бою на земле, а я буду тебя учить бою в воздухе.

— И где же ты будешь демонстрировать свое искусство, — поинтересовался я, — и вообще, как мы с тобой будем взаимодействовать?

— Это тебя не должно волновать, — заявил он. — А начать мы можем прямо сейчас. Пойдем, ты меня будешь учить. Я хочу стать твоим учеником.

Для меня события явно разворачивались слишком быстро, но тем не менее моя фанатичная страсть к боевым искусствам проявилась и на этот раз, и в первом же переулке мы начали обучение.

Я решил продемонстрировать Грозовой туче первый прием и предложил ему напасть на меня. Он бестолково взмахнул рукой где-то довольно далеко от моего лица.

Я спросил:

— Ты что, не можешь ударить рукой? (То, что он стал моим учеником позволило мне перейти с ним на «ты».) Он говорит:

— Я на земле ничего не могу.

Мне пришлось показать ему первый удар в голову типа цуки. но с подъемом руки вверх и наклоном туловища. Для того, чтобы кореец смог с грехом пополам повторить движение, потребовалось около получаса, но то, что у него выходило, можно было назвать ударом только с большой натяжкой.

Стараясь не показать всю степень его безнадежности, я сказал:

— Да, удары у тебя получаются не очень-то хорошо. А ты когда-нибудь пробовал уходить или уворачиваться от ударов?

— Попробуй атаковать меня, — предложил он. — Я постараюсь увернуться, стоя на земле.

Я атаковал его серией из трех ударов, и, к моему ужасу, все три удара достигли цели. Будучи совершенно убежден, что он хоть как-то увернется, я не очень хорошо рассчитал траекторию удара ногой и неожиданно сильно попал ему в пах.

Грозовая туча с жутко искаженным лицом издал серию воплей, перемежающихся завываниями раненого зверя, покатылся по асфальту, потом встал и вдруг неожиданно спокойно сказал:

— Вот видишь, у меня ничего не получается на земле. Чувствуя внутреннюю дрожь при виде его мучений, я виновато проямлил:

— Ой, Облачко, тебе, по-моему, досталось.

— У облака нету плоти!— гордо выпрямившись, заявил кореец.

Он подпрыгнул высоко в воздух и резко приземлился на пятки, чтобы снять болевой спазм от удара в пах.

— Теперь я буду уходить по-своему. Попробуй еще раз ударить меня, — предложил он. — На земле у меня ничего не получается.

Несмотря на то, что я чувствовал себя неловко из-за того, что так сильно ударил его, где-то в глубине души я ощутил тихое ликование, что хоть чем-то сумел насолить такому неприятному человеку и тем самым слегка отыгаться за все его выходки. Видимо, подсознательно желая продлить удовольствие, тем более, что он сам напрашивался, я резко развернулся и попытался нанести удар хиракен* согнутыми пальцами в горло. Выбросив руку, я неожиданно для себя ощутил пустоту. Исполненный дьявольского желания напасть и окончательно посрамить азиата, я вообще потерял ориентировку, потому что в момент перед атакой я не смотрел на корейца, слегка прикрыв глаза, чтобы не выдать начала движения, потом слишком резко, почти мгновенно, рванулся в его сторону, запомнив его прежнее положение, и мои пальцы ощутили только легкий ветерок. Когда я полностью открыл глаза, автоматически нанося серию ударов в том же направлении, я не увидел перед собой противника. Ошарашенно оглядываясь по сторонам, откуда-то из-за спины я услышал гнусный голосок, который с издевкой произнес:

— Ты что-то потерял, мой маленький друг?

Повернувшись, я увидел Грозовую тучу с ехидной улыбкой на лице и вдруг меня охватила дикая ярость, которая заставила меня практически бесконтрольно нанести серию ударов, начиная с удара наотмашь ребром ладони.

" Хиракен—ударная форма руки, напоминающая лапу

леопарда.

Кореец легко нырнул мне под руку, наносящую первый удар, и с места, почти без толчка перепрыгнул через мою вторую руку. Казалось, взмахом руки он поднял себя в воздух, и мне показалось, что моя вторая рука словно бы прошла через него. Он прокрутился вокруг моей руки только за счет незаметного толчка ногами и взмаха расставленных рук.

Тут же я бросился на него, пытаюсь одновременно ударить двумя руками и ногой, но он умудрился запрыгнуть мне за спину, снова взмахнув для балансировки руками. Быстро развернувшись, азиат сзади запрыгнул на меня верхом.

— И-го-го, лошадка!—услышал я его ликующий крик.

Я кувыркнулся вперед, но кореец самым непостижимым образом сумел оттолкнуться от моих ног. Я ощутил над коленными чашечками толчок его ступней, после чего он нанес мне довольно чувствительный пинок под зад, от которого я не вписался в кувырок и прочертил своим телом длинный четкий след в пыли прирыночной мостовой.

Я поднялся и присел, колоссальным усилием воли подавив волну неконтролируемой ярости, и попытался максимально сократить расстояние между мной и противником. Никогда раньше мне не приходилось видеть такой грации движений уходов от атак. Он, казалось, плыл по воздуху и моему воспаленному, восхищенному и пораженному мозгу чудилось, что он порхает, как бабочка. При каждом моем броске к нему он, начиная движение назад, уходил под разными углами в стороны по меняющимся траекториям, перепрыгивая с ноги на ногу.

В исполнении азиата эта техника выглядела загадочной и волшебной, но, как я узнал потом, на самом деле она исключительно проста.

Здесь я немного отвлекусь от событий того вечера, чтобы дать некоторые разъяснения.

В своих книгах «Кунг-фу. Школа бессмертия» и «Кунг-фу. Формы Шоу-Дао» я описал демонстрацию техники моего Учителя Ли, которую увидел в тот же самый вечер, но немного позже.

Я получил множество писем от читателей, в которых они, не ставя под сомнение сам факт моей встречи с Учителем, не могут поверить в то, что человек в действительности может на таком уровне

владеть своим телом и считают это чуть ли не волшебством.

На самом деле в технике передвижений и прыжков Ли не было ничего более сверхъестественного, чем в корабле, заключенном в бутылке, фокусе по распиливанию женщины или чудесах равновесия китайских акробатов.

Самым впечатляющим было то, до какого уровня мастерства довел Ли теоретически несложную и доступную технику. В прыжках, описанных в моих книгах, Ли также использовал технику взмахов рук, вращения и прыгал иногда таким образом, что его тело оставалось как бы внизу на уровне груди или чуть выше, а ноги описывали длинную дугу с ударами и хлестами.

И когда я (снова возвращаясь к тому вечеру) бросился на него с очередным ударом, он снова выполнил этот трюк, взмахнул руками, и его тело взметнулось ногами вверх, используя в качестве опоры мои руки. Частично он оперся рукой, частично грудью, и, резко закинув ноги вверх, перелетел через меня и оказался у меня за спиной. Я развернулся к нему уже без намерения его атаковать, а просто спросить, как же он все это делает и выразить свое восхищение, но не увидел корейца перед собой. Я вращался вокруг своей оси и чувствовал, что он буквально прилип к моей спине, и, как я не перемещался, избавиться от него я не мог.

В некоторые моменты я чувствовал, как он использует определенные точки моего тела в качестве опоры, чтобы оставаться сзади меня. Я пытался достать его рукой, но он уходил телом или перепрыгивал через нее, опираясь на нее или на бедро поворачивающейся ноги. на туловище или таз. Любую точку тела он мог использовать, заранее предугадывая мои движения и выполняя акробатические трюки сродни тем, которые исполняют на шестах китайские акробаты, но гораздо более сложные по уровню техники исполнения.

—Хватит, остановись, Грозовая туча,—наконец взмолился я.—У тебя великолепно получаются уходы в воздухе, но мне трудно поверить, что, так владея своим телом, ты абсолютно не умеешь драться на земле.

— Меня учили бою только в прыжках, —сказал он без всяких признаков сбившегося дыхания.—Если хочешь, я покажу тебе грань своего искусства.

— Показывай, —согласился я.

— Здесь неподходящее место и еще не совсем хорошее время.

Я не стал уточнять, в каком смысле хорошее или плохое это время, и поинтересовался, куда же мы пойдем.

— Сейчас найдем какое-нибудь подходящее место,—сказал он.

Мы отправились бродить по улочкам, а я начал задавать вопросы. Между делом я вспомнил наш разговор в кафе о связи жизни и боевого искусства и его фразу о том, что, если кто-то мешает жить хорошо, ему просто пробивают голову.

Я не выдержал и спросил:

— Что означает—пробивают голову? Всегда ли нужно препятствующим тебе в чем-то людям пробивать голову? Как это понимали те люди, у которых ты изучал свое боевое искусство?

Кореец сказал:

— Иногда иностранцу достаточно трудно до конца выражать свою мысль, потому что, сказав слово, выражающий еще додумывает до конца свою мысль, которую это слово может и не отражать или отражать не совсем буквально. Если ты хочешь, чтобы мы смогли начать говорить на одном языке, сейчас для нас было бы очень хорошо определиться в общих понятиях.

— В каких общих понятиях?—удивился я.

—Мы с тобой будем учить язык общения. Вот смотри,—и он указал на стену. — Это стена. Когда ты будешь думать о стене, ты будешь думать об этой стене. Посмотри на эту стену очень внимательно.

Не понимая, к чему он клонит, я с полминуты тупо разглядывал стену в переулке, обвалившуюся в нескольких местах, сложенную из отдельных камней, как это принято в Крыму. Это был или бывший дувал или часть забора, огораживающего садик около маленького одноэтажного строения неподалеку от Центрального универмага.

— Ты запомнил эту стену?

— Вроде бы да.

— Мне нужно, чтобы ты воспроизвел образ этой стены, — неожиданно категорично потребовал кореец.—Закрой глаза.

Я закрыл глаза и вдруг, к моему изумлению, передо мной с неожиданной яркостью и отчетливостью возникла эта стена. Я был действительно поражен, потому что раньше у меня никогда не бывало видений

такой силы. Возможно, сказалось мое состояние воспаленного воображения, в какое меня повергали слова и действия человека, к которому я испытывал жгучий интерес и неприязнь одновременно. Еще не исчезло видение стены, как кореец сорвал лист, уже начинающий увядать, с ветки, свешивающейся через стену.

—А вот это лист,—сказал кореец, протягивая его мне. Я взял лист, осмотрел его с одной и с другой стороны, подержал в руках и, все еще не понимая до конца, что же он хочет мне сказать, тупо посмотрел на его лицо.

— А это—водосточная труба, —сказал азиат и, перейдя узкую улочку, подошел к водосточной трубе, свешивающейся с трехэтажного здания и постучал по ней.

— А вот это,.. —начал было он, но тут я не выдержал.

—Подожди,—взмолился я,—я и так знаю, что это такое, для чего ты мне это называешь?

— Вот в этом все вы, европейцы, — с укоризной произнес он. —Вы никогда не слушаете до конца и поэтому не понимаете простейших вещей. Мы учим язык. Язык общения.

Я говорю:

— Да я и так знаю, что это водосточная труба.

— Но ты же не знаешь, что это именно та водосточная труба.

— Какая та водосточная труба?

— Черт побери, это та водосточная труба, которую ты, тупица. будешь вспоминать при слове «водосточная труба», когда я буду говорить с тобой.

—Послушай-ка, дружок,—сказал я.—а тебе не кажется, что мы слишком стеснены во времени, чтобы разглядывать все составляющие окружающего мира и запоминать их образы?

— Времени для постигающего боевое искусство нет, — заявил кореец.—Оно—твоя жизнь.

— Я не согласен,—сказал я.—Мне некогда заниматься всякой ерундой в то время, как, в принципе, хочется заниматься лишь полезными вещами.

—Это не ерунда,—возразил азиат.—Это твое сознание. Человек, который не мыслит, не может запоминать. Человек, который не запоминает, не может учиться. Человек, который не может учиться, не может мыслить. Следовательно, ты—обезьяна.

Я не обиделся на это слово, потому что меня заворожала непонятная логическая цепочка, выстроенная моим собеседником.

Увидев, что я не реагирую на оскорбление, он произнес с издевательски-детскими интонациями:

— Большая-большая обезьяна!

Чувствуя подвох и понимая, что он хочет меня

раздразнить и вывести из равновесия, я, улыбнувшись, сказал:

—А ты—маленькая обезьяна-туча.

— Вот за это я тебя полюбил! —радостно воскликнул он и, неожиданно бросившись ко мне, принялся воодушевленно обнимать и целовать меня, от чего меня чуть не стошнило, потому что еще слишком ярко всплывал в моей памяти образ засунутой в рот руки и длиннющей струи блевотины.

Осторожно высвободившись из его страстных объятий, я спросил:

— Почему же ты меня полюбил?

— Потому что в тебе есть образ.

— Какой образ?

— Ну ты все равно этого не поймешь, ты же еще европеец.

— По-моему, я останусь им по гроб жизни,—засмеялся я.

— Хватит о грустном, —отрезал кореец. — Пойдем, я покажу тебе свое искусство. Я увидел это место.

За разговорами мы прошли несколько перекрестков, и теперь Грозовая туча указал мне на переулочек, в котором находилась бывшая тюрьма, окна которой были заложены ракушечником, что придавало ей сходство с полуразрушенной средневековой крепостью. Нас окружали глухие стены, какие-то задворки.

Кореец подвел меня к тюремной стене, я взглянул на него, и мне показалось, что я вижу перед собой совершенно другого человека.

Время пролетело как-то незаметно, и вечер сменился ночью, озаренной яркой сияющей луной. На улицах почти не было людей. Вдали спешил по своим делам какой-то прохожий. Кореец следил за ним одними глазами, не поворачивая головы до тех пор, пока он не скрылся за углом, а потом посмотрел на меня, став неожиданно серьезным и отчужденным.

Каким-то изменившимся, хриплым и надтреснутым голосом, в котором совершенно не чувствовалось акцента, он сказал:

—Только не бойся, только не путайся, только ничего не пугайся, пожалуйста.

Голос показался мне замогильным.

Я был настолько ошеломлен изменениями, происшедшими с Грозовой тучей, и самой ситуацией, что как-то не обратил внимания на исчезновение

акцента и вспомнил об этом только впоследствии, примерно через два года, когда Ли заговорил со мной на чистейшем русском языке и сказал:

— Сегодня я говорю с тобой без акцента, потому что ты научился слушать меня. потому что именно акцент заставлял тебя внимательно прислушиваться к тому, что я говорю. Теперь я могу говорить с тобой, как с равным. Наконец-то, мой маленький брат, ты стал большим братом.

Но это случилось потом, а тогда я ошеломленно наблюдал какую-то невероятно торжественную перемену в его осанке, в его позе, в его взгляде. Мне показалось, что он вырос. Его костюм, который выглядел таким грязным и отвратительным днем, совершенно преобразился ночью, образовав единое целое с этим непредсказуемым человеком. Исчезли мелкие детали, и осталось только общее впечатление от фигуры, облитой лунным светом, неожиданно ярким для осени.

Мои чувства были настолько обострены, что я ощущал трепетание воздуха, которое можно было сравнить с предгрозовым состоянием, когда воздух кажется вязким и наэлектризованным. Мне почудилось, что воздух застыл вокруг меня, как густая, неподвижная масса, которую ощущаешь, когда движешься в ней.

И это необычное состояние, вероятно, подготовило меня к тому, что случилось дальше.

— Ничему не удивляйся, — снова заговорил кореец. — Стой там, где стоишь. Не сходи с этого места.

Пока он это говорил, руки и ноги у него как будто свело судорогой, и они приняли неестественное положение, странным образом вывернувшись внутрь. Лицо его преобразилось и в полутьме, при свете луны, стало необыкновенно бледным. Из человека он на глазах превращался в нечто, описанию не поддающееся. Из горла корейца вырвался низкий шипящий звук, переходящий в пронзительный визг и затем в едва уловимый свист. Звук странным образом воздействовал на меня.

Я качнулся в сторону, ухватился двумя руками за стену и начал сползать вниз. Было такое впечатление, что кто-то схватил мои внутренности одной рукой, а мозг — другой и пытается вырвать их из меня, причем мозг стремился вверх, а внутренности падали вниз. Веки налились свинцовой тяжестью. Меня вырвало. Огромным усилием воли я заставил себя посмотреть на Ли. Как раз в этот момент его тело, как будто

выпущенное из катапульты, с силой рванулось вверх, перевернулось вокруг своей оси и ударилось о стену на высоте более двух метров. Ли падал вниз головой, но в первое же мгновение столкновения с землей, непостижимым образом оттолкнувшись плечами от булыжной мостовой, он снова взмыл вверх. Каскад поворотов, прыжков, двойных и тройных сальто слился в моем сознании в один хаотический рисунок, до сих пор пламенем бушующий в моей памяти. Неистовая какофония полетов, казалось, длилась вечно. На самом деле прошло всего несколько секунд. Я уже мог дышать более свободно. Руки дрожали. Лоб покрылся испариной. Закончивший свои упражнения кореец снова превратился в обыкновенного человека. Чтобы привести меня в чувство, он ногтем больно надавил мне на точку под носом, а потом, резко наклонившись, через одежду сильно укусил мой живот примерно на расстоянии ладони выше пупка.

От резкой боли я пришел в себя и схватил его за уши, пытаясь оттолкнуть его голову. Уши корейца оказались на удивление мягкими и растягивались, словно эластичная резина. Это ощущение невероятных ушей после всего увиденного волной ударило мне в мозг. и я захотел его о чем-то спросить, сам еще не понимая о чем, но не смог выдать из себя ни звука,

Грозовая туча с усмешкой взглянул на меня и с сильным акцентом произнес:

— Нет, я не инопланетянин, и не надо на меня так смотреть. От этих слов, я, казалось, онемел навеки. Он сказал:

— Посиди, посиди.

Я сидел на асфальте, привалившись спиной к стене и вытянув ноги рядом с лужицей собственной рвоты. Резкий запах рвоты, подобно нашатырному спирту, приводил меня в сознание, но, как ни странно, он не был мне противен. Я словно находился в другом измерении, где отсутствовали нормальные человеческие реакции и ощущения.

«Грозовая туча» застыл на корточках напротив меня, опираясь на всю ступню, как это делают заключенные или разведчики, когда они не могут сесть на холодную землю. Он сидел, склонив голову, вытянув и перекрестив руки и опираясь на согнутые колени. Казалось, что он уснул.

Мне до сих пор вспоминается эта сюрреалистическая картина пустынной улицы,

залитой лунным светом, стена, застывшая фигура азиата, чувство отрешенности и остановившегося времени.

Не знаю, сколько времени мы просидели молча, пока тишину не нарушило кошачье мяуканье. Две бродячие кошки с воплями выскочили из подворотни, явно что-то не поделив между

собой, и разбежались в стороны, предварительно наградив друг друга парочкой оплеух.

Кореец поднял голову, неожиданно мяукнул противным гнусным голосом и вытянул вперед палец, указывая на одну из кошек. Кошка присела, повернула голову и замерла, глядя на него в каком-то напряженном ожидании. Кореец пошевелил пальцем. Кошка, переставив одну из передних лапок накрест с другой, вдруг опрокинулась на спину, перевернулась, лежа повела головой и попыталась отряхнуться.

Кореец убрал палец, и ошалевшая кошка резко вскочила, помчалась вдоль по улице, метнулась к стене и, разбежавшись, в несколько прыжков перемахнула через нее.

Тогда я даже не понял, что произошло. Я просто тупо созерцал происходящее, и факт того, что азиат мог влиять на поведение животных, меня ничуть не порастил.

Эта его способность удивила меня чуть позже, когда он начал мимоходом проделывать такие трюки со всеми окружающими животными—собаками, кошками, даже один раз с лошадью. Правда, лошадь он заставлял не кувыраться, а кивать головой.

Впоследствии он мне объяснил, что секрет этого фокуса заключался в передаче другому существу ощущения движения. Он как бы замещал у кошки или другого животного его ощущения, то есть как бы переносил себя внутрь этой кошки.

Он научил меня до определенного уровня делать подобные вещи с людьми, потому что людям с их аналогичной системой мышления передавать образы гораздо проще, чем чуждым нам животным.

Кореец молча подошел ко мне, поднял меня за рукав и повел по улице. Я понял, что он ведет меня домой, но так и не смог задать вопрос, откуда он знает, где я живу. Он подтолкнул меня под арку перед моим домом и растаял в темноте. Чисто механически я вошел во двор, поднялся по ступенькам крыльца, вошел на деревянную лестницу своего подъезда, поднялся на второй этаж, открыл дверь, вошел, удивленно посмотрел на ужин, оставленный для меня на столе мамой, и, не поев, как был в одежде, упал на кровать и заснул...

Сочный поток родного русского мата разбудил меня поутру. Моя любимая мама мрачным утесом возвышалась надо мной и громогласно излагала все,

что думает по поводу моего пребывания в кровати в перепачканной одежде и ботинках.

— Это же надо быть таким засранцем, как твой папаша, — хорошо поставленным голосом говорила она,—чтобы спать в одежде на чистой постели. ТЫ же даже не снял ботинки. Сколько сил я потратила на твое воспитание. Я учила тебя английскому языку и хорошим манерам. Мне же трудно застилать постель. Я больной человек, а вынуждена ухаживать за такой свиньей, как ты. Это у вас Медведевское, наследственное. Вам бы в свиномникe жить. Твой папа животновод не только по профессии. но и по содержанию...

Я встал и попытался ласково обнять маму, но она отстранилась мощным толчком обеих рук. чуть не опрокинув меня на кровать.

— Посмотри, на кого ты похож, ты должен немедленно вымыться и почиститься,—сказала мама. и только тут я вспомнил то, что случилось со мной этой ночью.

— Как же мне разыскать этого странного человека?—подумал я. У меня возникло тоскливое ощущение утерянной возможности наконец-то обрести Учителя, равных которому я просто не мог себе представить.

Я поехал в институт. Был теплый осенний день, моя любимая погода. Но я мог думать только о корейце и удивительных событиях прошлой ночи. Я попросил старосту группы отметить в журнале, что я присутствовал на занятиях, а сам направился в институтский парк и там, около могилы Болгарева, знаменитого ученого, начал отрабатывать, вернее, пытаться воспроизвести некоторые элементы техники передвижений и прыжков, увиденных мною вчера.

После занятий в институте у меня была тренировка по дзюдо, потом я позанимался с Мухиным, очень перспективным дзюдоистом и моим другом в лесополосе, отрабатывая элементы техники, показанной мне иностранными студентами.

Около восьми часов вечера я поехал домой. Я был уже почти рядом с домом, когда почувствовал легкое прикосновение к своей руке. Обернувшись, я видел улыбающееся лицо азиата.

— ТЫ думал легко от меня отделаться, дорогой друг, — с акцентом сказал он.—это тебе так просто не удастся. Если хочешь, мы можем продолжить нашу

интересную беседу.

Я почувствовал несказанную радость, которая, слишком явно отразившись на моем лице, вызвала поток подкальваний и насмешек Грозовой тучи.

— ТЫ напоминаешь мне щенка, слишком долго ожидавшего хозяина взаперти, — сказал он.

Я был так счастлив, что просто не мог обижаться на этого человека, который за один день настолько покори́л меня своей открытой, непосредственной и непредсказуемой манерой поведения, что я почти сумел адаптироваться к его шуткам и эксцентричности

Мы пошли гулять по улицам, прошли по старому городу до кинотеатра «Мир», беседуя о воинских искусствах. На площадке за кинотеатром он показал мне элементы прыжков, я пытался их, как мог, воспроизводить.

Слегка утомившись, мы присели на лавочку у реки, и я снова задал мучивший меня вопрос о том, как убирает со своей дороги препятствия мастер, продвигающийся к цели. Образ пробиваемых голов слишком сильно поразил мое воображение, и я пытался представить, какую специальную технику использовали для этого.

— По правде говоря, мне трудно привыкнуть разговаривать с человеком настолько необразованным, как ты,—сказал кореец.—Я говорил образно, а ты все воспринимаешь буквально. Пробивание головы—это не реальное действие, а определенное мировоззрение, в корне отличное от того, что принято в вашем обществе. Ты должен научиться мыслить гораздо шире и стараться осознать не форму, а суть того, что я говорю, домысливая то, что остается в тени и вслух не произносится.

Знай же, что будо—это жесткое искусство воинов, искусство смертников. Это искусство людей, не умеющих мыслить вне рамок, в которые их поместили, и вне предназначения, ради которого их создали. Люди, идущие по пути будо, не следуют настоящему искусству. Они предназначены для смерти. Это— люди смерти. Выполняя свое предназначение, они могут получить удовольствие от смерти, но это удовольствие они получают только один раз.

Настоящее искусство — это искусство жизни. Люди жизни устраняют препятствия на своем пути самыми разными способами, но они всегда делают это с наименьшим вредом для себя. Только в крайнем случае воин жизни сталкивается с врагом лицом к лицу, не использовав всех косвенных средств для его устранения со своего пути. В моем понимании, в понимании традиций воинов жизни «пробить голову»

не означает физическое устранение. В первую очередь это ближе к тому, что на западе называют «промыыванием мозгов». Человека можно заставить изменить свои взгляды, направить его мировоззрение в другое русло.

Еще один способ «пробивания головы»—навязать противнику определенные тревожные мысли, сомнения в отношении его жизненной позиции, целей, мировоззрения, его соратников или учения. Внушив сомнения или страх противнику, воин жизни во многих случаях может достигнуть цели, избежав прямой конфронтации.

Кстати, можно воздействовать не на самого противника, а на его окружение, добиваясь того, чтобы это окружение само пробило ему голову, например, изо дня в день оказывая на него давление и тем самым вынуждая его изменить свои цели, неприемлемые для воина жизни.

Неожиданно открывшаяся передо мной перспектива «пробивания головы» без прямого контакта слегка меня ошеломила.

Посмеиваясь, кореец предложил мне самому придумать какие-нибудь ситуации и способы «пробивания головы», и в последующие несколько часов мы оживленно обсуждали эту тему. Азиат просто ошеломил меня каскадом совершенно невообразимых ситуаций и использованием для «пробивания головы» двойных, тройных и т.д. психологических ловушек, которые моему тогда слишком прямолинейному и неискушенному уму показались верхом изощренности и коварства.

Наконец я сказал:

— Все, что ты говоришь, относится скорее к психологии, чем к боевым искусствам. Все эти психологические построения чересчур громоздки и сложны. Неужели воины с такой углубленностью изучают психологию, искусство общения и все то, что этому сопутствует?

— Искусство поединка—не цель, а средство для воина жизни, —сказал кореец. —То, что действительно является настоящим искусством, на постижение которого уходит вся жизнь, — это учение, которое воины жизни называют «Вкус плода с дерева жизни»,—и это искусство, которое включает в себя все аспекты и грани жизни, и дарует воину способность наслаждаться своим существованием и

окружающим миром в любых, даже самых тяжелых условиях.

— Посмотри, как здесь красиво, — продолжал он, широким жестом указывая на реку и окрестности. — Сотни раз ты можешь пройти мимо этой красоты и даже не заметить ее. А ее можно созерцать, ею можно пользоваться для восстановления сил и улучшения своего здоровья и благосостояния, с помощью этой красоты ты можешь заставить врага стать твоим другом,

и ты даже не представляешь, сколько еще применений можно найти этой красоте.

— Неужели это тоже составляющая твоего искусства? — спросил я.

— Да. Но эта система не составляющая искусства. Это — само искусство, позволяющее достичь всех целей, в которые выпущены стрелы.

— Ты снова говоришь на непонятном языке, — сказал я. — Что означают «цели, в которые выпущены стрелы»?

— Это — все то, чего ты хочешь добиться, сделать или понять, — ответил мне азиат.

В моей голове сразу же зароились тысячи вопросов, я хотел спросить о чем-то очень важном, еще точно не зная, о чем именно. Вдруг я вспомнил, что мы еще незнакомы, потому что мой собеседник так и не захотел назвать свое имя.

Я уже заметил склонность корейца уходить от прямых вопросов, отделяваясь общими и малопонятными фразами, и решил все-таки попытаться выяснить то, что меня интересовало.

— Может быть, ты скажешь мне, как тебя зовут? — спросил я.

— А как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Александр.

— Если тебе так важно как-то меня называть, чтобы не напрягать слишком свой европейский мозг. зови и меня Александром.

— Но это как-то неудобно и даже невежливо, — сказал я.

— Основная ловушка для европейцев — это привязанность к форме, — сказал он. — Потому что как не называй человека, сущность его не изменится. Думай обо мне не как об имени, а как о человеке. Люди, которые пользуются многими именами, свободно относятся к ним и используют их как средство, в то время как другие люди используют имена как цель. Используя имя как средство человек расширяет свои возможности, а используя его как цель, человек становится его рабом.

Чтобы объяснить использование имени как средства, кореец привел пример литературных и артистических псевдонимов, когда новое яркое имя затмевает и преобразует личность его носителя или перевоплощает актера в нового человека, когда он исполняет роль и называет себя именем какого-то персонажа. Таким образом, не только человек влияет

на имя, но и имя на человека.

Первоначально, как бы тебя ни назвали, это не оказывает на тебя влияния, однако смысл твоего имени воздействует на других людей, а их отношение к твоему имени в свою очередь влияет на тебя. И это оказывание и одновременно неокказывание влияния порождает ту золотую середину, которая является сущностью любого имени.

Потом кореец заговорил об общении и аромате плода. Он сказал, что имя — это одна из составляющих аромата плода.

—А что такое плод?—спросил я.

— Это тот самый плод, который мы едим. Это— жизнь. Но поскольку это наша жизнь, то частью плода и олицетворением плода являемся мы сами.

— Что входит в аромат плода?

—Аромат плода складывается из мнения о тебе. твоего внешнего вида, запаха, из того, что ты сам думаешь о себе и из того, что думают о тебе другие. Аромат плода—это слухи, которые ты распространяешь о себе, воздействуя тем самым на своего будущего врага или союзника, или просто на человека из толпы.

Формируя аромат плода, ты одновременно воздействуешь и на себя и становишься человеком, который отражает аромат плода. Из всех ароматов других людей ты выбираешь те, которые тебе больше по душе и пытаешься в той или иной форме приспособить свой аромат под окружающих. Таким образом, ты во многом—лишь отражение всех. Но и в этом отражении ты неповторим.

В тот вечер я узнал много тайн непрямого воздействия на людей и окружающий мир. но это тема для другого разговора.

ГЛАВА III

Полночные прогулки с Ли стали традицией. Я встречался с ним около одиннадцати-двенадцати часов ночи иногда в каком-нибудь парке, иногда у памятника Ленина. Мы ходили по опустевшим улицам, описывая большие круги по городу, и беседовали на разные темы. Эти беседы подготавливали меня к восприятию учения Шоу-Дао и, одновременно, являлись своеобразной проверкой, чтобы понять, подхожу ли я в качестве ученика.

Беседы начинались самым обычным образом, мы говорили о каких-то событиях минувшего дня, потом, сама по себе, всплывала какая-нибудь отвлеченная тема для разговора. Однажды, не помню почему, я рассказал Ли о том, что собираю пословицы, поговорки и народные песни, потому что в них заключена народная мудрость и опыт, которые могут помочь лучше ориентироваться в жизни.

Ли засмеялся и сказал в свойственной ему манере все ставить с ног на голову:

— Это не мудрость, это человеческая глупость. Все изречения любых людей—это частица глупости. Так называемые мудрые изречения—только осколки истины, настолько крошечные, что они перестают эту истину отражать и, являясь искажением истины, становятся ложью. Истина потому и недостижима, что она многогранна, и только все, собранное в единое целое, совмещенное со всех сторон, включающее в себя все грани жизни позволяет создать представление о ней. Существуют две стороны медали, но истина всегда заключена между ними.

— Но ведь не могут быть глупостью все до одной пословицы и все изречения мудрецов. Иногда встречаются довольно здравые мысли,—возразил я.— Большинство людей считают, что в них действительно заключена мудрость, и ссылаются на них. Конечно, есть довольно глупые изречения и пословицы, но в основном они кажутся не лишенными смысла.

—Ты сам ответил на свой вопрос,—сказал Ли.—Изречения, пословицы или поговорки именно кажутся не лишенными смысла, хотя многие так называемые «мудрые изречения» доходят до идиотизма в своей погоне за формой и рифмой, за внешним блеском или за «острым словом».

Используя твои любимые поговорки, можно сказать: «ради красного словца на пожалеешь и

родного отца»—ради формы убивается истина. Это свойственно человеку. Ради внешнего теряется внутреннее. За формой исчезает суть. Ради истинной веры строят храмы, которые ее погребают. Религия умирает в замке из камня. Возникает ситуация, когда ритуал заменяет ум, заменяет суть, мысль, чувства, когда следование за лозунгом подменяет смысл самого лозунга, и лозунг, вырванный из контекста учения, становится палачом учения, кинжалом, который это учение убивает.

Ли предложил мне называть различные пословицы и тут же объяснял, в чем заключалась глупость каждой из них и почему в большинстве случаев они неприменимы из-за того, что не полностью освещают ситуацию. Он сказал, что каждая пословица относится к определенной конкретной ситуации, которая ее породила, и что она демонстрирует только один способ взгляда на мир.

—Мало того.—сказал Ли.—что этот опыт народа, так называемая народная мудрость на самом деле не является мудростью. она еще больше обесмысливается тем, что власть имущие, то есть само общество пытается задавить, уничтожить те крохи знания и опыта, которые не выгодны для этого общества и власть имущих и которыми может воспользоваться человек, пытающийся выжить в этом обществе и существовать с максимальным комфортом и радостью для себя.

Чопорное общество отвергает ту сторону медали, которая не отвечает его внешнему лоску и оставляет только выгодные для него пословицы и изречения.

Именно эти, официально одобренные изречения печатаются в книгах и учебниках, о них в первую очередь узнают дети, и эта односторонняя, вырванная из контекста «народная мудрость» засоряет мозги детей, и так само общество формирует людей, заранее ущербных и не готовых к реалиям жизни.

— Назови какую-нибудь тему, —предложил он, — и вспомни пословицу на эту тему, но не официальную пословицу, а такую, которая распространяется скорее как шутка.

—Работа.—сказал я.—вот мы сейчас с тобой болтаем, а завтра мне надо встать в 7 часов утра и ехать на натяжку шпалер на винограде (это было что-то вроде «картошки», работа, на

которую должны были выезжать студенты, но в сельхозинституте она называлась «сельхозпрактика» и включалась в учебный процесс).

— Наверняка ты помнишь про работу несколько нелицеприятных пословиц, — сказал Ли, — тех пословиц, которые у всех на слуху, но не вписываются в ряд официально признанных поговорок типа «без труда не вынешь и рыбку из пруда».

— Кто на работает, тот не ест, — подхватил я.

— Это не пословица, а лозунг большевиков и их идеологическое оружие. Если хочешь еще одну официальную поговорку

— пожалуйста: «никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». А теперь вспоминай неофициальные варианты.

— Если хочется работать, ляг, поспи, и все пройдет.

— Это скорее присказка-речитатив, чем пословица. Подумай еще.

— Работа не волк, в лес не убежит.

— Вот это настоящая народная пословица, — похвалил меня Ли.—И эта пословица показывает другую грань, другую сторону медали, противоположную официально принятой. Ни одна из этих граней не отражает истину, и народная мудрость только тогда может быть мудрой, когда она предлагает два выхода. В данном случае, с одной стороны— работа, с другой— отказ от нее. Здесь предлагаются две крайности, разные взгляды, но истина всегда лежит посередине.

Я расскажу тебе древнюю притчу о труде и безделье, которая отражает противоположные представления о работе и которую можно трактовать по-разному...

Встретились однажды в пути два монаха и, чтобы скоротать время, затеяли разговор о труде и безделье.

Один из них утверждал, что в поднебесье лишь труд в почете, другой же настаивал на том, что люди больше ценят лень и безделье.

Спорили они, спорили и решили обратиться к первому встречному, чтобы рассудил их и сказал, кто из них прав, а кто —нет.

Смотрят—идет по дороге крестьянин. Подошли к нему монахи и попросили стать судьей в их споре.

Крестьянин не заставил долго себя уговаривать и велел монахам задавать ему вопросы по очереди.

— Дорог ли тебе твой труд?—спросил крестьянина первый монах.

— Мне-то он дорог, а вот людьми не ценится.

Тяжек мой труд, но платят за него мало, —ответил тот.

Настала очередь второго монаха задавать вопрос.

— Если бы ты имел выбор — работать или не работать, в обоих случаях получая одинаковый доход, чтобы ты предпочел?—поинтересовался он.

—Я сделал бы то, что и любой другой смертный на моем месте, —ответил крестьянин.

—А если бы все были трудолюбивы, захотел бы ты жить в таком мире?—спросил первый монах.

— Если бы все любили труд, то никто не хотел бы его облегчить. Нет, не хочу я жить в таком мире.— сказал крестьянин.

Так и проиграл спор трудолюбивый монах. Надо было ему задавать другие вопросы...

Долго еще Ли говорил об отношении к работе воинов жизни и объяснял мне, как они, избегая крайностей, находят в этом конкретном случае свой передний путь». Вкратце это сводилось к тому, чтобы работать и не работать одновременно, выполняя только то, что действительно необходимо сделать, не затрачивая времени на ненужные усилия: необходимую работу выполнять как можно лучше и быстрее, доводя это выполнение до совершенства, и одновременно использовать работу как упражнение по саморазвитию и извлекать из нее наслаждение интеллектуальное—от выбора наилучших решений, эмоциональное, так как это входит в упражнения Вкуса жизни и физическое от того, что тело укрепляется и тренируется в процессе правильно выполняемой работы.

Ли дал мне несколько рекомендаций, которые я должен был использовать на следующий день, натягивая проволоки шпалеры на винограднике.

Если раньше я на этой работе, как и все городские студенты, старательно сачковал, следуя народной (правда уже советской) мудрости: «где бы ни работать, лишь бы не работать», то после разговора с Ли я выполнил почти три нормы, потому что его советы полностью переменили мое отношение к работе, которая из скучного, монотонного, бессмысленного труда среди холода и грязи превратилась в увлекательное упражнение, требующее предельного внимания и концентрации.

Я натягивал проволоку не двумя руками, как раньше, а одной, четко закручивал крепления: следуя

указаниям, принимал определенные позиции, контролировал мыслительный процесс, исключая постороннее, и направлял его на созидание

и совершенствование моих движений и стоек. Надо сказать, что никогда раньше я не испытывал такого наслаждения от работы, которое я почувствовал тогда, стоя по колено в грязи. но ощущая, как растет мое искусство и самоконтроль.

Впоследствии я научился любую тяжелую работу превращать в упражнение и выполнять ее с удовольствием и легкостью за счет психологической ориентированности на совершенно другую деятельность.

Одним из краеугольных камней учения Шоу-Дао является формирование у ученика навыков превращать вообще любой вид деятельности в упражнение по самосовершенствованию; занимаясь чем-то, находить интересные аспекты в этой деятельности, устраивать соревнование с самим собой и т.д.

Но вернемся к обсуждению пословиц. Объяснив мне, как я должен буду работать на следующий день. Ли неожиданно сказал:

— Помнишь пословицу: «нужно, как телеге пятое колесо». А теперь скажи мне, когда телеге действительно нужно пятое колесо.

Я, неожиданно для самого себя, словно по наитию ответил:

— Когда оно рулевое. Телега с пятым колесом превращается в автомобиль.

— Знаешь, почему я общаюсь с тобой? Потому что у тебя нестандартное мышление. —сказал Ли. —Ты совершенно прав. Телега с пятым колесом—это телега принципиально другого уровня. Человек со стандартным мышлением не способен оторваться от конкретных образов, конкретных связей, он всегда идет по привычному, легкому пути, который заводит его в тупик. Такой человек не думает сам, он ищет готовые решения и рецепты, которые предлагают ему родители, общество и авторитеты. Пословицы—один из таких рецептов. Гораздо легче считать, что пятое колесо в телеге абсолютно ненужно, чем изобрести автомобиль. Люди с нестандартным мышлением встречаются достаточно редко и уже поэтому представляют собой ценность.

Общество определяется его отношением к пословицам. В тоталитарных обществах вам предлагают пословицы только одной стороны, в демократическом обществе могут сосуществовать две

стороны одной и той же мудрости.

Но существуют и общества третьего типа. Они малочисленны, и члены этих обществ следуют так называемому срединному пути. Это путь избранных, путь тайных кланов, путь людей, наиболее мудрых именно потому, что они не разделяют и не отстаивают ни одну из существующих точек зрения, объединяя их в одно целое и находя истину в виде результирующей всех возможных взглядов на мир, знаний и учений. Срединный путь, которому они следуют, можно назвать результирующей всех возможных путей, и потому это путь истины.

Любой путь, любой лозунг, любую идею можно извратить и превратить в ничто, если возвести ее в культ и доверить претворение идеи в жизнь людям, которые будут на ней паразитировать.

Самая гуманная и самая лучшая идея превращается в свою противоположность, когда группа людей обращает ее себе на пользу, и тогда эта идея становится средством угнетения для всех остальных.

Именно поэтому плановый путь является способом выживания для немногих—самых умных и самых лучших людей. Конечно, любой человек со стороны может сказать: «Они считают себя самыми умными и самыми лучшими, это обыкновенный снобизм».

На это можно ответить лишь одно: люди клана идут по пути хоть какого-то самосовершенствования, одновременно развивая себя и совершенствуя все грани своей жизни, чтобы стать мудрыми, счастливыми и свободными, в то время как другие не заботятся об этом и совершенствуют либо свою карьеру, либо свой достаток, либо внешние формы поведения или жизни.

Только истинный воин жизни заботится о той неуловимой, зыбкой нити, которая проводит его по срединному пути, и он чувствует себя комфортно вне зависимости от тех ситуаций, которые возникают вокруг. Мудрость воинов жизни заключается в том, что они прилагают минимум усилий, всегда минимум усилий для достижения цели, потому что применять больше усилий, чем это необходимо, — глупо и неэффективно, ведь за излишние усилия ты расплачиваешься своей собственной жизнью. Затрачивая лишние усилия, лишние эмоции и чувства, человек сам загоняет себя в ловушку, из которой потом часто не находит выхода.

Воин жизни живет легко, выбирая оптимальный путь, но при этом не полагаясь на случай, а используя его.

— Это звучит очень красиво, — сказал я. — Но как научиться выбирать оптимальный путь и как узнать, что этот путь действительно оптимальный, а не только кажется тебе таковым? Люди, принимая решения, обычно думают, что они по-

ступают наилучшим образом, потому что мало кому захочется действовать глупо и неэффективно.

—Стрела, выпущенная из лука, летит по параболе,—сказал азиат. —Капля воды, падающая из крана, движется по прямой, потому что такова природа, и сама природа выбирает за них оптимальные траектории. Человек, научившись мыслить, потерял свою истинную природу и больше не может отличить правду от лжи, правильный путь от пути гибельного, добро от зла, полезное от вредного, мудрость от глупости.

— А как воин жизни отличает одно от другого?—спросил я.

— Это делает не его разум, а его природа. Как перелетная птица чувствует направление полета, так и воин жизни учится слушать голос своей природы, который подсказывает ему правильный выбор. С помощью упражнений он вырабатывает в себе некоторое специфическое чувство, которое направляет и ведет его. Это чувство называется внутренней силой.

—Какими упражнениями вырабатывают внутреннюю силу?—спросил я, страшно заинтригованный новым понятием.

Кореец засмеялся.

—Твой европейский ум опять хочет получить все сразу и как можно быстрее.

— А разве это не оптимальный путь?—тоже рассмеявшись, спросил я.

— Это как раз ловушка. Как говорится в пословице: «Тише едешь—дальше будешь». Несмотря на то, что внешняя форма пословицы крайне глупая, в данном конкретном случае она применима. Внутренняя сила— не то, о чем можно говорить. Ее либо чувствуешь, либо не чувствуешь, но даже если тебе кажется, что ты ее чувствуешь, это может быть совсем не так, потому что среди тысяч чувств нужно уметь различать истинное чувство.

Увидев недоумение на моем лице, кореец с наслаждением расхохотался.

Я понял, что он уже поддразнивает меня.

— Может быть, ты все-таки расскажешь мне о внутренней силе,—продолжал настаивать я.—Обо всем можно говорить, если только захотеть.

— Ладно, —сказал кореец. —Я проверю тебя еще раз. Если ты пройдешь испытание, мы поговорим о внутренней силе.

— Какое испытание?—спросил я, слегка

испугавшись.

— Очень простое. Я расскажу тебе притчу, а ты объяснить мне ее смысл. Если твое объяснение окажется правильным, значит, ты готов говорить о внутренней силе.

— Согласен,—сказал я.

— «Испытание змеями», —сказал он. —Эта притча называется «Испытание змеями». Она очень древняя, и войны жизни в течение тысячелетий рассказывают ее своим ученикам, но никто из учеников не смог правильно истолковать ее. Слушай.

«...Однажды к патриарху клана воинов жизни привели несколько юношей, желающих постичь «Вкус плода с дерева жизни», и попросили назначить им испытание. Мудрейший повелел выкопать неподалеку от своего жилища несколько ям и поместить туда испытуемых. В каждую яму бросили по змее. Спустя некоторое время Мудрейший со своими учениками пошел взглянуть на юношей.

В первой яме сидел юноша с бледным, окаменевшим от страха лицом. Он прижался спиной к земляной стене, и ничто не могло заставить его двинуться с места. Посмотрев на испытуемого, Мудрейший сказал своим ученикам:

— Этот человек не сможет постичь учение Спокойных, так как по природе своей он жертва и всегда будет отдаваться на милость победителя. Ему предстоит затратить много усилий, прежде чем он научит помыслы повелевать телом.

Вторая яма оказалась пуста, так как подвергшийся испытанию юноша в страхе выскочил из нее и убежал. Посмотрев в яму. Мудрейший сказал:

—Тот, кто сидел здесь, не сможет постичь учение Спокойных, так как по природе своей он трус и трусливые помыслы владеют его душой и телом. Такой человек не сможет быть даже воином.

В следующей яме Мудрейший с учениками увидели торжествующего юношу, с гордым видом сидящего над убитой змеей. Мудрейший грустно покачал головой и сказал, обращаясь к своим ученикам:

— Тот, кто сидит в этой яме, совершил поступок воина, но он еще не готов к постижению мудрости Спокойных, так как его телом управляют помыслы хищника и он не способен видеть картину мира.

В четвертой яме сидел испытуемый с отрешенным лицом, а недалеко от него ползала змея.

— Этот юноша. — сказал Мудрейший, — видит картину мира, но у него разум аскета, а значит, он не сможет жить в

гармонии с окружающим. Рано ему еще постигать учение о Спокойствии, так как пренебрегает он жизнью и не заботится о теле.

— Неужели никто из испытуемых не сможет следовать по пути Истины?—спросил один из учеников.

— Не следует,—ответил. Мудрейший,—спрашивать, когда знаешь, что ответить, ибо это ведет к лени ума и беспомощности в жизни. Не следует,—продолжил он затем,—препятствовать естественному ходу вещей, ибо, проявляя нетерпение, ты теряешь картину мира.

С этими словами устремился Мудрейший к последней яме, в которой увидел юношу без тени смятения на лице и с улыбкой на губах. Змея также не показывала никаких признаков беспокойства, хотя и находилась невдалеке.

Молча отошел Мудрейший от ямы и, лишь войдя в дом, сказал ученикам:

— Видеть картину мира и жить с ним в гармонии, не препятствовать ходу вещей, но управлять их течением—разве это не истоки Спокойствия? Завтра утром прошедший испытание станет вашим братом...»

Корец замолчал и посмотрел на меня. Я тоже молчал, пытаюсь догадаться, в чем состоит испытание и где таится скрытая ловушка, а в том, что такая ловушка есть и, возможно, не одна, я не сомневался.

Азиат рассмеялся и скорчил рожу, пародируя мои усиленные раздумья.

—А теперь объясни мне, в чем заключается смысл этой притчи,—сказал он.

Понимая, что ответ слишком прост для того, чтобы быть правильным, но не видя другой альтернативы, я начал хвалить последнего испытуемого, восхищаясь его спокойствием, самоконтролем, управлением эмоциями и умением жить в гармонии с окружающим миром.

Корец слушал меня с серьезным видом, одобрительно покачивая головой, и я, осмелев, принялся рассуждать об особенностях психики последнего ученика и о предпосылках, необходимых для того, чтобы стать воином жизни.

Когда я закончил и вопросительно посмотрел на своего собеседника, он похлопал меня по плечу и, с заметно усилившимся акцентом, сказал:

— Красиво говоришь, прямо как настоящий

ученый европеец. Но тут ты промахнулся. Угадав про пятое колесо в телеге, ты доказал, что достоин быть моим учеником, и ты мой ученик, ибо есть много вещей, которым я могу тебя научить. Но если бы ты сразу понял смысл этой притчи, ты не был бы моим учеником, потому что мне было бы нечему тебя учить—умом ты был бы равным мне.

Он замолчал, с улыбкой ожидая моего вопроса.

Конечно же я спросил:

— А в чем заключается смысл притчи?

Азиат выдержал паузу, явно наслаждаясь моим нетерпением.

—Смысл притчи очень прост,—сказал он.—Воин жизни никогда не стал бы сидеть в яме с ядовитой змеей—для этого он слишком любит жизнь и не терпит напрасный риск. Последний испытуемый знал, что змея в яме была не ядовитой. Он обладал знанием, и это знание давало ему спокойствие.

Я почувствовал себя обманутым. Объяснение, конечно, было логичным, но выглядело как-то некрасиво и слишком примитивно.

— А как же второй юноша, который убежал?—спросил я.

— Этот юноша проявил трусость. Он позволил страху завладеть его душой и покрыл себя позором.

—А воин жизни выскочил бы из ямы, не покрывая себя позором?

—Все не так просто,—сказал азиат.—Не думаю, что ты поймешь, но все-таки попытаюсь тебе объяснить. Существует истинное и ложное знание. Истинное знание доступно лишь единицам, для всех остальных людей существует только ложное знание, но и эти единицы прежде, чем прийти к истинному знанию, впитывают в себя ложные знания, возвращаясь к ним, видоизменяя и совершенствуя их.

Система знаний воинов жизни—ее называют «жемчужной пылью» или «искусством поглощения жемчужной пыли»—делится на две части: на искусство поедания жемчужиной пыли и на искусство кормления жемчужной пылью, или, как его иногда называют в более мягкой форме, угощения жемчужной пылью. Жемчужная пыль включает в себя все ложное и истинное знание, причем ложное знание доминирует над истинным знанием, отражая при этом многие его черты.

Подготовка ученика начиналась с угощения его ложным знанием. Это угощение ложным знанием

развивало его, помогая переходить к более сложным формам обучения, и одновременно выявляло основные склонности и способности ученика,

позволяя учителям выбирать для него наиболее подходящее направление обучения.

Жемчужное дерево воинов жизни разрослось настолько, что наступил период, когда стало невозможно найти достаточное количество учеников, способных полностью овладеть знаниями клана. Воины жизни выработали определенные основы, которые назывались корнями дерева жизни, и когда ученик постигал корни, он мог специализироваться по одной из его ветвей, изучая более углубленно медицину, философию, воинское искусство или что-либо еще.

Корни и ветви жемчужного дерева жизни базировались на ложном знании, потому что были только частью целого и отражали истину, искажая ее. Пусть тебя на вводит в заблуждение терминология— слова «ложное знание» не означают, что это знание было плохим, ненужным или вредным. Наоборот, период поглощения ложного знания стимулировал у ученика жажду самосовершенствования, учил его самостоятельно думать и чувствовать.

Притчи относились к корням жемчужного дерева и по сути своей являлись ложным знанием, но, несмотря на это, для многих учеников притчи были своеобразным откровением, таившим в себе нечто новое и неожиданное. Каждая притча имела десятки толкований, и каждое толкование притчи давалось ученику на новом, более высоком этапе его развития.

Ученик, услышавший притчу впервые, очаровывался ее красивой формой. Первое, самое очевидное, но новое и интересное для него толкование давало импульс к самосовершенствованию. Так, в случае притчи об испытании змеями у ученика появлялось желание подражать последнему испытываемому и добиться такого же спокойствия духа, интуитивного познания мира и слияния с природой. Эта притча возвеличивает человека, следующего по пути клана, ставя его над другими, —и для ученика, только начинающего свой путь. мощнейшим стимулом является желание стать таким же сильным и совершенным.

Когда ученик поднимался до уровня, когда был способен управлять своей психикой и добивался спокойствия духа, ему снова рассказывали ту же притчу, но в этот раз акцент делался на том, что для воинов жизни очень важны специальные знания, и

лишь человек, обладающий этими знаниями, может по-настоящему контролировать ситуацию, то есть, помимо идеи духовного самосовершенствования, подчеркивалась важность знания как такового. Это был этап, когда первоначальное, интуитивное обучение практически заканчивалось и требовалось обучение более конкретное.

Толкуя притчу, ученику говорили, что последний испытываемый просто знал, что змея не ядовита, и поэтому проявлял такое спокойствие, и объясняли, что спокойствие знания гораздо благоприятнее и комфортабельнее для человека, чем спокойствие за счет психической саморегуляции, потому что для достижения этого состояния требуется затратить большие усилия. Знание облегчает жизнь человеку и освещает его путь.

На следующем этапе обучения снова толковали ту же притчу, снова ставя все с ног на голову, и в этот раз говорили о том, что в клан был принят убежавший ученик, и что этот ученик оказался наиболее ценным для воинов жизни.

Новое толкование объясняло, что официально принятый ученик не всегда становился членом клана и что прием в клан на самом деле не может быть связан с какими-то внешними испытаниями. Что человека отбирают заранее мудрые учителя клана, и отбирают только того, кто им нравится и кто им нужен.

Убежавший ученик оказывается не трусом, а человеком, который был заранее принят и предупрежден о том, как он должен себя вести. Этот ученик перешагнул через свою гордость, публично покрыв себя позором, но потом он пришел в скрытую обитель и стал со временем тайным воином клана, воином ночи. человеком, о котором знали только посвященные клана. или, как их называли, Хранители знания.

Воины ночи были наиболее всесторонне подготовлены в воинских искусствах и составляли, если можно так выразиться, тайную полицию клана, выполняя наиболее ответственные поручения Хранителя знания. Четыре или пять воинов ночи составляли так называемую «руку» Хранителя знания. По традиции создавали несколько «рук». члены которых были незнакомы друг с другом, и две-три руки. состоящие из воинов, знающих друг друга. Руки или объединения рук использовались для проведения

тайных операций клана, и, несмотря на свою малочисленность, отряд воинов ночи мог по эффективности превзойти иногда целую армию за счет своего высочайшего профессионализма .

Далее в ходе толкования притчи выяснялось, что и все остальные, не прошедшие испытания ученики были приняты в клан. потому что каждый человек может приносить пользу клану, если правильно использовать его склонности и обучать его в подходящем для него направлении.

Так, юноша, убивший змею, стал воином (но не воином жизни, а воином смерти, служащим клану потому, что этот путь соответствовал его внутренней склонности), для других испытуемых были предложены другие пути.

Этим ученикам «скармливались» ложные знания, потому что они не могли вкусить истинных знаний и на самом деле не хотели этого.

Разговаривая с учениками, заставляя их толковать притчи самостоятельно, играя в вопросы и ответы, учителя клана узнавали возможности и желания ученика и направляли его на один из ложных путей— путь воина, путь купца, путь отшельника или другие.

Ложных путей было множество, с различными специализациями, как, например, путь пищи.

Идущий по пути воина использовался кланом именно как воин, как человек смерти. Ему давали шансы стать воином жизни, но если ученик один за другим отвергал эти шансы, то верные своему принципу духовного ненасилия даже во благо человеку учителя клана не заставляли его следовать по чуждому для него пути жизни. Если человек хотел стать героем, воином и защищать клан или выполнять какие-то его задачи, даже не будучи знакомым с тайными доктринами и глубиной учения воинов жизни, ему предоставлялась такая возможность. Путь воина был исключительно напряженным, трудным и полным опасностей. Воин всегда был настороже, всегда готов к атаке, он подвергал свое тело повышенным нагрузкам и испытаниям и в любой момент был готов встретиться с опасностью лицом к лицу.

Тот, кто следовал по пути купца, учился общаться с людьми, организовывать свое дело, зарабатывать деньги. Члены клана, ставшие на путь купца, со временем становились очень богатыми людьми и поддерживали клан материально, но они не были истинными последователями воинов жизни.

Любой из учеников, получавших истинные знания, сначала один или несколько раз проходил по кругам ложных знаний —по путям воина, купца, целителя, отшельника и т.д. прежде, чем доходил до одной из самых почетных ступеней в клане—до уровня Хранителя знания.

Хранители знания уходили в мир и там набирали себе учеников на совершенно новых территориях и в

новых условиях, создавая очередную ветвь клана.

Но элиту клана составляли люди, перешедшие на следующие пути—от второго до девятого. Эти люди, достигнув наиболее высокого уровня самосовершенствования, подготавливали Хранителей знания и осуществляли основную философскую задачу клана—достижение счастья и абсолютного бессмертия.

Толкователи притч представляли собой отдельную группу воинов, но зачастую функцию толкователя притч брали на себя обычные учителя.

— Расскажи мне еще какую-нибудь притчу,— попросил я.— И еще я хотел спросить, что такое путь пищи. Нечто вроде «кулинарного техникума»?

Кореец засмеялся.

— Похоже, тебе здорово хочется есть. Из всего, что я рассказывал, путь пищи заинтересовал тебя больше всего.

Я запротестовал было, но тут же понял, что действительно очень голоден.

— Ладно, раз уж тебе так хочется поговорить о пище, я расскажу тебе притчу о манерах и еде.

«Мудрую Свинью спросили:

— Почему во время еды ты становишься в пишу ногами?

— Я люблю ощущать еду не только ртом, но и телом.—ответила Мудрая Свинья. — Когда я, насыщаясь, ощущаю прикосновение пищи к ногам, то получаю от этого двойное удовольствие.

— А как же быть с манерами, присущими достойному воспитанию?

—Манеры предназначены для окружающих, а удовольствие—для себя. Если основа удовольствия исходит от моей природы, то само удовольствие приносит пользу.

— Но ведь и манеры приносят пользу!

— Когда манеры приносят мне больше пользы, чем удовольствие, я не ставлю ноги в еду, —гордо ответила Свинья и ушла по своим делам».

— Как ты истолкуешь эту притчу?

— Смысл очевиден. — сказал я. — Нужно следовать своей природе, даже если это противоречит общепринятым правилам поведения в случае, если это приносит тебе пользу, и поступать наоборот, если в данной ситуации это необходимо. Здесь говорится о преимуществе здравого смысла и свободного выбора над слепым следованием общепринятым догмам,

зачастую глупым и бессмысленным.

— Это лежит на поверхности. Какое еще толкование ты можешь предложить?

Я задумался, но ничего достаточно разумного мне в голову не приходило.

Голос корейца вывел меня из размышлений.

—Привычку Мудрой Свиньи ставить ноги в еду можно трактовать и более глубоко. Она так поступала не только для того, чтобы получить удовольствие, но и потому, что процесс поглощения пищи был для нее медитацией с целью осознания «Вкуса плода с дерева жизни», что в данном контексте означает —осознание полного вкуса пищи.

Воины жизни учились каждый предмет и явление постигать со всех сторон, снаружи и изнутри, его форму и его суть, тактильно и визуально, через все органы чувств и через чувства, которым у современной науки еще нет названия, мысленно проникая в их истинную сущность.

Люди пищи, следующие по пути пищи, занимались совершенствованием различных методик и систем питания тела и духа и учились получать удовольствие от так называемого всестороннего питания, всестороннего осознания мира. Они были хранителями медитативных методик постижения «Вкуса плода с дерева жизни».

По теории питания воинов жизни, которая называлась «поедание плода», питание человека включает в себя не только собственно пищу и воду, но и вдыхаемый воздух, и всевозможные раздражители внешнего мира, воздействующие на человека и его органы чувств.

Люди пищи учатся наслаждаться физической нагрузкой. воспринимать восемь стихий, воспринимать красоту мира, любоваться им, питаться им.

Общение—это тоже пища, и, следуя по пути пищи. искусство общения доводят до совершенства.

Постижение Знания, в том числе и воинского искусства— тоже пища, причем самая изысканная из всех, которые тебе когда-либо доводилось вкушать...

ГЛАВА IV

Когда я поступил в институт, меня, как и всех остальных абитуриентов, отправили на общественно полезные работы. Мне предложили выбирать между работой в саду и ремонтом общежития. Я предпочел работать в общежитии и, быстро перезнакомившись там со студентами, собрал у них старые конспекты лекций и первоисточников на все пять лет предстоящего мне обучения. Это избавило меня от необходимости слушать и записывать лекции, и если мне не удавалось сбежать с занятий, чтобы потренироваться около могилы Болгарева, я во время лекций подробно описывал технику прыжков, которую показывал мой новый знакомый, имя которого мне до сих пор так и не удалось узнать. Каждый раз, когда я спрашивал его имя, он заставлял меня называть его по-другому. Мне было немного трудно привыкнуть к этому, и я чувствовал определенную неловкость, обращаясь к корейцу под разными именами.

— Для чего ты это делаешь?—спросил я.

— Я поступаю так,—ответил кореец,—чтобы твоя привязанность была направлена не на имя, а **на** человека. Большинство людей привязываются к имени, но связь с человеком гораздо важнее. Имя—это не более чем инструмент, который нужно использовать, а не довлеющая над человеком абстрактная субстанция. Когда имя довлеет над человеком, оно управляет его судьбой, если же человек довлеет над своим именем, он распоряжается и именем, и судьбой, связанной с этим именем.

Во время одной из наших встреч я решил похвастаться результатами своих трудов и с гордостью продемонстрировал азиату толстую общую тетрадь с описанием техники прыжков. Кореец выглядел очень заинтересованным, он похвалил меня и забрал конспект, сказав, что внесет кое-какие поправки.

Очень торжественным тоном он заявил, что этот конспект является определенным переломным пунктом в наших отношениях, доказывая то, что он был на верном пути, выбрав меня в ученики, чтобы сделать меня Хранителем знания.

Лицо корейца стало таинственным и торжественным, и он замолчал, выдерживая паузу, чтобы подчеркнуть важность такого решения.

— Хранителем какого знания ты хочешь меня сделать? — спросил я.

— Ты будешь Хранителем знания учения «Вкус плода с дерева жизни». И первое, что я сделаю, — я открою тебе свое имя.

Я напрягся, ожидая, что сейчас я наконец-то услышу то, что он скрывал от меня столько времени, но кореец сделал жест подбородком, указывающий направление движения, и скомандовал:

— Следуй за мной.

Он быстро пошел по улице, и по его виду я понял, что в данный момент он не хочет, чтобы я задавал какие-то вопросы. Мы дошли до Неаполя Скифского, прошли по нему и оказались около какой-то свалки. Кореец нагнулся и двумя пальцами левой руки поднял с земли здоровенную кость, скорее всего коровью, и, раскачивая ее, как маятник, поднес к моему лицу.

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил он.

— Нет, — ответил я, теряясь в догадках. — А что мне это должно напоминать?

— А сейчас?

Он отступил на шаг и, продолжая раскачивать кость, молниеносным ударом пальца правой руки перерубил ее пополам.

— И сейчас тебе это ничего не напоминает? — спросил он.

— Здорово у тебя получилось! — восхитился я. — Никогда не видел чего-либо подобного.

— Меня зовут Ли Намсараев, — сказал кореец. — Это имя тебе тоже ни о чем не говорит? Я думал, что твой отец рассказывал тебе о моем отце.

— Как, неужели ты сын Намсараева, друга моего отца? — изумленно воскликнул я.

Отец часто вспоминал о своем приятеле — буряте Намсараеве, с которым он вместе учился в Тимирязевской академии. Этот бурят владел каким-то национальным видом борьбы и показывал отцу, как он может одним пальцем перебить пополам баранью лопатку, которую раскачивал, как маятник, в пальцах другой руки.

Отец рассказывал мне много историй о Намсараеве, например, как он по каким-то религиозным соображениям отказался есть ежика.

Однажды летом они оба подрабатывали на лесосплаве, и мой отец спас жизнь своему другу, когда тот провалился в зазор между бревнами и его чуть не задавило. Мне показалось невероятным, что теперь я вижу перед собой сына старого друга моего отца. Лицо Ли снова приняло очень торжественное выражение.

—То, что я прибыл сюда и сделал тебя своим учеником, — это оплата моего долга,—провозгласил Намсараев. —По нашим обычаям отец не платит долг отцу. Долги отцов платит сын сыну. Дочери вообще не платят никаких долгов, они сохраняют накопленное. Женщина является хранительницей материальных ценностей, мужчинам же завещают духовное наследие и честь.

Слова Ли произвели желаемый эффект. Меня поразила идея того, что сын давно потерянного из виду друга моего отца явился сюда, чтобы отдать мне долг чести и сделать меня Хранителем неведомого знания. Почему-то я полностью и безоговорочно поверил ему.

Через несколько лет во время одной из наших последних встреч Ли дал мне понять, что он вовсе не является Намсараевым.

— Сейчас мы с тобой стали ближе, чем родственники, — сказал он,—потому что сильнее, чем узы крови, нас связывает приобщенность к знанию. Но пока для тебя должно оставаться тайной, как и почему я тебя избрал, ибо в нынешней ситуации я таким образом ограждаю тебя от неприятностей и опасности, которые могут навлечь на тебя эти лишние знания.

Тогда же он объяснил, что наше знакомство не было случайным и что он специально подружился с Роговым (приятелем, который познакомил нас около аптеки) и попросил его свести нас вместе. Взамен он обещал Рогову познакомить его с народными целителями, которые жили в Хабаровском крае. Нас с Роговым в свое время объединял сильный интерес к народной медицине, лечению травами, и мы вместе и по отдельности объехали многих травников, знахарей и народных целителей, пытаясь изучить их секреты и методы лечения. По рекомендации Ли Рогов через некоторое время уехал в Хабаровск. Я рассказывал ему истории о Намсараеве, друге моего отца, а Рогов уже пересказал Ли все, что слышал от меня.

Но тогда я ни о чем не подозревал и забросал Ли вопросами о его отце, семье, детстве, где он жил

раньше и где находятся его родственники.

Иногда он обрывал меня, не желая отвечать на вопросы, но, чтобы не вызвать подозрений, все-таки изложил мне достаточно правдоподобную версию своей жизни.

Его мать якобы была корейкой. Она поссорилась с отцом Ли, когда Ли был совсем маленьким, и увезла его и его младшего брата в Корею, где жили ее родственники. Там он рос вместе со своими двоюродными братьями, которые изучали корейское воинское искусство и обучали его. Недалеко от них жил старик китаец, друживший с его старшими двоюродными братьями и дядьями. Этот старик китаец был одним из воинов жизни, он сделал Ли своим учеником и направил его на путь учения «Вкус плода с дерева жизни». Отказавшись рассказывать что-либо еще о своем прошлом, Ли сказал мне:

— Я взял тебя в ученики, оплачивая долг моего отца твоему, но ты должен доказать, что достоин быть моим учеником. Несколько испытаний ты уже прошел, но завтра тебе предстоит еще одно испытание, и твое будущее будет зависеть от того, сможешь ли ты с честью выйти из него. Если же ты не выдержишь испытания, наши встречи прекратятся.

Я сильно встревожился от этого заявления и попытался выяснить, что это за испытание, что я должен буду сделать, но Ли оборвал меня и сказал, что завтра я и сам все пойму.

С самого утра следующего дня я был в напряженном состоянии, ожидая чего-то непредвиденного, но день был самым обычным, и до позднего вечера ничего странного не произошло. В тот день мы с Ли не должны были встречаться.

Я возвращался домой, собираясь почитать книгу и лечь спать, как вдруг, когда я уже поднимался по ступенькам своего подъезда, меня окликнул Сергей, мой сосед по двору.

— Саша, подойди сюда. — крикнул он.
Он стоял рядом со своим приятелем и какой-то женщиной.

— У тебя есть ключи от красного уголка? — спросил Сергей.

— Наверно, они у матери. — ответил я.

Моя мать, убежденная коммунистка, несмотря на то, что была инвалидом I группы и много лет болела раком, испытывала неумолимую страсть к общественной деятельности, была активисткой, и ключи от красного уголка, где проводились парт-

собрания, хранились у нее.

— А зачем вам ключи от красного уголка?— поинтересовался я.

— Мы хотим поиграть там в шахматы, —с невинным выражением лица ответил Сергей.

Эта причина показалась мне достаточно убедительной, и я даже не предположил, что здесь может быть что-то не так.

—А ты уверен, что там закрыто?—спросил я. Мы подошли к красному уголку.

Сергей попробовал открыть дверь, но она оказалась запертой.

—Может быть, не стоит беспокоить твою мать,— сказал Сергей.—Попробуй нажать на дверь посильнее. Мне кажется, она откроется.

Я надавил на дверь плечом, Сергей мне помог, и действительно она распахнулась. Мы вошли внутрь полуподвального помещения, спустились вниз по лестнице, включили свет. Приятель Сергея и женщина пошли вперед. Я хотел пойти за ними, но Сергей меня остановил, сказав:

— Не ходи туда, они хотят побыть вместе.

— Вы собираетесь играть в шахматы или совсем в другие игры?—поинтересовался я.

— Подожди, я сейчас вернусь, —сказал Сергей. Он подбежал к распределительному щитку и вывернул пробки. Свет погас. В темноте Сергей вернулся ко мне. В соседней комнате слышался стук падающей мебели, что-то разбилось, и я услышал раздраженные крики женщины:

— Нет, нет! Всем я не дам. Я договорилась с тобой одним, а там два таких здоровенных кобеля. Они мне всю матку вывернут наизнанку.

Сергей липкими вспотевшими руками вцепился мне в плечи, потряс и срывающимся голосом сказал:

— Подожди, сейчас она даст ему, а потом и нам даст, обязательно даст...

На это я ответил:

— Ты что, свихнулся? Это же изнасилование. Что ты затеял, идиот?

Только тут я понял, что, похоже, начинаются неприятности.

—Да ты не волнуйся, сейчас, сейчас...—бормотал Сергей. Я развернулся и оттолкнул его.

— Сейчас я включу свет и уйду отсюда. —сказал я. Нащупывая распределительный щиток, я вдруг

подумал о том, что хорошо, что я в перчатках. На улице уже было прохладно, и я так и не успел снять перчатки, войдя в подвал.

Я ввернул пробки, вспыхнул свет. и в этот момент в дверь, которую Сергей предусмотрительно запер изнутри на крючок,

кто-то начал ломиться. Раздался командирский голос моей матери:

—Бандиты! Немедленно откройте! Хотите изнасиловать бедную девочку! Я этого не допущу! Со мной наряд милиции.

Милиция, обескураженная таким ураганным натиском, как впоследствии выяснилось, держалась от матери на почтительном расстоянии сзади.

— Вот испытание, предсказанное Ли!—мелькнуло у меня в голове.

Я заскочил в актовый зал, включил там свет, приоткрыл дверь примерно на одну треть и прижался к стене около двери таким образом, чтобы она, если ее кто-нибудь откроет, скрыла меня.

Сергей побежал туда, где ссорились его приятель и женщина.

Не выдержав напора, дверь распахнулась, вошли двое в штатском, несколько милиционеров в форме, любопытные жители двора и, естественно, моя мать.

Один из людей в штатском, открыв дверь в актовый зал почти полностью, вошел, окинул комнату взглядом и ушел, не заметив меня, в комнату, где играли в шахматы и где милиция задержала героев несостоявшегося изнасилования.

Я аккуратно прикрыл дверь, выключил свет, хотя понимал, что это небезопасно, взял лежавшую на одном из стульев газету, положил ее на подоконник, открыл окно, убедился, что никто не видит, как я вылезаю, вылез через окно, наступив на газету, чтобы не оставить следов, забрал газету и, аккуратно закрыв окно, бегом бросился по улице к остановке автобуса, идущего в сельхозинститут. Там я открыл своим ключом комнату ДНД и записал в журнале, что в такое-то время находился на дежурстве там-то и там-то, обеспечив себе таким образом пусть не очень надежное, но все же алиби.

Показавшись в общежитии и прогулявшись по городу, я вернулся домой и застал мою маму в очень возбужденном состоянии.

— Как хорошо, что ты вернулся, сыночек! — захлебываясь от переполнявших ее чувств, причитала она. —Представляешь, какой ужас. Сергей со своим приятелем затащили в красный уголок какую-то проститутку и захотели ее выебать, а она им не дала, и их забрали в милицию за изнасилование. Ко мне прибежал сосед, которого они не взяли с собой, и

сказал, что они собираются изнасиловать бедную девочку. Я думала, что там действительно маленькая девочка, вызвала милицию, а там оказалась такая прошмондовка, что на ней клейма негде ставить.

На следующий день я узнал, что Сергея отпустили благодаря тому, что его мать работала в милиции. Женщину смогли уговорить не подавать заявления, хотя она некоторое время отказывалась это делать, ссылаясь на то, что их там было трое, целая банда, и особенно страшным был последний, который потом исчез, это бы для нее добром не кончилось, и т.д.

Но Сергей с приятелем решили, что лучше про меня не упоминать, чтобы им не «пришили» групповое изнасилование, и стояли на своем, утверждая, что их было только двое. Дело замяли, и они отделались легким испугом.

Через пару дней я узнал, что та же самая женщина, немного подвыпив, добровольно отдалась сразу семерым знакомым Сергея в какой-то подворотне.

Я вспомнил, как Ли, предрекая испытание, которое я должен выдержать, сказал:

—Ты еще наивен как ребенок, но в тяжелой ситуации ты будешь вести себя как муж, и от того, насколько ты будешь умен и ловок, зависит, сможешь ли ты в дальнейшем продолжать обучение или нет.

В то время я очень смутно представлял, что такое учение «Вкус плода с дерева жизни», считая, что мне придется изучать только философию и теоретические разработки недоступных мне техник прыжков, которые, чтобы освоить, нужно изучать с раннего детства. Но воинское искусство в любой его форме настолько сильно увлекало меня, что я был готов изучать даже то, что, как мне казалось, не сможет принести мне практической пользы как бойцу.

Через день Ли отыскал меня в городе. Мы заранее разработали маршрут, по которому я должен был проходить в определенные часы, и в какой-нибудь точке этого маршрута Ли присоединялся ко мне.

Я рассказал со всеми подробностями о том, что произошло, и, наконец, задал мучивший меня вопрос о том, как он смог предугадать эти события.

— При переходе человеческой личности на более высокий уровень, — ответил Ли. — когда личность проникает в сферы, которые ранее были ей недоступны и которые в некотором смысле поднимают ее над самой собой, всегда начинается цепь испытаний,

преодолев которые, эта личность или утверждает-

ся на новом уровне, или скатывается на свой старый уровень, а возможно, и еще ниже, если не сможет их преодолеть.

— Но ты знал заранее в деталях то, что произойдет?—спросил я.

— Я знал, что тебя ждет испытание, но в чем точно оно заключается, мне было неизвестно,—отрезал Ли таким тоном, что дальше я спрашивать не стал.

В течение двух следующих месяцев Ли регулярно встречался со мной в парке, показывая технику прыжков. Иногда мы на целый день уезжали в лес и тренировались там.

Почти все время, которое я проводил на лекциях в институте, я посвящал детальному конспектированию его уроков.

Наконец, я принес Ли несколько тетрадей с описанием и систематизацией того, что он мне показывал. Ли забрал тетради, и, когда через несколько дней я спросил о них, он мне ответил, что сжег все мои конспекты, включая ту тетрадь, которую я ему дал перед историей с изнасилованием. Я почувствовал ужасную обиду и злость.

— Как ты мог так поступить! —закричал я. —Ты даже представить себе не можешь, сколько времени и труда мне стоило написать все это!

—Написанное привязывает к себе,—спокойно сказал Ли. —Ты должен все держать в голове, а не в тетрадях. Нет никакого смысла делать конспекты.

Через некоторое время Учитель объяснил, что, запрещая мне делать конспекты, он тем самым побуждал меня еще более старательно записывать то, что он говорит.

—Твой первый удачный опыт охладил бы твой пыл, —сказал он, —и если бы я просто похвалил твои конспекты и вернул их тебе, ты в дальнейшем уже не писал бы их с таким усердием и чувством. С другой стороны, ты бы привязывался к написанному, не стараясь запомнить, успокаивая себя тем, что все знания хранятся в твоих тетрадях. Я же заставил тебя и запоминать и записывать, стараясь делать и то и другое наилучшим образом. Записи могут пропасть, но память твоя не исчезнет, пока ты жив.

И действительно, я, несмотря на запрет Ли записывать, старался конспектировать все еще подробнее и лучше, одновременно запоминая то, что он мне показывал.

— Я знал, что твоя натура европейца упряма, — посмеивался надо мной Учитель, — и был уверен, что, отняв твои драгоценные записи, заставлю тебя создавать новые шедевры.

Но в тот момент объяснение Ли, что написанное привязывает к себе, меня абсолютно не удовлетворило и не вдохновило. Мои конспекты представлялись мне такой драгоценной сокровищницей знаний, что их уничтожение можно было сравнить по уровню ощущений с потерей близкого человека. Обида и злость нарастали так, что я почти не мог контролировать их. То, что Ли относился к моим страданиям с насмешливым безразличием, их ничуть не облегчало.

Выбрав момент, когда моя злость достигла пика. Ли весело предложил мне:

— Ану-ка, ударь меня. Я попробую увернуться, стоя на земле. Только одно условие: ты должен ударить очень сильно—и я покажу тебе технику, которая сметет боль утраты твоих конспектов.

Я ударил его изо всей силы несколько раз. Ли уходил от ударов, стоя на месте, неуловимыми движениями туловища, шеи и плеч, так что очень быстрая серия ударов словно повисла в воздухе—я промахивался каждый раз, несмотря на то, что Ли оставался на том же месте, не отступая ни на шаг. Тогда я попробовал схватить его, но Ли безо всяких усилий отвел мои руки. Я набросился на него, как бешеный, с единственной целью—хотя бы прикоснуться к нему, но он начал уходить, оказываясь то у меня за спиной, то сбоку, а один раз умудрился даже пролезть у меня между ног в очень низкой стойке в момент, когда я хотел ударить его ногой.

Наконец я остановился и сказал:

— Ли, но ведь ты же не прыгаешь!

— А как ты думал, мой маленький друг, — усмехнулся он.— Разве можно научиться прыгать, не научившись стоять на земле? Конечно же, прежде чем освоить искусство прыжков, я долгие годы изучал бой на земле.

— Почему ты скрывал это от меня?—спросил я.—И зачем просил обучать тебя карате?

— Потому что ты еще не был готов воспринять, а я не был готов передать тебе эти знания.

Позабыв о конспектах, я с воодушевлением спросил:

— С чего мы начнем наш урок?

— Первый урок уже был, — ответил Ли. — А начнем

мы с того, что стоять на земле как раз и не нужно.

—Ты противоречишь себе,—заметил я.—Только что ты говорил, что учился стоять на земле, а теперь утверждаешь, что стоять на земле не нужно.

— На самом деле мы не стоим на земле, — сказал он и прошелся передо мной на полусогнутых ногах, потом застыл на носке ноги, перекатился с носка на пятку и застыл на ней. Его туловище совершало мелкие колебательные движения из стороны в сторону. Он снова прошелся, перекатываясь с пятки на носок, его руки замелькали в непонятном хаотическом рисунке непрерывных движений. Когда он поворачивался вокруг своей оси, в движении участвовали руки и все тело.

— Видишь, я не стою на земле, — сказал Ли. — Я все время нахожусь в движении, потому что это дает мне основные преимущества.

— Какие преимущества?

— Если ты не имеешь равновесия, то его нельзя нарушить. Если ты не имеешь стойки, ты непредсказуем. Если ты не выполняешь конкретного движения, ты неуязвим. Не существует ни поз, ни стоек, ни движений, ведь движение—это лишь ряд застывших поз, а поза представляет собой непрерывное движение. Как бы ты ни старался быть неподвижным, в тебе не затухают внутренние движения. Он вытянул руку вперед и спросил меня:

— Скажи, эта рука движется или нет?

— С точки зрения законов физики она может двигаться относительно каких-то точек отсчета,— осторожно ответил я.

— Она движется относительно земли? Сейчас она движется или нет, если исключить мелкие ее колебания? Понятно, что она делает какие-то микроскопические движения, но их мы не будем принимать в расчет.

— Нет.

— Ты неправ. А сейчас?

Я внимательно посмотрел на его руку. Ли не изменил ее положение, но что-то в его руке изменилось. Вдруг я понял, что он имеет в виду.

— Сейчас она не движется, а тогда она двигалась.—сказал я.

— Как **ты** догадался?

— Сначала она была напряжена, а теперь рука расслаблена.

— И что из этого?

— Я не могу четко объяснить это словами, но мне кажется, что я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Ты прав. Напряженные мышцы уже избрали направление. Рука как бы движется, хотя это движение

и незаметно. Чтобы выбрать новое направление, рука должна сначала расслабиться, а потом начать новое движение. Когда же рука расслаблена и нет чрезмерно напряженных групп мышц, она может начать двигаться в любом направлении. В момент расслабления она неподвижна. Но существует еще один тип неподвижности—когда рука движется во всех направлениях. Если в первом случае она могла начать движение только после того, как она расслабилась и превратилась в неподвижную руку, после того как был создан импульс силы для движения в каком-либо направлении, то во втором случае надо было лишь создать импульс силы для движения руки.

Существует еще и третий случай, когда рука движется все время и уже имеет импульс силы, перемещаясь во всех направлениях.

— Как это может быть?

— Вот так.—сказал он и сделал быстрое восьмеркообразное движение рукой, хаотически прерывающееся какими-то подергиваниями и отдергиваниями руки в разных направлениях.

— Сейчас я смогу ответить на любую агрессию гораздо быстрее, чем я смог бы это сделать, имея руку напряженной или расслабленной. Моя рука уже движется. Она уже имеет импульс силы, но движется она во всех направлениях и может в любой момент выбрать необходимое мне усилие и направление. Поэтому я владею и силой, и пространством, и временем, а это—источник победы.

В тот день Ли впервые показал мне технику взвешенного шага и облачных движений. «Взвешенный шаг», или «катящийся камушек», начинается из исходной позиции «согнутый палец», в которой, совместив ступни ног и колени, чуть наклонившись вперед и присев, исполнитель становится на голову ниже своего роста. По мере повышения мастерства стойка понижается, доходя до уровня на две головы ниже своего роста.

«Взвешенный шаг» выполняется на полусогнутых ногах с чуть наклоненным вперед туловищем и постоянным легким ощущением потери равновесия в ту сторону, куда совершается движение, с поочередной сменой стоп, перекатывающихся с пятки на носок при движении вперед и с носка на пятку при движении назад. Стопы выносятся, как правило, на произвольное расстояние, зависящее от конкретной

ситуации или предполагаемого маневра, и ставятся одна перед другой на одну и ту же линию либо на одну и ту же сторону воображаемого кру-

га. «Взвешенный шаг» выполняется вперед и назад с поворотами во всех направлениях.

Облачные движения основываются на восьмерко- и кругообразном движении рук в различных плоскостях и направлениях в сочетании со своеобразными подергиваниями. Эти движения, непредсказуемые и хаотичные, создают словно облачную завесу вокруг исполнителя,двигающегося в технике «катящийся камушек». Эти движения отвлекают противника, скрывают начальный момент и направление удара и являются великолепной защитой, так как перекрывают практически все уязвимые части тела исполнителя, и удар противника, не достигнув тела, блокируется и отводится облачными движениями почти автоматически.

Мы выезжали в лес и там проводили долгие часы, когда я повторял движения за Учителем, отрабатывая координацию и скорость. Ли еще не называл свою школу Шоу-Дао, но уже рассказал мне о том, что в древности члены клана, к которому он принадлежит, называли себя Спокойными или Бессмертными.

Облачные движения базировались на обширном теоретическом материале, включая теорию инь и ян, слегка отличающуюся от традиционных представлений, теорию пяти первоэлементов, теорию триграмм, кругов и плоскостей. Существовало множество комплексов облачных движений в зависимости от той или иной ситуации, роста противника, уровня его подготовленности, позиции и множества других факторов. Некоторые из этих комплексов и типов движений я описывал в других моих книгах. Их можно увидеть и в многочисленных учебных видеопрограммах, число которых все время пополняется. Моя мечта—отснять 600 часов учебных видеофильмов, чтобы таким образом познакомить многочисленных поклонников этого вида боевого искусства с основами боевых, медицинских и медитативных практик. Осуществится ли она? Это покажет время.

ГЛАВА V

— Помнишь, ты как-то сказал, что я отмечен печатью судьбы,—спросил я.—Тогда ты не захотел объяснить мне, что это значит. Может быть, объяснишь сейчас?

— Объяснить-то я могу, но вряд ли ты поймешь, что это такое. Печать судьбы нужно чувствовать и уметь пользоваться удачей, которая дарована тебе, так, чтобы не только твоя судьба влияла на тебя, но и ты влиял на свою судьбу примерно так, как это сделал даос* в притче, которую я тебе расскажу. Это притча о даосе и судьбе.

«Один даос всем говорил, что может повлиять на свою судьбу. Услышала про это его судьба и явилась к нему в образе старухи с мешком.

— В этом мешке.—сказала старуха,—вся твоя жизнь, а я— твоя судьба. Ответь, как ты можешь повлиять на меня. если я предопределяю дорогу твоей жизни?

Недолго думая, даос схватил старуху, ударил ее по голове палкой, отобрал мешок и пошел своей дорогой».

Верно говорят Спокойные:

— Всегда найдется и третье решение.

Кто теперь не поверит даосу, если тот скажет, что повлиял на свою судьбу?

Кореец посмотрел на меня с ехидной усмешкой, ожидая вопроса.

— Что такое третье решение?—спросил я.

—Третье решение—это наиболее верное решение, то есть «ни да, ни нет».

— Но это же ничего не объясняет.

— Я и не говорю, что европейцу можно что-то объяснить.

— А китайцу можно объяснить все?—обиделся я.

—В нынешнем Китае гораздо больше европейцев, чем в Европе. Европейец—это состояние ума, а не географическая принадлежность. Человеческая глупость не имеет границ, но в

* *Даос*—последователь даосизма.

Китае, как и в Европе, иногда встречаются люди, которым можно многое объяснить.

— В притче ничего не говорится о печати судьбы. Что же это такое?—спросил я.

— Человек, отмеченный печатью судьбы, — торжественно сказал кореец, — это не тот человек, к которому благоволит случай, а тот, который хватается судьбу за волосы.

— Что это значит?

— Печать судьбы—это наличие некой внутренней силы, позволяющей человеку свободно следовать своему интуитивному началу. Таким образом, печать судьбы означает возможность сделать ее носителю правильный выбор, не имея полноценной информации для принятия логического решения. Правильный выбор часто идет вразрез с логикой и здравым смыслом, он бывает рискованным, непредсказуемым и необъяснимым, поэтому он ассоциируется с образом, когда человек хватается свою судьбу за волосы и выигрывает, даже ставя на карту свою жизнь.

Но так как воин жизни никогда не станет рисковать своей жизнью без того, чтобы его вынудили к этому обстоятельства, он с помощью длительных упражнений развивает и совершенствует свой дар, и присущая ему от рождения внутренняя сила —его печать судьбы—превращается в мощное оружие, неподвластное логике и контролю, внутренняя сила начинает время от времени вырываться наружу, формировать желания человека и оказывать влияние на его решения.

Внутренняя сила—это дар интуитивного выбора, который безошибочно ведет человека в нужном направлении даже помимо его воли. Но это только одно из проявлений внутренней силы. Есть много других форм ее проявления, связанных с мобилизацией физических ресурсов организма и с генерацией неведомых ранее самому человеку сил, которые вы, европейцы, иногда называете сверхспособностями, и с концентрацией их на исключительно высоком уровне для достижения тех или иных целей.

Внутренняя сила имеет как духовные, так и чисто физические грани. Развитая интуиция—это одна из духовных граней. ТЫ учишься прислушиваться к направляющему голосу внутри тебя и абсолютно расслабленно, не терзаясь сомнениями и страхом,

принимая решение, которое оказывается единственно правильным, даже если принять его было трудно с точки зрения логики и морали.

По мере обучения я начал понимать на практике, как проявляется духовная грань внутренней силы. Иногда, когда я разыскивал какое-либо место в городе, неведомая сила внутри меня заставляла меня неожиданно пойти в направлении, которое казалось мне неправильным, но я действовал, подчиняясь командам, идущим непонятно откуда. В лифте, когда я не знал, на каком этаже расположена квартира, моя рука сама нажимала кнопку, и я угадывал верно. Иногда у меня возникало в городе желание спрятаться, я делал это и избегал таким образом встречи с неприятным мне человеком.

Со временем отдельные мелочи стали приобретать характер закономерности. В затруднительных ситуациях я научился спрашивать свой внутренний голос о том, как мне поступить, и я чувствовал, как он отвечает мне. Печать судьбы проявлялась и в общении с людьми. Иногда, когда мне нужно было добиться чего-либо от человека, но он сопротивлялся, у меня возникало желание сделать нечто неожиданное, повести себя особым образом, отличным от нормального, общепринятого поведения, и это срабатывало, хотя не всегда было легко преодолеть поведенческие и моральные стереотипы, и мне казалось, что кто-то другой вселялся в меня, действовал и говорил от моего имени.

Приведу еще два примера проявления внутренней силы. Первый случай произошел, когда мы были вместе со Славой Скворцовым, о котором я буду много рассказывать впоследствии, так как мой Учитель выбрал его в качестве моего напарника.

Мы со Славиком парились в сауне. Сразу после бани мы должны были ехать в Алушту. Вдруг Славик вспомнил, что оставил дома кошелек. У меня денег тоже не оказалось, и нам не на что было купить билеты, а по срокам мы не успевали зайти домой.

Мы растерялись, пытаясь сообразить, где взять деньги, и вдруг Славик сказал:

— Под скамейкой в раздевалке между досками пола лежат пять рублей.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Можешь считать меня сумасшедшим, но я уверен, что это так.

Для того, чтобы вытащить скамейку, нам пришлось отодвинуть шкафчики для белья, и действительно там почти незаметно в щели между досками пола лежала пятирублевая бумажка. Этого нам с лихвой хватило на билеты.

Другой случай произошел со мной. Одна моя знакомая очень просила меня достать книгу по моделированию одежды французского автора. Небольшой тираж разошелся мгновенно, и купить книгу было практически невозможно. Честно говоря, найти ее я не особенно старался, просто отметил у себя в памяти, что надо купить книгу, если вдруг ее увижу.

Я шел по городу по своим делам, миновал киоск «Союзпечати», прошел метров сто, и вдруг какая-то сила внутри меня заставила меня вернуться к киоску. Я заглянул в окошко и сказал:

— У вас есть такая-то книга. Я хочу ее купить.

— Откуда вы знаете, что она у меня есть,—с изумлением спросила киоскерша.

— Просто знаю.

— Действительно, я купила у спекулянтов две книги— для себя и для дочери, но дочери книга оказалась не нужна. Я могу вам ее продать, но чуть дороже—по той цене, по которой сама покупала.

Она вынула из-под прилавка книгу и дала мне.

Потом я заговорил об именах, вспоминая слова корейца о том, как имя влияет на человека, и спросил, до какой степени распространяется это влияние.

— Это влияние подспудно, — ответил он, — и зависит в первую очередь от того, знает ли человек о смысле своего имени и знают ли о его смысле окружающие. Но на человека влияет не только смысл имени. Сильное воздействие оказывает и звучание— благозвучное или неблагозвучное. Звуки имени могут вызывать разные подсознательные реакции— расположения, отвращения или даже страха, если имя звучит достаточно агрессивно. С другой стороны, имя может вызвать пренебрежение, если кажется смешным, или вызвать уважение, если ассоциируется с каким-нибудь великим человеком или важным событием. Ассоциативное влияние имен очень велико, но есть еще и многие другие аспекты влияния. Разве ты не замечал в жизни каких-нибудь странностей, связанных с именами? Ну-ка, напряги свои мозги и приведи мне несколько примеров.

Мне даже напрягаться не пришлось. Весь сельхозинститут потешался над фамилиями преподавателей института и особенно над фамилиями комендантов общежития. Комендантов было трое с фамилиями Могила, Погибель и Гробовский. Кафедрой животноводства заведовал Хлевной, а под его

началом работали Баранов, Медведев и еще несколько человек с фамилиями, производными от названий животных. Заведующий кафедрой электрификации носил фамилию Лучинкин. Растениеводство возглавлял Яровой. У него работали сотрудники с фамилиями типа Пшеничный и т.д. Кафедра плодоводства радовала фамилиями вроде Яблочкин и Вишенкин.

— Вот видишь, — сказал кореец. — Вполне естественно предположить, что их фамилии повлияли на выбор жизненного пути, как когда-то жизненный путь их предков влиял на возникновение фамилии. С чего бы Хлевной начал заниматься животноводством? Конечно, можно привести много других причин, но фамилия тоже могла сыграть свою роль.

Кстати, разве ты никогда не отождествлял свою фамилию с образом бурого медведя, могучего зверя, царя русских лесов. Вполне возможно, что твое увлечение борьбой связано с желанием быть таким же большим и сильным зверем, как бурый медведь. Разве у тебя не вызывало умиление упоминание о нем и ты не отождествлял его с самим собой?

Я был вынужден признать, что он прав. Я обожал конфеты «Мишка Косолапый» и всегда с нежностью смотрел на изображенных на обертке конфеты медведей, играющих у поваленного дерева.

—То же самое происходит у Лосева. Зайцева и Комарова. Но если у медведя можно найти какие-то вдохновляющие черты, которыми ты хотел бы обладать, —у него есть сила, добродушие, злобность, агрессивность, крупное мощное тело, то в фамилии Комаров гораздо меньше ассоциативно приятных черт. и поэтому Комаров может быть не всегда удовлетворен своей фамилией, даже не отдавая себе в этом отчета. Представь. что бы ты чувствовал, если бы твоя фамилия поменялась с Медведева на. например, Сусликова. Внутренняя неудовлетворенность именем или фамилией накапливается с годами и превращает носителя неблагозвучного имени в человека, который хочет что-то доказать миру. добиться чего-то, любым способом получив уважение окружающих, и делает это только для того. чтобы компенсировать незаметный, но постоянный урон, наносимый именем его самооценке...

Во время одной из наших последующих встреч я попросил Ли подробнее рассказать, что такое дерево

жизни, плод с дерева жизни и аромат плода.

—Дерево жизни—это сама жизнь во всех ее проявлениях, —сказал он. —Но воины жизни понимают под деревом жизни еще и правильную жизнь человека, вооруженного знаниями и

сохраняющего истинную картину мира, то есть видящего мир в целом. Жизнь обычных людей можно охарактеризовать поговоркой. что они «за деревьями не видят леса». Воин жизни видит и деревья, и то. что находится внутри деревьев, и весь лес целиком, сохраняя все это в своем сознании, даже если он сидит у подножия дерева с завязанными глазами и лишь с помощью рук может ощущать шероховатость и теплоту коры.

Плод с дерева жизни—это твоя жизнь. Если дерево жизни олицетворяет жизнь вообще, всю землю и все мироздание в целом со всеми его катаклизмами, явлениями и проявлениями, то плод с дерева жизни—это собственно твоя жизнь. Более того, это не просто твоя жизнь, а некий континуум времени, в течение которого ты живешь и поедая плод. со всеми твоими удачами и неудачами, навыками, впечатлениями и многим другим. Это же включает твою подготовленность к этой жизни, твои знания и идеологию и много чего еще, то есть плод с дерева жизни—это процесс твоей жизни, и искусство поедания плода сводится к искусству жить. к искусству самой жизни.

ТЫ сам поедая плод своей собственной жизни. Здесь присутствует символ самопоедания, напоминающий древний символ змеи, кусающей собственный хвост и образующей при этом кольцо, символизирующее вечность. Такой трактовкой воины жизни подводят твой плод жизни к символу вечности, и искусство поедания плода одновременно становится искусством сохранения, накопления и созидания плода. Иначе говоря, поедая плод, ты не просто уничтожаешь что-то и выбрасываешь, а как бы многократно пропускаешь себя через себя, видоизменяешь и совершенствуешь его, превращая в совершенно иное новое качество.

Аромат плода—это воздействие на окружающих с той или иной целью, той или иной информацией о себе или о клане или о чем-то еще. Существуют специальные приемы распространения аромата плода для достижения нужного тебе эффекта воздействия на окружающих. Аромат плода может сводиться к передаче информации о тебе другими людьми нужным тебе людям, к той информации, которая создается вокруг тебя в твоём ближайшем окружении со всеми частными мнениями знающих тебя людей, со всеми

возможными сплетнями и пересудами. Все это—аромат плода, который ты распространяешь вокруг себя. Часто бывает, что несколько скандальный аромат, резкий необычный запах на грани скандальности может оказаться более привлекательным для определенных групп интересующихся тобой людей, чем просто постоянный, равномерный, неяркий, пусть даже приятный аромат.

В общении, как и во всем остальном, воины жизни выбирают срединный путь, оставаясь нейтральными в своих внутренних проявлениях, но создавая вокруг себя аромат, который может трактоваться как в одну, так и в другую сторону. Воин жизни подает себя, не раскрывая своих истинных намерений и чувств, так, как ему выгодно, создавая впечатление достоинств или недостатков, каких-то мелких привычек или страстей. Любое качество человека может оказаться как недостатком, так и достоинством, как химическое соединение одновременно бывает и ядом и лекарством—все зависит от меры применения или проявления и от ситуации.

—То, что ты говоришь, очень интересно.—сказал я,—но это только теория, общие слова. Ты мог бы показать мне практическое применение теории аромата плода в общении с людьми.

— Конечно,—сказал Ли.—Начнем прямо сейчас. Для начала мы опробуем аромат твоего плода на женщинах. Я пойду немного поодаль от тебя, чтобы мой аромат не примешивался к твоему и не влиял на результаты. Постарайся передать встречным женщинам посыл теплых чувств, исходящих от тебя.

— Как это сделать?

— Подумай сам.

Ли жестом указал мне идти вперед и, чуть задержавшись, последовал за мной. Я вспомнил все, что читал о внушении и гипнозе, и, сконцентрировав всю свою волю, прямо и твердо взглянул в глаза первой встретившейся мне женщины, пытаясь передать ей мой внутренний посыл.

Женщина, видимо, ошарашенная моими выпученными глазами, слегка вздрогнула и ускорила шаг. На двух следующих я произвел не лучшее впечатление.

Взрыв хохота заставил меня обернуться. Ли быстрым шагом приближался ко мне, держась за живот и не переставая хохотать.

— Да не смотри ты на них, как голодный удав на курицу, — отсмеявшись. сказал он. —Так ты всех женщин распутаешь. Разве ты не знаешь, что прямой взгляд в глаза у незнакомых людей ассоциируется с агрессией? ТЫ же не в транс ее хочешь вогнать, а передать ей теплые чувства. Разве ты сейчас испытываешь теплые чувства? ТЫ собран и напряжен. Расслабься, почувствуй себя легким и счастливым, и вырази это, может

быть, мимолетным взглядом, улыбкой, но не делай это нарочитым или искусственным. Счастье и тихая радость должны окутывать тебя невидимым облаком, незаметно переливаясь в тех, кто приближается к тебе. Ты можешь даже не смотреть на женщину, а просто пройти мимо, но пусть на твоих губах играет загадочная улыбка. Ты должен светиться изнутри. Иди вперед и попробуй еще раз.

Раньше я в качестве медитативного упражнения учился вызывать ощущение счастья и тихой радости. Ли говорил, что привязкой для этих чувств является внутренняя улыбка. Нужно было успокоиться, полностью расслабить мышцы лица, а потом, не раздвигая мышечным усилием уголки губ, представить, что они слегка приподнимаются и губы складываются в легкую улыбку, подобную той, которую изображают на статуях Будды. Ощущение легкого подъема уголков губ вызывает ассоциативную реакцию тихой радости и спокойствия, и создать нужное медитативное состояние становится гораздо легче.

Ли говорил, что такая улыбка является еще и великолепным методом контакта с людьми, которым ты не хочешь открывать свои намерения и намерения которых ты хочешь понять. Нейтральное, доброжелательно-спокойное выражение лица не отражает никаких твоих чувств, и собеседник, лишенный мимической информации, проецирует свои чувства на тебя, читая в твоём лице отражение своего состояния, и его лицо меняется в соответствии с его представлением о твоей оценке. Так, если человек уверен в себе, он будет считать, что ты одобряешь его, выражая это одобрение своей улыбкой; неуверенный же собеседник может прочесть на твоём лице презрение и насмешку.

Я снова пошел вперед и с помощью внутренней улыбки вызвал ощущение счастья и легкости бытия и радости жизни, потом добавил чувствам интенсивности, представив, что это счастье переполняет меня и перехлестывает через край, излучаясь в пространство весельем и любовью к окружающим. Краем глаза я заметил у встречной женщины реакцию удивления, смешанного с восторгом и каким-то внутренним непониманием происходящего. Ее реакция окрылила меня, я, казалось, парил над землей на волне затопивших меня

положительных эмоций. Девушка лет двадцати остановилась, заглянув мне в глаза. Мне показалось, что она хочет заговорить, но я прошел мимо, пораженная произведенному эффекту. С каждой минутой упражнение нравилось мне все больше и больше, и я всерьез задумался о его практической пользе. К сожалению, на следующем перекрестке Ли прервал мою эйфорию, положив руку мне на затылок.

— Слушай, мне понравилось! — восторженно сообщил я.

— Не сомневаюсь. Но слишком жестоко часто пользоваться этим приемом, демонстрируя обычным людям, как счастлив может быть человек. Нельзя так издеваться над гражданами твоего города. Они тебе этого не простят.

Ли, как всегда, говорил полушутя-полусерьезно, но я понял, что в этом есть определенный смысл, потому что уже знал из личного опыта, что часто чье-то счастье вызывает у людей зависть и негативную реакцию.

— Пожалуй, ты прав, — согласился я.

— Еще бы. Только глупец может дразнить своим счастьем окружающих. Если хочешь, чтобы люди тебя любили, ты должен быть глупее их, слабее и менее удачлив, но при этом вызывать их интерес или быть им полезным. Конечно, на некоторых женщин это не распространяется, но ты уже, наверно, знаешь, что жалость порой бывает сильнее, чем любовь.

Есть древняя притча о том, как богатый вельможа со свитой во время охоты разорил поле бедного крестьянина и спросил, чем он может возместить ущерб.

— Не мог бы ты, сиятельный, вытоптать поля моего соседа? — склонившись в глубоком поклоне, спросил крестьянин. Я расхохотался.

— Знаешь, я слышал современный вариант этой притчи, — сказал я. — Только там вместо вельможи корабль пришельцев из космоса при приземлении задавил козу крестьянина, и тот попросил в качестве компенсации приземлиться еще раз на корову соседа.

— Вот видишь, люди не меняются, несмотря на технический прогресс. — торжествующе изрек Ли. — Теперь изменим настроение, демонстрируя людям другую крайность. Попробуй показать окружающим, как тебе плохо.

Я попытался вызвать самые негативные чувства, которые только мог представить, и вскоре погрузился в

бездонную пучину тоски и безысходности. Мои мышцы, казалось, потеряли всякую силу, взгляд затуманился, я брел, как в полусне, не разбирая дороги.

Неожиданно я почувствовал, как на мое плечо опустилась чья-то участливая рука. Я поднял взгляд, полный отчаяния, и увидел перед собой доброе лицо пожилого мужчины.

— Ну не расстраивайтесь вы так, молодой человек, — сказал он. — Все перемелется, все будет хорошо.

Я, со слезами на глазах, взял двумя руками его руку, прижал ее к своему сердцу и сказал, преданно глядя в его лицо:

— Спасибо, отец. Огромное вам спасибо.

Я был искренне благодарен ему не только потому, что он захотел меня поддержать, но и оттого, что он, сам того не ведая, оценил мое искусство.

Вспомнив об уроках Ли, когда он, для того чтобы избавить меня от стеснительности, заставлял меня целовать руки всем подряд, знакомым и незнакомым, я поцеловал мужчине руку. Между нами проскочила какая-то искра. Пожилой человек весь зажегся изнутри. Мы разделяли ни с чем не сравнимый восторг взаимопонимания и благодарности, молчаливого общения, возникшего между нами. Я пошел по улице уже с гордо поднятой головой, словно его поддержка влила в меня новые силы и я вновь обрел смысл жизни, столкнувшись с добрым человеком, который готов прийти на помощь незнакомцу.

— Это была сцена, достойная Шекспира, — радостно прокомментировал Ли на следующем перекрестке. — Знаешь, ты мог бы стать неплохим актером. Главное, что твои молодость и невинность заставляют тебя быть совершенно искренним в своих эмоциональных проявлениях.

— Но этот человек действительно добрый и хотел помочь мне, — сказал я. — Поэтому я искренне благодарен ему.

— Есть побуждения и проявления. — сказал Ли. — ТЫ реагируешь на проявления, не понимая побуждений, и это уводит тебя в сторону, не позволяя видеть картину в целом. ТЫ позволил этому мужчине проявить свои лучшие качества и насладиться собой и своей властью над твоим духом. Он тоже видел не побуждение, а проявление, поэтому такие люди, как он, беззащитны и легко попадают в лапы мошенников, страдая из-за своей доверчивости, но то, что они есть среди нас, облагораживает окружающее общество, даже если их побуждения и не кристально чисты.

В качестве следующего задания Ли предложил мне войти в магазин, расположенный на одной из тихих улочек сразу за мостом через Салгир, и попросить у продавщицы 10 рублей, причем попросить так искренне, чтобы мне просто невозможно было

отказать.

Хотя я и сомневался, что мне удастся выпросить такую сумму, но уже вошел во вкус и, глядя на молодую продавщицу ясным, открытым и честным взглядом, попросил одолжить мне на полчаса 10 рублей, потому что мне срочно надо купить одну вещь и это необычайно важно для меня, деньги я обязательно верну...

Даже не спросив, что я собираюсь купить, продавщица взяла из кассы 10 рублей и отдала их мне. Мне это показалось маленьким чудом, и я понял, что так получилось именно из-за моего умения передать аромат честного, хорошего человека с прямым и искренним взглядом в глаза.

Конечно, через некоторое время я принес деньги обратно.

— А теперь, — сказал Ли, — попробуй попросить денег в следующем магазине, но так, чтобы тебе их не дали.

— Но ведь это элементарно, — возразил я. — То, что мне дали деньги — это просто чудо.

— Это не чудо, а искусство, — отрезал Ли. — В этот раз ты должен создать образ человека, которому изначально никто не поверит. Для этого ты сам должен чувствовать, что обманываешь. Я наблюдал через витрину, как ты разговаривал с продавщицей. Ты был абсолютно искренним, ты весь светился в ожидании услуги, которую она может оказать тебе. Казалось, ты вообще не верил в то, что тебе могут отказать. Ты смотрел в глаза, не отводя их, твое лицо было расслабленным и светлым. и взгляд был нежным и почти любящим. Теперь посмотри на меня.

Ли втянул голову в плечи и стал просить у меня 10 рублей. все время отводя взгляд в сторону и пытаясь не встречаться со мной глазами. Я увидел перед собой совершенно мерзкого чужого человека, лживость которого была так очевидна, что вызывала отвращение. От общения с ним возникало чувство, что меня вываливают в грязи, у меня просил деньги человек, для которого не существовало ничего святого, мошенник, который ненавидел меня, но пытался льстить, чтобы выманить деньги.

— Ну, ты даешь! — восхитился я.

— Видишь, как много значит выражение лица. поза, поворот головы. Ты заметил, что я стоял, слегка повернувшись, словно отгораживаясь от тебя плечом. Я стоял так. словно ожидал, что ты меня ударишь. Я

отводил глаза, как будто боялся, что ты заметишь ложь в моем взгляде.

В следующем магазине я повторил маневры Ли и был тут же изгнан оттуда с позором.

Ли показал мне множество поз и жестов, передающих окружающим информацию на невербальном уровне, объясняя, что

они означают и как их применять, чтобы вызвать у людей ту или иную реакцию.

— Подавляющее большинство населения. —сказал Ли, —не владеет искусством передавать нужную им информацию жестами, взглядом, ощущениями, настроением и эмоциями. То, что ты говоришь, —всего лишь слова, но то, как ты подаешь себя во время разговора, и есть аромат плода, исходящий от тебя.

По мере обучения аромат плода становился для меня все более реальным и осязаемым. Я научился классифицировать ароматы других людей и на основе этой классификации предсказывать их поведение и реакции. Ли говорил, что обычный человек имеет устойчивый аромат, слегка изменяющийся в процессе его жизни, но воин жизни меняет свой аромат, когда захочет и как захочет, и поэтому он недоступен для обычного понимания и непредсказуем.

— Сейчас ты попробуешь внутренне притягивать и отталкивать людей, —сказал Ли.

— Как это делать?

— Просто встань на углу. Для того чтобы отталкивать людей. представь, что от тебя исходит могучая сила, распространяющаяся во все стороны. Твое лицо должно быть жестким, ты чувствуешь почти наркотическое перевозбуждение, в тебе кипит злоба на весь мир. но лицо застыло, как каменное, пытаюсь сдержать внутренний напор. Ощущение звериной силы и агрессивности будет отпугивать от тебя людей.

Я встал на углу и начал моделировать ощущение силы, растекающейся во все стороны, а также нетерпения и агрессивности. зажатых внутри под большим давлением. Мое лицо окаменело, и я, чуть сдвинув брови, бросал на проходящих мимо жесткие взгляды, пристально разглядывая их. К моему удивлению, я заметил, как прохожие старались пройти как можно дальше от меня и жались к самой кромке тротуара. Несколько человек, неожиданно изменив траекторию движения, перешли через дорогу, хотя я просто стоял, молча и не делая никаких движений, и даже не смотрел на них. Видимо, исходящая от меня агрессивность действительно отпугивала людей.

Совершенно неожиданной оказалась для меня реакция старушки. которая вдруг, потрясая зонтиком, правда, на достаточно безопасном расстоянии, начала кричать, глядя на меня, что-то про бандитов, которые

заполонили улицы наших чудесных курортных городов, и про родную милицию, которая, как всегда, неизвестно куда смотрит.

На следующем перекрестке я учился притягивать людей. Я стоял, расслабленный и благожелательный, лучась добротой и счастьем. Меня просто атаковали десятки людей, спрашивая о чем-нибудь. Один старичок алкоголик прицепился ко мне, как репей, не столько стремясь стрелкнуть денег на выпивку, сколько для того, чтобы поделиться со мной своей горькой участью. неприятностями с дочкой и прочими житейскими проблемами. Я, продолжая играть свою роль, терпеливо выслушивал его долгое, запутанное повествование, памятуя об инструкциях, которые давал мне Ли.

— Ты должен уметь выслушивать людей внимательно, терпеливо и благожелательно.—говорил он,—уметь, когдахочешь, завязать разговор с любым человеком и, если нужно, выйти из разговора. Для этого необходима практика. Никогда не проявляй признаки нетерпения, выслушивая человека. Если же ты хочешь прекратить разговор, ты должен в зависимости от ситуации выбрать или приличную или агрессивную форму выхода из разговора. Иногда достаточно, даже не взглянув на человека, внутренне передать ему ощущение агрессии, чтобы дать понять, что разговор закончен, и заставить его первым прекратить общение. Но, выбирая агрессивный вариант выхода из разговора, ты всегда должен помнить о будущем, понимая, что этот человек еще может пригодиться тебе в какой-либо ситуации, может стать твоим врагом или другом. Поскольку один из принципов воинов жизни—не создавать себе врагов, я обычно пользуюсь приличной формой выхода из разговора, если это мне позволяют обстоятельства.

Любопытной была реакция моих знакомых, когда я, не упоминая о Ли, рассказывал им об этой теории общения. Обычно они реагировали со страхом и резко негативной оценкой. Больше всего почему-то раздражались женщины, обвиняя меня в неискренности и нечестной игре с их чувствами.

Я пытался объяснить, что все люди непроизвольно играют и притворяются не теми, кто они есть на самом деле, поскольку нас с детства учили врать и подавлять свои самые естественные чувства и эмоции. Я говорил, что игра—это неотъемлемый элемент и издержки

общения, что от этого никуда не деться, и поэтому естественно и нормально понимать механизмы человеческого общения и управлять ими.

Но пытаться убедить в чем-то, что ей не нравится, даже умную женщину, все равно, что плевать против ветра, и я лишний раз убедился, насколько прав был Ли, утверждая, что гово-

рять человеку чуждую и неприятную для него правду—это преступление против себя самого, против правды и против того человека.

Я понял, что лучше не стоит рассказывать другим людям о механизме упражнений с ароматом плода, потому что они принимают это слишком близко к сердцу, замыкаются в себе и начинают анализировать каждое твое слово и жест, чувствуя себя препарируемыми лягушками, участниками какого-то оскорбительного для них психологического эксперимента, хотя я воспринимал это гораздо проще и спокойнее, как интересное упражнение, без опасений, подозрения или неприятия.

Хотя я и не пытался играть со своими знакомыми и вел себя, как всегда, естественно, доброжелательно и честно, они все равно после введения их в курс дела воображали меня монстром, манипулирующим их мыслями и чувствами. Меня расстраивала тотальная психологическая безграмотность нашего населения и абсолютное нежелание воспринять какие-то элементарные основы общения, и я сказал об этом Ли.

— Не печалься о них, лучше радуйся за себя, — спокойно ответил он.—Знание дает силу, но оно же делает и одиноким, потому что только равный тебе может понять тебя. По мере обучения ты все дальше будешь уходить от людей в своих чувствах и сознании, но наука общения позволит тебе с легкостью понимать и предсказывать их и получать наслаждение от контактов с людьми, потому что на своем пути воин жизни всегда выбирает радость, а не печаль.

—А как ты сам относишься к человечеству?—спросил я.

— Если говорить правду о моем отношении к человечеству, то я отношусь к нему со смешанным чувством восхищения, жалости и отвращения. История человечества—это в основном история глупости и жестокости. Слишком мало в ней светлых и мудрых страниц. Я испытываю жалость к глупцам и отвращению к жестоким. Но это не выраженные чувства. Это— всего лишь неярко эмоциональный фон моего отношения к человечеству в целом. К каждому же конкретному человеку я отношусь с подобающим уважением, потому что он—такая же загадка природы, как ты, я, земля или вселенная. Я уже говорил тебе, что для воинов жизни существует незыблемое правило: «проявляй уважение к тем, кто достоин его, ибо в

этом нет ничего постыдного: проявляй уважение к тем, кто жаждет его, ибо в этом нет ничего трудного; проявляй уважение к тем, кто недостоин его. если это тебе позволят обстоятельства, ибо в каждом есть что-то достойное уважения».

— В чем же проявляется уважение к человеку, когда ты заставляешь меня, например, распугивать людей на улицах или обманывать их, выпрашивая у них деньги?—спросил я.

— Ты путаешь внутреннее уважение и внешние проявления уважения. Воины жизни всегда сохраняют внутреннее уважение к человеку, даже в ситуации, когда обстоятельства не позволяют проявлять внешнее уважение. Ты учишься, но учишься ты не тому, как презирать, унижать или обманывать невинных граждан. Ты изучаешь механизмы человеческого поведения и, поскольку научиться можно только через практику, ты действуешь, сохраняя внутреннее уважение к человеку в тех случаях, когда внешнее проявление уважения невозможно.

Во время одной из наших последующих встреч, когда мы беседовали о «Вкусе плода с дерева жизни», методиках поедания плода и общения. Ли заметил, что я куда-то тороплюсь, не говоря об этом, и внутренне разрываюсь между желанием пообщаться с ним и успеть на назначенное свидание. Учитель внимательно посмотрел на меня со своей обычной ехидной усмешкой и неожиданно заявил:

— Да успеешь ты к своей дылде круглолицей.

— Ты что, следишь за мной?—оторопел я.

— Нет. я просто читаю у тебя в мозгу. — с невинным видом сообщил Ли.

— Тогда прочти еще что-нибудь.

Он с явным удовольствием начал описывать дом, в который я прихожу, его обстановку и как я с ужасом жду каждый раз появления родителей своей подружки.

— Мне кажется, что ее отец—какой-то важный чиновник, —сказал он, мимикой и голосом подражая профессиональным гадалкам. —Точно, он служит в правоохранительных органах и, возможно, имеет чин офицера. Мать девушки очень строгая и бесконечно любит свою дочь.

Ли начал в мельчайших деталях описывать обстановку прихожей.

— Так вот ты заходишь, заходишь, заходишь, — повторял он. внимательно глядя на меня.—Прямо перед тобой вешалка, влево и вправо уходят двери,

снизу с левой стороны подставка для обуви. Туда ты ставишь свои ботинки...

Ли говорил и говорил.

Как я узнал впоследствии, суть этого упражнения заключалась в том, что Ли извлекал информацию из моего подсознания не только телепатически, но и визуально, втягивая меня своим рассказом в воспоминания о ситуациях и наблюдая за моими мимолетными идеомоторными реакциями, к которым он был исключительно чувствителен. Подрагивания век, глаз, незаметные движения моих рук позволяли ему еще точнее воспроизводить и описывать образы, возникающие в моей памяти.

Ли рассказывал об одной из моих подруг, к которой в то время я испытывал самые теплые чувства. Он все угадал совершенно точно. Девушка была дочерью полковника милиции, высокого роста и, как Ли пошутил, соответствовала мне по размеру. Меня привлекала ее доброта и нежность, я был действительно влюблен, но понимал, что проза жизни сильнее моих чувств, и не хотел обрекать ее и себя на тяготы совместного существования, хотя, конечно, самым решающим фактором в наших отношениях было то, что я никогда бы не смог пожертвовать учением и следованием по пути воинов жизни ради зарождающейся любви.

Ли прервал мои размышления, продолжив свой рассказ. Его взгляд расфокусировался и был направлен слегка в стороны и в никуда. Ли пересказывал наши разговоры, то, чем мы занимались, включая такие интимные подробности, что я полностью отбросил мысль о том, что он узнал это, следя за мной. Он описал даже вкус украинского борща, который моя подруга сварила с такой любовью, и то, как она кормила меня.

— Да, — сказал Ли, причмокивая губами. — Ты не дурак поесть. Если бы меня так кормили, я бы тоже, может быть, увлекся женщиной больших размеров.

Он несколько раз с блаженным выражением лица втянул носом воздух.

— Ух, ты, какой аромат исходит от этого украинского борща! — воскликнул он.

— Ли, как ты делаешь это? — спросил я.

— Очень просто. Я расслабляюсь и, зацепившись за какой-либо образ, возникший в твоём мозгу, раскручиваю всю картину. Главное — правильно начать и почувствовать, что ты находишься на нужной волне, и тогда можно рассказать очень многое о людях знакомых и незнакомых. Важную роль в этом про-

цессе играет взгляд. Глаза должны быть слегка расфокусированы, чтобы окружающий мир потерял четкость очертаний, со слегка прикрытыми веками. Направив взгляд вдаль, сосредоточься на тех образах, которые проплывают перед твоим внутренним взором или просто возникают у тебя в мозгу. Настройся на меня и попробуй ухватить мое настроение.

Ли уже и раньше передавал мне специфические состояния, которые очень трудно описать словами. Это было так называемое бессловесное обучение, когда ученик настраивается на внутреннее состояние Учителя, как бы сливаясь с ним.

Я расслабился, попытался мысленно слиться с Ли и действительно уловил мимолетное ощущение некой отстраненности от окружающего мира, легкой взвешенности сознания, когда образы, поначалу расплывчатые, а потом более четкие начинают проплывать передо мной. Я даже услышал тихий голос, словно нашептывающий мне в уши комментарии к возникающим образам.

— Кажется, ты понял, как это делается, — сказал Ли. — Остается только попробовать на практике.

Попрактиковаться мне удалось уже на следующий день. Я с приятелем ехал из города в сельхозинститут в забитом людьми двадцать пятом автобусе. Мы болтали о тренировках и о девушках. Я спросил его, где он провел вчерашний вечер. Он сказал, что ходил на день рождения к своей подруге. Неожиданно на меня нахлынуло ощущение отстраненности, испытанное вчера с Ли. Мои глаза расфокусировались, словно помимо моей воли, и передо мной неясно очертилось хищное лицо блондинки лет двадцати пяти. Я чувствовал исходящую от нее злобу и зависть. Неожиданно для себя я сказал:

— Ну и стерва же та блондинка, которая была на дне рождения. Смотри, **как** бы она не испортила твои отношения с подругой.

Эти слова оказались полной неожиданностью для моего приятеля.

— Откуда ты знаешь про блондинку? — удивился он. Я напустил на себя загадочный вид.

— ТЫ же слышал, что я занимаюсь самыми разными вещами. Я просто читаю у тебя в мозгу, — с напускной скромностью ответил я.

На выражение лица моего друга стоило посмотреть, и я, отметив про себя неумение обычных

людей следить за своей мимикой, решил закрепить успех. Нового образа у меня не возникло, но какое-то смутное ощущение заставило меня сказать:

— Она была в цветастом платье.

— Да. платье было очень переливчатое.

Эти его слова вызвали вспышку яркого света у меня перед глазами, и я увидел блондинку в ярком переливающимся платье. Зацепившись за образ и не давая ему угаснуть, я начал описывать цвет и фасон платья, потом картинка ожила, задвигалась, и я рассказал, как блондинка ходила по комнате, держа бокал вина между средним и безымянным пальцами правой руки. Вдруг я понял, что обычно люди так не держат бокалы, и попытался понять, почему она ведет себя именно так. Я увидел, что блондинка имела привычку курить, держа сигарету в той же руке, что и бокал, и что-то сказало мне, что она считает такое поведение загадочным и неотразимым.

Мышцы моей правой кисти напряглись, я почувствовал тяжесть бокала и сигарету, зажатую между большим и указательным пальцами. Я поднес руку ко рту, продемонстрировав приятно, как именно курила блондинка, чем поверг его в еще больший ужас. Я рассказал, что левой рукой блондинка непрерывно жестикулировала в воздухе, подчеркивая каждую свою фразу, и ей казалось, что это верх изящества, хотя на самом деле она была насквозь лживой и искусственной.

— Она смертельно завидует твоей подруге и вашим отношениям,—сказал я,—и все время наговаривает на нее. Не стоит прислушиваться к ее словам.

Выражение лица моего друга показывало мне, что каждое мое слово попадает в точку.

И тут меня понесло. Привязавшись к образу блондинки, я почувствовал, что становлюсь ею, и увидел все вчерашние события ее глазами. Я забыл, что нахожусь в автобусе, и полностью погрузился в созерцание картин, проплывающих перед моим внутренним взором. Я рассказал, как начался вечер, как выглядели гости, что они делали и говорили, описал взаимоотношения подруги моего приятеля с ее родителями, родителей блондинки, ее мать. вечно скандалящую с отцом и требующую большего внимания для дочери, отца, научного работника, забитого и вечно загнанного в угол двумя злобными гарпиями. Я увидел, что у блондинки был парень, и описал его черные вьющиеся волосы, нос с горбинкой, взгляд, который можно назвать орлиным, и гордую осанку. Я понял, что парень—грузин, его образ стал ясным, так что я смог в деталях описать его одежду и

рассказал, как он поссорился с блондинкой из-за того, что она проявляла повышенный интерес к моему приятелю.

Незаметно мы доехали до института, мой друг напомнил мне, что пора выходить, и только тут я вспомнил, где нахожусь. Оглядевшись вокруг, я понял, что являюсь объектом нездорового внимания со стороны пассажиров автобуса, которые смотрели на меня с каким-то странным, немного угнетенным и в то же время восторженным выражением.

Мой приятель, с тех пор безоговорочно поверивший в мои сверхъестественные способности, начал хвостом ходить за мной, требуя новых демонстраций моих талантов и объяснения того, что он видел. Поскольку к тому времени я прочитал множество книг по экстрасенсорике, мне было нетрудно давать ему объяснения без упоминания имени Ли.

Когда во время следующей встречи я рассказал Учителю о том, что в автобусе у меня получился рассказ по наитию, он, не выразив особого восторга, заметил, что это вполне естественно и что главное—войти в нужное состояние, а дальше все получится само собой.

Я захватил с собой ксерокопию самиздатовской книги по философским вопросам кунг-фу, которую я еще не успел прочитать, и показал ее Ли. Он открыл ее на середине и начал читать, демонстративно покачивая головой и цокая языком так, словно нашел там какие-то необычайно интересные откровения. Помимо своей воли я заинтересовался и потянулся посмотреть, что же он такое читает, но Ли жестом злокозненного ребенка захлопнул книгу, спрятал ее за спину и нагло усмехнулся мне в лицо.

—Ли, это же смешно,—сказал я.—Зачем ты скрываешь от меня то, что написано в этой книге. Все равно я потом посмотрю и все узнаю.

—А ты уверен, что текст книги не переменится?—с ехидной усмешкой спросил он.

Я засмеялся его шутке, но где-то в глубине души у меня вдруг появилось опасение, что текст книги действительно может перемениться. Чудеса, которые показывал мне Ли, и то, что он делал с моей жизнью, подготовили меня к любым неожиданностям, и я верил в его всемогущество почти с восторженностью папуаса, падающего ниц при виде пролетающего само-

лета.

ГЛАВА VI

Однажды я спросил у Ли, есть ли у воинов жизни техника «ядовитой руки», когда легким касанием пальца можно мгновенно убить человека или заставить его заболеть в какое-то точно определенное время.

— Привлекательный способ убийства,—почему-то развеселился он.—Создан специально для лентяев. Даже не нужно размахиваться, чтобы двинуть врага в челюсть. Прошел мимо, тронул его пальчиком, тот с копыт долой, и никаких улик.

— Ли, я серьезно спрашиваю. Я читал об этой технике, она кажется просто фантастичной. Действительно можно убивать касанием пальца?

— Ты даже не представляешь, сколькими способами можно лишить человека жизни. Касание пальца—один из этих способов. но далеко не самый простой. Прежде чем ты сможешь убить касанием пальца, ты должен научиться лечить прикосновениями любую болезнь. Это, конечно, выглядит не так романтично, как рукопашный бой. Ты чересчур агрессивен, как всякий европеец, и смерть притягивает тебя. Но постепенно ты изменишься, и тебя будет притягивать жизнь, а не смерть. Тогда ты научишься лечить, а вместе с искусством врачевания усовершенствуется и твое искусство убийцы, как это бывает с каждым врачом, даже если он не отдает себе в этом отчета.

—Мне совсем не хочется никого убивать.—возразил я.— Но ты сам учила меня, что боевое искусство Спокойных—это самое совершенное искусство отнятия жизни. Ты сам говорил мне, что воины жизни всегда добивают противника, чтобы не дать ему отомстить или нанести неожиданный удар. Что же странного в том, что меня интересуют различные способы убийства?

—ТЫ видишь только то, что хочешь видеть,—заметил Ли. —Нам еще рано об этом говорить.

Я понял, что бесполезно спорить, и неожиданно решился задать вопрос, который уже давно мучил меня.

— Ли, тебе приходилось убивать людей?

— Конечно, и не раз, —усмехнулся Ли.

— И что ты при этом чувствовал?

— Я убивал со спокойным умом и спящим сердцем.—ответил он с такой интонацией, что я

понял, что дальше расспрашивать не стоит.

Мы молчали. Мне показалось, что в его глазах была какая-то печаль воспоминаний, хотя на самом деле я никогда не мог угадать по выражению его лица, о чем он думает.

— Встань, я покажу тебе, как можно ударить разными способами в солнечное сплетение.— неожиданно предложил Ли. Я встал перед ним и приготовился к удару.

—Нанося удар, ты должен выбрать нужную тебе форму руки и необходимое состояние, тогда ты сможешь поразить не только большой город, но и один из его пригородов. Для этого тебе придется выдохнуть ци* в противника в нужном направлении. совместив это с соответствующим состоянием.

Я впервые услышал о городах и пригородах и спросил, что это такое.

Ли. проигнорировав мой вопрос, начал объяснять технику перемен и поворотов локтя, изменяющих направление усилия.

Когда он закончил объяснение, я снова спросил его, что такое города и пригороды. Я уже успел прочитать несколько книг по рефлексотерапии и понимал, что города и пригороды скорее всего связаны с активными точками и зонами организма, но с этой терминологией я сталкивался впервые.

— Только не говори мне. что не знаешь, что такое город, — притворно удивился Ли. — Неужели я никогда тебе об этом не рассказывал?

— Я знаю, что город—это большое скопление домов, в которых живут люди,—в тон ему ответил я.

— Люди могут и не жить в домах, тогда город будет заброшен.

— А при чем тут заброшенный город?

На лице Ли было написано явное удовольствие. Он всегда наслаждался моими чересчур откровенными реакциями. Это подшучивание и скрытое издевательство было направлено на то, чтобы я как можно лучше запоминал то, что он рассказывает. Различные чувства, положительные и отрицательные, которые он во мне возбуждал, создавали своеобразные эмоциональные привязки, которые намертво впечатывали в мою память самую ситуацию и то, что при этом говорилось.

* Ци—внутренняя энергия живого организма.

— Знание заползает в европейца через палку, — утверждал Учитель. — Оно не дается ему легко и свободно, как это нужно для того, чтобы знание превратилось в осознание и стало частью личности. Знание—это лишь информация, которую забывают, не могут и не умеют использовать полноценно, а осознание—это знание, которое растворилось в тебе. стало частью тебя, которое настолько хорошо тобой впитано и осознано, что ты можешь применять его не только по назначению, но и в совершенно, казалось бы, независимых, не граничащих с этим знанием областях.

Время показало, что Ли, как всегда, был прав. Готовясь к экзаменам в институте, я запоминал массу информации, которая через несколько дней почти полностью улетучивалась у меня из головы, но то, чему обучал меня Ли, самые сложные теоретические построения и комплексы приемов даже через многие годы по-прежнему свежи в моей памяти.

— Город—это место, где собираются люди и проводят большую часть своего времени. Город—это зона пространства или местности, где жители создают для себя максимально удобные условия существования. Город может быть привязан к удобствам местности, а может быть временным поселением, как это делают, например, кочевники на своих переходах. В любом случае, если в городе есть население, это живой город, а если жители ушли из него. город заброшен, но даже брошенный город содержит потенцию жизни хотя бы потому, что это не просто голая местность, а среда, каким-то образом приспособленная для существования, и если жители вернуться, в нем снова возродится жизнь. Пригород—это небольшая деревенька или отдельная часть города, расположенная недалеко от большого города.

— А как это связано с техникой, которую ты мне показываешь?

— Я говорю тебе об искусстве выпускания стрелы. Состояние гибкого кулака, принимающего десятки форм, порождается навыком приложения усилия той или иной части твоего кулака или же измененной формы кисти к тому или иному участку тела противника.

С этими словами Ли достаточно сильно ударил меня в грудь.

— Я нанес тебе удар, но ты легко выдержал его, потому что тебе помогли напрягшиеся мышцы.

Удар такой же формы и силы в эту зону, —и он

стукнул меня сбоку по ребрам,—гораздо более эффективен за счет того, что здесь мало мышц, чтобы амортизировать удар.

А сейчас я ударю тебя в четверть силы предыдущего удара. Ли легонько ткнул меня в солнечное сплетение. Увидев, как у меня сбилось дыхание, он хлопком ладони по спине восстановил его.

—Видишь, какой эффект от слабого удара?—сказал он.— И дело не только в том, что эта зона плохо защищена мышцами, но и в том, что здесь подходят слишком близко к поверхности тела города твоего организма. Они уязвимы. Удары, которые я наносил, можно сравнить с нападением на воинов (он снова ударил меня в мышцы груди), с нападением на землю населенную разрозненными жителями (он стукнул меня по ребрам), и с нападением на большой незащищенный город (он ткнул меня в солнечное сплетение и снова восстановил мне дыхание). Понятие города очень многозначно, и я сомневаюсь, сможешь ли ты запомнить все его нюансы.

— Ли, ты не против, если мы сходим в чебуречную? Я торопился на встречу с тобой и не успел как следует поесть после института. Мне кажется, после еды нюансы мне будут легче даваться.—сказал я.

Мы пошли в чебуречную, и там Ли продолжил объяснение.

—Древнее учение о путях, городах, крепостях и воинах предназначено для восстановления воина после битвы, для излечения его после похода и для так интересующего тебя уничтожения противника легким касанием пальца.

Поскольку это учение пришло к нам из глубокой древности, а в древности, как ты понимаешь, уровень грамотности и образования населения практически равнялся нулю, учителям приходилось прибегать к очень конкретному и образному языку для того, чтобы передавать знания туповатым и безграмотным новообращенным.

На твоём языке город можно назвать нервным центром или биологически активной точкой или зоной, хотя понятие города у Спокойных более широкое, чем в традиционной рефлексотерапии. Города могут возникать и пропадать, перемещаться, иметь здоровые и больные пригороды, увеличиваться и уменьшаться в объеме.

Если город занимал враг. то при «подходе войск», то есть при оказании давления на точку, в ней возникала боль, что само по себе являлось признаком болезни. Тактика и стратегия лечения развивалась по военным сценариям.

Если боль от нажатия или какое-нибудь другое ощущение, которое могло быть почесыванием, покалыванием, распиранием, щекоткой и так далее, перебегало или отдавалось в какой-либо точке или зоне тела, это означало, что лазутчики (ощущения) донесли о наличии или перемещении вражеских войск в другом городе, и их следовало разгромить местными войсками, чтобы они не накопили силы. Для этого нужно было отыскать и подвергнуть воздействию самую болезненную точку в зоне, из которой исходил сигнал, или в городе, если ощущение было четко локализовано.

Осаждая город—производя лечение, обязательно препятствовали распространению и перемещению болезни, отсекая ей пути в близлежащие города путем воздействия на них. Если и они были заняты врагами, барьер переносился дальше. Причем больные города ограждали не только выше и ниже по родному меридиану (пути), но и со стороны близлежащих городов, расположенных на других путях.

Если при штурме города, то есть при непосредственном давлении на точку, боль была слишком сильной, это означало, что население города несет большие потери, и интенсивность штурма (воздействия) уменьшали, продлевая при этом осаду (лечение).

Если же при штурме города враг пытался захватить дворцы Владык, то есть ощущение уходило вглубь, к внутренним органам, то высылалась погоня—возникшее ощущение многократно возобновлялось, более того, изыскивались точки, ощущения от которых устремлялись к тому же органу. Такие точки разыскивались не только в районе города, послужившего исходным пунктом похода на дворцы, а такой город мог быть существенно удален от них и находиться, например, на конечности, но и непосредственно над органом, причем с разных сторон туловища. Этот способ воздействия ассоциировался с высыланием погони.

Различные образования на коже и в тканях, фурункулы, родинки и бородавки не подвергались атаке войск, так как считалось, что это—крепости союзных врагу сил, временно сохраняющих нейтралитет, и нападать на них было опасно. Однако по ним часто определяли местонахождение сил врага.

Говоря, что города похожи на нервные центры, я

несколько отступаю от истины. Скорее, город можно назвать центром жизни или центром энергии, хотя мне вообще не нравится говорить об энергии. Люди Запада затаскали и обесмыслили слово «энергия». Им пользуются все, кому не лень, включая проходимцев от медицины и оккультных наук, и каждый вкладывает в это слово свой смысл. Спокойные называют города центрами жизни, потому что они являются средоточием многих проявлений жизни. Составляющие жизни заполняют в определенном сочетании, количестве и составе тот или иной город. Составляющие жизни можно сравнить с национальностями людей, с их профессиями, положением в обществе или слоями общества вроде классов или сословий.

Город может быть создан врагами твоего организма, болезнями или вредоносными энергиями. Пути—это не только классические меридианы, но и любые траектории, по которым движутся потоки взаимодействующих, противоборствующих или взаимозаменяющих энергий. Состояние города может меняться от любых внешних и внутренних причин, от погоды или от настроения. Твое тело представляет собой Землю, или земной шар, разделенный на государства, которые то воюют между собой, то заключают мир в зависимости от разных причин и внешних воздействий.

Государства, как и города, могут менять очертания, разрастаться, становиться многоэтажными, уходя вглубь или собираясь к центру. По путям, в зависимости от воздействия на города изнутри или извне, могут передвигаться массы жизненных воинов или их противников. Воины могут создавать новые города, разрушать старые или отвоевывать обратно захваченные врагом территории. Некоторые города играют для государства такую важную роль, что сильное, мощное воздействие на них чревато или мгновенными или отдаленными последствиями. Вот в этом и заключается секрет ядовитой руки. Легким касанием послав воинов разрушения в ключевой город государства, ты можешь уничтожить и государство и всю Землю, то есть человека, или заложить в него разрушительную программу, когда воинам потребуется некоторое время для уничтожения Земли.

— Все это очень образно.—сказал я, —но нельзя ли поконкретнее. Лучше объясни мне на примерах, как

применяется эта теория, у тебя это очень хорошо получается.

— Люблю лести, даже завуалированную. — улыбнулся Ли. — Хотя твоя лесть слишком заметна, мне доставляет удовольствие слышать ее именно из твоих уст.

Самый простой способ применения теории городов для лечения конкретной болезни или общего оздоровления организ-

ма—определить пальпацией все болезненные зоны твоего тела. выбрать **из** них зону наиболее болезненную и воздействовать на нее в первую очередь давлением, хотя не исключается прижигание или иглы. Потом к воздействию подключаются мыслеобразы. На город влияют формы или состояния, созданные твоим воображением. Нормальная чувствительность точки без резко выраженных болевых ощущений—признак того, что город не занят врагом и живет нормальной жизнью. Занятый противником город — признак болезни, что проявляется в повышенной чувствительности точки при надавливании.

Иногда враги истребляют почти всех жителей города и уходят, оставив его пустым и безжизненным, и тогда город вообще не подает признаков жизни, то есть нарушается нормальная чувствительность точки, и при надавливании на нее вообще не возникает болевых ощущений. Тогда на точку воздействуют до тех пор, пока новые мирные жители не поселятся в городе и не восстановится нормальная чувствительность.

Когда во время механического воздействия возникает ощущение тяжа, натянутой струны, тока внутри тела или иррадиации боли, это называется оживлением или указанием пути, по которому, не скрываясь, движутся либо болезнь, либо воины городов. Если боль иррадирует при воздействии в другую зону, например, при воздействии на руку переходит в ногу или голову, это означает, что противник, убежав в новый город, организывает сопротивление, и нужно срочно принимать меры, напав на тот город, не давая противнику времени, чтобы окрепнуть и снова пойти походом на здоровые города.

Противника можно окружать, воздействуя на точки выше и ниже занятого врагом города, и после этого воздействовать на сам город. Устраивались засады на врага, когда сначала воздействовали на здоровую точку, после чего начинали воздействовать последовательно на близкорасположенные болезненные точки, и так постепенно гнали врага к хорошо проработанной здоровой точке, где его и уничтожали. Существуют формы работы сразу с большими участками энергии, но об этом ты узнаешь позже.

Трудно провести точную черту между городом и пригородом. Их отличают только размеры и уровень

заклученной в них энергии. Пригород—одна из точек, составляющих большую активную зону или часть ее, а город может быть и точкой зоны и целой зоной. Города и пригороды все время меняют свои очертания. Даже самый маленький пригород в определенной ситуации мог распасться на несколько более мелких. При высоком уровне энергии размер города увеличивался, и пригороды входили в него, становясь районами города. Город мог распасться на цепочку мелких городов или пригородов, между которыми уровень энергии был понижен.

Мы вышли из чебуречной и направились в парк. Ли сказал, что хочет показать мне воздействие удара на города и пригороды.

— Если я просто нанесу прямой удар по какой-либо зоне, его примут на себя сразу несколько городов и пригородов, энергия воздействия рассеется, и им легче будет выдержать силу удара.

Ли, приложив кулак к моему солнечному сплетению, показал зону прямого удара.

— Но если я сделаю небольшую перемену локтем.—он повернул руку в локте, не меняя положения кулака, —и смещусь к вот этой косточке (он указал мне на косточку кулака), то мое воздействие будет направлено лишь на маленький пригород, от которого лежит путь к внутренним областям, к государствам внутри.

— Какие государства находятся внутри?—спросил я.

— Государства—это внутренние органы и некоторые внутренние области тела. Воины—это энергетические составляющие. ощущения и составляющие ощущений. Механическое воздействие—тоже воины, а также воля полководцев, потому что в нем заключена энергия прилагаемого усилия. Ты нападаешь на пригород, посылая сильное механическое воздействие, или помогаешь ему, когда воздействие слабое и целительное. Но мощное направленное воздействие или поражение пригорода с помощью болезненного выдоха ци—техника ядовитой руки, прокладывает себе путь внутрь по оставшимся без защиты путям и уничтожает государства...

ГЛАВА VII

Однажды ночью, после тренировки, мы с Ли шли через парк Гагарина. Вдруг мне показалось, что за нами кто-то следит. Поблизости никого не было, и я решил, что мне это только почудилось, но тревожное ощущение пристального внимания со стороны не проходило.

— Не знаю почему, но мне кажется, что кто-то за нами следит.—сказал я, обращаясь к корейцу.

— Почему ты в этом уверен?

— Я не уверен, просто у меня такое чувство.

— Раз у тебя такое чувство, доверься ему и попробуй обнаружить того, кто следует за нами.

Мы шли по темной аллее, и я, чувствуя себя героем шпионского фильма, сделал кувырок в сторону и затаился за скамейкой. Кореец спокойно пошел дальше, как будто ничего не случилось, и, перейдя через небольшой мостик, скрылся в тени деревьев.

Через несколько минут в аллее появилась группа из трех человек. Они шли не торопясь, иногда останавливались и тихо разговаривали.

Меня удивила то, что они не курили, потому что очень редко можно увидеть компанию некурящих мужчин, если они кого-то ожидают и не заняты каким-либо делом. Когда компания подошла поближе к скамейке, за которой я лежал, я смог их разглядеть. Все трое были молодыми и сильными. Черты лица их явно свидетельствовали о восточном происхождении. Я решил, что это корейцы.

К тому времени я уже достаточно наслушался рассказов Ли о борьбе тайных кланов, и в моем воображении возникла картина того, как неведомые враги клана воинов жизни преследуют моего друга, а заодно с ним и меня.

Корейцы прошли мимо, а я осторожно выбрался из-под скамейки, пробежал кругами через несколько аллей, чтобы убедиться, что за мной никто не следует, и затаился в кустах около дорожки, по которой, как я рассчитывал, должен был пройти Ли.

Минут через пять я действительно заметил его, неторопливо шагающего в моем направлении, и, когда он поравнялся со мной, я шепнул ему из-за кустов, что заметил трех очень подозрительных парней азиатского происхождения.

—Ты должен напасть на них,—приказал кореец,—но напасть таким образом, чтобы выйти из ситуации с

наименьшим ущербом для себя.

— Да ты что, их же трое и они, похоже, очень хорошо подготовлены.

— А зачем тебе голова? Не нужно нападать сразу на всех, сделай так, чтобы они разошлись, и атакуй их поодиночке, а если сможешь, то вообще обойдись без мордобоя.

Подумав, я сказал:

— Знаешь, что-то не хочется мне ни на кого нападать, мне кажется, что лучше просто смыться.

— Это, конечно, умный ход, —сказал кореец,—но в данной ситуации нужно напасть на них. В случае чего, я тебе помогу.

— Как же ты мне поможешь?

—Увидишь. Обещаю, что помогу тебе, если ты не справишься. Воспринимай это как момент обучения.

Ли прошел мимо меня, продолжая неторопливо прогуливаться, а я остался сидеть в кустах, лихорадочно соображая, что же мне делать. Меня ужасала мысль ни с того ни с сего ввязаться в драку с тремя сильными противниками, и для начала я решил разведать обстановку. Я пошел по аллеям, стараясь держаться в тени деревьев и высматривая группу преследователей. На одном из перекрестков я их заметил. Кореицы стояли, словно в нерешительности, и, похоже, совещались, где нас искать. Я смотрел на них, почти отказавшись от мысли нападать, как вдруг один из них повернулся и пошел по аллее, а двое остались стоять на том же месте.

— Наверно, его послали искать нас, —подумал я. Тут я вспомнил, что у меня в кармане лежит повязка дружинника. Я надел повязку, вышел из укрытия и уверенным шагом направился к компании.

Видимо, мое появление оказалось для них полной неожиданностью. Они молча, с удивлением уставились на меня.

— Что вы тут делаете? Предъявите документы, — жестко приказал я.

Парочка замерла в растерянности, и тут я вынул свисток и громко засвистел. Азиаты вздрогнули и бросились бежать со всех ног.

Из аллеи появился третий. Он с вытянувшимся лицом наблюдал за бегством своих товарищей. Осмелев от первого успеха, я бросился к нему, но он тут же пустился наутек.

Я почувствовал огромное облегчение. Мне удалось справиться с заданием и избавиться от преследователей с наименьшими потерями для себя.

Я поспешил разыскать Ли и встретился с ним уже через несколько минут.

— Я напал на них, но они убежали, — сказал я.

— А я-то думал, что тебя надо выручать, — с усмешкой ответил он.

Я спрятал повязку ДНД, и мы пошли в город.

По дороге я пристал к Ли с вопросами, кем могли быть эти люди и что им от нас нужно.

Ли сухо ответил, что нет смысла строить догадки, а нужно просто поймать и допросить одного из них, и все станет ясно.

Когда мы были уж недалеко от моего дома, поднимаясь по улочке от кинотеатра «Симферополь» в направлении магазина «Океан», я снова почувствовал слежку и среагировал мгновенно. Я схватил Ли за руку и буквально волоком затащил его в проходной двор и оттуда в сквозной подъезд одного из домов. Мы выскочили на параллельную улицу и там разделились. Он затаился в каком-то дворе, а я вскочил на забор с примыкающим к нему сарайчиком и распластался на крыше сарая, сжимая в руках толстую палку, которую ухитрился прихватить во дворе.

Один из преследователей пробежал мимо меня. Я не стал нападать на него, ожидая, что появятся двое других. С крыши сарая я видел, как он заглянул в проулки, а потом побежал в сторону Центрального универмага и скрылся из вида.

Вскоре появились двое его приятелей.

Парочка совещалась о чем-то, и они разошлись: один отправился наверх к Пролетарской улице, а другой начал ходить взад-вперед по улице, на которой находился сарай. Потом он подошел к забору, за которым я прятался, и присел на корточки, привалившись к нему спиной и оказавшись практически подо мной.

Я понял, что более удачного момента для нападения не представится, и пополз по крыше сарая,

выбирая более удобную позицию для прыжка. Из-под моей ноги вылетел камешек и упал вниз. Парень, услышав шум, приподнялся, но тут я прыгнул на него и с размаху ударил палкой. Он дико закричал и отскочил в сторону, я размахнулся и снова ударил, отведя его руки и целясь в *шею*. К моему удивлению, он снова вскрикнул, упал и остался лежать без движения. Я стоял над распростертым телом, сжимая в руках палку, и думал, стоит ли ударить еще раз для страховки или уже достаточно. Мне показалось, что парень зашевелился, я поднял палку, и вдруг она вылетела у меня из рук от резкого удара. Я отскочил в сторону и увидел Ли, возникшего словно из ниоткуда.

— Я думал, что ты ждешь меня во дворе,—с облегчением произнес я.

Ли схватил парня за руки и сказал:

— Берись за ноги. отволочем его во двор. там будем допрашивать.

Мы бегом оттащили бесчувственного корейца во двор и положили его на землю. Ли несколько мгновений смотрел на него, словно в нерешительности, и затем сказал:

— Здесь его допрашивать нельзя—крики могут услышать. Надо уйти подальше. На улицу выходить мы не можем, придется уходить по крышам.

Ли быстро снял с парня его одежду, крепко связал этой одеждой его руки и ноги и засунул ему в рот его же собственные носки. Все происходящее показалось мне нереальным, как будто я сплю и вижу сон.

— Быстрее.—скомандовал Ли и с кошачьей ловкостью буквально взлетел на крышу небольшого домика. Мы перебирались по крышам, стараясь производить как можно меньше шума, но это было трудно, так как старые крытые железом или черепицей крыши трещали, хрустели и звенели под ногами. Из дворов нас облаивали собаки. Потом мы спустились с крыш и понесли пленника через какие-то дворы.

Я был слишком возбужден, чтобы хорошо соображать, но еще на крыше понял, что парень притворяется, что он без сознания. Когда мы его роняли, его тело слегка напрягалось, чтобы смягчить удар.

Я тогда сказал Ли:

— Мне кажется, он приходит в себя. может быть, его еще раз долбануть?

— Не надо, — ответил тот. — я нажал ему на

нужную точку, и он сейчас не причинит нам хлопот.

Такая уверенность Ли мне показалась немного странной. но я не стал возражать.

В конце концов. Ли выбрал безлюдное место и приказал мне остановиться и положить пленника на землю.

— Сейчас мы будем его допрашивать, — сказал он.

Ли приподнял парня за плечи, посадил спиной к стене и ногтем надавил на точку у него под носом. Парень застонал и открыл глаза. Ли вынул носки у него изо рта и, предупредив, что прикончит его, если тот попытается закричать, начал задавать вопросы, выясняя, кто он. откуда и кто его послал следить за нами.

Пленник молчал, злобно глядя на Ли, и время от времени с выражением крайнего презрения сплевывал на землю.

Ли повернулся ко мне.

— Ты должен заставить его говорить. По-моему, пора применить пытку, — сказал он.

Я улыбнулся и ответил:

— Это твой человек.

— Почему ты так решил?

— Это очевидно. Ты предлагаешь мне пытать его, вместо того чтобы делать это самому. Два раза ты не позволил мне ударить его, а теперь ждешь от меня каких-то действий. Если тебе очень хочется—давай я долбану его головой о стену.

— Будем считать, что ты выдержал это испытание,—сказал Ли. —Ты угадал. Это действительно мой человек.

Он быстро развязал пленника, одновременно укоряя его за то, что тот был недостаточно ловок. Парень оделся, молча поклонился Ли и ушел.

— Зачем ты это сделал?—спросил я. —Ведь парень мог здорово пострадать?

— Не волнуйся, он достаточно крепок, чтобы выдержать твои удары. Ты нуждался в подобном уроке, потому что только в критической ситуации человек может сломать свои внутренние барьеры.

— Какие барьеры?

— Во-первых, ты преодолел страх перед схваткой с неведомым и сильным противником. Победив в этой схватке, ты приобрел уверенность в себе. Но, что гораздо важнее, ты сумел разрушить стереотип законопослушного гражданина. Обычный человек часто даже в смертельно опасной для него ситуации не может преодолеть себя и начать действовать против

закона, против общепринятых норм морали или религиозных догм. Внутренний неконтролируемый страх нарушить какие-то запреты лишает его самостоятельности и делает слабым и пассивным. Такой человек будет ждать помощи от милиции, полиции, закона или Бога. Он будет думать о том, что на свете существует высшая справедливость, что добро должно победить зло и надеяться **на** что-то, но только не на себя. Именно поэтому он упускает возможность дать восторжествовать справедливости.

Воин жизни не может позволить себе роскоши быть слабым и подчиняться бессмысленным установкам. Он следует законам общества, в котором живет, если ему позволяют обстоятельства. и нарушает законы, когда обстоятельства к этому вынуждают... например, спасая собственную жизнь.

Мы почти дошли до моего дома, когда Ли сказал:

— В субботу мы поедем на перевал, и ты увидишь, как тренируются ученики одного из моих братьев.

— У тебя здесь есть братья?—спросил я.

— Братьями я называю тех, кто следует по тому же пути, что и я, —сказал Ли.

На следующее утро я вышел из дома и направился к автобусной остановке, чтобы доехать до института. Мельком я заметил какого-то человека, который показался мне странным, и у меня возникло подозрение, что он следит за мной.

—Продолжаются вчерашние игры.—подумал я и решил получше разглядеть своего преследователя и убедиться, что не ошибаюсь. Я ускорил шаг, потом побежал. Обернувшись, я увидел, что человек бежит за мной. Я резко свернул на боковую улицу, по которой почти никто не ходит, кроме тех, кто живет на ней, и пошел медленным шагом. На середине улицы я сделал вид, что уронил ключи, и, поднимая их, незаметно посмотрел назад.

Мой преследователь стоял на углу, прикуривая сигарету и нарочито не смотря в мою сторону. В этот раз мне удалось его хорошо разглядеть, и я сразу понял, что к Ли он не имеет никакого отношения. Во-первых, я сомневался, что ученики Ли или его братья стали бы курить, во-вторых, он был европейцем, но главное, что меня убедило. —это выражение его лица. У него было лицо типичного уголовника. Оно было немного туповатое и злобное. Одет он был обычно и довольно неряшливо—в куртку неприятного

коричневатого цвета.

Я медленно проследовал по улице до поворота, повернул направо и бросился бежать, сворачивая в переулки и пересекая

дворы. В одном из двориков я затаился и, выглянув, увидел, как мой преследователь мечется по улице, разыскивая меня. Подождав некоторое время и убедившись, что он окончательно потерял надежду отыскать меня, я пошел в институт.

Поскольку до субботы я не должен был встретиться с Ли, на ночь я решил остаться в общежитии института. Я был в своей комнате, когда дверь резко распахнулась, и в комнату вошли двое. В одном из них я узнал человека, следившего за мной утром. Второй был выше ростом и более массивным, с угрюмым неприятным лицом.

— Что вам нужно?—спросил я.

— Мы принадлежим к обществу Черного дракона, —торжественно сказал тот, кто следил за мной. — Говорят, в Крыму ты один из лучших специалистов по рукопашному бою. Наше общество выбрало тебя, чтобы ты тренировал нас.

—А чем занимается общество Черного дракона?—поинтересовался я.

— Об этом ты узнаешь в свое время, —отрезал он.

— Мы бьем ментов, —с нехорошей усмешкой произнес высокий.

В его устах «бьем» прозвучало как «убиваем».

—Не думаю, что смогу тренировать вас.—сказал я.—Я слишком сильно загружен и не смогу выбрать время.

—Ты сможешь выбрать время, —жестко произнес первый. —Общество Черного дракона жестоко мстит тем, кто противится ему. Вначале мы проверим, достоин ли ты тренировать нас, и для этого ты должен будешь выдержать схватку с нашими лучшими бойцами. Назначь время и место поединка.

Мне стало не по себе. Перспектива вступить в конфликт с бандой психопатов, сдвинутых на боевых искусствах, основательно меня напугала. Чтобы прояснить ситуацию, я предложил:

— Может быть, подеремся прямо здесь?

—Нет, это может привлечь внимание,—сказал первый.— Мы не хотим рисковать. Назначай место и время, но не позднее завтрашнего дня.

Я предложил встретиться завтра вечером около могилы Болгарева, расположенной в парке сельхозинститута.

Как я жалел, что до субботы не смогу встретиться с Ли и спросить у него совета! Найти его я не мог, поэтому отправился к своим друзьям, чтобы разузнать

что-нибудь об обществе Черного дракона и подготовиться к завтрашнему поединку.

Никто из моих знакомых никогда не слышал о Черных драконах. На следующий день я с двумя своими друзьями, которые тренировались у Эльюнси Мухаммеда, пришел к могиле Болгарева примерно за час до назначенного времени. Мы подготовились к драке, на всякий случай спрятали в траве пруты железной арматуры и вырвали из земли несколько табличек с названиями деревьев, произрастающих в парке. Эти таблички были изготовлены в виде металлического стержня с приваренной к нему железной пластиной и могли служить своеобразными топориками. Таблички мы разложили в укромных местах, друзья спрятались в засаде, а я стал ждать появления Черных драконов. но они так и не пришли.

Я поехал домой и в автобусе встретил своего приятеля-художника, который брал у меня уроки рукопашного боя. Он предложил проводить меня до дома.

Под аркой моего дома курили двое.

—Мы из общества Черного дракона,—сказали они.—Мы ждем тебя. Пойдешь с нами. Если сделаешь хоть один шаг вперед, начнем бой прямо здесь.

Мне не хотелось драться в своем дворе, где меня могла увидеть мама и соседи, и я согласился пойти с ними.

Мы с приятелем пошли вперед, и, когда нам удалось немного оторваться, он тихо спросил меня:

— Что мне делать, убегать?

— Лучше останься. Когда я начну драться, если дела пойдут плохо, побежишь и позовешь кого-нибудь на помощь.

Тут Черные драконы нас догнали. Мы вошли в переулочек с булыжной мостовой около татарских дувалов.

Черные драконы сказали, что драться будем здесь.

— Почему вы не пришли к могиле Болгарева, как мы договорились?—спросил я.

— Мы же не дураки и прекрасно понимали, что там ты подготовишь какой-нибудь сюрприз. А здесь мы будем драться честно,—сказал один из них.

— Я буду драться с одним из вас или с обоими?—спросил я.

— Достаточно одного меня, —ответил самый рослый из них и сделал шаг вперед. Он подвигался на месте, словно разминаясь. Его движения были легкими

и быстрыми. Затем он резко прыгнул ко мне в манере каратистов. Я отскочил. Мы повторили это пару раз, и в какой-то момент, когда он шагнул ко мне, я, вместо того, чтобы отскочить, сделал шаг к нему и ребром сто-

пы ударил его в шею с такой силой, что он упал, да так и остался лежать.

Мой приятель, изрядно напуганный, смотрел на нас с отвалившейся челюстью.

Второй Черный дракон гордо посмотрел на меня и сказал:

—Ты нам подходишь.

Затем он просто повернулся и ушел, оставив товарища лежать на мостовой.

— Наверно нужно вызвать врача.—сказал я.

—Ты что, с ума сошел,—ответил мой приятель. — Хочешь, чтобы нас забрали в милицию? Давай лучше сматываться.

— Пожалуй, ты прав, —ответил я.

Я приложил пальцы к шее моего противника. Пульс прощупывался, но он по-прежнему был в глубоком обмороке.

Мой друг побежал домой, а я все-таки не выдержал и позвонил из автомата в «Скорую помощь», сказав, что какой-то человек лежит на улице без сознания.

Долгое время Черные драконы меня не беспокоили, но потом мне вновь пришлось столкнуться с ними.

В субботу днем я встретился с Ли, и мы на троллейбусе поехали на перевал. По дороге я рассказал ему о столкновении с Черными драконами. Ли сказал, что я, в общем, действовал правильно, и обещал в случае необходимости свою помощь. На перевале мы вышли из троллейбуса, и Ли по тропинке повел меня в горы. Минут через пятнадцать мы увидели молодого корейца, который сидел под скалой на стволе дерева, уложенного на камни. Кореец встал, молча поклонился Ли и обменялся с ним какими-то, тогда мне еще непонятными, жестами.

Потом он сказал:

— Нас уже ждут. Учитель Учителя.

На меня он даже не взглянул.

Довольно долго мы поднимались в горы по почти незаметным тропинкам в полном молчании. Наконец мы вышли на поляну, расположенную на крутом склоне. Выше уже начиналась яйла*.

На поляне тренировались несколько групп корейцев. Наш сопровождающий, снова обменявшись жестами с Ли, присоединился к ним. На нас никто не обратил внимания, ритм тренировки не изменился.

• *Яйла*—плоская, безлесная поверхность крымских гор.

От одной из групп отделился человек более пожилого возраста, чем остальные. Я понял, что это Учитель. Он подошел к Ли. жестами выразил ему свое почтение и вернулся обратно. Ли движением руки приказал мне сесть под дерево и опустился на землю рядом со мной.

Подобной тренировки мне никогда раньше видеть не приходилось. Я впервые по-настоящему осознал, что такое «потогонная система». Корейцы тренировались, разбившись на группы по три-четыре человека, отрабатывая различные элементы боя в лесу, хождения и бега специальными способами вверх и вниз по склону, прыжки с опорой и без опоры, лазанье по деревьям.

Они наносили удары руками и ногами по деревьям, перемещаясь по склону вокруг дерева сверху вниз и снизу вверх, что значительно усложняло тренировку, так как склон был достаточно крутой. Очень много времени уделялось отработке техники прыжков с использованием преимуществ местности. Ученики совершали сверху вниз по склону очень длинные прыжки, успевая в полете выполнить большее количество ударов и технических элементов, чем это удалось бы им в спортзале на горизонтальной поверхности. Они учились приземляться с большой высоты на кучи листьев, на землю, совершая кувырки и перекаты с переходами в стойки.

Мы наблюдали, сидя под деревом, около четырех часов. Тренировка не прекращалась ни на минуту. Затем Ли сделал мне знак уходить, и мы тихо ушли. ни с кем не попрощавшись.

—Ты видел достаточно, —сказал Ли. На перевале мы сели на троллейбус, и я тут же задал вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— Кто эти люди?

—Это люди, идущие по пути воина,—ответил Ли.—Пока еще они находятся в состоянии, которое не делает их настоящими последователями воинов жизни, но их тело и дух подготовлены достаточно для того, чтобы постепенно начать развивать их мозг.

Потом Ли спросил мое мнение о технических элементах, которые они выполняли. Я увидел многое из техники прыжков, о которых он мне раньше рассказывал. Урок оказался очень полезным, так как теперь я смог более глубоко уяснить основные механизмы прыжков, кувырков и перекатов,

выполняемых с помощью рук, и понять многие принципы техники этого стиля, особенно в условиях гористой местности.

Через некоторое время мне снова довелось увидеть, как тренировались эти ребята, но это была тренировка совсем другого типа.

Был праздничный день. Утром мы с Ли выехали в лес, чтобы потренироваться, а ближе к вечеру вернулись в город и вышли на улицу Пушкина, гуляя и разговаривая среди празднично одетой толпы. Вдруг Ли сказал:

— Взгляни на толпу. Ты не замечаешь ничего необычного?

Я вспомнил, как Ли учил меня оценивать ситуацию в любом ее проявлении. Он говорил, что нужно уметь абстрагироваться, отстраниться от ситуации и увидеть ее целиком, а не только отдельные ее составляющие.

Я постарался остановить мысли и оценки, окидывая толпу скольльзящим рассеянным взглядом, чтобы даже не увидеть, а почувствовать в ней какие-то отклонения от нормы. Но все было естественно и спокойно, не было никаких группировок или течений в толпе, выделяющихся чем-то необычным. Некоторое время я сканировал толпу взглядом и вдруг почувствовал что-то особенное и в то же время знакомое в двух людях, которые шли на некотором расстоянии от нас по противоположному тротуару. Они шли спиной к нам, не оглядываясь, и я не мог видеть их лица, но от них исходило странное ощущение определенного очарования. Они показались мне тенями, отстраненными от всего мира. Я подумал, что такой человек смог бы пройти мимо разбушевавшейся компании хулиганов, выбирающих себе жертву, и не привлечь их внимания, потому что он был настолько замкнут на себе, сосредоточен, захвачен каким-то делом и так целенаправленно следовал по своему никому не ведомому пути, что создавалось впечатление, что, присутствуя здесь, он не присутствует вообще.

Я указал на них Ли и сказал:

— Эти двое не похожи на всех остальных, мне кажется, что они выделяются из толпы, но в то же время они настолько смешаны с ней, что, выделяясь, они остаются незаметными.

— Надо же, ты заговорил почти как настоящий Спокойный, — удивился Ли. — Ты почувствовал, что они выделяются, не выделяясь. Но твоей интуиции не хватило на то, чтобы понять, что ты уже встречался с ними раньше.

— Когда?

—Ты наблюдал их тренировку на Чатырдаге. Сейчас они снова тренируются, и на этот раз их задание — быть незаметными в толпе.

— Но они же заметны. Я ведь заметил, что они не такие, как все.

—Для тебя—да, они заметны. Но только потому, что ты похож на них и следуешь по тому же пути. Но для того, кого они преследуют, они незаметны, потому что умеют растворяться в толпе.

— Они следят за кем-то?

—Да.

Ли указал мне на человека далеко впереди.

— Этот человек тоже идет по пути воина, но двоих, которые следят за ним, он не знает. Ему дали задание пройти в определенное время по определенным улицам, но он не знает, что за ним должны будут следить. Конечно, иногда преследователи совершают ошибки, и тогда их можно заметить. Я знаю их маршрут. Мы пойдем за ними, и ты сможешь увидеть, как они работают.

На Пушкинской было много народу, и корейцы могли двигаться почти открыто. Иногда они разделялись, я увидел, как один из них совершенно естественным образом подошел к компании незнакомых ему людей и присоединился к ней так, что со стороны казалось, что он принимает участие в беседе, и в то же время компания не обращала на него никакого внимания. Потом он незаметно шагнул в сторону и снова устремился за кем-то.

Мы свернули на боковую улицу, снова свернули. Улицы становились все более безлюдными. Я пораился, насколько искусно ребята пользуются элементами местности, скрываясь в подворотнях, за всевозможными укрытиями, как они ловко, отстраненно и профессионально следят издали, как сокращают расстояние, как, следуя по параллельной улице, ведут наблюдение из-за домов, как незаметно опережают объект слежки, поджидая его в каких-то пунктах, как обмениваются знаками.

Впоследствии мне удалось освоить некоторые современные способы слежки, и тем большее восхищение вызвало у меня после этого средневековое шпионское искусство. Корейцы то как молнии проносились бегом по какому-то участку, застывая в удобном для наблюдения месте, то сближались и изображали мирно беседующую пару. При этом они

периодически менялись одеждой, то снимали, то надевали куртки, иногда выворачивали их наизнанку, снимали и одевали разные головные уборы. Мы смогли проследить за всем этим только потому, что Ли знал маршрут их передвижения, и, периодически сокращая путь

или выбирая удобное для наблюдения место, демонстрировал мне их виртуозную работу.

— Умение быть невидимым—одно из упражнений воина, — сказал Ли. — Эти упражнения достаточно трудны, но тот, кто следует по пути воина, должен уметь выслеживать и маскироваться.

Скоро задание у этих двоих поменяется, и они начнут следить за чужими. Наблюдение за чужими людьми выполняется обычно каждый день в течение месяца, после чего тренировки по следованию за объектом прекращаются и проводятся для поддержания навыка один раз в месяц. Конечно, основные приемы передвижений и уловок отрабатываются заранее среди других похожих упражнений, но уже не связанных со слежкой. Это и упражнения по маскировке, и различные боевые техники. но база технических элементов у слежки и смежных упражнений одна и та же.

Ли указал мне на мужчину, который подошел к двум корейцам. за которыми мы наблюдали, и сказал, что этот человек сейчас дает им новое задание.

Некоторое время они следили за нарядом милиции, курсирующим по городу. Это было очень просто, так как милиционеры. занятые своими разговорами, казалось, ни на что не обращали внимания.

Я разочарованно заметил, что это—задание для детей.

Ли усмехнулся.

—Дальше будет гораздо интереснее.—сказал он.— Скоро задание снова поменяется.

— Что они будут делать?

— Увидишь.

Двое прекратили слежку за милицией и спокойно пошли по улице, направляясь к велотреку. Они притаились за домом недалеко от входа на велотрек. На улице почти никого не было. Вероятно, ребята знали расписание движения патрульных машин милиции, потому что вскоре одна из милицейских машин подъехала и остановилась. Милиционеры вышли из машины, один из них пошел на велотрек, а другой остановился у ограды, вероятно, поджидая товарища.

Мы с Ли стояли за деревьями на противоположной стороне улицы.

— А теперь смотри внимательно, — сказал Ли. — Одному из учеников дано задание подобраться сзади к милиционеру, вытащить у него из кобуры пистолет, а

потом положить пистолет на место и уйти так, чтобы милиционер ничего не заметил.

Я подумал, что это похоже на фантастику.

Милиционер, который стоял у ворот, сначала следил за передвижениями своего напарника, а потом уставился на ограду велотрека, словно увидел там что-то интересное. Я заметил, как от угла дома, где притаились корейцы, оторвался один из них и, с невероятной скоростью преодолев на полусогнутых ногах расстояние до милицейской машины, присел за ней. Он бежал совершенно бесшумно, сохраняя положения центра тяжести на одном уровне и перекачиваясь с пятки на носок, и милиционер ничего не услышал. Переждав несколько мгновений за машиной и, видимо, почувствовав, что в ближайшее время милиционер не собирается поворачиваться, кореец встал и направился к нему мягкими неслышными шагами. Казалось, он парил над землей, от него веяло спокойствием и безмятежностью. Когда до милиционера оставалось два-три метра, он присел и перешел в низкую стойку на две головы ниже своего роста. Тут я впервые увидел знаменитое упражнение тени, которым так гордятся ниндзя. Парень скользнул, буквально стелясь по земле, и мне показалось, что он, как тень, прилип к ногам милиционера со стороны спины. Милиционер оглянулся и повернулся в сторону, сменив положение. Кореец беззвучно перемещался за его спиной синхронно с движениями его головы и туловища так, чтобы все время находиться вне поля зрения. Выждав момент, когда милиционер перестал двигаться, кореец осторожно вынул из его кобуры какой-то предмет и, подержав его в руках, положил обратно. Потом, пробежав несколько метров в низкой стойке, выпрямился и медленно вразвалочку пошел вдоль ограды. Милиционер до сих пор так и не взглянул на него. Одним прыжком парень перемахнул через решетку велотрека и исчез. Я подумал, что он, наверно, сразу залег за ней, чтобы не привлекать внимание.

— Больше ничего интересного мы не увидим, — сказал Ли, и мы направились к центру города.

Через несколько дней Ли, посмеиваясь, рассказал мне, что ученику, который должен был вынуть пистолет из кобуры милиционера, засчитали выполнение упражнения, несмотря на то, что вместо табельного оружия он вынул и положил обратно в

кобуру... соленый огурец в полиэтиленовом пакете.

— Это было похоже на чудо, — сказал я. — Если бы я не увидел своими глазами, я бы просто не поверил, что такое возможно.

— Тут нет ничего сложного, — возразил Ли. — Все решает только хорошая техника. В этом упражнении главное—это контроль за дыханием, за звуками, производимыми твоим телом и одеждой, и, самое главное—контроль за настроением и органами чувств человека, к которому ты приближаешься вплотную. От тебя не должно исходить никаких запахов, ты должен уметь дышать глубоко и бесшумно. Для этого существует специальный вид дыхания. Так как упражнение выполняется в очень низкой стойке, ты испытываешь большую физическую нагрузку, и если ты будешь дышать только через нос или только через рот, шум дыхания будет слышен. Секрет в том, чтобы широко раскрыть горло, напрягая особым образом внутренние мышцы горла, щек и носа.

Кроме того, ты должен в своих ощущениях как бы слиться в одно целое с объектом, чтобы чувствовать каждое его движение и поворачиваться вместе с ним в ту или другую сторону. Твое тело должно плавно перетекать, как тень, повторяя его движения, нога должна ставиться определенным образом в зависимости от вида почвы, но самое главное—ты всегда должен наблюдать за положением внешних уголков его глаз, не видя, но чувствуя их. Ты должен быть вне поля его зрения, даже если он повернет голову и посмотрит назад. Если он посмотрит назад, твоя задача—присесть так низко и прижаться к нему так близко, чтобы ни одна из частей твоего тела не попала в поле его зрения.

Для тебя будет почти невозможно выполнять это упражнение с людьми среднего и ниже среднего роста, потому что ты слишком большой, но с людьми твоей комплекции ты сможешь проделывать его без труда. Имей в виду—если ты долго не выполнял это упражнение, хотя умел выполнять его раньше. требуется около полугода для того, чтобы восстановить навык.

— Если полгода требуется только для восстановления навыка, сколько же времени нужно для освоения упражнения?—спросил я.

— Это упражнение изучают не отдельно, а в комплексе боевого искусства. Все зависит, конечно, от конституции и физического состояния обучаемого.

Технику «катящийся камушек» ты изучаешь уже сейчас, низкие позиции у тебя получаются достаточно хорошо, ты умеешь застывать в неподвижности. Твой недостаток—это относительно слабые ноги, впоследствии это может оказаться препятствием в твоём дальнейшем совершенствовании, и освоение некоторых техник отнимет у тебя больше времени.

Ли начал обучать меня необходимым навыкам слежки— бесшумному дыханию, чиханию, кашлянию и даже отправлению естественных надобностей. Он щекотал перышком глубоко у меня в носу, заставляя меня подавлять желание чихнуть. Для этого нужно было при первом позыве к чиханию сосредоточиться на глубоком выдохе, после чего задержать дыхание, чуть напрягая мышцы шеи и отводя уголки рта в стороны и вниз. Желательно было прикрыть лицо скомканной материей, ни в коем случае не зажимая нос, если же материи не было под рукой, просто поднести сложенную лодочкой ладонь к носу и ко рту и, широко разинув рот, позволить спазму чихания разрядиться. Отсутствие воздуха под ладонью делало чихание практически беззвучным.

Та же самая техника годилась и для кашля, но Ли дополнительно обучил меня специфическому способу отрыжки, применяемой в случае, когда, например, першило в горле или когда нужно было выкашлять мокроту из горла или отрыгнуть что-либо, а потом проглотить. Ли показал мне, как бесшумно выпускают газы, раздвигая руками ягодицы и одновременно разными способами уничтожая неприятный запах. Он научил меня уловкам, убирающим запах тела и амуниции. Я узнал, как избавляться от желания откашляться или чихнуть одновременным нажатием на ряд точек, а также другими способами.

Долгие часы я посвящал бесшумным передвижениям и особой тренировке стопы, когда различные ее части должны были в определенной последовательности ставиться на почву или опору.

Я учился держаться и перемещаться так, чтобы мое тело казалось то большим и внушительным, то маленьким и незаметным. Ли сказал, что то, как я выгляжу, оказывает большое психологическое воздействие на противника или окружающих людей. Когда в человеке чувствуется определенный тонус, его плечи расправлены и расслаблены, грудь держится высоко, это создает впечатление превосходства и

подавляет противника, если же нужно казаться незаметным в толпе, лучше не демонстрировать свой тонус, рост, силу и агрессивность и двигаться

со слегка опущенными плечами, как бы уходя вниз в землю. Проходя мимо, не следовало встречаться взглядом с людьми из толпы или с объектом слежки, а также пристально смотреть на них. Потому что многие люди чувствуют посторонний взгляд и отрицательно на него реагируют.

Ли научил меня присоединяться к компаниям на улице, сливаясь с ними так, как будто я к ним принадлежал, а потом незаметно исчезать. Для того, чтобы войти в контакт, я должен был заранее выбрать образ, в котором я собирался предстать, и в зависимости от образа определенным образом переместить энергию организма. Если мне нужно было в разговоре настоять на своем и выглядеть уверенным в себе, я вызывал ощущение легкости плеч и перемещал ее в энергетический центр, который я ощущал в виде продолговатого диска, слегка смещенного к спине, нижняя часть которого захватывала солнечное сплетение, а верхняя часть кончалась у межключичной ямки.

В случае, когда я должен был выглядеть слегка «пришибленным» и просить о чем-то собеседника, я опускал энергию в область нижнего дань-тяня*. формируя энергетический диск от пупка до корня полового члена. Ли заставлял меня общаться с людьми, навязывая им свою волю и вызывая те или иные эмоции только с помощью перемещения энергии, без обычных для Спокойных трюков, и, к моему удивлению, это срабатывало.

Как-то в перерыве между упражнениями я спросил:

— Ли, ты обучаешь меня такому количеству шпионских уловок. Мне всегда казалось, что шпионаж в первую очередь связан с политикой. Преследует ли клан Спокойных какие-либо политические цели?

— Во-первых, я обучаю тебя средневековому искусству незаметности, а не современной разведке, во-вторых, нет ничего более отвратительного, чем политика, — резко ответил он. — Политика распространяется вовне. Она воздействует на людей, на окружающий мир и всегда связана с духовным, а подчас и с физическим насилием. Клан Спокойных отличается от других кланов, причастных к политике, в первую очередь тем, что его влияние распространяется внутрь, а не наружу. Спокойные заняты своими проблемами, и их образ жизни не приводит ни к

* Донь-тянь—энергетический центр человеческого тела. Здесь под дань-тянем подразумевается нижний дань-тянь, расположенный приблизительно на 3 цуня ниже пупка. Один цунь равен максимальной ширине ногтевой фаланги большого пальца руки.

духовному, ни к физическому насилию, что сплошь и рядом случается в этом мире. когда политические и экономические интересы объединяются ради достижения могущества и богатства, которые составляют две стороны одной монеты. Ради этих целей жертвуют не только чужими, но и своими жизнями. Это не отвечает традициям воинов жизни.

— Мне кажется, в этом мире клан не может существовать, замкнувшись на себе, не распространяя своего влияния наружу, — возразил я. — Для нормальной жизни членам клана необходимы деньги и свобода, а свобода — почти синоним власти. ТЫ говорил мне, что Спокойные умеют зарабатывать деньги, и я сам убедился, сколь совершенно их воинское искусство. Может ли такой могучий клан быть в стороне от всего внешнего? Насколько мне известно, все более или менее сильные тайные кланы за рубежом рано или поздно перерождаются в мафию.

— Ты путаешь цели и средства. Для мафиозных кланов цель — это богатство и власть, а учение, доктрины и традиции — лишь средство удержать и приумножить власть и богатство. Все зависит от идей, которые заложены в основу учения клана.

— Ли, но ты же сам говорил, что любые идеи, любое учение можно трактовать так, что оно будет использоваться в угоду обогащения и усиления власти группы людей, его проповедующих.

— Это верно. Но воины жизни не извращают своих идей. Они могли бы стать одной из могущественнейших организаций, если бы деньги или власть стали их целью, но их цель — счастье, свобода, самосовершенствование и бессмертие, и свою силу они используют только для ответа на агрессию, и тут в ход идут все средства. Главное для клана Спокойных — проблема людей. Тут, как говорится, «кадры решают все». Мы отбираем людей, имеющих светлые помыслы и добрую душу. Не думай, что мне легко было найти и выбрать тебя, европейца, вместо того чтобы воспользоваться сотнями других желающих стать моими учениками.

Вопрос, почему Ли сделал меня своим учеником, все время не давал мне покоя, несмотря на его сказку об оплате сыном долга отца. Я подумал, что, может быть, теперь сумею получить ответ на это. и спросил:

— Ли. по каким критериям Спокойные отбирают учеников? По каким критериям ты выбрал меня?

—Таких критериев очень много. Учитель должен хотеть учить ученика, а ученик должен хотеть учиться. Только тогда

жажда Учителя и ученика будет удовлетворена. Но еще более важно, чтобы ученик хотел учиться именно тому, чему его хочет научить Учитель, потому что одно и то же знание можно получать с разными целями и использовать его по-разному. Кроме того, ученик должен контролироваться Учителем. Учитель должен знать об ученике больше, чем о самом себе, в том числе и о его внутренних возможностях, жаждах и пристрастиях. Таким образом. Учитель будет охранен от предательства ученика. от его ошибок и, в случае чего, сможет обезопасить клан от последствий действий ученика, сняв таким образом с себя ответственность за неудачу. За учеником надо наблюдать, как за врагом, и уметь нейтрализовать любые его осознанные или неосознанные нежелательные для клана поступки.

От подобной откровенности мне стало как-то не по себе.

— Ли, неужели к ученику действительно надо относиться как к врагу?

— Да, до тех пор, пока он не стал тебе сыном.

— А как ты относишься ко мне—как к сыну или как к врагу?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Это слишком интимный вопрос, чтобы на него было легко ответить. Подожди, придет время и ты узнаешь, что ты значишь для меня и что я значу для тебя.

— Ты очень много для меня значишь,—сказал я.

— Ты так думаешь, но ты даже представить себе не можешь, как много я значу для тебя на самом деле, — Ли улыбнулся весьма двусмысленно, и я не смог понять, какой подтекст он вкладывает в эту фразу, но мне очень хотелось, чтобы этот подтекст был благоприятным для меня.

— Ученик, —продолжал Ли, —должен подходить под учение как ножны под клинок, для которого они созданы. Ученик представляет собой форму, которую можно заполнить, но которую крайне трудно изменить. Есть ученики, имеющие форму воина, отшельника, знахаря или Хранителя знания. Хранителя знания отыскать труднее всего. Принцип духовного ненасилия заключается в том. чтобы заполнить форму ученика тем, что он сам желает получить и к чему он предназначен, делая это так, чтобы ученик, получив знания, не мог принести вреда ни себе, ни окружающим.

— О каком вреде ты говоришь?

— Это глупый вопрос. Подумай, и ты сам сможешь на него ответить.

— Я не так выразился. Меня интересует, как ученик может принести вред клану. Я, например, из всех членов клана Спокойных знаю только тебя, но мне неизвестно даже, где ты живешь и как можно тебя отыскать. ТЫ всегда находишь меня сам. Как же я могу причинить вред клану?

— Видишь, как плохо, когда твои мысли опережают слова. когда ты думаешь об одном, а спрашиваешь о другом. Но, по правде говоря, твой второй вопрос еще глупее, чем первый. Надеюсь, ты не ждешь, что я буду учить тебя, как можно принести вред клану?

Глядя на мое лицо. Ли расхохотался.

—Ладно, не будем об этом говорить. А как мне выбирать учеников для себя, если возникнет такая необходимость?

—Ты научишься этому после того. как мы пройдем основной курс обучения.

—Тогда давай еще немного поговорим о политике. Неужели клан Спокойных ни разу за все время своего существования не вмешивался в политические интриги?

— Я понимаю, почему тебя так заботит политика. То, что тебя беспокоит на самом деле.—это твое будущее. Ты хочешь стать офицером КГБ и поэтому в глубине души ты тревожишься о своей карьере, боясь, что политические взгляды клана Спокойных разрушат твои мечты. Запомни, что воины жизни никогда не вмешиваются в политику, не участвуют в политической деятельности. Это учение ради учения, оно направлено лишь на сохранение и выживание людей, которые выходят за рамки человеческого бытия. Оно направлено на гармоничное развитие личностей, которые умеют управлять жизнью и учат других управлять жизнью.

Естественно, что клан будет себя защищать. Естественно, что люди, познавшие «Вкус плода с дерева жизни», не захотят с ним расстаться, но они будут действовать только в случае, если агрессия общества будет направлена непосредственно на них, только ради того. чтобы спасти свою жизнь. Точно так же любой член клана должен уметь защищаться и выживать. Еще рано говорить о целях клана, о смысле постижения знаний, но когда-нибудь ты об этом

узнаешь.

Могу сказать тебе только одно.—если когда-нибудь ты изберешь карьеру офицера госбезопасности, знания Спокойных не только не помещают тебе. но и не раз пригодятся. Не нужно мечтать о том, чего ты не знаешь, и бояться того. что еще не случилось. То. что ты уже имеешь, имеют немногие, и даже эта

маленькая толика знаний изменяет тебя. заставляя по-другому относиться к себе, к миру и к общественным ценностям. То, что ты умеешь, никогда не покинет тебя. потому что ты сам этого не захочешь.

ГЛАВА VIII

Как-то вечером после тренировки мы с Ли пошли на набережную, и он предложил мне посидеть на скамейке. В этот день я с ребятами в институте разучивал карточные фокусы, и в кармане у меня осталась колода карт. Как-то незаметно разговор перешел на карточные игры, фокусы, трюки с передергиванием. Я продемонстрировал несколько фокусов Ли, рассказал ему о других, которые я когда-то видел, но не знал, как они выполняются. Я восхищался ловкостью пальцев фокусников и профессиональных шулеров и сказал, что было бы неплохо этому научиться. Потом я спросил Ли, знает ли он какие-нибудь карточные фокусы.

С загадочным выражением лица и почему-то без своей обычной ехидной ухмылки Ли сказал:

— Видишь ли, мой маленький друг, дело в том, что есть фокусы и Фокусы. Он так подчеркнул интонацией второе слово «фокусы», что было ясно, что речь идет о фокусах с большой буквы.

Он помолчал и вдруг неожиданно предложил:

— Загадай какую-нибудь карту.

Я ответил, что загадал.

Ли взял колоду, перетасовал ее и, держа колоду в руке, протянул ее мне.

— А теперь вытащи из колоды эту карту, — сказал он. Я взял колоду и начал было разыскивать среди карт свою, но Ли меня остановил.

— Не так, — сказал он. — Ты должен перетасовать колоду и вытащить наугад одну карту, и это карта будет той, которую ты загадал.

— Но это же невозможно, — запротестовал я.

— Неверие не должно быть определяющей силой твоих поступков, — сказал он. — Ты должен стоять на пути исследования Истины, поиска Истины, и ни в коем случае не поддаваться своему прошлому эмпирическому опыту. Вернее, ты не должен принимать решения, основываясь только на прошлом опыте.

Почему ты не хочешь проверить, возможно это или нет, тем более что сама проверка не представляет опасности для тебя и не требует особого труда.

Я посмотрел на него, взял колоду, долго перетасовывал карты, несколько раз их снимал и снова перетасовывал и, наконец, решившись, вытянул карту и посмотрел на нее. Это была та самая карта, которую я загадал!

Я не поверил своим глазам. Мне казалось, что это просто невозможно. Потом я подумал, что это могло быть совпадением.

— Я мог случайно вытащить эту карту, — сказал я, почему-то не решаясь попросить Ли повторить фокус.

— Загадай еще какую-нибудь карту, — с ехидной усмешкой предложил он. — Похоже, моему маленькому брату жаль расставаться с иллюзиями жизненного опыта и так называемого здравого смысла.

Я снова тщательно перетасовал колоду и снова вытащил карту, которую я загадал в этот раз. Ли снисходительно похлопал меня по плечу.

— Ты будешь продолжать настаивать на том, что это невозможно?—поинтересовался он.

— Как ты это делаешь?—спросил я.

— А разве я это делаю?—Ли с деланным изумлением приподнял брови.—По-моему, ты сам это делаешь!

Я снова попытался узнать, в чем тут дело, но Ли только поддразнивал и насмехался надо мной, и я понял, что лучше оставить эту тему.

Секрет этого фокуса я понял примерно год спустя, когда мы учились применительно к рукопашному бою управлять психикой и поведением противника.

Ли мог даже не знать, какую карту я загадал, но он мог заставить мое тело почувствовать, независимо от моего сознания, где в колоде находится эта карта, и заставить вытянуть ее. Процесс поиска карты другим человеком относился к упражнениям с неживыми предметами того же типа, что и охота на зверя в джунглях, когда ты учишься ощущать шестым чувством местонахождение и состояние зверя, а на более высоком уровне —управлять поведением зверя.

— А сейчас я научу тебя фокусам попроще, — сказал Ли. Он попросил меня протянуть руку. и, вытащив из колоды карту, положил ее мне на ладонь рубашкой вверх.

— Сосредоточься на ощущениях, которые

передаются тебе от этой карты,—предложил он.—
Какие образы или ассоциации у тебя возникают?

Я закрыл глаза, сосредоточился, и вдруг передо мной возник образ букета алых роз и даже почудилось, что в воздухе разливается их тонкий сладковатый аромат.

— Я вижу букет роз, —сказал я.

—Хорошо,—сказал Ли.—Алые розы скорее всего означают, что у тебя на ладони лежит дама червей.

Я перевернул карту, и она действительно оказалась червовой дамой.

— Неужели любой человек, сосредоточившись на даме червей, увидит розы?—удивился я.

— Конечно нет, — ответил он. — Можно увидеть все, что угодно. У каждого человека своя система ассоциаций и мыслеобразов. Хотя, конечно, существуют мыслеобразы общие для определенных групп людей. Я хорошо тебя знаю, и поэтому мне легко истолковать твои ощущения и понять, откуда они происходят. Ты—натура возвышенная, романтическая, жизнь еще не была тебя, поэтому довольно естественно предположить, что червовая дама может ассоциироваться у тебя с розами. Возьми другую карту.

Я вытащил карту, положил ее на ладонь и ощутил в руке тяжесть, шероховатость и покалывание, исходящее от нее.

— Я чувствую шероховатость и какие-то легкие, почти незаметные уколы, —сказал я.

— Наверняка это пика. —сказал Ли, — и наверняка на карте изображено несколько пик. Попробуй почувствовать, сколько их там.

—А как это сделать?—спросил я.

— От каждого изображения пики ты чувствуешь покалывание. Поводи другой рукой над картой и постарайся сосчитать, сколько раз тебя уколёт.

Я так и сделал.

— По-моему, это девятка, —сказал я.

Я перевернул карту, и это оказалась восьмерка пик.

— Почти угадал,—похвалил меня Ли.

Мы продолжили упражнения, и Ли заставлял меня ощущать карты то визуально, то тактильно, учил трактовать возникающие ассоциации, потом управлять ими, выбирая наиболее простые и четкие, —например, ощущение тепла от карт красной масти и холода от пик и треф.

Для разнообразия он клал мне карту на колено или на какой-нибудь другой участок тела, заставляя чувствовать им. Я научился различать покалывающее тепло и нейтральное тепло. Покалывающее тепло я чувствовал от бубен, а нейтральное —от червей. Разное ощущение холода давали пики и трефы.

Труднее всего было определять масть и достоинство картинок. но картинки от остальных карт отличались легко.

Когда я пытался определить достоинство карты визуально, у меня перед глазами возникали, например, пять букетов роз на пятерку червей или пять собак на пятерку треф.

Я выяснил, что самый первый образ обычно бывает самый верный, потому что потом подключалась логика, и чувство неуверенности в себе порождало серию других образов, затмевающих первый.

Я приучился говорить сразу о первом возникшем образе и потом, если мне казалось, что есть и другой вариант, я описывал изменения в образе.

— Логика всегда следует у тебя за интуицией, — говорил Ли.

—Поэтому второй ответ чаще всего—надуманный ответ.

Он объяснял мне цепочку моих логических рассуждений, вызвавших второй образ, например, он говорил, что я считал, что раз карта, которая ассоциировалась с первым образом, уже выпадала, она не должна повториться, и поэтому я прикидывал, какая карта появится с наибольшей вероятностью.

— Нужно научиться доверять своим ощущениям, — сказал Ли. —Если когда-нибудь станешь шулером, это может тебе пригодиться.

Он объяснил мне, что упражнения с картами показывают на возможности человека, но что у нас нет времени заниматься этим, отшлифовывая свое мастерство, и главное—знать, как сделать что-то для того, чтобы суметь это сделать в нужный момент. В дальнейшем он показывал мне много упражнений и техник как из области парапсихологии, так и рукопашного боя, объясняя, как это можно выполнить и применить, но времени для совершенствования у нас не было, и мы переходили к другим темам.

На следующий день мы продолжили упражнения с картами, но теперь Ли добавил к ним формирование мыслеобразов и управление ими.

Ли сказал:

— Можно работать с любым предметом, создавая мыслеобраз и направляя его на этот предмет. Для этого достаточно сфокусировать на объекте часть своего желания, и тогда объект приобретет некоторые другие свойства, и информация, исходящая от него, будет несколько иной, чем обычно присущая ему информация.

Он разложил на скамейке несколько карт и спросил:

— Как ты думаешь, какую из этих карт я загадал?

Сам не понимая, почему я так решил, я указал на одну из карт.

— Верно, — сказал Ли.

— Попробуй еще раз.

Я снова указал на карту. У меня при этом не возникало никаких образов, просто рука сама тянулась к ней.

— Угадал, — сказал Ли. — Давай еще раз,

Я решил проверить его и вообще не пытаюсь что-либо почувствовать, наугад ткнул пальцем в первую попавшуюся карту.

— Правильно.

— Мне кажется, что ты меня обманываешь, — сказал я, — потому что я показал на эту карту, даже не настраиваясь на то, чтобы угадать. Как я могу проверить, что ты действительно задумал ее, а не какую-нибудь другую?

— Нет ничего проще. — ответил он. — Я буду писать на бумажке, какую из пяти карт, лежащих на скамейке, я собираюсь загадать, и ты каждый раз будешь проверять, правильно ты отгадал или нет.

Ли перетасовал карты, вынул пять карт из колоды, посмотрел на них и разложил рубашками вверх. Потом он записал что-то на бумажке и сказал:

— Сейчас, пытаюсь угадать карту, которую я выбрал, ты будешь испытывать самые различные ощущения, потому что я буду тебе очень сильно помогать, и ты будешь ощущать то, что тебе подскажет мое желание. Проведи рукой над картами и скажи, что ты чувствуешь.

Я провел рукой над картами и признался, что не ощущаю ничего.

— Совершенно верно, — подтвердил Ли. — А теперь проведи еще раз рукой над картами, и ты сразу узнаешь ту, которую я избрал.

Я начал двигать рукой и вдруг почувствовал, как над одной из карт мою руку резко потянуло вниз. Я

снова провел рукой, и над той же картой ощущение повторилось. Я указал на эту карту, и Ли сказал:

— Вот видишь. Ты ее нашел.

Он развернул бумажку и показал мне запись, чтобы я убедился, что он меня не обманывает, но я в этот раз мог бы и не проверять, потому что ощущение, которое я испытал над картой, было слишком сильным и четким. Рука мгновенно тяжелела и сама устремлялась вниз.

— Почему карта притянула мою руку?—спросил я.

—Ты ошибаешься. Карта не может притягивать твою руку. Это я воздействовал на твою руку, вызвав в ней ощущение тяжести. Я просто надавил на нее вниз своим взглядом, и тебе передалось мое настроение. Естественно, это давит не мой взгляд, а мое настроение. Но ты чувствуешь это как физическое давление. Твоя рука устремляется вниз к карте, и ты легко угадываешь ее.

—Давай еще раз.—попросил я.—Только в этот раз давай попробуем какое-нибудь другое ощущение.

—Ты начинаешь угадывать ход моих мыслей, мой маленький брат.—сказал Ли со свойственным ему очарованием, снова разложил на скамейке пять карт и отметил на бумажке свой выбор.

Я провел рукой над картами и почувствовал, как над одной из них мою руку резко укололо и обожгло. Рука дернулась вверх.

— Сейчас я поставил на карту острую раскаленную пирамидку. и ты об нее укололся, —сказал Ли. — Но так или иначе. ты определил карту, которую я загадал.

И он продемонстрировал мне запись на бумажке.

— Видишь, каким сильным может быть мыслеобраз, —сказал Ли. — Используя мыслеобразы, можно научиться воздействовать на живую и неживую природу в нужном для нас направлении и использовать ее в своих целях.

Мы продолжили упражнения по отгадыванию карт, и я последовательно ощутил увод в сторону, ощущения жара и холода, ощущение усилившегося пульса, покалывания и мурашек.

Потом Ли начал записывать на бумажке, какое ощущение в какой-либо части моего тела он вызовет, используя мыслеобразы, и его воздействие было настолько сильным, что я ни разу не ошибся.

—ТЫ должен быть очень внимателен,—говорил Ли.—Видишь, насколько многообразен язык мыслеобразов. Если ты научишься хорошо говорить на этом языке, ты сможешь разговаривать со своим партнером в момент боя, даже в момент боя. Ты

сможешь передавать ему ту или иную информацию, воздействовать на противника, отвлекая его или причиняя ему боль. Ты сможешь угадывать зону своего тела, в которую противник собирается нанести удар, читая его мыслеобразы, и сможешь обманывать его мыслеобразами своих нереализуемых ударов. Сейчас мы только начинаем работать с мыслеобразами. А теперь возьми карту и ты увидишь, как она оживет.

Он протянул мне карту, я взял ее двумя пальцами и вдруг карта, как рыбка, забила в моих руках. Я изо всей силы сжал ее рукой. Упругое, скользкое, сильное тело рыбки билось и извивалось так, что у меня едва хватало сил его удерживать. Я прижал карту другой рукой, ошалело на нее вытаращившись. Потом я взглянул на Ли и увидел, как он хохочет.

— Это карта живая, — сказал Ли, отсмеявшись. — Более того, ты будешь следовать за ней, она поведет тебя.

Биения карты ослабли и приобрели ритм и направленность. Я убрал вторую руку и расслабился, прислушиваясь к ощущениям. Карта начала двигаться, и моя рука последовала за ней, рисуя в воздухе причудливые фигуры. Следуя взглядом за траекторией карты, я понял, что Ли пишет моей рукой.

— Это один из способов передачи тебе моей мысли, — сказал он. — Но ту же самую информацию ты можешь получать, не используя таких размашистых движений. Ты можешь получать эту информацию одним пальцем. В данном случае карта—это предмет, который усиливает движения, к которым стремится твое тело. То же самое можно сделать и одним пальцем.

Он забрал у меня карту и спросил:

— Где сейчас ты ощущаешь пульс?

— В районе ногтя большого пальца, — ответил я.

— В каком направлении хочет двигаться твой палец?

— Мне кажется, что мой палец начинает двигаться вперед в сторону ногтя.

— Хорошо. А теперь куда хочет двигаться твой палец?

— Он движется в сторону среднего пальца. Пульс перешел на указательный палец.

— А сейчас?

— Пульс движется в обратном направлении.

— И что у нас получилось?

— Буква «П».

—А что ты чувствуешь сейчас?

— Сильный и тяжелый пульс.

—Это может быть буквой «О»,—сказал Ли,—но если ты хочешь, чтобы твой палец описал круг, твои ощущения в круге будут читаться немного сложнее. Давай попробуем.

Он сосредоточился, и мой палец выписал нижнюю полуокружность буквы «О».

— Таким же образом можно очертить и верхнюю полудугу, — сказал он. — Главное — это ощущение пульса, которое ведет твой палец.

Но лучше на первых порах тренироваться через ломанные линии, четко выписывая буквы, потому что дуга менее выражена в ощущениях. Если ты четко сможешь почувствовать мои сигналы с четырех сторон пальца, тебе легче будет угадывать угловатые буквы. Воспринимать плавные линии немного сложнее.

Следующими упражнениями, которые я выполнял в этот день, было восприятие мыслеобразов кожей. Я сосредотачивался на каком-либо участке моей кожи и телом ощущал фигуру, которую мысленно чертил на нем Ли.

Начал он с простейших геометрических форм—треугольника, круга, квадрата, прямой линии, волнистой линии, потом перешел к цифрам и, наконец, к буквам.

Ли настолько виртуозно владел техникой передачи мыслеобразов, так четко представлял загорающуюся на моем теле цифру или фигуру, что мне было не трудно ощутить и узнать ее. Чаще Ли заставлял меня использовать лоб и центр груди. Лучше всего я воспринимал лбом и спиной, потому что на нее Ли передавал мне мыслеобразы большого размера и было легче их отгадать.

Потом Ли сказал:

— Представь какую-либо фигуру и постарайся слепить эту фигуру тепловым полем твоих рук. Если тебе покажется, что теплового поля не будет хватать, ты можешь выдохнуть через руки, как я учил тебя раньше в упражнении «31 вдох и выдох».

Я начал выдыхать через руки и через некоторое время почувствовал обволакивающую их теплую мягкую субстанцию. Почему-то вспомнив замки из песка, которые я лепил в детстве, я мысленно начал строить из этой субстанции замок.

Ли сказал, что у меня получилось какое-то строение готического стиля.

Действительно, замок, который я представлял, имел готические очертания и был украшен множеством остроконечных башенок.

Потом мы создавали всевозможные мыслеобразы—зайчиков, скамеек, машин, кубиков, чашек, ложек и всего, что только приходило в голову.

Я угадывал мыслеобразы Ли, он—мои, я почти не ошибался, он не ошибался никогда. Я чувствовал такой подъем, такое возбуждение от происходящего, что разрушились все психологические барьеры, я полностью раскрепостился, наслаждаясь открывшимися передо мной новыми возможностями.

—Дай мне руку, и я покажу тебе, что еще можно делать с помощью мыслеобразов, — сказал Ли.

Я протянул ему руку, и он, сосредоточившись, провел над ней пальцем, не касаясь ее.

Я почувствовал жгучую боль, и на коже появилась яркая красная черта, протянувшаяся от запястья до кончика указательного пальца.

Ли снова, не касаясь меня, провел над чертой ребром ладони другой руки, как бы сгребая ее, и, следуя за его движением, она исчезла.

—Я читал много литературы по парапсихологии, — сказал я. — Там говорилось о подобных вещах, но еще больше я читал критических статей, где утверждают, что все это—обман, шарлатанство и самовнушение. Почему об этих феноменах стараются умалчивать, почему людей не обучают этому?

— Причина очень проста, — ответил Ли. — Власть имущим не нужно, чтобы человек знал о себе больше, чем он знает сейчас. Любой полет мысли увлекает человека за собой, и в масштабе государства последствия неконтролируемого притока знаний могут быть опасными как для правительства, так и для общества.

С одной стороны, человек, овладевший такими методиками, вместе с ними приобретает другой взгляд на мир, на общество и на его ценности. Прежние авторитеты перестают быть авторитетами для него. и, усиливая свое могущество и независимость, он может стать опасным для общества, он будет нарушать его законы, сказав самому себе, что он выше этих законов, раз он может делать такие вещи. С другой стороны, люди, изверившись в правительстве, недовольные своим социальным положением и взаимоотношениями с окружающими, могут увлечься новыми идеями,

обещающими им впереди счастье, свободу и свет.
вообще не понимая, что это такое, и они будут рады
пойти за любым новым пророком, готовые отдать
жизнь за

идею, готовые следовать за богами, которых никогда не видели, поклоняться им. сами не понимая почему.

На самом деле и тот и другой путь ведут в пропасть, потому что вне общества человек все равно слаб. а нарушая законы общества, он подвергает опасности и себя и других людей.

Даже если для человека, владеющего сверхспособностями, безразлична судьба остальных, то, что он подвергает опасности себя, для него не должно быть безразлично. Поэтому не иди по такому пути. Ты всегда должен мимикрировать под общество, использовать его как мощную систему, которая может служить тебе и быть для тебя полезной. Общество со всеми его недостатками защищает тебя от агрессивного внешнего мира, оно может сделать твою жизнь более спокойной и безопасной. Но, с другой стороны, общество всегда эгоистично, оно супер-эгоистично. Ему безразлична судьба единиц, и оно часто жертвует ими в угоду каким-то кажущимся ему важными идеям или целям. Общество может жестоко эксплуатировать тебя, а потом пожертвовать тобой, и тут все будет зависеть от тебя. от твоего умения ориентироваться в этом мире, выживать в своей окружающей среде, используя все ее преимущества и недостатки. ТЫ должен уметь противопоставить эгоцентричным поползновениям власть предержащих свой эгоцентризм в лучшем смысле этого слова, охраняя себя от разрушительных воздействий общества, независимо от того, будут ли эти воздействия физическими, моральными или психологическими.

— Я не совсем понимаю тебя, — сказал я. — С одной стороны. ты выступаешь за выполнение законов общества, а с другой стороны, ты все время подчеркиваешь, что человек противостоит обществу, и что, фактически являясь членом общества, индивидуум ставит себя вне его.

— В этом и заключается срединный путь, — ответил Ли. — Если бы общество было идеальным и благоприятным для человека, не создавалось бы никаких других объединений людей по интересам, по общим стремлениям. Общество не совершенно и не может удовлетворить всех.

Именно поэтому отец помогает сыну добиться успеха в жизни, чиновник вступает в кратковременный союз со взяточником. чтобы они оба

могли достичь успеха, а бедные боятся за завтрашний день. Именно из-за несовершенства общества между людьми существуют такие сильные различия. То, на чем ты воспитан—идеи свободы, равенства и братства, —это большая утопия, потому что равенства между людьми не может быть с самого рождения, — это очевидно. И то, что люди не видят очевидное, даже став взрослыми.—это их слабость.

Первый шаг, который ты должен сделать и который раскроет тебе глаза на жизнь—это шаг в осознании мира. когда ты не принимаешь то, что тебе говорят в качестве готового рецепта, а пытаешься критически осмыслить это. пытаешься понять суть того, что тебе говорят, понять, кто это говорит, почему он это говорит, кому это выгодно, и что данное высказывание заключает в себе для конкретного человека, а именно для тебя. Начиная со школы, вас не учат тому, что нужно и важно для жизни. Мы уже говорили с тобой на эту тему. Тебе внушают какие-то сомнительные общие идеи и истины, и ты, захваченный этими общими идеями, становишься рабом этих идей. а значит, и средством для их воплощения в жизнь. Став орудием воплощения той или иной идеи, ты становишься управляемым, безопасным для государства, и государство может манипулировать тобой и использовать тебя как кирпичик в кладке своего здания. Оно связывает тебя с семьей, и ты выполняешь свое предназначение, оставляя потомство, которое ты будешь воспитывать на тех же идеях и устоях, и которое станет кирпичиком в государстве будущего. Твоя задача—вырасти лояльным членом общества, хорошо работать на благо общества, воспроизвести на свет здоровое лояльное потомство, а когда ты не сможешь работать—в относительно короткий срок освободить государство от бремени расходов на себя. потому что свои силы и здоровье ты исчерпал, работая на благо государства и выращивая потомство. Таким образом, члены общества сами создают монстра, который заботится больше не о процветании каждого конкретного человека, а о процветании той идеи. на которой зиждется это государство, и о процветании людей, находящихся у рулей власти.

Вот почему в дни великих потрясений, когда рушатся привычные устои государства, люди мечутся из стороны в сторону. им не хватает удобной

идеологической жвачки для того, чтобы приспособиться к новой, изменившейся ситуации. Им нужна какая-то конкретная цель, потому что цель, поставленная далеко впереди, обещающая определенную стабильность и безопасность в обществе, помогает им перебороть их ежеминутные страхи. Такие люди бессильны перед лицом Жизни с большой буквы. Они бессильны перед лицом смерти, ее лик довлеет над ними, вытесняя мысли о смерти из сознания, но из подсознания люди не могут вытеснить образ смерти, и они прибегают к

услугам религии, используя, ее, как наркотик, заглушающий неуверенность в собственных силах, сомнения и страх.

Принадлежность к сообществу, государству успокаивает их, создавая иллюзию их полезности, осмысленности их существования, собственной важности и значимости. Они должны видеть какую-то перспективу развития. Человек старается победить смерть, оставляя потомство, надеясь, что он будет существовать в своих детях и внуках. Он пытается сделать детей похожими на него. но дети обычно не хотят этого, а значит, возникают конфликты, часто превращающие жизнь в ад и для родителей, и для детей или для супругов, но человек продолжает жить в аду и считать, что все нормально, —ведь он следует устоям общества и обеспечивает свое бессмертие в грядущих поколениях, которые, скорее всего, никогда и не вспомнят о нем.

Люди следуют готовым рецептам, они боятся новых непроторенных путей, боятся оторваться от стада и оказаться одни наедине с неизвестностью. Лидер отличается от подчиненного тем, что он способен сделать что-то новое и действовать независимо, но настоящие лидеры встречаются не так уж и часто.

Люди разные от природы—одни слабее, другие сильнее, одни умнее, другие глупее, но ирония жизни заключается в том, что часто глупость в определенной ситуации может оказаться полезнее, чем ум. интуитивное следование за лидером оказывается более благоприятным, чем само лидерство. Поэтому люди такие разные—это разнообразие обеспечивает выживание человечества в целом.

В любой экстремальной ситуации—общественной или природной — всегда найдутся группы людей, которые за счет качеств, не проявляющихся у них в обычной жизни, могут оказаться более приспособленными, чем другие, к перенесению жизненных или стихийных катаклизмов.

Ли еще некоторое время говорил об отношениях общества и индивидуума и привел примеры того, как человек с неординарным мышлением, развивая сильные стороны своей личности, переходит на свой путь развития, как много он может взять от жизни, извлекая пользу для себя и получая удовольствие от ситуаций, в которых обычный человек будет страдать.

Ли сказал, что такой человек не вписывается в обычные рамки и поэтому вызывает естественное раздражение у окружающих его людей тем, что выделяется из толпы, и, по аналогии с миром животных, он представляется чужаком, несущим потенциальную угрозу для стаи.

Но если такой человек сможет выйти из своего социума, добившись определенных успехов и доказав эффективность своего поведения, он становится лидером, вожаком, которому начинают подражать. Вокруг него создается свой социум до появления нового лидера такого же направления, который может стать для него соперником и конкурентом.

Ли приводил мне разные примеры отношения личности и государства, и я понял, что любое государственное устройство далеко от совершенства, но стало ясным и другое—государственное устройство совершенствуется, хотя и постепенно, и жить в современном мире гораздо комфортней и безопасней, конечно в периоды его стабильности, пока очередные катаклизмы не сметут привычные устои жизни.

— Со временем люди поймут, —говорил Ли.—что решение проблем силовыми методами—войнами, революциями—это далеко не самый лучший путь развития человечества, что любой период мира можно использовать гораздо лучше, чем войну, хотя на любом потрясении человечества какая-то его часть всегда зарабатывает материальные блага за счет счастья, здоровья и жизни остальных.

Ли часто во время наших встреч разговаривал со мной об обществе и государстве. Иногда он прерывал тренировку по рукопашному бою для того, чтобы привести примеры взаимодействий в воинском искусстве, и проводил параллели этих взаимодействий с процессами, происходящими в обществе.

— Это тоже входит в систему «Вкус жизни»?—спросил я.

— Конечно, —ответил Ли, —потому что Вкус плода с дерева жизни зависит от умения поесть этот плод, а дерево жизни— это в том числе и общество как таковое. Ведь именно общество дает плоды, которые ты потребляешь...

ГЛАВА IX

Тренировки становились все сложнее и интенсивнее. По мере углубления в тонкости рукопашного боя Спокойных я все сильнее чувствовал нужду в партнере моего уровня для того, чтобы отрабатывать и совершенствовать технику. Ли слишком превосходил меня и, несмотря на то, что мы тренировались почти каждый день, я чувствовал настоящую потребность спарринговаться и тренироваться с кем-то, находящимся на моем уровне. Конечно, некоторые элементы техники Ли я показывал своим друзьям и ученикам, не говоря, откуда я это знаю, но тренироваться с ними на достаточно серьезном уровне было сложно.

Я несколько раз просил Ли разрешить мне найти напарника, чтобы тренироваться вместе с ним. Ли обычно уходил от ответа, но однажды он неожиданно согласился со мной и сказал, что хороший напарник гораздо важнее, чем родители, не говоря уже о жене.

— Именно с напарником ты движешься к совершенству, поэтому от напарника очень многое зависит, — сказал он. — Проблема заключается в том, что там, где ты живешь, очень трудно найти еще одного человека твоего уровня. Конечно, ты должен иметь напарника, но нам придется выбрать такого, который помог бы тебе стать человеком-деревом, не преследуя никаких личных целей и довольствуясь лишь тем, что ему перепадает.

— Это выглядит не очень справедливо по отношению к нему, — возразил я. — Естественно, что у него будут свои цели в изучении искусства Спокойных.

— При выращивании дерева, — сказал Ли. — семена погибают. При совершенствовании Хранителя знания погибает прежняя личность Хранителя знания. Так стоит ли тебе переживать о другом, который и так добьется предела своих желаний и подойдет к пределу своих возможностей.

Ли сказал мне, чтобы я выбрал несколько кандидатов в напарники, и, не объясняя им основной причины, в разное время назначил им свидания около кинотеатра «Спартак».

Я встретился с Учителем на улице Пушкина незадолго до появления первого кандидата. Мы зашли в магазин напротив кинотеатра, и Ли принялся педантично примерять шляпы и все остальные

головные уборы, представленные в магазине.

Я смотрел через витрину, ожидая появления моего первого товарища. Ли сказал, что если человек не прошел специального обучения, то его характер проще всего прочесть по лицу в момент, когда этот человек кого-то ждет.

Наконец появился К. Я вышел из магазина, подошел к нему, поговорил о каких-то пустяках. Я провел его перед окнами магазина, потом, сказав, что мне неожиданно пришла идея зайти в кафе, повернул обратно, снова пройдя мимо витрины. Мы выпили сок в какой-то забегаловке, что-то съели, я проводил его немного и простился, сославшись на неотложные дела.

Увидев, что второй возможный напарник еще не появился, я зашел в магазин и спросил у Учителя, что он думает по поводу К.

— Это человек огня,—сказал Ли. —Он никогда не остывает. он всегда горит. У него настолько огненная воля, что он может испепелить всех, кто вступит с ним в близкие отношения, и даже не заметит этого. Этот человек не сможет идти по пути Спокойствия. На какое-то короткое время он может быть верным другом, но он не может быть хорошим партнером в твоём обучении, тем более, что у него непомерная жажда самоутверждения. сильная воля и жесткая, всепоглощающая целеустремленность. Даже если он будет чему-то следовать, он и в этом следовании не будет принимать то, что ему дают, и свернет на ложный путь, который ему покажется лучшим. Это человек, признающий только быстрые результаты. Он не терпит долгой работы над самосозиданием. Его интересуют лишь мгновенные достижения.

Потом пришел некто Д. Он мне не особенно нравился, хотя дрался неплохо. Я его позвал скорее для проверки, потому что мне было очень интересно узнать о нем мнение Ли.

— Этот человек—как лодка в океане, привязанная к кораблю,—сказал Ли.—С той лишь разницей, что, увидев корабль большего размера, лодка самостоятельно бросит своего первого спутника и начнет следовать за другим. Этот человек очень скрытный, сам себе на уме, но внутри у него прячется раб. Он жаждет подчинения и ищет себе господина, но, как раб, он лжив и коварен. Поэтому, с одной стороны, он будет следовать за господином до тех пор, пока тот будет наказывать его пал-

кой, и чем более жестоким будет господин, тем сильнее будет привязанность раба, но при первой же возможности он поменяет господина, если кто-то окажется более сильным и жестоким.

Потом я встретился с П., который, как и я, был студентом сельхозинститута и некоторое время тренировался со мной.

Ли сказал:

— Этот человек интересуется боевым искусством как красивым цветком. Его не затронул сок, идущий от корней этого цветка. Он не может стать частью этого цветка. Он способен лишь, проходя мимо, сорвать его, понюхать, восхититься и тут же отбросить и забыть. Нам же нужен человек, который будет питаться соком и станет частью растения, станет его стеблем.

— Раз ты начал сравнивать учение с цветком, то что ты сможешь сказать в той же манере про следующего кандидата? —спросил я.

— Этот человек тоже интересуется боевым искусством, — сказал Ли,—но он пытается создать свой стиль. Он работает только для себя и поэтому он похож на толстого жадного шмеля, который, полетав над цветком, напьется соку и улетит, оставив цветок иссушенным. Конечно, и шмеля можно использовать в дальнейшем для расширения славы учения подобно тому, как шмель переносит пыльцу с цветка на цветок, но этот человек не годится для того, чтобы помочь цветку окончательно распуститься и созреть. Для тебя он будет бесполезен.

Очередного кандидата Ли отмел, сказав, что этот человек очень тщеславен и слишком любит одеваться.

— Он может быть другом, даже верным другом европейца, но последователь Спокойных его в друзья не взял бы.—усмехнулся Ли.

К концу дня, наконец, появился Славик.

— Этот парень может стать стеблем, поддерживающим цветок, —сказал Ли. —В данном случае под цветком я подразумеваю Хранителя знания, то есть тебя. Поддерживая цветок, будучи хорошим стеблем, он выполнит свое предназначение, тем более, что он не рвется в лидеры, его интересует суть учения и сам процесс обучения. У твоего друга двоякая воля—горячая снаружи и ослабленная, холодная внутри. Этот ученик годится для тебя, это не мой ученик. Но как стебель для цветка он будет достаточно хорош.

Будущее показало, что Ли не ошибся в оценке Славика. Будучи великолепно подготовленным физически. Славик достиг больших успехов в изучении боевых искусств, но духовная сторона учения прошла мимо него, не сумев трансформировать его волю и дух в соответствии с учением Спокойных. После того как мы расстались с Ли, он некоторое время не мог найти свое место в жизни, сформировать устойчивое самосознание. Он начал выпивать, потом, желая хотя бы физически быть ближе к Востоку, уехал на Камчатку, где стал рыбаком. На долгие годы я потерял его из виду...

Я понял, что Ли согласился сделать Славика моим напарником, и предложил:

— Может быть, я попробую его догнать или схожу к нему домой, чтобы позвать его и вас познакомить?

— Настанет день, когда ты его приведешь и он сам со мной познакомится.

Славик служил в милиции, и я иногда для развлечения сопровождал его на отлов бомжей. Обычно это происходило без проблем, бомжи покорно отдавали себя в руки служителей закона. но для того, чтобы их застать в местах, где они спали, наряд милиции выезжал на работу рано утром, часа в четыре. Обычно бомжи ночевали в шалашах или в палатках, поставленных в лесополосах. Их хватали, сажали в машины и отвозили в приемник-распределитель. Во время одной из таких поездок мы со Славиком обнаружили великолепную поляну для тренировок в центре лесополосы недалеко от Богдановки. Большая поляна была полностью скрыта деревьями от дорог. Еще она привлекала нас тем, что неподалеку находился сад, на который мы после занятий совершали набеги.

Первую встречу со Славиком Ли решил провести именно на этой поляне.

Я рассказал Славику о Ли, о том, что техники, которые я ему показывал, относятся к тайному знанию Спокойных, и о том, что Учитель согласен взять его в качестве моего напарника. Славик был так взволнован, что не мог заснуть почти всю ночь, и приехал в лесополосу за несколько часов до назначенной встречи.

Славик тренировался, с нетерпением ожидая появления Учителя. Я пришел незадолго до встречи с Ли, и мы начали отрабатывать способы освобождения

от захватов, немного поспарринговались и так увлеклись, что даже не заметили, как Ли подошел к нам вплотную.

Без всяких вступлений он сказал:

— Повторяйте за мной движения.

Мы, не произнеся ни единого слова, обойдясь без приветствий, гармонично перешли от своей тренировки к тренировке с Учителем.

Ли начал с движений по широкой амплитуде и постепенно перешел к движениям одними пальцами. Закончив упражнения, он присел, подложив под колени свернутую куртку и небольшой кусок дерева, и знаком приказал нам принять такую же позу. Земля была сырая и прохладная. Мы, подражая Ли, тоже подложили под ноги одежду и ветки.

—Сейчас, когда вы разогреты, вы открыты для вредной энергии ветра и сырости, —сказал Ли. — Поэтому вы периодически должны активизировать кожу сильным потиранием, иначе мышцы и кожа охлаждаются, и болезнь незаметно войдет в вас.

— А почему ты не растираешься?—спросил я.

— Мне достаточно просто концентрироваться на поверхности тела, чтобы не пропускать внутрь вредную энергию. Постепенно ты этому тоже научишься.

Я начал растирать свое тело. Славик последовал моему примеру.

Ли сказал:

— Сегодня я покажу вам технику ведущих точек и «живых перьев». Это способ управления телом с помощью малых движений. Техника малых движений состоит из десятков групп приемов «живые перья». «Живые перья»—это техника, очень тесно связанная с первичными медитативными практиками по управлению пульсами. по ведущим точкам, когда тело входит в состояние аутодвижений или когда вы разбираете движения и приемы на составляющие и выясняете, в какой момент какая точка или несколько точек вашего тела определяли направление движения, усилие и другие составляющие, и в медитации учитесь выполнять прием, сосредотачиваясь на ведущих точках и мысленно управляя их движением.

Потом Ли рассказал нам о формосостояниях. Он сказал, что несколько десятков обычных форм, которые он мне показывал раньше, —это первичная ступень, одна из ступеней ложного знания (он мне уже несколько раз намекал, что далеко не все, что он мне рассказывал с первой нашей встречи, является истиной в последней инстанции).

— Это части ложного знания, — объяснил он. — которые подготавливают тебя к более высоким

ступеням мастерства, к более высоким состояниям.

Снова повторив, что ни поз, ни движения не существует, он ввел новые понятия состояния и навыка. Ли определил состояние как весь комплекс изменений, происходящих в той или иной форме, и вывел из этого, что любая форма, а формой может быть поза, или положение рук, или застывшее положение кисти, на самом деле формой не является, представляя собой квинтэссенцию нескольких подобных форм и их переходов от одной к другой.

Формосостояние—это сочетание навыка—умения пользоваться формами для достижения той или иной цели и достаточно большой группы форм с их изменениями и переходом одной в другую, то есть, в конечном счете, сочетание навыка с движениями и позами.

Как пример формосостояния. Ли показал мне большой палец и сказал, что одним только большим пальцем можно и атаковать, и защищаться.

Я ничего не ответил, но про себя подумал, что это должно быть небольшое преувеличение.

Ли усмехнулся и сказал:

— По выражению твоих глаз я вижу, что ты мне не веришь. Попробуй меня атаковать.

Я рванулся вперед и, даже не успев понять, что произошло, оказался на земле с жестокой болью в солнечном сплетении.

— А теперь посмотри на то же самое со стороны. Я сделаю это медленнее.

Ли сделал знак Славику атаковать его. Его большой палец скользнул вдоль атакующей руки Славика и подушечкой вонзился в его солнечное сплетение. Ударив Славика ладонью по спине. Ли восстановил ему дыхание и жестом предложил нам попробовать этот прием друг на друге. Потом Ли показал нам серию приемов «живых перьев». (Техника «живых перьев» опубликована в «БИП», начиная с 1-го номера за 1995 год.)

«Живые перья»—это пальцы рук и различные группы формосостояний пальцев рук. Их предназначение — направление движения рук и всего тела, формирование ряда атако-защитных положений кисти и осуществление контактного и бесконтактного контроля.

Работа с «живыми перьями» начинается с медитативной активизации ладоней и пальцев. Первая

фаза этой активизации —мысленное сосредоточение на ощущении тепла в кисти, от которого начинают трепетать и словно звучать точки Ши-сюань и Лао-гун или центр ладони.

Ли сказал, что наиболее часто используемыми формосостояниями «живых перьев» являются три группы пальцев: большой палец, средний и указательный пальцы и безымянный палец с мизинцем. Это—стабильные формосостояния.

Три основных временных формосостояния "живых перьев" —ладонь с сомкнутыми пальцами, ладонь с отставленным большим пальцем и группа из среднего и безымянного пальцев. К вспомогательным формообразованиям относятся четыре простые кольцевые формы, образуемые соединением конца большого пальца с концом каждого из четырех остальных пальцев. Еще несколько вспомогательных временных форм были тесно связаны с пальцовками, лечебными и медитативными жестами.

Чтобы показать нам технику «живых перьев» в действии. Ли предложил, чтобы мы со Славиком одновременно атаковали его. Я попробовал ударить Ли в лицо, но неуловимым движением кисти он перенаправил мою руку, и удар достался Славику. Пальцы Ли, скользя по нашим конечностям, осуществляли болевые воздействия на активные точки, болевые приемы. Движениями пальцев он изменял направление наших атакующих конечностей, так что они все время переплетались, и мы мешали друг другу атаковать. Такая техника переплетения конечностей нескольких нападающих называется «упавшее дерево на лесной дороге».

Манипуляции пальцами позволяли Ли слить в единое целое защиту и контратаку и мгновенно вернуть конечность в положение контроля над опасными зонами тела противника. Руки Ли все время раздражали нас толчками и рывками кожи и мышц, что заставляло нас делать ненужные движения и жесты. Руки Ли словно прилипли к моему телу, как бы я ни двигался, они все время контролировали меня. Мне казалось, что просто невозможно избавиться от прилипающих пальцев Учителя, невозможно пробиться к нему через эту защиту, потому что каждое мое атакующее движение мгновенно нейтрализовывалось защитой в сочетании с контратакой, захватом или перенаправлением атакующей конечности в технике «упавшего дерева на лесной дороге».

Возможности «живых перьев» поразили нас, и Ли потратил несколько часов, объясняя нам технику

движений и то, как пальцы и формосостояния определяют, направляют и изменяют движения кистей рук.

Потом Ли показал, как используются кольца из разомкнутых пальцев, когда два пальца руки (один из них—большой палец) образуют полукольцо, а кольцо создается только в воображении ученика. Мы должны были представить, что полукольцом пальцев мы держим твердый круглый диск или блюдце так, чтобы полукольцо пальцев становилось твердым и напряженным, изо всех сил сжимая воображаемый диск. Ли показал, как полукольца пальцев используются для поворота кисти, для отвода атаки или для самой атаки. Он сказал, что после выполнения определенной медитации для создания в полукольце пальцев диска из энергии, своеобразного мыслеобраза. кольца пальцев можно использовать для лечения или для создания сверхусилий.

В качестве первого этапа медитации Ли предложил нам начать с полукольца, образованного большим пальцем и мизинцем, представить и почувствовать, как мы держим блюдце этими пальцами, ощутить его грань и мощное сопротивление нажатию пальцев так, что остальные пальцы тоже могли бы прикоснуться к поверхности блюдца и осязать его.

Мне довольно легко удалось вызвать это ощущение. Славику, наверно, тоже, потому что он сказал:

— Ну и что. что у меня в руке блюдце? Какую силу оно мне дает?

—А вот посмотри.—сказал Ли и, взяв руку Славика, сжал ее в запястье большим пальцем и мизинцем.

С ужасом я увидел, как сустав вышел из своего ложа и кисть Славика, повинувшись мощному нажатию пальцев, отделилась от предплечья. Тут же обжимающим движением руки Ли вставил сустав на место.

Славик изумленно пошевелил рукой, но она нормально двигалась без боли или опухания.

—То, что вы видели,—реализация одной из возможностей «живых перьев» в захвате,—сказал Ли. —При необходимости, сконцентрировавшись, я могу расплющить твои кости, как, например. этот камень. Ли подобрал с земли небольшой кусок белого ракушечника, сжал его в руке и, перебирая пальцами,

разломал на мелкие кусочки.

— Попробуйте почувствовать мое состояние, — предложил Ли.

Я расслабился и представил, что сливаюсь с ним в одно целое. Какая-то дикая сила начала подниматься внутри моего тела, двигаясь от копчика по позвоночнику вверх к плечам и

холодом растекаясь по плечам и голове. Энергия хлынула в руки, вызвав жуткий спазм в кистях. Холод охватил щеки и нос. Мне казалось, что я нахожусь в Антарктиде и мои щеки вот-вот отмерзнут и отвалятся.

Славик тоже что-то почувствовал. Но то, что Ли сделал с его рукой, не позволяло ему сосредоточиться. Я видел, как он периодически бросал недоверчивые взгляды на руку, вращал кистью или растирал запястье. Удивительным было то, что рука даже не была растянута, хотя, по идее, после такого выхода сустава ее двигательные функции должны были сильно нарушиться.

Тренировка в технике "живых перьев» продолжалась до глубокой ночи. Мы постигали контроль над движениями противника, учились отводить атаки, ловили моменты перехода движений с вращением кисти, изучали отбивы и атаки при вращении предплечья с помощью мизинца и большого пальца. Мы вызывали ощущение блюдца в полукольце пальцев и учились направлять его под разными углами, ощущая плоскости действия кисти. Полукольцами пальцев мы перехватывали атаки, совершали отведения и зацепы и многое другое.

Техника «живых перьев» настолько захватила нас, что, казалось, изменилось течение времени, оно почти остановилось, как будто в мире не существовало ничего, кроме этой лесной поляны, залитой лунным светом, фигуры Учителя, совершающего руками какие-то удивительные манипуляции, и нас, пытающихся эти манипуляции воспроизвести и запомнить навсегда.

ГЛАВАХ

Я шел по улице Пушкина, когда меня остановила симпатичная девушка. Очень смущаясь, она сказала, что какой-то парень попросил ее передать мне записку.

— Какой парень?—поинтересовался я.

— Понятия не имею, —ответила она. —Я его никогда раньше не видела. Сначала я подумала, что он сумасшедший, потому что он сказал, что скоро вы пройдете по этой улице, и описал вас. Он так просил, что я подумала, что это очень важно. Он всунул мне в руку записку и ушел. Я решила, что это розыгрыш, но потом увидела вас и сразу узнала по росту и заплаткам на штанах.

Тут она густо покраснела и протянула мне свернутую бумажку.

Я взял записку, поблагодарил и попытался пригласить ее на свидание, но девушка была так смущена ситуацией, что, неожиданно перейдя на визг, она закричала.

— Что вам еще от меня нужно?—и убежала. Я развернул записку и прочитал: «Приходи на скалу». Подписи не было. Но и без подписи я догадался, что записку написал Ли. Было в этом почерке что-то необычное, что напомнило мне непредсказуемую личность Учителя.

Под «скалой» Ли подразумевал Неаполь Скифский. Наскоро перекусив, я побежал туда. Я обыскал весь Неаполь, но Учителя так и не встретил. Вечерело. Я остановился на краю обрыва, любуясь панорамой города, раскинувшегося внизу. Спокойствие и мягкость теплого крымского вечера отразились на моем настроении. Я созерцал город, наслаждаясь красотой пейзажа, когда мне на затылок мягко легла чья-то рука. Я понял, что это была рука Ли, потому что он часто приветствовал меня таким образом. После изучения упражнений по аутодвижениям я начал автоматически реагировать на неожиданные прикосновения к моему телу или резкие движения в моем направлении, иногда отвечая на них серией ударов прежде, чем понимал, что происходит.

Рукой, положенной мне на затылок. Ли предупреждал, что это он, гася мою возможную агрессивную реакцию.

— Сегодня мы поговорим о памяти,—сказал он и спросил:

—О чем ты сейчас думаешь?

Я ответил, что ни о чем особенном не думаю, просто люблюсь окрестностями.

— Много ли моментов, подобных этому, ты можешь вспомнить и насколько подробно ты помнишь их?—спросил Ли.

Я начал вспоминать и пересказывать свои воспоминания. Подобных моментов в моей жизни было очень много. С детства я очень любил природу, ходил с отцом в походы, на охоту, на рыбалку, и мне всегда нравилось созерцать горы, море, лес, закаты или туман.

Ли остановил меня и спросил:

— Много ли праздников ты помнишь? Как ты проводил их?

Я рассказал о том, как встретил последний Новый год. Ли требовал вспоминать все детали до мельчайших подробностей. Я описал другие праздники, вспоминая друзей, девушек, как они были одеты, какие-то интересные события. Ли внимательно слушал, иногда задавая вопросы или подбрасывая какую-нибудь новую тему для разговора.

Постепенно мои воспоминания становились ярче и детальнее, Я начал вспоминать вкус блюд, ощущая его во рту. я вдыхал запах курительных палочек, чувствовал на своей коже нежные прикосновения женских рук и вкус поцелуев. Воспоминания обретали форму и плоть, становясь реальными, словно время повернуло вспять и я вновь вернулся в события прошлого, испытывая те же эмоции и переживания.

Эффект оказался совершенно неожиданным для меня. Мне показалось, что сейчас я переживаю лучшие минуты моей жизни за многие месяцы. Меня захлестывало ощущение праздничного настроения, эмоционального подъема, предвкушение удовольствий и сюрпризов. Я чувствовал себя удовлетворенным и счастливым и с удивлением сказал об этом Ли.

—Я очень рад, что мне не придется объяснять тебе, что такое медитация воспоминания.—произнес он и пошел к спуску с Неаполя Скифского.

Я молча последовал за Учителем, продолжая вспоминать другие события, поддерживая в себе

эмоциональный настрой медитации воспоминаний. Мы шли уже по набережной Салгира. когда я спросил:

— Для чего нужна медитация воспоминаний?

— Она позволяет тебе восстановить нить жизни, а нить жизни—это основа основ человека-дерева.— ответил Ли.

— Как можно восстановить нить жизни? Ведь человек не может помнить всю свою жизнь целиком.

— Человек помнит всю свою жизнь, все, что с ним когда-либо происходило, но его нужно научить вспоминать то, что важно и нужно для него. потому что его тело и мозг лучше всего запоминают и поэтому легче могут воспроизводить только то, что кажется важным для них. Ты вспоминаешь в первую очередь те события, которые кажутся наиболее значительными твоему мозгу и твоему телу.

Противопоставление мозга, тела и личности человека уже не в первый раз всплывало в наших беседах. То в шутку, то всерьез объясняя мне разные аспекты учения. Ли заострял внимание на этом противопоставлении. Например, он говорил:

— Часто бывает так, что мозг хочет чего-то, а тело ему сопротивляется, потому что не хочет работать. Твой мозг желает, чтобы ты, как личность, был сильным, а значит, и обладал сильным телом, однако для этого нужно работать. Если тело отказывается работать, тебе важно, как личности, занять сторону мозга и дать приказание телу работать, или, если тело слишком измучено или слабо для того, чтобы работать, ты, как личность, должен занять сторону тела и погасить требования мозга.

Когда твое тело хочет есть, оно заставляет мозг искать выход из этого положения и достать еду. Когда мозг помогает телу удовлетворить его потребность и ему удастся это сделать, человек чувствует себя умиротворенным. Но это лишь поверхностное решение проблемы, потому что мозг и тело часто хотят не того. что нужно и полезно человеку как личности, и удовлетворение желаний приносит человеку не пользу, а вред.

— Мне кажется, что выполнение моих желаний принесло бы мне только пользу,—сказал я.

—А ты уверен, что знаешь свои желания?—спросил Ли.

— Естественно, что я знаю. чего я хочу, —ответил я.

— Для человека вообще неестественно знать, чего он хочет. Человек только думает, что хочет чего-то, а на самом деле он часто мечтает о вещах совсем противоположных, даже не отдавая себе в этом отчета. Я расскажу тебе древнюю притчу Спокойных о сокровенных желаниях, и ты сможешь убедиться, что я прав.

«Решил однажды голубой черт из Большой пещеры стать святым и прославиться добрыми делами. Надел на себя самые красивые одежды и разослал во все концы Поднебесной своих родственников и знакомых с вестью о том, что он берется исполнять самые сокровенные людские желания.

Скоро к пещере, где жил черт, потянулись вереницы людей, жаждущих получить обещанное.

Первым предстал перед чертом бедный крестьянин. Только хотел обратиться к нечистому со своей просьбой, как черт и говорит:

— Ступай домой. Твое желание исполнено.

Вернулся крестьянин домой, стал искать мешки с золотом и серебром, как вдруг видит—идет к его дому сосед, а на плечах у него вместо своей собственной—кабанья голова, глазами вращает да клыками щелкает. Ужаснулся крестьянин:

— Неужели у меня такие желания?

После крестьянина подошла к черту старая женщина, неся на спине мужчину с высохшими ногами. Положила его у ног черта и говорит:

— Исполни заветное желание моего сына. До конца жизни буду благодарна тебе.

Посмотрел черт на мужчину, а у того и руки отсохли. Заплакала, заголосила старая женщина:

— Что ты наделал, проклятый!

А черт и говорит:

— Что же мне делать, если он с детства хотел, чтобы у него и руки отсохли, ведь тогда ты не сможешь заставлять его короба плести и кормить его будешь из своих рук.

Делать нечего. Взвалила мать сына на плечи и пустилась бегом из пещеры, пока сын еще чего-нибудь не пожелал.

Так и не стал черт святым. Недобрая слава о нем пошла, но в этом он сам виноват. Уж кто-кто, а черт должен бы знать, что самые сокровенные желания не всегда желанны бывают».

—Так что видишь, мой маленький брат, не всегда следует выполнять желания мозга или тела. Самое трудное для личности—принять верное решение и в нужный момент встать на сторону мозга, чтобы подчинить тело, или на сторону тела, чтобы обуздать мозг, а может быть, найти третье решение и дать мозгу пищу, которая позволит ему в корне изменить свое мировоззрение.

Только личность может изменить мировоззрение мозга, потому что вопросы, возникающие у личности, ее впечатления от внешнего мира воздействуют на работу мозга, заставляя его переосознавать то, что казалось ему незыблемыми правилами. переоценивать установки, удобно уложенные в нем в качестве готовых рецептов, установки, на которые он опирается, формируя свои задачи, выводы и оценки. Развивая свою личность. человек изменяет свое сознание и бытие, целенаправленно воздействуя на мозг и тело, и постепенно превращается в человека-дерево. Это превращение—одна из основ учения Спокойных.

— Что такое личность?—спросил я. —Чем она отличается от мозга и сознания человека?

— Это слишком сложная тема, чтобы говорить об этом сейчас,—ответил Ли.—Разные источники и разные учения определяют личность по-разному. Спокойные создали свою теорию личности, по которой личность разбивается на несколько составных частей типа «человека вообще», «человека в частности» и так далее. Но главное, что определяет личность человека-дерева,—это то, что трудно выразить словами и можно только почувствовать. Это—внутренняя сила. Сейчас я говорю о личности, мозге и теле для того, чтобы ты интуитивно научился понимать, что это. и разделять их функции и задачи.

— Как я понимаю, в идеале принятие правильных решений должно оставаться за личностью.—сказал я.—Но как можно быть уверенным, что твоя личность принимает правильные решения?

— Личность обычного человека принимает правильные решения только случайно. Для того чтобы принимать правильные решения, нужна правильная личность. А поскольку момента, когда мне удастся вправить мозги твоей личности, ждать еще долго, сейчас наиболее правильным решением для твоего европейского мозга будет не задавать глупых вопросов и не ловить кайф от бессмысленных, кажущихся тебе умными рассуждений.

Неожиданно Ли спросил:

— Что ты вообще помнишь о своей жизни?

Я немного подумал и ответил:

— Наверно, то же, что и обычный человек.

Еще в первую неделю нашего общения Ли приучил меня не делать категоричных заявлений, каждое из

которых он встречал градом насмешек. Больше всего он издевался над речевыми штампами, и мне приходилось каждый раз думать, чтобы выбрать ответ, допускающий различные толкования.

— Ты не должен быть обычным человеком. — сказал Ли. — Я направлю тебя по пути воинов жизни, и после того, как ты станешь воином, ты объединишь остальные пути и превратиться в «человека-дерево».

Я усмехнулся про себя. Хотя умом я понимал возвышенную суть образа «человека-дерева», сам образ всегда мне казался немного смешным.

— Знаешь, почему название «человек-дерево» всегда вызывает у тебя усмешку?—поинтересовался Ли, и сам ответил: — Ты не можешь избавиться в числе прочего от образа, заложенного в сознание вашего поколения песней Высоцкого:

Но если туп, как дерево, родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет. пока помрешь.

Ты должен освободиться от давления подобных мыслеобразов, от нелестных сравнений, потому что в новом мыслеобразе, который будет заложен в тебе. "человек-дерево"—это человек совершенства, объединивший в себе силу четырех стихий для того, чтобы стать пятой. А теперь постарайся вспомнить самое яркое событие в своей жизни.

Я сказал, что самым ярким моментом была его демонстрация прыжков в день нашей первой встречи.

— Не нужно ничего описывать словами, —сказал Ли. —Восстанови в памяти последовательность событий и свои ощущения.

Сделать это было совсем нетрудно. Я закрыл глаза, и в моем воображении начали возникать образы, сперва смутные, потом они стали приобретать более яркие очертания, перерастающие в ощущение реальности. Сначала я увидел яркую луну и вспомнил, как были обострены мои чувства перед показом. Потом в лунном свете возникла фигура Ли, и я услышал его хриплый изменившийся голос. Сцену его прыжков я прочувствовал так ярко. что, как и тогда, ощутил тошноту и головокружение. Мой желудок спазматически сжимался, я начал оседать на землю, почти теряя сознание.

— Хватит, хватит, —услышал я голос Ли. Его руки подхватили меня. он надавил мне на точки под носом и на руках. Я почувствовал себя лучше, хотя голова все еще была тяжелой, а реакции — заторможенными.

—У тебя неплохо получается,—засмеялся он,—теперь ты видишь область практического применения медитации воспоминаний. Чтобы очистить желудок, обычный человек засовывает два пальца в рот. а воину

жизни для этого достаточно вспомнить некоторые моменты своего прошлого. Преимущества очевидны.

Ли произнес эти слова с таким пафосом и торжественностью, что я поневоле расхохотался и полностью пришел в себя.

Медитация воспоминаний вошла в мою жизнь в виде каждодневных упражнений. Я вспоминал события минувшего дня, прокручивая в памяти все наиболее существенные моменты, потом вспоминал незначительные детали, например, как я чистил зубы, восстанавливая в мельчайших подробностях, на уровне движений, каким жестом я брал зубную щетку, с каким усилием и в каком месте надавливал на тюбик с зубной пастой, каким движением подносил щетку ко рту, вспоминал ощущение зубной пасты на деснах и все остальное. Сначала такое детальное воспоминание давалось мне с трудом, но со временем у меня развилась и активизировалась своеобразная мышечная память, и стоило мне сосредоточиться на воспоминании о каком-либо действии, как мышцы начинали сокращаться и подергиваться на уровне идеомоторных движений, которые при более сильном сосредоточении переходили в аутодвижения.

Потом я вспоминал позавчерашний день и так далее, углубляясь в прошлое.

Ли сказал, что на первых фазах формирования ученика. кроме умения детально восстанавливать в памяти реальные события, нужно научиться в одной из разновидностей медитации воспоминаний, которая называлась «воспоминание о том, чего не было», реализовать свои желания и мечты для того, чтобы нейтрализовать какие-то свои комплексы, внутреннюю неудовлетворенность или снять состояние фрустрации от невозможности получить в данный момент то, что ты хочешь. Конечно, многие люди мечтают с детства, но учение Спокойных довело способность мечтать до уровня искусства, когда мечта не пускается на самотек, а используется целенаправленно для достижения каких-то конкретных целей.

Медитация воспоминаний о том, чего не было, создавала миф о событиях твоей жизни, которые никогда не происходили, но вспоминались с реальностью и достоверностью подлинных событий, словно становясь частью истории жизни ученика.

Например, если ученик боялся высоты, он

вспоминал, как когда-то он был альпинистом, создавая реальную картину несуществующих событий и в деталях вспоминая, как он лазил по скалам, перебирался над пропастью по канату, смотрел вниз с вершины горы. Начинались такие воображаемые воспомина-

ния с небольших высот, чтобы страх не мешал выполнению упражнения. Постепенно высота увеличивалась, и страх высоты исчезая. Если же страх высоты не проходил, можно было вспомнить, например, что ты пришел к даосскому мудрецу, и тот научил тебя специальным упражнениям, помогающим преодолеть этот страх, или дал тебе лекарство от страха и т.д.

Подобные медитации помогали избавиться от страха перед болью, перед поединком с несколькими сильными противниками, помогали избавиться от проблем общения с окружающими и имели множество других применений. Можно было исправлять ошибки прошлого и стирать чувство неловкости, вины или стыда, вспоминая ситуацию по-новому и не допуская прошлых ошибок.

Конечно, избавиться от страха высоты можно было бы, выполняя определенные упражнения в реальной жизни, но на все просто не хватало времени, и медитация воспоминаний о том, чего не было, значительно сокращала срок обучения. Часто я выполнял ее перед сном, и воображаемые события переходили в сны, которые стали очень яркими и реальными.

Конечно, этот вид медитации можно было использовать и для получения удовольствия, но, как и в любом удовольствии, необходимо было чувство меры, чтобы не подменять способность свободно ориентироваться в реальном мире призрачным существованием в стране грез.

Медитация воспоминаний о том, чего не было, также являлась инструментом для удовлетворения скрытых жажд организма (жажды славы, признания, любви), снимая внутреннюю неудовлетворенность, так что ученик переставал отвлекаться на эти приманки, не попадаясь больше в ловушку своих эмоций и внутренних потребностей.

Одной из разновидностей медитации воспоминаний о том, чего не было, являлась медитация воспоминания себя таким, каким ты никогда не был. Эту медитацию можно было использовать, например, в случае, когда у тебя не получалось какое-то упражнение и ты вспоминал о том, как уже многократно выполнял его: или, желая сделать свое тело более красивым и сильным, ты вспоминал себя именно таким, что на уровне самовнушения

способствовало физическому совершенствованию.

Близкой по типу к этим медитациям была омолаживающая медитация, которую выполняли Спокойные, достигнув определенного возраста. После расслабления нужно было представить себе, что тебя с большой силой тянет назад и ты проваливаешься, но не в пространстве, а во времени, проносясь назад сквозь время к моменту, когда тебе было 18—20 лет. Было необходимо почувствовать, как полностью омолаживается весь организм, как мышцы наливаются ощущением молодости и силы. а кожа становится свежей, гладкой и упругой. Ощущение двадцатилетнего возраста переносилось в реальную жизнь и переходило на уровень подсознательной уверенности.

В плане обучения рукопашному бою медитация воспоминаний была исключительно полезна при мысленном воспроизведении фрагментов боев и тренировок. Обычно после каждой тренировки в лесополосе Ли заставлял Славика и меня вспоминать все новые элементы, которые он нам показывал, вспоминать, как он сам выполнял упражнение. Таким образом он как бы все время находился рядом с нами, и я научился в любой момент вызывать его образ. Воспоминания движений вызывали отзвуки и подрагивание в мышцах, небольшие мышечные сокращения, которыми мы как бы конспектировали показанный урок. Повторение уроков реализовывалось ночью в очень ярких сновидениях, и у меня подергивались конечности, имитируя удары.

Наяву воображаемые движения с легкостью переходили в аутодвижения. Для этого было достаточно хорошо расслабиться и мысленно воспроизвести образ. Тело начинало двигаться само с удивительной легкостью, без физического ощущения движения. Оставалось только отстраненное наблюдение за происходящим. Этот вид аутодвижений был программируемым и управляемым. Мы практиковали также неуправляемые, спонтанные аутодвижения, но они вызывались другими типами упражнений—более близкими к ци-гуну.

Воспоминание и мысленное воспроизведение урока существенно ускоряло обучение, потому что достаточно было увидеть несколько раз какое-то движение, показанное Ли, и попробовать воспроизвести его в паре со Славиком, чтобы потом больше не разучивая его. запомнить его навсегда с

помощью медитации воспоминаний.

Однажды, когда мы тренировались в лесополосе, Ли сказал:

— Сейчас я покажу вам еще одну снежинку, падающую с неба (в Шоу-Дао так называют новую для ученика часть знания). Вы уже достигли определенного уровня в контроле над мышцами, в повторении движений—физическом и мысленном, но главное, чему вы научились,—это не только видеть движение глазами и слышать ушами производимый движени-

ем звук, но и воспринимать и чувствовать движение всем телом. Сейчас я покажу вам, как мысленным представлением движения можно управлять человеком.

Ли велел Славику встать и расслабиться. Потом он сказал ему:

— Сейчас я дам тебе ключ.

Ли подошел к Славику и нанес ему короткий резкий удар в солнечное сплетение, потом, не давая развиться спазму, ударил его открытой ладонью по спине, чтобы восстановить сбившееся дыхание.

— Ты ощутил физическое воздействие удара, но тот же удар ты можешь почувствовать и на расстоянии,—сказал Ли. Он отошел на несколько метров и нанес такой же удар в воздух. По тому, как сократились мышцы живота Славика и как он согнулся, я понял, что удар достиг цели.

Учитель сказал:

— Сейчас ты почувствовал удар, увидев, как я собираюсь ударить. Закрой глаза.

Славик закрыл глаза. Ли сосредоточил взгляд на его животе, не делая больше никаких движений. Через несколько секунд мышцы живота Славина содрогнулись.

— Я не нанес удар. —сказал Ли, —но твоё тело почувствовало моё желание ударить в солнечное сплетение и отреагировало на него. Точно так же твоё тело может почувствовать моё желание ударить в любую другую его часть. Но имейте в виду, если вы будете показывать это своим ученикам, часть тела, в которую вы собираетесь наносить мысленные удары, сначала нужно раскрыть настоящим ударом, как это сделал я, и только потом начинать мысленное воздействие, хотя мне это делать не обязательно.

Ли снова сосредоточился. На этот раз его взгляд не фокусировался на Славику и был направлен куда-то в сторону, в никуда.

Славик неожиданно отдернул ногу, потом прикрыл голову рукой, попытался защитить спину. Он сделал еще несколько защитных движений.

—Ты научился воспринимать мыслеобразы ударов.—сказал Ли. —Не нужно объяснять, как это можно применить в бою. Но это только начало упражнения. Расслабься и говори мне, что ты чувствуешь.

— Я чувствую, что рука стала тяжелой и с силой

давит мне на бедро.

— А что ты хочешь сделать сейчас?

— Я хочу захватить рукой материю на моих брюках.

— Сделай это. Ты ее крепко держишь? А теперь выполни то, что хочет сделать твоя рука.

Славик резким рывком разорвал свои брюки.

— Следуй за своими ощущениями,—сказал Ли.

Повинуясь безмолвным приказам Учителя, тело Славика начало совершать красивые плавные движения. Его руки двигались с четкими остановками в какие-то моменты, движения их то замедлялись, то ускорялись. Можно было подумать, что Славик находится в трансе, но было видно, что он полностью осознает происходящее. На его лице застыло выражение напряжения и удивления. Казалось, что он прислушивается к направляющему его внутреннему голосу.

Ли сказал мне:

— Представь, что твоя рука—это правая рука Славика. Выполняй мысленно какое-нибудь движение.

Я сосредоточился на образе кругового движения и перенес ощущение своей руки на руку моего партнера. Я представлял круг инь в плоскости ворот. Славик выполнил движение в точности вплоть до радиуса круга. Я придумывал все новые и новые круговые движения, и Славик повторял их. Все еще не веря своим глазам, я изменил амплитуду и характер воображаемых движений, перейдя к движениям только большим и указательным пальцами, но рука Славика действовала так, как будто была моей.

—Достаточно на сегодня.—сказал Ли. и Славик вдруг, как подкошенный, рухнул на землю.

Потом он рассказал мне, что в тот момент ощутил невероятное расслабление, граничащее с истомой, которая никогда раньше его не охватывала с такой силой.

— Что ты чувствовал, когда выполнял упражнение?—спросил я.

— Я был марионеткой, которую кто-то дергал за тысячу ниточек.—ответил он.—Казалось, что мое тело сделано из толстых шнуров, руки были бессильными, как плети, и я двигался не благодаря мышечным усилиям, а повинуясь ниточкам, привязанным к шнурам. Когда ниточки исчезли, мое тело, как пустая оболочка воздушного шара, из которого выпустили

горячий воздух, опустилось на землю.

Восхищенный тем, что я видел, я спросил у Ли:

— Как ты это делаешь?

— Ты сам делал это, — ответил Ли, — зачем же ты спрашиваешь?

— Меня интересует механизм происходящего. Может быть, есть какое-нибудь научное объяснение того, что я видел? Ли поморщился.

— Европейец всегда остается европейцем, особенно если он ученый европейец, — сказал он. — Через десятки или даже через сотни лет современная наука, может, быть и сможет объяснить механизм того, что ты видел, если это понадобится для какой-нибудь области ее изысканий. Возможно, эта информация будет засекречена, возможно, отдельные ее части будут разбросаны по десяткам лабораторий и погребены в книгах и статьях, но части никогда не будут собраны вместе по той простой причине, что они будут самым тщательным образом скрываться противоборствующими сторонами в самых разных уголках мира.

Ты стоишь на пути древнего учения, которое достигло в познании человека и окружающего мира гораздо большего, чем современная наука, потому что для него инструментом исследования и познания является сам человек, а не приборы и компьютеры. И поскольку ты находишься на этом пути, тебе придется отказаться от того уютного мирка объяснений, к которому ты привык, начиная со школьной скамьи. Объяснения, которые ты получал, имеют только видимость истины, создавая искаженное отражение реальности, но тебя приучили считать это отражение реальности научным и достоверным, а то, что нельзя пощупать и выразить словами, — ненаучным, недостоверным и мистическим. Например, ты никогда не видел молекулу в электронный микроскоп. Ты не видел и не щупал эту молекулу, но ты представляешь ее в виде некой структуры из шариков побольше, сцепленных определенным образом, и шариков поменьше, вращающихся по круговым орбитам. Кстати, упомянув о молекулах, я вспомнил анекдот о том, как военный читал лекцию по гражданской обороне в институте ядерной физики.

Объясняя, как действует атомная бомба, военный нарисовал на доске ядро атома и вращающиеся вокруг электроны.

Один из физиков поднялся и сказал:

— Я понимаю, что ядро притягивает электроны и они вращаются вокруг него. Но не могли бы вы

объяснить, что находится между ядром атома и электронами?

— Как что?—удивился военный.—Конечно, воздух.

Ты можешь посмеяться над тупостью военного, но весь фокус в том, что и ты, и ваши европейские ученые почти не отличаются от него в своих «научных» представлениях о сути предметов и явлений. Конечно, в некотором смысле полезно, что ты знаешь что-то о молекулах, имеешь представление об их химических связях и других их свойствах, но, с другой стороны, имея инструмент древнего знания, принципиально другого способа познания мира, в течение тысячелетий создаваемого Спокойными, ты можешь получить информацию о мире через закономерности, выраженные в отношениях инь и ян, во взаимодействиях четырех стихий, порождающих пятую. Благодаря этим закономерностям, а также великой науке триграмм, которые переходят в гексаграммы и так далее, ты сможешь описать взаимоотношения всего в мире не хуже, чем это делает современная наука, хотя и принципиально другим способом.

Следуя по пути воинов жизни, тебе придется пользоваться их инструментом познания, который откроет тебе еще один способ познания мира—интуитивное познание, которое, отталкиваясь от древних знаний о мире, совершенствует себя и совершенствует и дополняет систему знаний. Таким образом, интуиция, взаимодействуя со знанием, порождает новое знание, которое, в свою очередь взаимодействуя с интуицией, порождает интуицию нового уровня, и так далее по спирали.

Законы первичного познания мира, пришедшие к нам из глубокой древности, живы до сих пор. Возьми, например, свою марксистско-ленинскую философию. Основные законы природы не смогли отменить даже большевики. Эти законы остались теми же. Единство и борьба противоположностей—тот же закон взаимодействия инь и ян. Так стоит ли тебе искать призрачные научные объяснения, уходя от древнего способа познания мира, если он принесет тебе больше пользы, чем твое знание, представляющее собой просто множество красивых слов и формулировок, которые не учат тебя жить в этом мире и взаимодействовать с ним.

Начиная с самого детства, тебя учили не тому, что нужно для твоего развития и блага, а тому, что выгодно для общества. потому что. создавая у тебя иллюзию, что ты знаешь массу якобы полезных сведений, общество делало тебя беспомощным перед реальной жизнью, ибо беспомощным человеком легче управлять и ему легче внушить, что то, что выгодно обществу. выгодно и ему. Плановая наука, отводя знанию огромное место. избегает пустых, никому ненужных сведений, делая основной

упор на то, чтобы дать человеку знание о себе, об обществе и о способах существования в нем, знания об окружающем мире, в первую очередь полезные человеку для выживания и максимальной реализации своих возможностей и способностей.

Основные способы существования в мире и обществе—это борьба и созидание. Борьба—это разрушение, это отстаивание своих прав, а созидание—это то, что ты смог взять для себя у общества и окружающего мира, и то, что ты смог сохранить от других, а значит, и для других. Для тебя эта формулировка может показаться грубоватой, потому что на сознании людей Запада отразились выхолощенные догмы христианской морали, которые воспевают в книгах, храмах и выступлениях политических деятелей, но которым реально не следуют ни обычные люди, ни священнослужители, ни политики.

«Возлюби ближнего своего, как самого себя»—кто выполняет эту заповедь, если человек Запада даже себя не может полюбить, не говоря уж об окружающих?

«Не пожелай жены ближнего своего, осла ближнего своего, машины ближнего своего, телевизора ближнего своего», —прикрываясь этими формулировками, западная цивилизация превратилась в общество ханжей, занимающихся стяжательством с целеустремленностью, наглостью и беспощадностью, прямо пропорциональными их воле и напористости. Они стяжают деньги, власть, престиж, восхищение окружающих—все, кроме того, что действительно необходимо личности. В концепции разрушения и созидания воинов жизни нет агрессивности и желания отнять что-то у других или жить за их счет. Спокойные не нападают первыми, но они должны уметь ответить ударом на удар. потому что в противном случае они теряют возможность выживания.

Ты должен найти гармонию между материальными благами, являющимися для тебя лишь средством достижения внутреннего комфорта и спокойствия для духовного и физического самосовершенствования, и твоей духовной жизнью.

Ты должен быть сыт, одет, обут, доволен жизнью, охранен от общества и отдельных его выродков, будь то преступники, или политики, или кто бы то ни было еще. Живя по законам общества, ты должен находиться вне сферы его влияния и давления, потому

что общество далеко не такое стабильное, как тебе кажется. Любые империи со временем рушатся из-за зарождающихся в них противоречий. Сыновья перестают слушаться отцов и перенимать их идеи. Рано или поздно наступают новые потрясения или изменения, но воин жизни не перестает следовать по своему жизненному пути, что бы ни происходило вокруг него. Его внутренняя сила и подготовка позволяют ему всегда находиться в оазисе тишины и спокойствия, какие бы бури ни бушевали вокруг.

— Как можно определить уровень материального благополучия. необходимый для духовного совершенствования? — спросил я. — Ганди, например, имел только сандалии, одежду и миску для еды. Уровень комфорта ведь может быть любым — как его определяют Спокойные?

Ли расхохотался.

— Только не заставляй меня составлять список вещей, необходимых для существования воина жизни. Тебе придется определять это интуитивно. Конечно, сандалии, одежда и миска для еды вряд ли достаточны, хотя воин жизни чувствует себя спокойным и счастливым даже без сандалий и миски. Одно могу сказать тебе точно: Спокойные или не живут, или живут хорошо.

ГЛАВА XI

Я уехал на несколько дней в другой город на соревнования по дзю-до и вернулся, награжденный кубком и грамотой за первое место. Я чувствовал себя очень гордым и счастливым, и захватил свою грамоту на встречу с Ли, чтобы порадовать его моими достижениями. Учитель отнесся к моим восторгам довольно прохладно и насмешливо.

— Человек издавна ценит не то, что действительно является ценным, — сказал он. — В его ценностях, ценностях обычного человека, заложено в первую очередь самоутверждение среди подобных ему существ. Твоя грамота—это то же перо в головном уборе индейца, акулий зуб в ожерелье туземца или медаль на груди солдата. Все это—миф, сомнительный факт признания обществом каких-то твоих заслуг, заставляющий человека считать себя особенным, выделенным из общей массы.

Трепетное отношение к подобным знакам отличия стимулируется самим обществом, моделирующим мнимые ценности взамен истинных, лишь для того, чтобы управлять сознанием и поведением людей, время от времени вручая им бумажки или блестящие значки в качестве поощрения за правильное поведение. ТЫ бы хотел, например, получить удостоверение лучшего вколачивателя гвоздей лбом в стену? Думаю, что нет. И в то же время твоя грамота наполняет тебя гордостью и счастьем. Стремясь получить знак отличия твоих заслуг, ты можешь пожертвовать своим здоровьем, счастьем, а иногда и жизнью только потому, что общество создало привлекательную приманку, на которую с легкостью клюют подобные тебе идиоты.

— Ли, раз тебя так раздражает грамота, давай, я сожгу ее, — предложил я.

— Жечь ее так же глупо, как и травмировать свое тело для того, чтобы ее получить и повесить на стену. Грамоты и медали нужны человеку, чтобы поддерживать свой престиж в собственных глазах и в глазах окружающих людей. Но сильный человек и так знает, что он сильный, а если он еще и мудрый, то не станет демонстрировать свою силу остальным, помня, что сила может стать слабостью, когда о ней всем известно. Помнишь пословицу: «Все знают, как важно быть полезным, но никто не знает, как важно быть бесполезным». Перефразируя ее, можно сказать:

«Обычные люди знают, как важно демонстрировать свои достоинства, но только мудрые знают, как важно эти достоинства скрывать».

— Это одна сторона медали, — сказал я, — а как же ее обратная сторона?

— С другой стороны, грамота может оказаться и очень полезной для человека, не уверенного в себе. в своих силах. Получение грамоты успокаивает его, избавляя его от комплекса неполноценности и доказывая, что он тоже может добиться успеха в жизни. Подобная победа важна для человека, но нет смысла относиться к ней с таким эмоциональным накалом, как ты к своему титулу чемпиона. Это всего лишь временный успех, тебе же нужен успех постоянный, постоянная внутренняя сила, ровно и спокойно ведущая тебя к гармонии и совершенству. ТЫ не должен доказывать обществу, что ты можешь чего-то добиться в физическом или интеллектуальном плане. Важно то, что ты представляешь собой сейчас, каждую минуту. Только ровная и постоянная внутренняя сила действительно воздействует на окружающих, выявляя друзей и врагов, тех кто пойдет за тобой и кто встанет против тебя. Только уровень внутренней силы делает человека Человеком с большой буквы, способным без излишней эмоциональности общаться с окружающим миром и принимать себя таким, какой он есть, без позы и самоутверждения, четко понимая свои преимущества и недостатки. Навык видеть себя со стороны и трезво оценивать свои преимущества и недостатки позволяет впоследствии быть снисходительнее к окружающим людям, понимать внутренние импульсы, управляющие их поведением, и не требовать от окружающих больше, чем они могут дать...

Слухи обо мне разошлись по многим городам Советского Союза, и ко мне начали отовсюду съезжаться представители разных школ и направлений рукопашного боя. Я понял, что где бы ни жили и каким бы стилем не занимались любители боевых искусств, они почти всегда сомневались в правильности выбора стиля, методики тренировок и отработки приемов, хотя обычно тщательно скрывали это от окружающих, превознося достоинства своей школы.

Шел активный обмен самиздатовскими книгами и фотокопиями книг по боевым искусствам. В течение

примерно полу-

тора лет после знакомства с Ли я часто встречался с представителями других стилей, изучал их. и иногда для этого тоже ездил по разным городам. Ли поощрял и даже иногда настаивал на подобных поездках, подталкивая меня к новым знакомствам. Потом я понял, что он это делал намеренно, давая мне возможность сравнить его систему боя с другими системами и понять всю полноту, гармоничность и эффективность рукопашного боя Спокойных, ее исключительно боевую направленность и уникальность тренировочных методик.

Однажды в Симферополь приехала группа представителей разных стилей из Львова. Харькова, Москвы и Ленинграда. Через общих знакомых они быстро отыскали меня. и мы все вместе отправились в небольшой подвальный спортзал. Сначала мы обсуждали литературу, материалы, различные стили, кто что видел и кто что читал. Потом разговор зашел о спарринге.

Я сказал, что считаю, что часто учебные и спортивные спарринги мешают обучению боевым искусствам, потому что моделируют нереальные ситуации и вырабатывают вредные для боя рефлексy, например, не бить по некоторым зонам или останавливать удар, не касаясь тела противника.

Остальные со мной не согласились. Один из каратистов, в прошлом боксер и самбист, ныне занимающийся несколькими стилями у-ют, очень мощный и великолепно физически развитый. предложил мне бой без правил и ограничений.

— В нашей школе мы деремся в полный контакт и без правил.—гордо сказал он.

— Как же тебе в таком случае удалось сохранить целыми глаза и конечности?—поинтересовался я.

— Кто же бьет по глазам?—удивился он. —Само собой разумеется. что этого нельзя делать.

—А ниже пояса вы бьете?—спросил я.

— Конечно. — ответил он и указал на боковую поверхность бедер.

— А как же пах, коленные чашечки и голень? Туда вы тоже не бьете? Это все чревато сильными травмами, а в реальном бою бьют в самые слабые места. Нужно практиковать специальные типы спаррингов для того. чтобы учиться защищать наиболее уязвимые зоны.

Мой оппонент продолжал настаивать на том. что

достаточно развить мощный удар, иметь хорошие физические данные, и можно будет победить без всяких хитроумных техник и особых спаррингов.

Мы продолжали спор. и он настолько завелся, что решил доказать свою правоту чисто физически. По мере разговора он подходил ко мне все ближе и ближе и, наконец, начал толкать меня в плечи, говоря:

— Докажи, что сможешь победить меня. давай проверим.

— Хорошо, —недолго думая, ответил я. —По каким правилам ты хочешь драться?

— Никаких правил. Я докажу, что я прав.

С улыбкой я спросил:

— Куда будем выносить трупы?

На моего противника эта шутка подействовала, как красная тряпка на быка, и он, засопев от ярости, бросился на меня, выдав серию ударов руками и ногами, которую я едва успел отразить подставкой локтей. Те. кто занимались рукопашным боем. знают, что подставка локтя в бьющую конечность очень болезненна для атакующего. Каратист скорчился от боли, его лодыжка покраснела и начала распухать. Кулаки он тоже отбил о мои локти. Конечно, и у меня локти болели, хотя эта боль была гораздо слабее, и я понял, что мне трудно будет отразить еще несколько подобных атак, потому что он двигался быстро и его конечности были действительно очень хорошо подготовлены.

Мой противник застыл на несколько секунд, выставив вперед руку с двумя разведенными в сторону пальцами, как это обычно делают герои фильмов про кунг-фу. и начал сокращать расстояние между нами. скользя по полу и поворачивая впереди стоящую ногу чуть-чуть внутрь, чтобы избежать атаки в голень или в колено. Недолго думая, я схватил его за выставленные пальцы и резко потянул вперед и вниз, одновременно разворачиваясь вокруг правой ноги в сторону моего соперника. Он, закричав от боли. рухнул на колени. Я. перехватив и прижав его пальцы к полу левой рукой, правой рукой стал обозначать свои действия, объясняя всем остальным, как в реальной боевой схватке я бы вырвал ему глаза, раздавил горло, сломал позвоночник. Я слегка надавил на его глазные яблоки. С яростным криком мой противник хлопнул себя свободной рукой по глазам. Но он опоздал. Моя рука уже перекинулась на его горло, и я продемонстрировал движение, которым мог бы вырвать ему кадык,

сопровождая это комментариями. Каратист попытался схватить меня свободной рукой, на что я инстинктивно ответил, еще сильнее отогнув его пальцы, прижимаемые к полу. Бедняга распластался на полу, во весь голос крича, что это не-

честно, что это плохая уловка, что все это ничего не значит, и в реальной схватке он преодолел бы боль от сломанных пальцев и продолжил бой.

— Согласен, — сказал я и, на всякий случай наступив коленями на его руку, спросил, какими правилами он хочет руководствоваться и каких приемов мы должны избегать. Я отметил, что после того, как я выколол бы ему глаза, он уже не смог бы достаточно эффективно продолжать бой, и я получил бы большое преимущество. Потом я упомянул о способах, не выкалывая глаза отвлекать противника легкими касательными ударами по глазам, лишая его ориентировки.

— Делай что хочешь, но только дай мне до тебя добраться. — завопил каратист.

Мне редко приходилось иметь дело со столь хорошо подготовленными и отчаянными до сумасшествия противниками, и я, испытывая определенный боевой задор, освободил его руку и отскочил в сторону.

Когда он в следующую секунду бросился на меня, я, применив облачное движение, разбросал его руки, затем резко присел вниз и встретил его одновременным толчком двух рук в шею и пах. Подобные облачные движения и этот прием можно увидеть в первой части моего видеофильма «Самооборона и нападение в Унибос».

Каратист отлетел в сторону и сильно ударился головой и плечами о стену спортзала. Некоторое время он приходил в себя, потом встал и направился ко мне размеренными осторожными шагами. На его лице было написано желание похоронить меня тут же, размазав по грязноватому бетонному полу. Каратист двигался так осторожно, что я понял, что или я немедленно добьюсь окончательного перевеса над ним, или мне придется выдержать действительно страшный бой.

Я снова применил облачное движение и по изменившемуся взгляду своего противника увидел, что он только сейчас осознал всю опасность отвлекающих движений руками, скрывающих начало атаки. Он даже не успел отреагировать, а мои пальцы уже нанесли удар хлестом по его глазам. Он схватился за глаза и откинулся, поворачивая голову в сторону движения руки. Я с силой ударил его в пах, и моя вторая рука с согнутыми пальцами поймала его

глазницы, когда он согнулся от удара. Я зашел ему за спину и запрокинул голову, контролируя пальцами глаза. Второй рукой я сильно ухватил его за подбородок. Он вцепился в мою руку, но было уже поздно, и я, сделав длинный шаг в сторону, сильно ударил его головой об пол. Он потерял сознание. Я понял, что если бы специально не притормозил и ударил чуть сильнее, то мог бы убить человека.

Только тут до меня дошла вся глупость происходящего и бессмысленность выяснения отношений на уровне обычной драки. И так было очевидно, что из двух приблизительно одинаково подготовленных противников одной весовой категории победит тот, кто владеет более эффективной и богатой боевой техникой, если, конечно, не вмешается случай. Осознание собственной глупости испортило мне триумф победы, и я с неприятным ощущением вины принялся приводить его в чувство. Мой противник медленно приходил в себя. Некоторое время он смотрел на меня так, словно не мог вспомнить, кто я такой, потом взгляд его сделался более осмысленным, он встал на четвереньки и отполз в сторону. Я двинулся было за ним, желая помочь ему, но *тут* двое его товарищей, придя в себя после пережитого шока от увиденного, начали угрожающе приближаться ко мне, осыпая меня ругательствами. Я сказал:

— Ребята, глупо завязывать драку, раз вы приехали учиться.

—Ты, скотина, еще об учебе говоришь.—крикнул один из них и сбоку по дуге ударил меня ногой. Рефлекторно я отклонился и нанес ему удар ногой в голень. Он сильно ударился о пол, растянув ногу в голеностопном суставе. Другой на секунду отвлекся, и я нокаутировал его ударом ребром ладони по шее.

Взглянув на остальных, я с удивлением отметил, что на их лицах было написано немое восхищение.

—До чего же вы кровожадные ребята,—с легкой грустью сказал я.

Мы еще несколько часов проговорили о воинских искусствах. Избитая троица, немного придя в себя, предпочла мир войне и с интересом изучала элементы техники Шоу-Дао, которые я демонстрировал. Наибольшее удивление вызвали приемы контроля, которые нигде так хорошо не развиты, как в Шоу-Дао. Их слабое подобие можно встретить в некоторых стилях кунг-фу, например, в технике липких рук школы вин-чун. Контроль Шоу-Дао позволял

добиваться наиболее ощутимых преимуществ в борьбе с вооруженным противником и давал шанс человеку, хорошо владеющему этой техникой, если не полностью обезопасить себя. что просто невозможно сделать, то, по крайней мере. добиться ощутимого преимущества.

Я показал облачные движения, передвижения и скрытые удары Шоу-Дао и, имея возможность сравнить свою технику с

тем, что в течение многих лет изучали мои новые знакомые, действительно понял, насколько эффективен и непохож на Другие стиль рукопашного боя Шоу-Дао.

После этой встречи я спросил Ли, правильно ли я сделал, подравшись с тем каратистом, и вообще о целесообразности подобных боев, тем более что мне уже неоднократно предлагали драться за деньги, обещая суммы, очень большие для меня по тем временам.

— Может быть, ты сам ответишь на свои вопросы, — сказал Ли. — Ты получил пользу от схваток, которые ты проводил в последнее время?

— Конечно, — ответил я. — Я стал себя чувствовать более уверенно. Недавно я полушутя побил мастера спорта по самбо и получил почти садистское наслаждение от того, что он не мог противопоставить свою технику моим атакам.

— Естественно, что ты имел перед ним преимущество, потому что знал его технику, а ему не были известны твои уловки. Возможно, что он, не зная техники бокса, проиграл бы бой хорошему боксеру. Но ты, не зная техники бокса, можешь с успехом противодействовать Славику, прекрасному боксеру, который знает и твою технику. Проверая свою технику на практике, ты обретаешь уверенность в себе.

— Значит, чем больше я буду драться, тем лучше?

— Ты видишь только часть проблемы и по ней пытаешься воссоздать целое, но это не всегда удастся. Как ты думаешь, стал бы я сражаться за деньги?

Я немного подумал и ответил:

— Знаешь, Ли, я почти уверен, что ты смог бы победить любого человека на Земле. Конечно, это только мое мнение. Я помню, что ты мне говорил, что всегда найдется человек, который сильнее тебя, что есть пословица: «Не говори, что ты сильный, найдется кто-то еще сильнее. Не говори, что ты умный, найдется кто-то еще умнее». Но, несмотря на то что ты мог бы победить любого, мне почему-то кажется, что ты не стал бы сражаться за деньги, хотя я не знаю, как это объяснить.

— А ты сможешь объяснить, чем отличается тренировочный бой без правил и ограничений или реальный бой от боя за деньги?

— Наверное, бой за деньги отличается тем, что он обычно окружен интригами, что вокруг него слишком много заинтересованных лиц и подводных течений, в

то время, как в реальном или тренировочном бою все зависит только от тебя, и ты действуешь в своих интересах. В бою за деньги ты действуешь еще и в интересах других, и это мешает тебе выбирать правильное решение.

Например, ты не должен уложить противника в первые секунды поединка, потому что тогда бой не доставит удовольствия зрителям. Ты не можешь убежать, если тебе это выгодно. Ты психологически зависишь от результата боя, потому что хочешь получить деньги. Ты обмениваешь возможность получить увечье или изуродовать другого человека, к которому ты не испытываешь личной вражды, на возможность заработать. Следовательно, подсознательно ты не чувствуешь себя правым. Даже если внешне ты циничен и всегда добиваешься своего, твое подсознание получает один моральный удар за другим.

—Ты почти прав. Теперь объясни, почему воин жизни не стал бы сражаться за деньги?

Я постарался посмотреть на ситуацию глазами Ли и привел десятки аргументов. Я сказал, что воин жизни умеет зарабатывать деньги более спокойными и легкими способами, что воин жизни всегда должен чувствовать себя свободным в своих действиях и решениях, в то время как бой за деньги накладывает жесткие ограничения, и многое другое.

— Это был первый урок ответов вопросом на вопрос, —сказал Ли. —Ты с ним успешно справился. Дело в том, что ты уже знаешь большинство ответов на свои вопросы, но еще не обрел уверенности в себе. Тебе еще нужен мой авторитет, чтобы черпать уверенность в моем одобрении, но в скором времени оно тебе уже не понадобится. Ты достаточно умен, чтобы логически разобрать любую ситуацию, и знаешь, что на каждую ситуацию нужно смотреть с разных сторон, а не только снаружи или изнутри. То, чему ты уже научился, достаточно, чтобы вести за собой, чтобы самостоятельно находить ответы на самые разные вопросы, которые будет ставить перед тобой жизнь.

Мы проходили мимо старого полуразрушенного здания, не сговариваясь, вошли внутрь и поднялись по стертым ступеням на второй этаж. В полу и стенах зияли дыры. Хозяйственные люди уже начали разбирать дом, унося домой более или менее целые

кирпичи и старые брусья и доски. Мы выбрали наиболее безопасное место и начали выполнять упражнения из серии «птицы и пауки», смысл которых заключался в болевых воздействиях на пальцы, управлении рукой противника, создании устойчивых форм пальцев в контроле над движениями против-

ника и различных уловках, заставляющих его сделать неверный захват или просто допустить ошибку.

Разговор продолжался, несмотря на то что пальцы наших рук сплелись, действительно напоминая борющихся паучков. Когда Ли увеличивал скорость упражнения, ассоциация с паучками исчезала, и мне казалось, что наши пальцы превращались в бодрых, подвижных грызунов, сражающихся друг с другом, наскакивающих друг на друга, с тем чтобы укусить, быстро отскочить в сторону и свернуться клубком.

Я в очередной раз пристал к Ли с расспросами, пытаюсь выведать у него, как называются упражнения на китайском языке. Он снова отказался дать мне китайские названия, терпеливо объяснив, что использование чужого языка вредит обучению.

Ты должен понимать суть того, что ты делаешь,— сказал он. —Даже если ты будешь знать перевод китайского названия на твой язык, давление на тебя цветистого китайского варианта будет так велико, что ты предпочтешь пользоваться им, а не его русским эквивалентом, и это сотрет для тебя его внутреннюю значимость, которую можно постичь, только зная язык, на котором говоришь. Вспомни, например, великолепное название воздействия на пальцы «темной ночью выбираю веточку для свирели». Как образно это название. Это воздействие, позволяющее укрепить твой палец и вылечить некоторые недуги. и техника его исполнения уже дана в его названии. Это движение должно быть осторожным и вместе с тем твердым, с сосредоточением внутреннего взора на кончиках пальцев, потому что ночь так темна, что ты не видишь ветку, а можешь только осязать ее. Кстати, ответь мне на вопрос, почему европейцы так любят иностранные слова?

— Наверное, потому, что они красиво звучат, кажутся оригинальными и создают впечатление эрудированности и ума того, кто их использует. Мне нравится употреблять китайские термины, и я хотел узнать у тебя несколько названий, чтобы блеснуть ими в разговоре с друзьями.

Ли улыбнулся.

—А ты знаешь китайский язык?—спросил он.

— Нет. не знаю.

—Так вот, когда ты в совершенстве изучишь китайский язык. и он станет для тебя таким же близким и понятным, как и русский, я дам тебе столько китайских терминов, сколько захочешь. Тогда

для тебя не будет разницы в познании на этих языках.

— Это классический азиатский ход, — ответил я. — Ты всегда ругаешь европейцев, а сам остаешься коварным и хитрым азиатом.

— Азиаты не менее глупы, жадны, завистливы и злобны, чем европейцы, а иногда даже более. Но азиаты совсем не такие, как европейцы. Европейский менталитет более однообразен и упорядочен. Азиаты опасны, но лучшие из них так же хороши, как лучшие из европейцев. Когда я ругаю в тебе европейца, я критикую отрицательные черты твоей расы. Когда я говорю плохо про азиатов, я подразумеваю все худшее в моей расе. Все человечество вне зависимости от цвета кожи далеко от совершенства. Эта истина была давно постигнута Спокойными. Вот почему для нас не существует предпочтения одной расы или национальности, что так характерно для других кланов.

Для Спокойных главное—внутренняя направленность человека. Если он стремится к самосовершенствованию, если в основе его души лежит справедливость, восторженное и заинтересованное отношение к жизни, то такой человек вне зависимости от расы, крови или происхождения достоин того, чтобы стать лучше, чтобы с помощью древних знаний научиться жить эффективно и счастливо на этой планете.

Застигнутый врасплох таким неожиданным переходом Ли на серьезный и возвышенный тон, я отвлекся, пропустил момент захвата и, скрипя зубами от боли, рухнул на колени. Я вцепился свободной рукой в руку Ли, пытаюсь освободить вывернутую кисть, и услышал монотонные слова Учителя:

— Сколько раз я тебе говорил, что изменение сути и тональности разговора не должно отвлекать тебя. Ты не должен уделять разговору больше четверти твоего внимания, иначе ты не сможешь хорошо выполнять упражнения.

Ли продолжал терзать мои пальцы. Я, глубоко дыша и изо всех сил стискивая зубы, как мог, пытался вывернуться.

— Чтобы больше такого не повторялось,—сказал Ли. Он отпустил мои пальцы и тут же воткнул свой большой палец в центр моей ладони. Я рефлекторно захватил его и снова оказался в ловушке.

— Ты должен контролировать свои безусловные

реакции, — усмехнулся Ли.—Только воин. умеющий
пользоваться безус-

ловными реакциями своего противника и гасить свои, достоин победы.

Учитель отпустил меня, мы вновь сцепились пальцами, и он продолжил свои поучения.

— Ты прекрасно знаешь, что внешняя форма не имеет сути и продолжения внутри, она лишь скрывает свое наполнение. Она может оказаться содержательной, а может быть и пустой, как опрокинутый стакан. В любом случае ты не должен пускать пыль в глаза, когда это не нужно для дела. Ты и так привлекаешь слишком много внимания со стороны. Если же ты начнешь употреблять еще и новые китайские термины, это еще больше привлечет к тебе внимание тех, чей интерес нам очень нежелателен. Лучше скажи мне, в чем, по-твоему, состоит принцип обучения, и почему я порой даю тебе основные группы упражнений, не разбирая их детально,

— Это просто. — ответил я. — Это делается для формирования у ученика группы навыков различных действий, и только впоследствии Учитель дополняет навыки принципами использования движений в прикладных техниках. Только после освоения первичных навыков начинается более детальное обучение с разбором наиболее часто употребляемых вариантов. И тогда вместо названия навыков даются названия техник.

— Ты совершенно прав. — сказал Ли. — Я не раз подводил тебя к этому ответу, но сегодня я спросил тебя об этом, потому что в скором времени нам предстоит детально разобраться в тех навыках, которые ты освоил. Тебе предстоят несколько учебных боев. значение которых трудно переоценить...

ГЛАВА XII

На первых этапах обучения Ли заставлял меня уделять много времени упражнениям с кругами. Использование круговых движений является основой рукопашного боя Шоу-Дао, но в этой книге я не буду говорить о боевой технике. Как я выяснил впоследствии, система кругов приобрела в Шоу-Дао универсальный смысл, распространяясь на управление энергией, выбор жизненного пути, общение с людьми и т.д.

Ли называл круги «путями, ведущими в бесконечность» и говорил, что каждый круг символизировал определенный выбор жизненного пути.

"Путь воина"—это круг или плоскость (что в данном случае одно и то же, потому что плоскость—это круг бесконечного диаметра), проходящая вертикально через середину туловища человека перпендикулярно ему и уходящая в бесконечность как вперед, так и назад. Ассоциация этой плоскости с путем воина очевидна—эта плоскость всегда направлена четко вперед, не отклоняясь в сторону, символизируя силу, целенаправленность и решительность.

Вторая плоскость, движения в которой необходимо изучать начинающим, расположена под 45° к первой. Точно так же под тем же углом, но в другую сторону от вертикальной плоскости расположена еще одна плоскость. Эти две плоскости можно легко запомнить как наклонные плоскости левой и правой руки.

Рука, поднимаемая снизу вверх по диагонали поперек тела, движется как раз по соответствующей ей плоскости. В Шоу-Дао плоскость левой руки называется «путь отшельника», а плоскость правой руки—«путь купца». Левая рука считается символом мудрости и относится к знаку ян, правая рука относится к инь и является олицетворением мирского, силы и хитрости, согласно языку жестов. Левая рука движением ян отбрасывает все мирское, а движением инь—собирает мудрость. Правая рука движением ян применяет силу и хитрость, с их помощью воздействуя на окружающий мир, а движением инь

собирает богатство. Подобная символика плоскостей левой и правой руки и предопределила их названия.

Горизонтальная плоскость, находящаяся на уровне солнечного сплетения и проходящая через ту же линию, по которой пересеклись три предыдущие плоскости (линия пересечения всех этих плоскостей проходит через солнечное сплетение), называется плоскостью человека. Она, как и все остальные, распространяется вперед и назад, «пронизывая» тело исполнителя.

Горизонтальная плоскость, на которой стоит исполнитель, то есть плоскость почвы, называется «земля».

Если исполнитель поднимет руку ладонью вверх над головой, согнув ее в локте таким образом, чтобы расстояние по вертикали между поднятой вверх кистью руки и макушкой головы составляло длину ладони с выпрямленными пальцами, то его обращенная вверх ладонь окажется в плоскости «неба».

Следующая плоскость, «вершина дерева», тоже горизонтальная и проходит на уровне макушки исполнителя. Следует отметить, что если исполнитель согнет ноги, то расстояние от этой плоскости до плоскости «земли» соответственно уменьшится, как, впрочем, и расстояние от «круга земли» до других горизонтальных кругов-плоскостей, так как части тела на уровне которых они находились, будут расположены ближе к земле.

Горизонтальная плоскость, расположенная на уровне ключиц, называется «плоскостью воздуха». Иначе эту плоскость называют «круг воздуха».

На уровне рта находится горизонтальный «круг пищи». На уровне бровей—«круг огня». На уровне пупка располагается горизонтальный «круг жизни», под ним, на расстоянии трех пуней от него, находится горизонтальный «круг силы» (один цунь равен максимальной ширине ногтевой фаланги большого пальца руки).

На расстоянии длины ладони с выпрямленными пальцами вниз от «круга силы» располагается «круг воды».

Если встать в полный рост и опустить руки по швам, то конец среднего пальца каждой из кистей рук укажет на ноге точку, через которую проходит горизонтальная плоскость «ствол дерева».

Ровно посередине между «кругом земли» и «кругом основания дерева» находится круг «корни дерева». Это единственная плоскость, не привязанная к анатомическим ориентирам на теле исполнителя.

Если начертить на земле восьмилучевую фигуру восьми триграмм, представляющую собой два креста, находящихся в одной плоскости, имеющих общий центр и расположенных таким образом, что угол между смежными лучами фигуры составляет 45° , и стать в ее центр таким образом, чтобы лицо было направлено вдоль одного из лучей, то линии концентрации физической и внутренней энергии человека, стоящего в центре, будут располагаться в вертикальных полуплоскостях. проекциями которых являются лучи фигуры. Если плоскость круга расположена перпендикулярно лучу фигуры восьми триграмм, то ей присваивается название «круг ворот», а для обозначения соответствующей линии прибавляется название соответствующей триграммы либо ее расшифровка по уровням:

полный ян или три ян: полный инь или три инь: два ян один инь: верхний ян, средний инь, нижний ян и т.д. («скрути ворот» именуются попарно против часовой стрелки).

Фигура восьми триграмм и расположение на ней символов в Шоу-Дао отличаются от «фигуры ранних небес» и «фигуры поздних небес», вернее, от расположения и подбора образов и символов на них. Фигура восьми триграмм в Шоу-Дао ближе все-таки к «ранним небесам». Первые ворота — это «ворота неба». Их символ—три цельные линии ян друг над другом. Свойство этих ворот—сила. в том числе и творящая.

Если боец обращен лицом к «воротам неба», то за спиной его будут «ворота земли». Это—«зеркало» неба, ворота интуиции и отступления перед натиском силы. Символом «ворот земли» являются три прерывистые линии инь.

Первые ворота налево от «ворот неба»—«ворота горы». Это скрытое инь, выглядящее как ян. Им присуще внешнее спокойствие внутри которого дремлет вулкан. Символом «ворот горы» является верхняя цельная линия ян, а под ней—две линии инь. Справа и сзади от бойца, в направлении противоположном «воротам горы», расположены «ворота озера». Этим воротам соответствует

триграмма, состоящая из верхней прерывистой линии инь и двух цельных нижних линий ян. Это замаскированное ян считается источником радости и оптимизма.

Слева от «ворот горы»—«ворота воды», таящие в себе опасность, заключающуюся в ян. расположенном между двумя инь.

По правую руку—«ворота огня», которым присуща цепкость благодаря инь, заключенному между двумя ян.

Слева и сзади—«ворота грома», свойство которых—побуждать к движению благодаря ян. пытающемуся вырваться из-под тяжести двух инь, расположенных над ним.

Противостоят «воротам грома» расположенные справа и спереди «ворота ветра». Им присуще проникновение благодаря инь. расположенному под двумя ян.

Некоторые упражнения с кругами и их применение в боевых техниках я описывал в своих предыдущих книгах, здесь же на нескольких примерах работы с кругами я расскажу, как с помощью специальных психотехнических, медитативных и энергетических тренировок, круги или пути становились реально существующей и осязаемой вещью, которой можно было пользоваться в экстремальных ситуациях, для достижения своих жизненных целей, при общении для понимания сущности других людей и управления их поведением и во многих других случаях.

Первым шагом была активизация, насыщение энергией и ощущение реальности каждого круга или пути. Каждому пути соответствовал свой графический символ, отражающий его положение в пространстве. Так, путь воина представляла вертикальная черта, пути отшельника и купца—черта, наклоненная под углом 45° в соответствующую сторону, и т.д. Для активизации и ощущения каждого пути мы подолгу созерцали символ этого пути, расположенный так, что он находился в соответствующем круге относительно нашего тела, одновременно представляя и чувствуя плоскость в пространстве, проходящую через тело и уходящую далеко вперед.

Так как мы тренировались в лесу, Ли обычно чертил символы путей на коре деревьев или подвешивал кусочек ветки в нужном положении.

После созерцания и мысленной активизации круга начиналось выполнение специфических упражнений, связанных с каждым путем, — круговые движения руками в направлениях инь и ян выполнялись в каждой плоскости и потом, в зависимости от предназначения пути, выполнялись медитативные упражнения и упражнения, направленные на духовное совершенствование в этой области.

Например, в одном из упражнений пути отшельника после активизации круга отшельника мы начинали выполнять круговые движения в этой

плоскости левой рукой (так как левая рука символизирует мудрость). Левая рука движением ян (сверху вниз от себя) в круге отшельника в сочетании со стряхивающим движением отбрасывала все мирское, а движением инь собирала мудрость. Во время выполнения упражнения мы должны были полностью остановить мыслительный процесс и сосредоточиться на внутреннем осознании того, чем является мудрость.

За счет многократности повторения создавался совершенно особый настрой — с каждым движением ян рука словно бы останавливала поток мыслей, вычерпывая и опустошая его, отбрасывая все лишнее, незначительное, суетность мира и все, что отвлекало. Мы погружались в измененное состояние сознания, ощущая пустоту, спокойствие и легкость. Потом начинались повторяющиеся движения инь—плавные круги по направлению к себе. Сначала инь-движения выполнялись с большой амплитудой, потом круги становились все меньше и меньше, превращаясь в конце концов в чисто умозрительное созерцание воображаемого движения, наполнявшего тебя тем, что твое внутреннее осознание воспринимало как мудрость. Плоскость отшельника наливалась мощной, слегка вибрирующей энергией, она наполняла тебя, пронзала тебя, создавая ощущение разреза в твоём теле, через который энергия круга вливалась в тебя, создавая необходимый для выполнения медитативных упражнений настрой.

Отсюда можно было перейти к медитации воспоминаний, к медитации осознания, связанной с интуитивным постижением того или иного предмета или явления, либо к другим упражнениям.

Однажды для медитации осознания Ли положил мне на колени дубовый листок и попросил меня осмыслить его, понять, что он собой представляет.

Раньше, рассказывая об осмыслении, Ли говорил, что оно должно быть максимально подробным и полным, что, созерцая красоту мира или пытаясь что-то понять, ты должен задействовать все способы эмпирического и интуитивного познания, доступного тебе. Для эмпирического познания использовались все органы чувств, для интуитивного требовалось открыть сердце, то есть вызвать эмоциональную расположенность к объекту, эквивалентную любви.

Выполнив активизацию плоскости отшельника и

движения по кругам, я вошел в состояние, необходимое для медитации. Сначала я попытался воспринять листок эмпирически—я рассматривал его со всех сторон, запоминая расположение прожилок и переходы оттенков цвета, я лизал его, чувствуя специ-

фический привкус, я откусил от него кусочек и прожевал, прикладывал его ко лбу и к губам одной и другой стороной, запоминая ощущение прикосновения. Я его нюхал и подбрасывал в воздух, наблюдая за его слегка вибрирующим полетом.

Когда я понял, что мои органы чувств насытились созерцанием, я перешел к интуитивному осознанию. Я зажал листок в руке и замер в позе для медитации, пытаюсь полностью ощутить его. слиться с ним в одно целое, воспринимая мир так же, как этот листок. У меня закружилась голова. Я почувствовал, что падаю куда-то. Мне казалось, что я засыпаю или проваливаюсь в темную пустоту. Ощущение тела исчезло, но непонятно каким образом я продолжал чувствовать листок в моей руке. Некоторое время я боролся с непреодолимой потребностью отключиться и заснуть, потом перестал бороться и провалился в темноту.

Неожиданно я снова ощутил свое тело. Мне казалось, что я вижу его изнутри. Все вокруг светилось мягким зеленоватым светом. Я увидел темные прожилки, пронизывающие меня, ощутил характерный вкус и запах. Я понял, что превратился в листок. Где-то в глубине своего сознания я удивился, но я ни о чем не мог думать. Меня наполняли только смутные ощущения, которые время от времени резко сменяли друг друга. Иногда я чувствовал, как ветер овеивает мое тело, но это не было обычным для меня ощущением ветра, я чувствовал себя соединенным с деревом, впитывая его соки. я ощущал солнечный свет как ласковое поглаживание. Смутные видения, одно сменяя другое, проходили передо мной.

Я пришел в себя от того, что Ли резко надавил мне ладонью на нос. Некоторое время я не мог освоиться со своим телом и окружающим миром.

—Тебе понравилось быть листком?—с усмешкой спросил Ли...

Упражнения с крутом отшельника позволяли отделить физические, материальные грани познания мира от граней духовных, стереть ощущение мира как таинственного и враждебного по отношению к тебе окружения.

Упражнения в круге воина давали противоположный эффект. Ты чувствовал, что находишься в таинственном мире, полном опасности и угрозы, мире, который каждую минуту угрожает тебе смертью, но ты учился быть с этим миром на

«ты», оставаясь алертным и сильным, всегда готовым отразить нападение, поддерживая горение воина, стремления воина и его негибаемую волю.

По мере совершенствования в упражнениях с кругами я начал замечать странные вещи: в определенных ситуациях, иногда при контактах с людьми у меня неожиданно активизировалась та или иная плоскость, я ощущал, как она проходит через мое тело и как по ней циркулирует энергия.

В наиболее сильной форме это однажды проявилось в кафе, расположенном неподалеку от кинотеатра «Мири. Я подошел к стойке, чтобы купить мороженое, и вдруг почувствовал идущие ко мне в направлении инь эманации. Я оглянулся и увидел человека, сидящего за столиком в углу. Его лицо было мне незнакомо. Поток эманации не прекращался, и вдруг резко и неожиданно у меня активизировался круг воина, реагируя на поток агрессивной энергии. Плоскость воина стала жесткой и пульсирующей. Когда я двигался, она двигалась и поворачивалась вместе со мной. Я даже начал видеть ее в виде прозрачного серебристого экрана, вспыхивающего красноватыми отблесками.

По мере активизации круга воина во мне нарастала волна напряженности и агрессии. Я равнодушно и медленно отвернулся от незнакомца, сохраняя внешнее спокойствие и пытаюсь понять, что же мне делать. Я чувствовал, что этот человек ненавидит меня и хочет причинить мне зло. Благоразумие подсказало мне, что лучше уйти и не испытывать судьбу. Я вышел из кафе, спиной ощущая, что незнакомец поднялся и последовал за мной. Я сорвался с места и побежал, потом резко прыгнул в кусты, миновал несколько газонов и спрятался за деревьями, наблюдая, как этот человек с перекошенным от ярости лицом мечется по улице, разыскивая меня.

Я встал перед выбором: проследить за ним и выяснить, кто он такой и что ему от меня надо, или оставить все как есть. Так как вскоре я должен был встретиться с Ли, я решил уйти, хотя и понимал, что, возможно, совершаю ошибку.

Эта история имела продолжение. Через некоторое время я увидел в городе человека из кафе, выследил его, напал на него в уединенном месте и заставил сказать, почему он меня преследовал. Оказывается, он меня не знал и спутал с каким-то своим врагом, на

которого я был похож.

В упражнениях с кругом пищи горизонтально подвешивалась ветка или на коре дерева проводилась горизонтальная черта на уровне рта сидящего на коленях ученика.

Однажды я созерцал горизонтальную черту, мысленно соединяя ее концы с уголками рта. и создавал воображаемый круг в этой плоскости, который постепенно активизировался и становился осязаемым.

Ли велел мне. подняв кисти рук и локти на уровень плеч, совершать поочередно левой и правой руками круговые инь-движения так. чтобы левая рука при прохождении каждого круга касалась левого уголка рта, а правая рука касалась правого уголка рта.

Ли стоял у меня за спиной, наблюдая за выполнением упражнения. После того как я повторил движения много раз, он сказал:

— Запомни: правая сторона—для невкусной пищи, а левая сторона—для вкусной пищи.

Он вложил в мою левую руку маленький кусочек моего любимого бисквитного пирожного—бушетки.

Я разжевал и съел этот кусочек с огромным удовольствием. Сидя в грязи в лесополосе после дождя, я меньше всего ожидал получить откуда-то из-за спины из рук Учителя кусочек ароматного пирожного.

Я снова увидел руку Ли с кусочком пирожного. Он сказал:

— Наложь свои пальцы на мои.

Я сделал это, чувствуя рукой одновременно и пирожное и пальцы Учителя. Его пальцы оказались у меня во рту, я ощутил вкус бушетки и сосредоточился на нем. Удивительно, но всю прелесть этого вкусного, свежего пирожного я почувствовал именно на маленьком кусочке, хотя обычно мне нравилось есть пирожные, откусывая от них большие куски. Я подержал пирожное во рту, поворочал его языком, выдохнул в нос его запах. Мне показалось, что пальцы Ли сделали вкус еще более острым и приятным. Затем Ли вложил мне в правую руку кусок дождевого червя.

Переход от сладкого вкуса пирожного к едкому, немного жгучему трудноописуемому вкусу червяка вызвал спазмы у меня в горле. Я почувствовал позывы к рвоте. Хотелось плевать. Я поборол неприятные ощущения и. пытаясь быть полностью безразличным, прожевал и проглотил червя.

В этот момент я мысленно поблагодарил своего отца, который с детства приучал меня к нестандартной пище. За свою жизнь отцу неоднократно пришлось голодать. Он родился в поселке Аджимушкой на

Керченском полуострове в семье рабочего каменоломни. Отец был двенадцатым ребенком в семье, после него родилось еще пятеро.

Поскольку добыча камня приносила очень маленький доход, отец привык питаться чем подвернется—съедобными травами, улитками, ежами, змеями, дарами моря. В войну этот опыт ему очень пригодился. С детства отец учил меня выживать в любых условиях, он с первого класса брал меня в поездки, на рыбалку, на охоту, учил меня ловить и есть все что попадется. отличать съедобные растения от несъедобных, так что некоторым образом я был подготовлен к поеданию дождевых червей.

Ли снова дал мне кусочек бушетки и потом кусок дождевого червя. Он повторял и повторял это. С каждым разом червяк вызывал у меня все меньшее отвращение. Теперь мне было противно есть пирожное, потому что я живо представлял, как оно, перемешиваясь с червяком, все глубже заталкивает его мерзкое расплющенное тело в мой пищевод. От этого образа меня снова чуть не вырвало, но я сосредоточился на выполнении глубокого дыхания и постепенно успокоился. Ли рекомендовал при выполнении любых неприятных упражнений дышать спокойно, медленно и глубоко—это отвлекает от тягостных ощущений и снимает стресс.

Ли кормил меня червями и пирожным до тех пор, пока я не начал воспринимать их вкус с одинаковым безразличием. Потом он велел мне закончить упражнение. Все упражнения с кругами мы заканчивали одинаково—жестовой медитацией. суть которой сводилась к тому, что ученик благодарит Истину. дарующую ему силу знаний. Эта благодарность выражалась серией жестов, смысл которых дословно можно было перевести следующим образом: «Малая истина, открывающая истину огромную, как солнце, даруй мне силу». Коротко мы называли эту медитацию «Истина, даруй нам силу знаний».

Поднятые над головой руки, соприкасающиеся большими, указательными и средними пальцами, означали «малую истину». Окно, образованное большим и средним пальцами, символизировало Истину. Руки расходились в стороны, очерчивая круг и смыкаясь ладонями на уровне паха. Большой круг руками означал «солнце». Затем движением ян, то есть

изнутри наружу, кисти *рук* поворачивались вокруг своей оси и делался жест в виде ковшика, из которого выливается в сторону пальцев воображаемая жидкость. Это означало «даруй». Ладони с

вытянутыми пальцами, сомкнутые тыльными сторонами — жест «мне». Последний жест—«сила»—выполнялся сомкнутыми ладонями, которые сильно надавливали друг на друга так, чтобы угол между кистью руки и предплечьем составлял 90°.

Я выполнил жестовую медитацию, и Ли переключил свое внимание на Славика, который в это время активизировал крут пищи и выполнял в нем круговые инь-движения. Ли подошел к нему сзади и так же, как и меня, начал его кормить поочередно то пирожным, то червяками. У Славика, не имевшего моего опыта по поеданию всего, что подвернется, дела обстояли гораздо хуже. Его несколько раз вырвало, и с каждым разом он выглядел все более измученным. Его отвращение нарастало, отражаясь на его лице ужасной застывшей гримасой.

Ли схватил руки Славика и с силой погрузил их в его собственную рвоту.

—Тебе нужно привыкнуть к отвратительному,—сказал он, поднося испачканные руки Славика к его лицу. и жестким голосом приказал:

— Лижи!

Славик в ужасе уставился на свои руки, словно не в силах поверить в то, что от него действительно это требуют.

—Лижи! Быстро, быстро, лижи!—громко и пронзительно кричал Ли. —Дыши глубоко и лижи!

Славик принялся медленно облизывать руки. Он старался глубоко дышать, его лицо застыло, глаза были неподвижными и пустыми, но больше его не рвало.

Славик вылизал руки. и Ли снова начал кормить его пирожным и червями. Это продолжалось довольно долго. Славика больше не рвало, и наконец Ли сказал:

— Упражнение закончено.

Славик хотел выполнить жестовую медитацию, но Ли остановил его.

—Ты не готов к медитации, но ты готов к бою. —сказал он. Ли посмотрел на меня и скомандовал:

—Атакуй его. Его нужно отвлечь, переключить его сознание. зафиксировавшееся на плохом вкусе.

Я бросился на Славика. Последовала яростная схватка. Когда Ли заметил, что Славик полностью отвлекся и забыл о своем отвращении, он дал нам знак поднятой рукой остановиться и сказал, обращаясь к моему другу:

— Сейчас ты готов к медитации жестов. Можешь закончить упражнение.

Славик поблагодарил Истину и расслабился. Потом он с удивлением рассказывал мне, что полностью избавился от неприятных ощущений, связанных с поеданием невкусной пищи. Со мной произошло то же самое.

В тот же вечер я узнал, откуда у Ли взялись пирожные. Утром я купил 10 бушеток и подарил их Славiku, а так как его мать ничего ему не приготовила из еды, чтобы взять с собой на тренировку. Славик вместо обеда взял эти пирожные. Две бушетки Ли скормил нам, а остальные восемь он съел, с удовольствием расположившись под деревом.

— Ученики иногда меня так утомляют, что мне просто необходимо восстановить силы.—объяснил он.

Ли велел нам заняться медленным спаррингом с отработкой элементов «живых перьев» и наблюдал за нами, смакуя пирожные и периодически отпуская философские замечания по поводу того, что, хотя Спокойные относятся одинаково к пище вкусной и невкусной, великое учение «Вкуса плода с дерева жизни» рекомендует питаться пирожными, если нет крайней необходимости поедать дождевых червей.

При выполнении упражнений по кругу воздуха соответствующий символ располагался на уровне ключиц сидящего на коленях ученика. После активизации круга выполнялись разнообразные дыхательные упражнения. Одна из разновидностей дыхания, отработке которой мы уделяли достаточно много времени, заключалась в следующем: напряжением внутренних мышц горла оно широко раскрывалось, так что проходящий через нос воздух начинал как бы холодить, щекотать эту область.

Мы сосредотачивались на этом ощущении прохлады и щекотки и некоторое время дышали медленно, глубоко и спокойно. Потом нужно было поднять руки на уровень ключиц и совершать одновременные движения от себя на выдохе и к себе на вдохе. Крут воздуха не начинал вращаться, как в случае упражнений с другими кругами, но создавалось впечатление, что энергия в плоскости на уровне ключиц двигалась к тебе и от тебя. Затем мы сосредотачивались на левой или правой стороне легких и вращали энергию в круте с левой стороны, представляя, что вдыхаем правой стороной легких, потом, вращая энергию инь—движением с правой

стороны, вдыхали левой стороной легких. Поскольку энергия, вращаясь и справа и слева, проходила через межключичную ямку, со временем возникало ощущение, что ты дышишь именно через нее и что имен-

но через межключичную ямку попадает в разноименные части легких жизненная энергия воздуха.

Потом мы учились распознавать вкус воздуха. Для этого слегка приоткрывался рот, так, чтобы вдыхаемый воздух проходил и через нос и через рот. Некоторое время спустя обоняние резко обострялось, мы начинали сильнее чувствовать запахи, распознавать их направление и оттенки. Как ни странно, возникало ощущение, что ртом запах чувствовался даже сильнее, чем носом. Мне казалось, что мой язык воспринимает различные вкусы воздуха и что эти вкусы являются оттенками запахов.

Для того чтобы мы учились четко определять направления запахов. Ли ходил по поляне и в разных местах открывал на секунду пробирки с пахучими веществами типа розового, лавандового масла и других, не известных мне жидкостей. Мы с закрытыми глазами определяли направление запаха и учились отличать один запах от другого. Заканчивалось упражнение тем, что мы начинали воспринимать запахи одной ноздрей. Для этого мы перекашивали лицо, отводя губы максимально в сторону так, чтобы за счет смещения мышц одна ноздря сама собой закрывалась. В некоторых случаях перемена ноздрей позволяла более точно определять направление запаха.

Но больше всего мне запомнились упражнения с кругом ворот. Для ощущения круга ворот (это вертикальная плоскость, расположенная прямо перед исполнителем), помимо инь- и ян-движений в этой плоскости. Ли заставлял нас подолгу стоять перед деревом, стеной или каким-то другим объектом, ощущая его физическое давление. Постепенно круг ворот активизировался, словно твоя энергия, отраженная от объекта, сливаясь с его энергией, наполняла круг ворот, делая его осязаемым и иногда даже видимым.

Однажды перед тренировкой, на которую Славик не мог прийти, потому что должен был поехать в Алушту на дежурство, Ли сказал мне:

— Завтра у тебя особенный день. ТЫ встретишься с одним из моих учеников, который поможет тебе полностью осознать круг ворот и со временем станет твоим напарником. Он откроет тебе многие из тайн управления энергией. Он будет передавать тебе знания, которые может передать только он один. Но

имей в виду, ты не должен говорить о нем Славику и пытаться познакомить их.

Естественно, что я был очень заинтригован и явился на тренировку в предвкушении чего-то необыкновенного.

Сначала Ли заставил меня с закрытыми глазами активизировать круг ворот. Когда я это сделал. Ли приказав мне ни в коем случае не открывать глаз, отвел меня на середину полянки и велел полностью раздеться. Я разделся, не чувствуя никакого подвоха, так как многие упражнения мы выполняли голыми, обучаясь чувствовать противника кожей во время боя. чтобы тело привыкало к прямым воздействиям на него без амортизации одеждой. Упражнения в голом виде снимали психологические барьеры стеснительности или ощущения неудобства. Мы бегали голыми по лесу, привыкая избегать ранения тела ветками деревьев и кустарников и т.д.

Итак, я стоял голый посреди поляны. Вдруг я скорее почувствовал, чем услышал, какое-то движение. Кто-то подошел ко мне вплотную, но это был не Ли. Я испытал сильное искушение открыть глаза, но не решился нарушить указания Учителя.

Был случай, когда я не выполнил в точности его требования, за что был немедленно наказан парой увесистых оплеух. Но гораздо сильнее, чем физическая боль, на меня подействовали его слова. С выражением крайнего презрения Ли тогда произнес:

— Обычных европейцев надо воспитывать, как животных. Они не запоминают требований, сказанных им нормальным человеческим языком, и только через удар дубинкой способны понять, что они должны делать.

Я почувствовал, как активизировался и завибрировал мой круг ворот. Я ощутил несказанно приятные токи незнакомого мне существа, моего нового напарника. Не знаю почему, но я понял, что передо мной находится обнаженное тело прекрасной женщины. Исходящее от нее тепло и какие-то непонятные токи настолько возбудили меня. что круг ворот вспыхнул ярким пламенем перед моим внутренним взором. Помимо желания у меня началась эрекция.

Тут я услышал издевательский голос Ли:

— Эй, дружок, ты уже переводишь энергию в крут пути воина.

Мягкая женская рука схватила меня за половые

органы и сильно дернула вниз. Эрекция тут же пропала. Нежные, сухие и теплые руки, разогретые трением друг о друга, мимолетным касанием, как это может делать только красивая и уверенная в

себе женщина, прошлись по моему лицу, телу, плечам, груди, низу живота, ногам, и я снова почувствовал активизацию круга ворот. Ласки продолжались до тех пор, пока у меня снова не началась эрекция. Руки начали с силой разглаживать лобковую область и грудь. Я не смог больше сдерживаться и кончил.

Такого удовольствия я никогда раньше не испытывал. Мне казалось, что все мое тело превратилось в один огромный пенис, и сила ощущений ввергла меня в состояние эйфорического транса без способности думать о чем-то и воспринимать окружающий мир. Был момент, когда на краю моего сознания мелькнула мысль о том, что это унижительно стоять так голым с закрытыми глазами перед незнакомой красивой женщиной. Эта мысль мелькнула и исчезла. Руки поднесли к моему рту семенную жидкость, и я понял молчаливое требование проглотить ее. Ли рассказывал мне, что это—один из даосских методов сохранения жизненной силы. Я, собрав губами и языком сперму с ее руки, проглотил ее. Вкус спермы, казалось, усилил ощущение наслаждения.

Возбуждение все еще сохранилось, я весь горел. Я подумал, что у меня поднялась температура, кожа стала необычайно чувствительной... Женщина начала дуть на меня. Легкое дуновение касалось моей кожи, возбуждая ее чувствительность все сильнее и сильнее, пока по всему моему телу не распространилось ощущение обжигающего покалывания.

— Сейчас ты чувствуешь ци дыхания, — сказал глухим голосом Ли. — Не открывай глаза. Попробуй почувствовать ци ветра.

Я сосредоточился на восприятии кожей порывов ветра, ощущая, как восхитительное поле женщины удаляется от меня. Послышался шелест одеваемой одежды, и мой новый напарник, которого я так и не увидел, покинул поляну.

Еще примерно полчаса я стоял посреди поляны, чувствуя дуновение ветерка, как моих ног касаются травы, как мое тело общается с миром. Мимолетные образы ощущений, которые подарила мне неизвестная женщина, все еще возникали в моей памяти. Когда я закончил упражнение и смог открыть глаза. Ли сказал:

— В этом уроке ты познал один из способов привлечения энергии ци в период полового акта для излечения разных зон твоего тела и для их

активизации. Половое возбуждение переводят на определенный участок тела, потирая его. Можно даже зрительно видеть, как этот участок тела возбуждается от притока ци. Легче всего переводить энергию в лобковую область, грудь, руки, внутреннюю часть бедер, но даже самые глухие зоны тела можно приучить воспринимать ци в период полового акта. если определенным образом выполнять потирания.

Через некоторое время, когда я вновь встретился с моим новым напарником, я сразу узнал ее, потому что мой круг ворот активизировался при ее приближении, как тогда на поляне, и я снова почувствовал волшебные токи ее энергии...

ГЛАВА XIII

После освоения упражнений по активизации круга купца я получил задание от Ли каждый раз, расплачиваясь в магазине или отдавая кому-либо деньги, описывать правой рукой полукруг движением ян в круге купца. Забирая что-либо или получая деньги, я должен был сначала совершить в круге купца противоположное инь-движение. и только потом положить в карман деньги или взять купленные вещи.

Со временем эти движения стали для меня почти рефлексными. и начало возникать мимолетное ощущение холодного ветерка в момент, когда я отдавал деньги, и горячего, когда я что-либо получал. Ли объяснил, что круг купца начинает оживать и действовать в реальной жизни, потому что главное— не только научиться активизировать и чувствовать его. но и уметь его использовать для общения с окружающим миром.

Через некоторое время у меня отпала необходимость делать инь- или ян-движения в круге купца, потому что каждый раз в момент совершения каких-либо коммерческих операций круг купца активизировался сам, и я ощущал движение тепла и холода у левой стороны моего лица. Я начинал ощущать плоскость круга и иногда даже видел его слабое свечение. Тепло или холод, как мне казалось, каждый раз воспринимались по-разному, словно несли в себе какую-то закодированную информацию, которую я пока еще не мог расшифровать.

Впервые я понял, о чем мне может сказать круг купца, когда ко мне подошел один знакомый и попросил денег взаймы. По кругу купца пробежали волны тепла и холода, сменяющие друг друга, они коснулись моего лица. и я вдруг с абсолютной уверенностью понял, что этот человек не собирается возвращать мне долг.

— Я, конечно, дам тебе деньги, но почему-то я не уверен. что ты их вернешь, —сказал я.

Отдавая деньги, я почувствовал, как круг купца оказывает сопротивление и обдает меня холодом сильнее, чем обычно.

Предчувствие меня не обмануло, и денег обратно я действительно так и не получил.

В другой раз, давая взаймы деньги, я почувствовал ласковые и мягкие прикосновения ветерка в круге купца и понял, что эти деньги быстро вернутся ко мне.

Так и оказалось.

Решив, что я достиг определенных успехов в своих упражнениях. Ли сказал, что пора переходить к практическим упражнениям на рынке. Упражнения на рынке продолжались в течение нескольких месяцев, и я опишу некоторые наиболее запомнившиеся мне ситуации.

— Сейчас ты будешь использовать круги для «Поедания плода». То, чем тебе предстоит заниматься, является одним из упражнений «Вкуса плода с дерева жизни», —сказал Ли. —Теория «Аромата плода и Поедания плода» включает в себя общение, то есть поедание частей плодов других людей и вдыхание аромата плодов других людей. Сюда входит не только процесс общения, но и использование их времени и материальных средств.

По теории "Вкуса жизни", время—это тоже материальное средство. Общаясь с человеком, ты отдаешь ему свое время. часть своей жизни. Бывают ситуации, когда ты отдаешь свое время человеку без непосредственного контакта с ним. Затраченное время и материальные ценности—это часть плода, поедаемая тобой или другими людьми. Обмен ароматом плода или вдыхание аромата плода—это обмен мнениями, впечатлениями и духовными ценностями.

«Поедание плода», «Вдыхание аромата плода» и «Распространение аромата плода»—это великое искусство, и тому, кто овладеет им, гораздо легче жить в обществе, добиваясь своих целей и переходя на более высокий уровень безопасности и комфорта. Но главное—это умение выживать в обществе, выживать в любой ситуации, не опускаясь ниже определенного уровня, обеспечивающего тебе здоровое и счастливое существование, избегая как бедности, так и излишеств.

Мы со Славиком встретились с Ли в городе и пришли на рынок как раз в разгар торговли. Ли прошелся по рыночным проходам, глядя по сторонам, потом остановился и сказал мне:

— Вот тебе первое задание. Выбери среди всех этих людей торговца с самой жадной и противной рожей.

Я осмотрелся и довольно быстро нашел торговца, лицо которого своим выражением жадности и злости било все рекорды.

—Мне кажется, что самый жадный здесь—этот торговец цветами. —указал я **на** него Ли.

— Почему ты считаешь его самым жадным и что ты можешь сказать о нем?—спросил Учитель.

— Вообще-то все написано у него на лице. Но, кроме того, посмотри, как он медленно отсчитывает сдачу, пересчитывая по нескольку раз, чтобы не ошибиться, как неохотно он ее отдает. Кажется, что у него забирают не деньги, а руку. Не знаю, чем это вызвано. Может быть, у него было тяжелое детство или ему всегда не хватало денег, а может быть, он просто любит деньги. Я бы сказал, что он любит деньги больше, чем жизнь, потому что видно, что он не привык доставлять себе удовольствия. Он одет в поношенную одежду, небрит, а значит, не заботится о своей внешности. Он ест вареную картошку с солью, засохшим хлебом и луковицей, несмотря на то, что вокруг продается много дешевых, вкусных и полезных продуктов. Судя по товару, который он продает, у него достаточно денег, чтобы позволить себе все, что угодно. Конечно, может быть, он копит ради какой-то цели, но, скорее всего, в накоплении отражается его мировоззрение и стиль жизни.

—ТЫ абсолютно прав в оценке этого человека. — чему-то злорадно улыбаясь, сказал Ли.—Думаю, он скорее удавится, чем выпустит из рук хотя бы трешку. Ты должен сделать так, чтобы он по доброй воле, без какого бы то ни было принуждения с твоей стороны дал тебе 25 рублей и был бы этому несказанно рад. Мне не важно, как ты это сделаешь, но я должен видеть, как он передает тебе деньги.

—Ли, но это же невозможно,—взмолился я, но Учитель, жестом приказав Славику следовать за собой, пошел вперед по проходу.

Несколько мгновений я стоял в растерянности, не зная что делать, потом мысленно активизировал круги купца и отшельника, поскольку мне нужны были одновременно и хитрость и мудрость, и, приняв независимый вид, направился к торговцу и встал около прилавка, разглядывая выставленный товар.

Помимо цветов, стоящих в ведрах, он продавал саженьцы, семена и клубни растений. Яростно откусывая лук, торговец ругался с женщиной, и, судя по обрывкам разговора, они оба были крайне раздражены. Женщине не нравился вид товара, его дороговизна, и она резким, пронзительным голосом

взывала к отсутствующей совести продавца. Я пододвинулся поближе и, скорбно и глубоко вздохнув, сказал:

— Да, некоторые люди не могут оценить тот тяжелейший труд, который нам, работникам сельского хозяйства, приходится приложить для того, чтобы вырастить цветы, рассаду и семена на продажу.

Женщина, ошеломленная этой неожиданной поддержкой ее оппоненту, замолчала на мгновение, потом, подобно всем женщинам желая оставить за собой последнее слово, выдала какую-то убийственную реплику и удалилась с гордо поднятой головой.

С подозрением уставившись на меня, торговец пожевал губами, но промолчал.

— Я не могу понять, почему ты не используешь более выгодные технологии,—бодро продолжал я.— Сразу видно, что ты настоящий крестьянин, и меня просто удивляет, почему ты не хочешь зарабатывать денег втрое больше, затрачивая те же усилия.

В злых глазах мужика вспыхнул огонек интереса. Я почувствовал, как круги купца и отшельника активизировались, начиная принимать и отдавать какие-то сигналы, и между мной и торговцем возникла первая, пока еще хрупкая, связь.

Я огляделся, ища глазами Ли, и увидел его, стоящего в отдалении за торговыми рядами, одного, без Славика.

Заметив, что я отвлекся, торговец спросил:

— О каких технологиях ты говорить?

Полчаса, как на экзамене, я излагал последние достижения научно-технической революции в сельском хозяйстве. Я рассказал о том, как можно сохранять розы свежими от полугода до года с помощью песка, баллонного газа, парафина и мешков из толстого полиэтилена. Потом я заговорил о саженцах и отводках, о том, как выгодно прививать виноград и продавать привитые саженцы, и так далее.

Впитывая мои откровения, торговец постепенно менялся в лице и слушал меня все более напряженно. Казалось, что его грязные уши отошли под прямым углом от лысоватого черепа. Нижняя губа отвисла, рот приоткрылся. Торговец забыл о недоеденной луковице и, мимоходом смахнув ее с прилавка, принял позу поудобнее, стараясь не пропустить ни одного слова.

Иногда подходили покупатели, тогда я замолкал и

делал вид, что собираюсь уходить, и торговец, краснея от волнения, умолял меня подождать и продолжить такой интересный рассказ. Он стал очень вежливым и внимательным даже к покупа-

телям. Наконец, я подвел разговор к теме выгонки цветов сирени без почвы, в ваннах с питательной средой.

Торговец нервно сглотнул слюну и спросил, как это делать.

— Это большой секрет, — сказал я. — Каждый хотел бы это знать, ведь на зимней выгонке сирени можно зарабатывать по несколько тысяч рублей в месяц, а если заготовки вымораживать специальным образом в холодильнике, то сезон выгонки можно продлить на несколько месяцев и получать цветы чуть ли не с начала осени.

— Как мне хочется узнать, — волновался торговец, — ты не представляешь, как мне хочется узнать эту технологию.

— Всем хочется, — продолжал издеваться я.

Торговец смотрел на меня, как собака на недоступный ей кусок говядины. Казалось, с его отвисшей нижней губы вот-вот начнет капать слюна.

Я помолчал, посмотрел в сторону и задумчиво произнес:

— Какая жалость, что мне не хватает двадцати пяти рублей на покупку оборудования для сада. Там один старичок продает свои поделки, он так редко приходит на рынок, а у меня, как назло, деньги кончились.

Намек был понят.

Торговец, совершив над собой героическое усилие, протянул мне пятидесятирублевую бумажку.

— Мне нужно только 25 рублей.

— Ничего, возьми 50. у меня не наберется 25 рублей мелкими деньгами, но только расскажи мне рецепт. — сказал он с мольбой в голосе.

— Конечно, расскажу.

Я взял 50 рублей и подробно рассказал технологию выморозки и выгонки сирени. Потом я отошел, чтобы разменять деньги и вернул ему лишние 25 рублей.

Это так потрясло бедного мужика, что он проникся ко мне расположением, граничащим со страстной любовью. Как ни странно, его искреннее чувство вызвало во мне ответную реакцию. и он больше не казался мне жадным, гнусным и злобным человеком. Он приглашал меня погостить в его доме в Раздольненском районе и пожить у него подольше. Я пообещал, что постараюсь выбраться к нему и посмотреть его хозяйство. Мы обнялись на прощанье, и я направился к Ли, который, судя по выражению его

лица. остался мною доволен. Около Ли стоял Славик и неловко переминался с ноги на ногу. По выражению его лица я понял, что он с заданием не справился.

—Да, вы звезд с неба не хватаете, —язвительно сказал Ли. —Мог бы поменьше трепаться о розах и саженцах.

У меня от удивления перехватило дыхание, потому что Ли находился на таком расстоянии от нас, что не мог слышать, о чем мы говорили.

—Ли, откуда ты знаешь... —начал было я и вспомнил, что он умеет читать по губам.

—Теперь ты должен узнать все об этой женщине, —сказал Ли, указывая на женщину средних лет, присматривающуюся к товарам.

— Выясни ее имя, где она живет, чем занимается, какие у нее родственники и так далее.

Женщина медленно шла между рядами, я пошел за ней, лихорадочно придумывая, как завязать разговор. Она остановилась, прицениваясь к огурцам, и, услышав цену, начала яростно критиковать их качества и внешний вид. Я вмешался в разговор и в той же тональности заявил, что проклятые спекулянты обирают бедных горожан, наживаясь на том, что в магазине ничего хорошего не купишь, и, добавив, что люди потеряли последнюю совесть, предложил женщине донести до дома тяжелые сумки с овощами.

Подозрительность боролась в ней с застенчивостью, но я, как мог, более доброжелательно объяснил, что не могу смотреть, что пожилая женщина так надрывается, тем более, что живет она недалеко, и мне тоже нужно идти в том направлении. О том, где она живет, я узнал из ее разговора с продавцом, потому что она сказала продавцу, что, если бы он скинул цену, она бы быстренько сбегала домой на такую-то улицу и, вернувшись с пустыми сумками, купила бы у него ящик огурцов для засолки, а так она не купит ничего. Наконец, женщина решила, что я не убегу с ее сумками, и мы пошли к ее дому. По дороге я посетовал на резкое падение нравов современной молодежи, чем вызвал поток откровений, которого хватило бы на полновесное досье. Женщина выложила мне все подробности биографии своей дочери, которая учится в техникуме, и ее мужа-алкоголика, рассказала о каких-то квартирных проблемах и о склоках с родней дочкиного мужа. Я узнал имя женщины, узнал, что она работает в прачечной

психбольницы, и, доведя ее до дверей квартиры, выяснил, где она живет.

— Это было слишком простое задание,— недовольно заметил Ли. —Придется подобрать вам экземпляр похуже.

Он осмотрелся, выбрал новую женщину и велел мне вместе со Славиком выяснить у нее все то же самое, что и у предыдущей, и узнать, что она собирается делать завтра.

Я оставил Славика в качестве резерва на случай, если у меня ничего не получится, и направился к женщине, прикидывая, как получше завязать разговор. Ли явно не пытался облегчить нашу задачу, и одного взгляда на выбранную им фурию было достаточно, чтобы понять, что она вообще не жаждет общаться с кем бы то ни было. Женщина была агрессивной, высокомерной и говорливой. Она подходила к прилавкам, брезгливо двумя пальчиками брала товар и при этом корчила такую мину, что продавец чувствовал себя преступником уже от того, что вообще явился на рынок.

Выждав момент, когда женщина начала отчаянно торговаться, пытаясь сбить цену за ведро мелких абрикосов, я подошел к ней и сказал:

— Зачем вам покупать ведро за 15 рублей, я видел, как тут недалеко такие же абрикосы продают по 3 рубля за ведро. Фурия уставилась на меня с надеждой и недоверием.

— Не может быть, чтобы ведро продавали по 3 рубля, — сказала она.

— Подождите минутку, я сбегая и посмотрю, не ушел ли еще тот парень. — сказал я и помчался к Славику. Сунув ему 25 рублей, полученных от торговца цветами, я велел ему срочно купить ведро абрикосов и стать на углу третьего и четвертого рядов, поджидая покупательницу.

Женщина ждала меня. Она выглядела настороженной, но жадность не позволяла ей уйти, не выяснив все до конца. Поговорив немного об урожае абрикосов в этом году и о разных способах варить абрикосовое варенье, чтобы дать Славику время купить ведро и стать с ним на углу, я подвел к нему покупательницу. Убедившись, что абрикосы действительно стоят баснословно дешево, женщина заахала и заохала. Выяснилось, что в сумку женщины абрикосы не поместятся, и она стала умолять продать ей заодно и ведро. Славик категорически отказался продавать ведро и сказал, что она может прийти за абрикосами завтра.

— Завтра я не могу, — с отчаянием сказала она, — я уезжаю в деревню к родственникам.

—Далеко?—спросил Славик.

— В Нижнюю Кутузовку.

Так мы узнали о ее планах на завтра. В конце концов Славик еще за трешку согласился отнести абрикосы к ней домой, выяснив по дороге ее адрес и многие подробности ее биографии.

На другой день Ли снова привел нас на рынок. Комментируя наши предыдущие упражнения, он сказал, что Славик слишком смущается и не чувствует себя комфортно, разговаривая с людьми. В качестве лекарства от стеснительности Ли велел Славику пройтись по рядам и, прикидываясь то погорельцем, то человеком, которому надо срочно опохмелиться, настрелять у торгующих рублей и трешек.

Славик вне себя от смущения, отправился побираться, а мы наблюдали издалека, как продавцы, кто с жалостью, кто с раздражением, кто со снисходительной миной давали ему деньги. Обойдя все ряды, ошарашенный Славик продемонстрировал нам полиэтиленовый пакет с деньгами и сказал, что под конец ему это даже понравилось и пора менять профессию милиционера на погорельца.

— Я представить себе не мог, что получу столько денег. — удивлялся Славик.—Я бы никогда в жизни не дал денег молодому здоровому парню, который вполне может сам их заработать.

— Ты ошибаешься, —сказал Ли. —Беря деньги у людей, некоторым из них ты делаешь большое одолжение, потому что, подавая милостыню, они самоутверждаются и чувствуют себя более значительными и добрыми, чем они есть на самом деле, а для обычного человека чувство собственной значимости—одно из важнейших составляющих его жизни.

А теперь придумай новую легенду, снова пройдишь по рядам и верни деньги тем, кто тебе их давал.

Славик задумался.

— Что я могу им сказать? Что уже опохмелился или купил новый дом?

—Зачем же так примитивно,—усмехнулся Ли.—ТЫ можешь сказать, например, что тебе явилось видение Господа нашего Иисуса Христа и что Господь велел вернуть дающим их деньги, потому что и тебя и их Господь не оставит своей милостью.

Славик задумался, потом рассмеялся и пошел по рядам возвращать деньги.

В подобных упражнениях мы учились чувствовать

и угадывать настроение собеседника, его слабые места, обыгрывали

различные моменты общения, вызывая у него нужные нам эмоциональные реакции и управляя ими.

Мне Ли дал задание изображать немом нищего.

Я порылся в рыночной помойке и отыскал грязный порванный картуз и кусок картона. На картоне я написал корявыми буквами и с грамматическими ошибками: «Помогите погорельцу—немому инвалиду I группы». Я положил картуз на землю, вывернул наизнанку свою одежду, прикрылся куском рогожи, также вытащенным из помойки, повесил на грудь картонку с надписью и сел на ящике в углу рынка. Мне подавали довольно часто, и я вполне мог бы разбогатеть, если бы не появление наряда милиции, который вела ко мне женщина, возмущаясь во весь голос наличием большого количества молодых и здоровых побирушек. Издали заметив приближающуюся опасность, я поспешно ретировался.

Ли часто заставлял меня нищенствовать, и я быстро приобрел необходимые навыки и сноровку. Я никогда не отвечал на вопросы, время от времени издавая жалостное мычание, и тупо глядел в пол. Ли сказал, что нищие не должны смотреть в глаза, чтобы не казаться агрессивными и не вызывать ответных реакций, особенно когда нищенствует крупный молодой парень.

Очень интересно было выполнять упражнение нищего, совмещая его с активизацией круга купца. Если человек задерживался около меня, сомневаясь, бросить мне монетку или нет, я настраивался на этого человека, одновременно активизируя инь-движение в круге купца и мне давали деньги. Если же я представлял отдающее движение в круге купца, человек обычно склонялся к тому, чтобы мне не подавать. Я вел статистику, подсчитывая, насколько совпадают решения человека дать или не дать мне деньги с инь- или ян-движением энергии в круге купца и получалось, что я могу влиять на выбор подающего примерно в 80% случаев. Иногда я менял образы побирушек, изображая человека, которому не хватает денег на билет, на похороны бабушки или еще для чего-либо.

Славику больше нравился образ сидящего нищего, но он всегда очень волновался, что слухи о его новом времяпрепровождении дойдут до его начальства и его с треском выгонят из милиции.

Когда Ли решил, что мы в достаточной мере

преуспели в нищенствовании. он сказал, что пора активизировать круг отшельника и объединять его с кругом купца.

Активизация круга отшельника в сочетании с инь-движением энергии в нем позволяло при общении получать от человека дополнительную информацию. Если же мне нужно было навязать свое мнение собеседнику, я представлял мой круг отшельника проходящим через тело собеседника и вращал энергию в направлении ян.

Например, в случае, когда я должен был выпросить 25 рублей у торговца цветами, сначала я вращал энергию в круге купца в ян-направлении, создавая у него ощущение, что я ему даю что-то важное, в данном случае информацию. Круг отшельника вращался в противоположном направлении, вбирая в себя информацию, *идущую* от торговца, его эмоциональную реакцию на мои слова. Когда наш разговор достиг кульминации, я поменял на противоположное направление вращения кругов, с тем, чтобы он, вбирая информацию, идущую от меня, дал мне деньги.

Согласно объяснениям Ли, вращая энергию в круге отшельника в ян-направлении, я передавал собеседнику определенную информацию о себе, не воспринимаемую органами чувств, но подсознательно располагающую ко мне человека, внушающую ему, что я открыт и честен. С помощью некоторых дополнительных действий можно было передавать информацию другого рода, но объем книги и некоторые ограничения на передачу учения, наложенные Ли, не позволяют мне сделать это. Направленный в сторону инь. круг купца стимулировал у торговца подсознательное желание отдать деньги.

Ли в очередной раз напомнил нам, что система «Вкус жизни»—это способность выжить в любой ситуации, сливаться с любым окружением, уживаться в любом обществе, общаться с людьми на самых разных уровнях, и один из этих уровней общения—общение кратковременное, в процессе купли-продажи, отнятия или передачи каких-то материальных ценностей.

Для того чтобы мы умели доставать деньги в случае необходимости, Ли, например, заставлял нас продавать за бешеную цену обычную водопроводную воду.

Славик с бутылкой воды в руках и табличкой на

груди, на которой было написано: «Целебный бальзам, настоящий на чистейшей родниковой воде, выводит вредные вещества из организма и излечивает почти все недуги», ходил по базару. Цена 50 рублей за бутылку не отпугивала жаждущих исцеления покупателей, и за день ему удавалось продать одну-две бутылки. Каждому покупателю Славик говорил:

— Если вам почему-то **не** понравится бальзам, вы можете вернуть мне его в течение недели и получить деньги назад.

Самое интересное — что очень немногие из покупателей возвращали воду обратно, хотя и знали, как разыскать Славика.

Для того чтобы легкий заработок не вошел у нас в привычку, чтобы мы не пользовались каждодневно умением, которое должно пригодиться только на черный день, полученные деньги мы или возвращали, или покупали на них продукты питания или цветы и раздавали их понравившимся нам бедным старушкам, не тем, которые нищенствовали, а просто ходившим по базару или стоявшим в очередях, по виду которых было ясно, что они сильно нуждаются.

Славик, правда, несколько раз смухлевал и дарил цветы и конфеты девушкам. Одной из этих девушек была продавщица в столовой, которая бесплатно накормила Славика, когда тот по заданию Ли попросил ее накормить его. Ли часто заставлял нас попрошайничать в столовых, и вскоре мы научились с легкостью размягчать сердца продавщиц и официанток.

Трюк с ведром абрикосов для выяснения подробностей личной жизни так понравился нам со Славиком, что мы решили его повторить, слегка усовершенствовав, во время выполнения очередного задания.

Выяснив, что объект нашего исследования интересуется покупкой вишен для варенья, я поставил Славика с ведром вишен в проходе, а сам пошел устанавливать контакт с нужной нам женщиной. Покупателям, пытавшимся купить вишни у Славика, тот называл огромную цену—30 рублей, и они сразу же отходили. Правда, попался один очень несговорчивый покупатель, который почему-то хотел купить именно это ведро вишен и отчаянно торговался, пытаясь сбить цену. В конце концов он так достал Славика, что тот пообещал набить ему морду, если он не оставит его в покое. Покупатель обозвал моего друга мошенником, но драться не стал и предпочел отступить. Я подвел женщину к Славику.

— Почем вишни?—спросила она.

— Один рубль вместе с ведром, —ответил Славик.

— Один рубль?—переспросила женщина. — Почему так дешево?

Славик с таинственным и скорбным видом сообщил ей, что таким образом он искупает вину перед погибшей сестрой.

— Но почему вы не продали вишни другим покупателям? Я видела, как от вас отходили люди.

— Потому что я могу продать вишни только очень хорошему человеку, — заявил Славик. Женщина растерялась.

— А почему вы решили, что я хороший человек? Тут я вмешался и сообщил, что я—провидец людских душ и точно знаю, что его погибшей сестре хочется, чтобы вишни были проданы именно ей, поскольку я вижу ее насквозь.

— Вы не можете видеть меня насквозь, — почему-то обиделась женщина.

Я решил использовать метод, который Ли называл «рассказ по наитию». Метод заключался в том, чтобы, глядя на человека, улавливать образы, связанные с ним или с кем-либо, о ком он думает, и начинать описывать эти образы, вызывая у человека желание сконцентрироваться на том, о чем идет речь, и тем самым сделать передаваемый образ более четким.

Как-то Ли методом «рассказа по наитию», подробно описал знакомую мне девушку и других моих знакомых. Потом как-то в городе я указал на нее Ли и спросил его:

— Ты узнаешь эту девушку?

— Нет, я ее не знаю. — ответил Ли.

— Но ты же мне все рассказал о ней, помнишь, когда ты демонстрировал мне рассказ по наитию?

— Я рассказывал, читая образы, возникающие в твоём мозгу, но я не видел четких ее черт. Так что я не смог ее узнать, хотя через твои ощущения мне удалось выяснить многие факты ее жизни.

Я внимательно посмотрел на женщину и сказал:

— Я вижу, что у вас была трудная жизнь.

По ее расширившимся от удивления глазам я понял, что попал в точку, и продолжал развивать успех:

— У вас был муж. (Это было нетрудно угадать, потому что обручальное кольцо было надето на левую руку.) Ваш муж обижал вас и слишком много пил (тут я воспользовался теорией вероятностей, потому что встретить мужа, который не пьет и никогда не обижает жену, практически невозможно).

Отметив, что я снова угадал, я продолжил:

— Вам принесла несчастье черная женщина.

— Не черная, а темноволосая, — взвизгнула она.

— Я это и имею в виду, — с легким раздражением возразил я. — Не о негритянке же я говорю. Ваш муж

ушел к ней.

— Он не к ней ушел, а из-за нее.

— Это одно и то же,—гордо заявил я и продолжал рассказывать, задавая наводящие вопросы так, что она сама мне сообщала подробности о своей жизни, думая, что я угадываю их. хотя кое-что я. конечно, угадывал. Это задание Ли мы выполнили блестяще, выяснив всю подноготную и оставив ошеломленную женщину с ведром вишен и незабываемыми воспоминаниями о встрече с ясновидцем.

Еще одной формой тренировочного общения было так называемое ввязывание в бесконечные разговоры с группой людей. Лучше всего это было делать в очереди или в переполненном автобусе. Бесконечные разговоры можно было затевать с отдельными прохожими на улице, или с бабулями, подсаживаясь к ним на скамейке. Иногда войти в контакт было легко, достаточно было произнести несколько общих фраз или пошутить, для того чтобы познакомиться с человеком и завязать бесконечный разговор, из которого человек никак не мог выйти.

Некоторые люди. более замкнутые и напряженные, требовали особой техники, иногда их даже приходилось оскорбить каким-то намеком и потом отдельными репликами поддерживать в них злость, не позволяя, чтобы за ними осталось последнее слово, но и не проявляя излишней агрессивности, чтобы они не прервали разговор из страха перед тобой. Во время бесконечных разговоров мы учились управлять настроением собеседника, выяснять интересующую нас информацию, располагать к себе или, наоборот, вызывать отрицательную реакцию, входить в контакт и выходить из него.

Но больше всего мне нравились групповые бесконечные разговоры. Так. например, стоя в длинной очереди, я нарочито медленно выбирал товар, изображая туповатого, с замедленной реакцией покупателя, который никак не может решить, какой товар и в каком количестве он собирается взять. Когда продавщица и очередь доходили до белого каления и готовы были разорвать меня на куски и бросить на съедение собакам, нужно было какой-нибудь фразой разделить очередь на два лагеря—сочувствующих и агрессивных и натравить их друг на друга. Возникала восхитительная перепалка, в которой очередь забывала и обо мне, и о потерянном времени. Люди превращались в римских трибунов, громогласно возвещающих невежественной толпе свой уникальный и единственно

верный взгляд на ситуацию и окружающий мир.

Иногда, вызвав агрессию, я подавлял ее каким-нибудь преувеличенно вежливым, но с подтекстом заявлением, которое заставляло агрессоров почувствовать себя неловко и задуматься над тем, как на мое заявление отреагировать.

Ли говорил, что толпа представляет собой огромную неуправляемую силу, в которой каждый человек теряет свою индивидуальность. и что поэтому для воина очень важно понимать психологию толпы, уметь влиять на людей, манипулируя их сознанием и заставляя толпу действовать в нужном ему русле.

— Толпа не подчиняется разуму, — говорил Ли, — ею правят эмоции и инстинкт. Поэтому твои действия при взаимоотношениях с толпой должны иметь очень яркую эмоциональную окраску—сильную и достоверную, чтобы ты мог внушать людям необходимые чувства и передавать свои эмоции, будь то страх, жалость, сочувствие, ненависть, отвращение или сострадание. Ты должен уметь разделять толпу, натравливая людей друг на друга, на ее лидера или на какие-то враждебные тебе агрессивные объекты.

Впоследствии знание психологии групп и толпы мне очень пригодилось в нескольких серьезных боевых ситуациях, но в то время обучение больше напоминало веселую корриду, в которой вместо быка с удовольствием принимала участие какая-нибудь отчаянная бабуса с полными авоськами, и иногда мне казалось, вероятно, из чувства патриотизма, что наши старушки по энергии и темпераменту вполне могут дать фору лучшим испанским быкам...

ГЛАВА XIY

Мы с Ли в очередной раз вышли на «пробежку по городу». «Пробежка» начиналась с Пушкинской улицы от музея краеведения, потом мы направлялись к стадиону и завершали круг по тихим малопосещаемым улицам. Мы двигались быстрым шагом. Ли всегда что-то рассказывал мне и одновременно давал упражнения, которые я должен был выполнять на ходу, не отвлекаясь ни на секунду от того, что он говорил.

— У воина, следующего по пути жизни, должны быть посредники между его внутренним миром и внешним миром, окружающим его.—сказал Ли.

Он сделал паузу, и я понял, что он ждет, чтобы я назвал этих посредников.

—Ты говоришь об ощущениях?—спросил я.

— Нет, это не совсем так. Ощущения — это скорее способ восприятия мира. и, хотя в некотором роде они тоже являются посредниками, я говорю не о них. Главные посредники—это твои мысли, которые рождают образы.

Ли снова сделал паузу. По ехидному выражению его лица я понял, что он собирается, как обычно, удивить меня чем-то неожиданным.

— Это понятно. Ну и что?—сказал я. просто чтобы что-то сказать.

— Рад, что тебе это понятно. Не многие смогут этим похвастаться. Но самое интересное в том, что эти образы могут оживать и даже действовать самостоятельно.

— Как это? —спросил я.

— Посмотри на кончик своего пальца.

Я посмотрел.

— Ты его хорошо видишь?

— Вроде неплохо.

— Почувствуй в нем удар сердца. Я сосредоточился и ощутил в кончике пальца мягкий толчок.

— Соедини мысленно свое сердце с кончиком пальца так, чтобы каждый удар сердца отдавался в нем. Почувствуй пульсацию крови.

Я сосредоточился на биении своего сердца, представил, как каждый удар отдается в кончике пальца и через пару минут почувствовал сильную и равномерную пульсацию крови.

— У меня получилось.

— Я знал. Теперь отключись от сердца. Ты использовал его просто как привязку. Сделай пульс тяжелым и объемным.

Я представил, что вместо крови в кончике пальца пульсирует тяжелая подвижная ртуть. Мне показалось, что кончик пальца раздувается, как шар, от этих тяжелых биений.

— Продолжай, не останавливайся. Пульс разогревает твой палец все сильнее и сильнее. Жар нарастает. Он такой интенсивный, что палец начинает светиться. Посмотри внимательно. Ты должен увидеть это свечение.

Вызвать жар оказалось довольно легко. Но свечения я не видел.

— Я не вижу свечения, — расстроенно сказал я.

— Ты не видишь его потому, что вокруг слишком яркий свет, а твои глаза еще не подготовлены. Попробуй увидеть свечение на темном фоне, например, на фоне моего пиджака.

Я поднес палец к пиджаку Ли и сразу заметил бледное сияние, обрамляющее кончик пальца.

— Я вижу, — радостно воскликнул я.

— Конечно, видишь, — отрезал Ли. — Только слепой бы его не увидел. Усиливай пульс. Пусть свечение делается более ярким.

Я увеличил интенсивность биений, и действительно, светящийся ореол расширился и стал значительно ярче, приобретая разные цветовые оттенки.

— Думаю, теперь ты сможешь видеть свечение и без темного фона, — сказал Ли и отодвинулся.

Свечение от яркого света стало более тусклым, но не исчезло. Я продолжал видеть бледный ореол и мелькающие в нем цветные искорки.

Заметив мое возбуждение. Ли сказал:

— За что я тебя люблю, так это за непосредственность ощущений. Тебе достаточно показать палец, чтобы ты пускал слюни от восторга, как щенок, впервые откопавший на грядке червяка. Не стоит так преувеличивать значение происходящего. Все в твоей власти, во власти твоей внутренней энергии, которая связывает тебя с миром и возбуждает процессы внутри тебя

и вокруг тебя. Сейчас твоя внутренняя энергия не настолько сильна, чтобы производить большие внутренние или внешние изменения только благодаря твоему желанию. Пока это может произойти только спонтанно в редких и исключительных случаях. Сейчас ты на первом этапе и должен научиться возбуждать скрытые внутренние силы и управлять ими. Этого можно добиться только через медитацию. Вне медитации не существует ни тренировки, ни жизни, ни познания.

Упражнения с пульсами давались мне относительно легко. потому что еще до встречи с Ли я читал книги по аутотренингу, системе Шульца и учился вызывать ощущение расслабления, тяжести, тепла и пульсации.

В системе обучения Ли пульсу отводилась универсальная и необычайно широкая роль в медитативных упражнениях.

Пульс -можно было перемещать по телу в любом направлении. концентрировать его в нужной области, что использовалось как при лечении, так и при активизации зоны, например. при ее ударном закаливании. Вызывание пульса и чередование его с воздействием холодом помогало излечивать больные мышцы или нарушения во внутренних органах.

Упражнения с пульсами стали регулярными во время наших совместных прогулок. Я учился собирать пульсы из разных участков тела в центре ладони в точке Лао-гун и потом заставлял этой пульс разделяться и стекать вниз по пальцам. Я создавал пульсирующие мыслеформы внутри и вне моего тела, и Ли всегда абсолютно точно мог описать форму и размер создаваемых мной мыслеобразов.

Ли научил меня помещать различные формы пульсов в лекарственные средства, усиливая тем самым действие лекарств.

Одним из упражнений было блуждание пульса по кругу' вдоль позвоночника и затем по переднесрединному каналу с круговыми ответвлениями по наружной и внутренней поверхностям рук. по бокам к копчику.

Ли заставлял меня доводить это упражнение до автоматизма так. чтобы деятельность или внешние воздействия не отвлекали меня от его выполнения. Для этого Ли одновременно с вращением пульса заставлял меня делать что-либо другое. Однажды он велел мне вспоминать самые приятные моменты моей жизни, не

прекращая вращении пульса и поддерживая разговор о каких-то других вещах. Ли по выражению моего лица всегда мог легко догадаться, о чем я сейчас думаю, и не упускал случая поиздеваться.

Неожиданно прервав рассказ о клане Держащих и животных стилях. Ли посмотрел на меня с романтически-идиотским выражением лица.

— Ну нельзя же так много думать о девушках. — сказал он. — Чрезмерность даже в твоём возрасте может нанести непоправимый ущерб здоровью.

— Как ты догадался?

— У тебя такое масляное выражение лица. как будто ты съел большой кусок вкусного торта, и у этого торта были чертовски хорошенькие ножки.

Лицо Ли стало еще более идиотским и мечтательным. Закатив глаза, он медленно облизнулся.

— Только не говори, что у меня такое же выражение лица, — ужаснулся я.

— Ну что ты. мне до тебя далеко. — он успокаивающе похлопал меня по плечу.

Ли копировал мою мимику, когда я вспоминал о природе, о том, как проводил праздники или веселился с друзьями. Он объяснял мне тонкости мимики человека и учил определять мысли по выражению лица. по движениям рук и т.д.

Вращать пульс, одновременно вспоминая моменты моей жизни и беседуя с Ли о боевых искусствах, было очень трудно и требовало от меня предельного напряжения и концентрации внимания.

— Ли. зачем ты заставляешь меня делать одновременно несколько упражнений? Может быть, лучше делать их по очереди. но более качественно? Я не могу одновременно за всем уследить.

— Ты должен следить за всем одновременно. Это необходимо для расширения сознания.

— Что такое расширение сознания?

— Воин не может одновременно идти двумя путями. Он может или уходить внутрь, или расширяться наружу. Уходя внутрь, он стремится к одной цели, бесконечно уменьшаясь и концентрируясь лишь на ней, и тогда поле его зрения, поле его сознания сужается к единому центру. Когда воин расширяет поле своих ощущений, он начинает охватывать мир во всем его многообразии. Ты должен научиться совмещать в своем сознании несколько информационных потоков, которые Спокойные

называют разговорами мира. Но мы лучше будем говорить об информационных потоках, потому что, общаясь с тобой на твоём языке, мне легче передать тебе суть древнего знания.

Информационные потоки могут исходить из тех сред, которые оказывают воздействие на твои органы чувств. Если ты слушаешь, ты должен уметь слушать все вокруг, все разговоры и звонки мира. Если ты смотришь, ты должен видеть все вокруг, не упуская из виду даже малейших деталей.

— Но ведь невозможно одновременно слышать и видеть все вокруг. Вернее, слышать и видеть можно, но нельзя все воспринимать с одинаковой ясностью и осознанием. Мне кажется, что физически невозможно одинаково сосредотачиваться на всем, что ты слышишь и видишь.

— Это невозможно для обычного человека, но воины жизни учатся этому, и некоторые на них могут одинаково четко воспринимать всю информацию, причем они не ограничиваются только зрением и слухом, речь идет обо всех органах чувств.

Ли обрисовал мне методику тренировок для расширения сознания. Она заключалась в выполнении упражнений по приему информации из нескольких источников, отдачи информации по нескольким каналам, смешанных упражнений и «медитативном» расширении сознания.

Упражнения по приему информации из нескольких источников строились по типу—читать книгу, одновременно смотря телевизор и слушая передачу по радио, и при этом одинаково хорошо усваивать информацию из трех источников.

Упражнение по отдаче информации — писать левой и правой рукой разные тексты и при этом читать стихи.

В упражнениях совмещалось восприятие различными органами чувств. Примером медитативного упражнения было следующее: я сосредотачивался на ощущении мира кожей. Сначала я учился чувствовать прилегающую к телу одежду, лучи солнца, согревающие мое лицо, ветерок, овевающий кожу. Потом моя способность к осязанию расширялась. Я представлял, что от моего тела отделяется и расширяется чувствительная оболочка, которая так же, как кожа, ощущает все, с чем она соприкасается. Не теряя ощущения одежды, я начинал чувствовать внешней оболочкой окружающих людей, заборы, дома, деревья, мимо которых я проходил. Я чувствовал их физически как отраженное тепловое поле и одновременно с этим уделял внимание

разговорам, ведущимися вокруг меня. Я принюхивался к запахам, улавливая их оттенки.

Я непрерывно выполнял подобные медитативные упражнения. Они настолько слились со мной, стали частью меня. что я, уже даже не желая того. продолжал воспринимать мир по-другому, словно все. что происходило вокруг, тут же находило отклик во мне—на моей коже, в моем теле, в моем сознании. Я начал чувствовать то, что происходит у меня за спиной, и иногда мое тело реагировало на событие до того, как я осознавал то. что происходит.

Вначале я осваивал медитативные упражнения, сосредотачиваясь только на них, но по мере освоения начинал совмещать их с упражнениями по приему или отдаче информации. Например, занимаясь медитацией, я одновременно читал стихи, тренировался и вызывал в мышцах ощущение пульса, тепла или холода. Потом я начал добавлять к этому и медитацию воспоминаний.

Как-то Ли в очередной раз рассказывал мне о формировании человека помнящего, человека-дерева.

—Чтобы лучше помнить себя, ты должен начать создание круга небес, —сказал он.

— Что это такое?

— Вытяни вверх руку с ладонью, направленной в небо и расположенной параллельно земле, и ощути небо, ощути воздух неба, который медленной гладкой прохладной волной начинает опускаться тебе на голову и постепенно охватывает всего тебя. ТЫ—человек неба. Сосредоточься на этом прохладном потоке, проходящем сквозь тебя. Этот поток принесет тебе воспоминания о прошлом.

Придя домой, почувствуй круг неба, возьми тетрадь и запиши туда воспоминания, которые он тебе принесет. Сначала ты будешь вспоминать одиночные наиболее значительные события, потом ты вспомнишь основные детали встреч с твоими девушками, потом все веселые, страшные или отвратительные случаи из твоей жизни. Потом небесный поток начнет приводить твои воспоминания в хронологический порядок, и ты пройдешь свою жизнь с самого детства—как ты рос, где и чему учился, где работал...

—Ли, но я же еще нигде не работал, кроме...

— Вот это «кроме» ты и должен вспомнить.—отрезал он.

— Ли, а для чего мне все это помнить? Я читал, что человек забывает многое потому, что срабатывают

защитные механизмы, что для мозга вредно помнить все и что объем информации должен быть ограничен.

— В твоём случае информация действительно вредна. Но не потому, что ее слишком много и твой мозг изнывает под непосильным грузом знаний, а потому, что ты уподобляешься

свинье, которая жрет все подряд и потом страдает несварением желудка. ТЫ слишком много читаешь, не понимая смысла прочитанного, и запоминаешь только наиболее бредовые идеи, которые с трудом перевариваются твоим европейским мозгом. Я помню все, я воспринимаю всю информацию. Посмотри на меня и скажи, что полезнее для человека—помнить, знать и уметь обращаться со своим знанием или отбрасывать прочь знания и саму свою жизнь, прикрываясь гениальной формулировкой, что излишние знания и воспоминания вредны.

— Ли, я сдаюсь. Ты, как всегда, прав.

—Твой мозг помнит все, происходившее с тобой. Но воин должен не просто таскать с собой этот груз, он должен в любой момент уметь вызвать нужную информацию. Не бывает бесполезной информации. Все, что ты когда-либо видел или узнал, может пригодиться в самое неожиданное время в самом неожиданном месте. Манипулируя с потоками информации, ты должен легко и быстро вызывать то или иное ощущение, вспоминать то или иное происшествие и через него восстанавливать ход событий любой давности.

Медитация воспоминаний с каждым разом все усложнялась. Ли настаивал, чтобы я все глубже погружался в прошлое, восстанавливая его так, чтобы заново пережить все свои ощущения.

Постепенно я начал вспоминать то, что, казалось, навсегда ушло из моей памяти и кануло в прошлое. Медитация воспоминаний стала фоном всего, что я делал—куда бы я ни шел, чем бы ни занимался, я продолжал вспоминать и заново переживать свою жизнь. Даже во сне я видел, иногда абсолютно четко, иногда вперемешку с обычными сновидениями, забытые события моей жизни.

Воспоминания, особенно в сочетании с медитацией по расширению сознания, в сочетании с детальным восприятием мира со всеми его запахами, цветами, интересными событиями, создавали иллюзию жизни настолько полной и насыщенной, что иногда я доходил почти до эйфории, когда хотелось кричать или плакать от радости и восхищения жизнью и окружающим миром.

— Без осмысления картины мира ты не можешь формировать воспоминания,—сказал Ли.—Спокойный живет полноценной жизнью, потому что он

испытывает все основные впечатления, даруемые ему жизнью. Это—основа питания его органов чувств. Без этого он будет голодным, неудовлетворенным человеком, каких на земле миллиарды. Если ты ешь яблоко, ты должен ощущать его кожицу, глянец его поверхности, его запах. его сок, всю полноту его вкуса. В то же время ты должен наслаждаться видом яблока, любуясь его цветом и замечая малейшие пятнышки на его поверхности, его деревянный черенок, еще недавно соединявший плод с деревом. Попробуй проникнуть в суть яблока. Ты знаешь о нем гораздо больше, чем то, что ты можешь вспомнить в первый момент. Представь, как яблоко было рождено деревом, как дерево росло, что было до этого и что будет после.

Иногда, слушая голос Ли, описывающий ощущения мира, я отключался от реальности и даже голос его переставал воспринимать. уносясь в свои мечты, возникающие и видоизменяющиеся от тех или иных его слов. Образы рождались, чередовались, и иногда, на несколько мгновений вернувшись к реальности, я снова воспринимал фразы Учителя, которыми он формировал очередной образ.

— Ты слишком часто теряешь картину мира, — недовольно сказал Ли.—Воин никогда не должен полностью отключаться от мира, за исключением тех редких случаев, когда он охраняет своими товарищами и пытается достичь глубокого самосознания в сложных медитациях.

Мы шли по улице. Ли резко остановился и, развернувшись неувимым движением, оказался прямо передо мной. Я не успел среагировать и, пытаясь остановиться, оперся руками о его плечи. Наклонившись вперед, я заглянул ему в глаза. Ли замер в неподвижности и смотрел на меня пристально и отрешенно. Неожиданно он сказал:

— Вспомни меня собой.

— Как это?

— Вспомни меня собой.

Я застыл неподвижно так же, как и он, и вдруг понял, что он хочет, чтобы я прочитал его воспоминания. Глядя в его узкие глаза с пульсирующими зрачками, я попытался представить, что я—это он, сливаясь с ним и входя в него через взгляд. Вдруг окружающий мир исчез, и я оказался в каком-то сарае с широкими щелями в стенах. Сквозь щели был виден лес, непохожий на те леса, которые я видел прежде. Я понял, что это тропический лес.

Голова немного кружилась. Перед глазами проносились какие-то туманные образы. Я заметил, что лежу на узкой деревянной кровати, сквозь щели кое-где просовывались листья растений. Теплый ветер гулял по сараю. На полу лежал ка-

кой-то большой сверток. Я не знал, что в нем находится. Мое внимание привлёк открытый дверной проём. Я попытался встать и не смог. Тогда я представил, что мое сознание расширяется. минуя дверной проём и устремляясь наружу. Неожиданно дверной проём метнулся мне навстречу, и я оказался на улице, двигаясь по каким-то тропинкам. Я не чувствовал своего тела. Я знал, что двигаюсь, потому что мне навстречу неслись деревья, трава и потоки влажного теплого воздуха. Вдали мелькнула лента реки, за ней возвышались небольшие пологие горы, покрытые пышной тропической растительностью.

Я почувствовал, как кто-то трясёт меня за плечи. Видение исчезло.

— Ты видел этот лес? — донёсся до меня голос Ли.

— Да. Учитель.

— Ты видел это жилище?

— Да. Учитель.

— Вот тебе ещё одно применение медитации воспоминания. Она нужна для того, чтобы ощутить себя другими людьми, — будничным голосом сказал Ли. — Когда ты научишься хорошо это делать, ты всегда сможешь представить себя на месте другого человека и понять его боль, его желания, его хитрости. Ты сможешь вспомнить то, что помнит этот человек, если достигнешь вершины четвертой ступени.

— О каких ступенях ты говоришь?

— Ещё рано разговаривать об этом. — как-то вяло сказал Ли.

Мне показалось, что он устал, хотя я не мог представить его уставшим.

Мы шли молча, неторопливо, не мешая друг другу. Меня охватило чувство спокойствия и умиротворения. Я подумал о том, как прекрасно идти рядом с таким удивительным человеком, дарующим мне хотя и ненужные, но такие прекрасные знания о себе и о мире.

— Как это ненужные? — вдруг с наигранным возмущением спросил Ли.

— Ты что, подслушиваешь мои мысли?

— Ну что ты, подслушивать нехорошо. Да и какая разница, откуда я знаю. Может быть, ты просто говоришь вслух — хихикнув, сказал он.

— Я подумал о том, что для повседневной жизни в принципе не нужны все эти ухищрения и тренировки. И мне кажется, что для рукопашного боя не нужно такое количество медитаций.

— Все зависит от того, что ты хочешь построить и как собираешься жить. Можно жить в хижине и быть довольным жизнью. Можно жить во дворце и быть несчастным. При этом ты можешь управлять или не управлять своими эмоциями. Более того, ты можешь быть счастливым и не знать об этом, или же ты можешь быть несчастным и даже об этом не догадываться. Ты можешь довольствоваться тем, что у тебя было, и может случиться так, что ты был абсолютно счастлив, не зная истины, но со временем, познав истину, ты будешь жалеть себя, счастливого тогда, предпочитая быть несчастным с истиной, чем невежественным, но счастливым.

Что-то неуловимое промелькнуло в моем сознании. Это напоминало то, что японцы называют сатори, момент просветления. и я вдруг осознал то, что хотел сказать Учитель этими туманными фразами. Я понял, для чего нужен процесс познания искусства как такового. Процесс был так же важен, как и результат. Именно процесс познания позволял человеку максимально реализовать все свои возможности в общении с окружающим миром. Именно в познании мира заключалось основное удовольствие познающего. Так или иначе каждый из нас по-своему выполняет свою роль и по-своему познает мир. Миру безразлично, как ты это делаешь, и только тебе самому важно на том или ином этапе своего существования понять всю глубину возможностей, необъятную глубину наслаждения, таящуюся в совершенствовании твоих отношений с окружающим миром.

— Кажется, ты меня понял, —ласково улыбнувшись, сказал Ли. —А я еще даже и не успел объяснить. Вот почему я взял тебя в ученики.

— Ли, я читал много мистических и эзотерических книг, — сказал я.—Там были описания разных медитаций, но то, что показываешь мне ты, ни на что не похоже. Почему медитации, подобные твоим, нигде не описаны?

—Людам становятся известны, в основном, лишь религиозные медитации. Но это не более чем ритуалы, предназначенные для достижения определенных целей. Выполняя религиозные медитации, ты в первую очередь служишь целям тех, кто создал эти ритуалы, а не своим собственным целям. Люди, посвящаемые в религиозные таинства или исполняющие религиозные ритуалы, лишь слегка прикасаются к огромной Истине,

но для них существует лишь узкий коридор общения с ней. Они находят крошечное зернышко истины и называют его божественным. Но Истину нужно воспринимать во всем ее многообразии. ибо божественное внутри нас и вокруг нас. оно является частью нас и мы являемся частью его.

Божественное—это не конкретная форма, это не наличие чего-либо, это все и ничего одновременно. Это все в процессе вечного преобразования, и, постигая окружающий мир, ты познаешь и самого себя. Со временем ты тоже начнешь следовать форме, и ты будешь выполнять специальные медитации, близкие к религиозным, но сейчас ты счастливый человек, ты познаешь мир в нетрадиционных медитациях.

—Ли. мне кажется, что знания, которые ты даешь, очень сумбурны. В них нет системы или схемы действия. Я боюсь запутаться, не запомнить или неправильно понять то, что ты объясняешь.

—Твой европейский ум вечно хочет быть втиснутым в какие-то рамки, действовать в пределах каких-то правил, и даже окружающий мир и меня заключить в ту же схему. Когда ты идешь по глухому незнакомому лесу, ты не знаешь, что тебя ждет впереди и что именно ты будешь есть завтра, поэтому ты специально не готовишься к потреблению пищи. Если ты находишь что-то съедобное, ты съедаешь это. Ты не должен готовиться к потреблению пищи, ты должен учиться усваивать. Воспринимай жизнь точно так же. ТЫ не можешь заключить ее в жесткую схему и потреблять по своему усмотрению. ТЫ должен уметь двигаться по жизни так же профессионально, как охотник по дремучему лесу и уметь усваивать то, что подбрасывает тебе жизнь. Беда европейцев и одновременно их сила заключаются в том, что они пытаются все упорядочить, но упорядочивая, они углубляются в детали и теряют картину мира, как в русской пословице—«за деревьями не видеть леса». Сейчас я учу тебя видеть лес. Придет время, и ты увидишь дерево.

Мы шли по тихим улочкам старого города. Ли знаком указал мне завернуть в пустынный двор.

— Сейчас я покажу тебе пару уловов воина. — сказал он. Учитель подобрал округлый камень, валяющийся около подвальной решетки, положил его на ладонь, не охватывая его и не придерживая пальцами, и начал выполнять рукой плавные быстрые

движения. Камень, казалось, прилип к его ладони. не падая за счет силы инерции, даже когда ладонь находилась сверху.

— Это—упражнение с яйцом каменной птицы, — сказал Ли. — Оно формирует у тебя ощущение правильного движения, потому что, если ты ошибешься, камень упадет. Для этой группы движений очень важны плавность, скорость и точность. ТЫ не должен охватывать камень. Ладонь лишь слегка огибает его, чтобы камень не соскальзывал с нее, но пальцы не должны его придерживать, и главное—избегай резких остановок.

Ли снова продемонстрировал серию движений инь и ян в различных кругах, удары, захваты и перехваты. Камень все время свободно лежал на ладони его руки.

— Дай попробовать. — попросил я. Я попытался воспроизвести движение вверх и вниз по полукругу и быстро уловил ритм, необходимый для того, чтобы камень удерживался на ладони.

— Постарайся запомнить ощущение, возникающее в глубине руки, —услышал я голос Ли.

Я уже обратил внимание на странное ощущение тяжести камня, немного разламывающее, свербящее, передающееся от ладони вверх по предплечью. В середине движения Ли убрал камень с моей ладони и крикнул:

— Продолжай, продолжай. Не теряй ощущение камня. Несмотря на отсутствие камня, чувство тяжести осталось, словно он все еще находился на ладони. Мои движения не изменились и продолжались в том же ритме по тем же траекториям.

— Теперь попробуй пустить ощущение вглубь, — сказал Ли. Я сосредоточился на чувстве тяжести и направил его вверх по руке. Оно ушло под мышку, потом кольнуло в боку. сосредоточилось в животе и вышло через ногу. Все это произошло как бы само собой.

—Ты талантлив,—грустно сказал Ли.—Ты не оставляешь мне возможности для работы.

— Что ты имеешь в виду?

—Ты знаешь, что я имею в виду,—ответил он. Техника упражнений с яйцом каменной птицы показана мной в видеофильме «Коготь каменной птицы» и описана в учебниках по Шоу-Дао. Приблизительная классификация психофизических упражнений, о которых будет говориться дальше, приведена на странице 15 в книге «Тысяча и один урок

боя короткой палочкой».

— Упражнения с яйцами каменной птицы помогут тебе сэкономить месяцы тренировок по освоению техники движений,

имеющих центробежную и центростремительную основу, — сказал Ли.

— Но то, что ты научился пропускать ощущение каменного яйца, лежащего на твоей ладони, через свое тело. позволит тебе передавать свои ощущения другому. Это можно использовать и в бою. и при лечении. Как это делается, я расскажу тебе потом. Сейчас у нас другие заботы.

Он неожиданно резко ударил меня ладонью по лицу. Я успел отреагировать, но опоздал и лишь задел его руку, уже после того, как она отдернулась. Ли по нескольку раз в день устраивал мне подобную трепку, начинающуюся с оплеухи, чтобы научить меня мгновенно переходить от лирически-созерцательного настроения к агрессивности дикого зверя, познавая на самом себе весь психологический накал настоящего боя.

Иногда мне удавалось ответным ударом слегка коснуться тела Ли, но это всегда было лишь слабое касание, и у меня возникало подозрение, что он специально позволял мне ответить в тех или иных ситуациях, чтобы при аналогичных обстоятельствах боя с человеком, менее опытным в боевых искусствах, я мог бы поразить своего противника. Это позволяло мне избежать комплекса неполноценности, потому что он не забивал меня. вынуждая только защищаться, а учил, несмотря на боль и жесткое воздействие, выискивать удобные моменты для атаки, не сосредотачиваясь лишь на пассивной защите, которая в конце концов привела бы к поражению.

Закончив нашу схватку, я, тяжело дыша, неслушающимися руками привел в порядок запыленную одежду, и мы снова отправились бродить по городу.

Два дня спустя мы со Славиком приехали на Партизанское водохранилище. Ли обучал нас серии упражнений со звездами и луной.

В этот вечер была очередная звездная тренировка. Эти упражнения преследовали две основные цели: первую—выработать чувство легкости, умение поднимать вверх тяжелое и таким образом облегчать нагрузку на ноги. сосредотачиваясь определенным образом на чуть приподнятых мышцах груди и плечах. Ли дал мне задание вращаться около дерева, выполняя движение по лапкам паучка. Техника «паучков»—это движения по схемам направлений

перемещений относительно противника, преследующие различные цели, но, как правило, они завершаются поворотом вокруг оси тела исполнителя на угол от 180° до 360°. Подробнее о технике «паучков» рассказано в книге «Кунг-фу. Формы Шоу-Дао».

Я должен был двигаться по лапке паучка с поворотом на 360°, одновременно удерживая в поле зрения верхушку дерева. около которого я тренировался, и сверкающую над ним яркую звезду. Вращаясь, я поднимал тяжелую ци вверх, из ног в грудь и плечи так, чтобы энергия раздувала меня, как воздушный шар, вызывая чувство легкости и желания взлететь к звезде. притягивающей меня к себе, как магнитом, своим ровным голубым свечением.

Хотя у меня был хорошо развитый вестибулярный аппарат. это упражнение далось мне нелегко. Чувства легкости действительно возникало, но меня отвлекали тошнота и головокружение, вызванное быстрым продолжительным вращением. Не знаю, сколько минут я крутился до того, как упал на землю. Меня вырвало. Ли привел меня в чувство оплеухами, болезненным нажатием на точки и резким окриком заставил встать и продолжить упражнение. Я вращался, пытаюсь не отключаться, а он гортанным голосом выкрикивал команды, поддерживающие во мне сознание и помогающие мне стать легким и невесомым. Я падал несколько раз, меня рвало, но Ли снова и снова заставлял меня вернуться к выполнению упражнения. В последний раз я вращался почти в состоянии транса, ничего не соображая, тело, казалось, потеряло вес, осталась только пустая оболочка,двигающаяся под действием неведомых сил, возвышающаяся над ней верхушка дерева и небо с яркой мерцающей звездой.

— У тебя легкие ноги. ты невесом. Ты двигаешься легко, как мысль. —крикнул Ли и дал мне знак начать схватку со Славиком. Тот тоже выполнял упражнение около соседнего дерева, и, увидев его лицо, я смог представить, как сейчас должен выглядеть я сам.

Мы рванулись друг к другу, и меня поразила невесомость моего тела. Ноги несли меня почти без мышечных усилий. Казалось, что легкая, но непреодолимая сила, заключенная в моей груди и плечах, направляет меня и является источником движения.

Еще одним из ночных упражнений было созерцание лун. Мы должны были научиться разделять луну на несколько изображений и видеть две, три, четыре, восемь лун и так до бесконечности. Добиться этого можно было определенным образом

скашивая и прищуривая глаза или слегка увлажняя ресницы. Луны множились рядами, словно раскладываясь на огромное количество составляющих. Учитель не объяснил тогда, для чего было нужно это упражнение, но меня очаровывал и завораживал сам процесс созерцания светила, раздробленного на алмазные кусочки, которые множились и перестраивались, повинаясь незаметным движениям твоих глаз.

Славику это упражнение давалось немного хуже, чем мне. Он мог видеть только восемь лун, больше не получалось, и это его расстраивало.

— Попробуйте понять суть луны. пропустить ее через себя, — сказал Ли.

Мы медитировали. Славик сидел на земле, вытянув ноги вперед и опираясь на руки.

— Я немного научился раздвигать луну. но я никак не могу пропустить ее через себя, не могу стать ею, — грустно пожаловался он. немного заикаясь.

Ли подошел к нему и присел на корточки за его спиной.

— Посмотри, какая луна красивая, — мягко сказал он. — Сейчас она спустится к тебе, она уже идет к тебе, она охватывает тебя всего.

Я отвлекся от выполнения упражнения и замер, наблюдая за ними.

— Не правда ли, она похожа на женщину, — тихим голосом сказал Ли. — На красивую недоступную женщину, которая сейчас войдет в тебя.

Тело Славика изогнулось и содрогнулось несколько раз. Потом я узнал от него, что он испытал сильнейший оргазм. Луна превратилась в прекрасную бледную женщину, которая приблизилась к нему, вошла в его ноги и прошла через его тело. Потом она снова вошла в него, но уже со стороны головы, и вышла из ног. Когда сладострастные конвульсии перестали сотрясать тело Славика, луна вновь стала бледным сияющим диском и вернулась на свое место на небе.

— Ты познал суть луны, — спокойно сказал Учитель. — Насладись общением с ней.

Ли жестами дал мне задание выполнять бой с тенью и удалился в лес. Чтобы не мешать Славику, я избрал медленную форму тренировки. Я сокрушал нападающих на меня из темноты невидимых противников самыми невероятными приемами. уворачиваясь от их хитроумных ловушек, от атак

дубинками, ножами и цепями.

Славик продолжал сидеть неподвижно, глядя на луну. У него было вымученно-мечтательное и немного оторопелое выражение лица. Я однажды уже видел у него на лице такое выражение. Мы тренировались в лесополосе в Богдановке, я нечаянно выбил ему палец и должен был вправить его. Славик молча терпел боль, был абсолютно спокойным, но вдруг он как-то расслабился, на его лице появилось то же самое выражение, и он упал в обморок.

Я понял, что Славик вот-вот упадет в обморок. Я подскочил к нему и начал бить его по щекам, чтобы привести в чувство. Постепенно выражение лица Славика стало изменяться, он по-прежнему смотрел на Луну, но его взгляд стал более осмысленным.

Подчиняясь внутреннему импульсу, мы поднялись с земли и начали тренироваться. Мы отрабатывали контроль за руками противника, постоянный контактный контроль, не позволяющий его рукам приблизиться к твоему телу или выполнить какую-либо технику. Потом мы перешли к другим упражнениям и закончили медленным спаррингом. Мы прозанимались несколько часов. Ли в ту ночь так и не вернулся.

Утром мы сварили уху, выпили чай и отправились домой. Хотя мы не спали всю ночь, мы ощущали необычайный внутренний подъем, словно из нас изливалась и била через край жизненная энергия, позволяющая нам полнее воспринимать окружающий мир. Мы шли молча. Разговоры были не нужны. Нам было достаточно того, что мы вместе.

Около автобусной остановки находился огороженный высоким забором колхозный сад. Мы решили набрать немного фруктов. Славик разогнался и одним прыжком, зацепившись за верхнюю перекладину ворот, перемахнул на другую сторону и побежал по дорожке сада. Я, подойдя к воротам, лениво толкнул одну из створок. Она распахнулась. Я медленно вошел внутрь и, оглянувшись, увидел, как народ на остановке, с интересом наблюдавший за нашими маневрами, буквально корчится от смеха...

ГЛАВА ХУ

Конец недели Ли предложил мне провести в лесах Партизанского водохранилища. Сначала мы просто отрабатывали различные боевые техники, потом присели отдохнуть.

— У тебя неплохо идут упражнения с пульсами.— сказал он. —*Ты* уже вплотную подошел к тайнам аутодвижений. Сегодня ты будешь учиться через медитативные упражнения активизировать свою двигательную сферу.

Учитель велел мне развести костер и встать так, чтобы огонь располагался к востоку от меня.

— В данном случае направление не имеет никакого значения,—сказал Ли.—**ТЫ** стоишь так, как предписывает ритуал. Но есть и другие упражнения, выполняемые около огня, когда направление и поза тела играют очень важную роль, потому что оказывают влияние на физиологические процессы твоего организма. Теперь расслабься и сосредоточься на ощущении мощного тяжелого пульса, каплей стекающего из запястья в кисть и наполняющего ее подобно вязкой жидкости. Представь себе, что жизненная сила заполняет твою руку, и эта жизненная сила одновременно и легкая, и тяжелая.

Подобно горячему газу, наполняющему оболочку воздушного шара, она обладает и силой, распирающей твою кисть, и тяжестью, тяжестью проникновения, тяжестью внедрения в твою руку. Но жизненная сила дает тебе и легкость, потому что, несмотря на то что она вызывает ощущение тяжести в кисти, она все равно гораздо легче, чем воздух. С каждым ударом пульса все больше жизненной силы прольется в твою руку, и рука будет подниматься все выше и выше.

Ли замолчал, наблюдая, как я выполняю упражнение. Прежде чем сесть около костра, он сделал последнее замечание:

— Повернись так, чтобы твоя рука была направлена в сторону костра.

Я сделал пол-оборота вправо, начиная упражнение, как всегда рекомендовал Ли, с левой руки. Первое ощущение прибывающего и нагнетающего напряжение пульса было не совсем приятным, но я, стараясь не реагировать на это, продолжил упражнение. Через несколько минут я с удивлением заметил, что моя рука немного поднялась, хотя я не прикладывал никаких мышечных усилий, чтобы

добиться этого. Я обратил внимание, что в такт ударам пульса рука слегка подрагивала и медленно поднималась вверх.

Ли готовил пищу, сидя на корточках у костра.

—То, что ты видишь,—аутодвижение пульса.—сказал он.

Впоследствии в упражнениях по аутодвижениям ощущение новизны стерлось, и я относился к ним довольно равнодушно. но в тот момент мне показалось чудом, что рука могла подниматься сама, без усилия мышц. под влиянием лишь представления.

Рука поднялась до уровня плеч. Мое сознание как бы раздвоилось: с одной стороны я, как прилежный ученик, старательно выполнял упражнение, а с другой стороны, во мне присутствовал трезвый и холодный аналитик, со стороны взирающий на происходящее.

Я. сосредоточившись над упражнением, в то же время с удивительной остротой впитывал образы окружающего меня мира: Ли, аккуратно нарезающего помидоры и колбасу на бумаге, постеленной на досках, костер, чадающий из-за брошенных туда свежих веток, резкий залах дыма. когда ветер дул в моем направлении, таинственность ночного леса и водоема, влажность которого чувствовалась в воздухе, загадочность ночного неба и того. что происходило со мной. Все вместе это составляло удивительную и прекрасную картину, вызывавшую во мне восторг наслаждения красотой природы и ощущение оставившегося времени.

Когда рука поднялась почти вертикально. Ли резким движением поднялся, подошел ко мне и очень сильно ударил по кисти руки.

—Достаточно. —бросил он. даже не взглянув на меня. Я в недоумении растирал ушибленную руку.

—Разотри руку от плеча, кисть ты уже растер. Быстро разотри всю руку и садись есть.

Ли разлил по кружкам чай. настоящий на зверобое и других травах, и заботливо подал мне кружку.

—Удивляют меня европейцы,—заявил он. отхлебывая чай. —Никогда они не задумываются о названиях трав и пьют что попало. Взять, например, зверобой. Раз его так называли, навер-

няка трава ядовитая и может повредить. Так нет же. они обязательно без меры используют его в своем питании.

— Зачем же ты мне даешь чай из зверобоя?— поинтересовался я.

— Когда же ты его попьешь?—с нежной улыбкой отравителя сказал Ли, парализуя своей непоследовательностью все мои вопросы.

Не успел я допить чай, как Ли снова заговорил.

—Теперь твоя задача несколько усложнится.

— Что я должен буду делать?

— Ты больше не будешь концентрироваться на самом ощущении подъема. Попробуй сосредоточиться на своей правой руке, но представь, что она уже поднята и вытянута перед тобой.

Я снова встал около костра и сосредоточился на двух представлениях. Первым представлением был мыслеобраз вытянутой вперед руки. Я старался воспринимать эту воображаемую руку как реально существующую. Вторым представлением было воспоминание о самопроизвольно поднимающейся руке, стремящейся слиться с первым мыслеобразом.

Все это я выполнил с закрытыми глазами и достаточно быстро. Открыв глаза, я с радостью и удивлением увидел, что рука была вытянута перед моим лицом.

Ли снова подскочил ко мне и, резко ударив по руке, сказал:

—Таким образом ты каждый раз должен сбивать накопившееся ощущение аутодвижения, чтобы оно не приедалось организму и не оставляло вредных последствий.

— Какие могут быть последствия?—спросил я.

— Вредные последствия заключаются в том, что при аутодвижениях энергия ци начинает двигаться по другим законам и приобретает новые свойства. Она может лечить, но она может и причинить вред. Чтобы этого не случилось, чтобы эта ци не осталась нереализованной, ударом ее нужно выбить из руки, а руку растереть. Состояние, при котором генерируется ци аутодвижений, должно измениться на естественное, иначе аутодвижение может начать перемещаться по телу, активизируя различные группы мышц и тем самым нарушая общий баланс энергии в организме. При этом носитель остаточных аутодвижений иногда даже не чувствует их, но они могут стать причиной спазмов, судорог или застоя энергии.

Ли сделал паузу.

— А теперь, — добавил он торжественно. — я дам тебе ключи к отработке бесконтрольного удара.

— Что это такое?

— Бесконтрольные удары спасают тебя тогда, когда ты уже не можешь контролировать ситуацию.

Увидев недоуменное выражение моего лица. Ли понял, что я хочу задать еще несколько вопросов, но не решаюсь сделать это.

— Ну что. так и не решишься спросить? — усмехнулся он. — Ты непредсказуем. Иногда допрашиваешь меня. как турки американского шпиона, а то вдруг молчишь и смотришь, как престарелая монашка на первом свидании.

Я усмехнулся, представив себе свидание с престарелой монашкой. и понял, что Учитель пребывает в благодушном настроении и. возможно, снизойдет до более подробного объяснения. Так и случилось. Ли сказал:

— Представь себе, что ты ведешь бой с несколькими нападающими, и у тебя нет ни времени, ни сил, ни возможности отреагировать и противопоставить что-то новому противнику, который неожиданно выскакивает сзади и бросается на тебя с мечом. Ты хорошо представил эту картину?

— Да. — ответил я и поежился, вообразив, как холодный сверкающий меч разрубает мою горячую плоть от головы до паха.

— Теперь представь, что этот противник убит. ты не знаешь как. но убил его ты. даже не осознав этого. Ты удивленно смотришь, как он падает, твои противники не верят своим глазам. Тебя спасло аутодвижение. Без участия сознания твоя рука ушла на долю секунды из зоны своего сознательного движения. нанесла смертельный удар и тут же вернулась назад.

Говоря твоим языком, на *эту* долю секунды твоим телом управляло подсознание. Оно отдало приказ руке. и та выполнила его. Вот для чего в тайной практике воина необходимо упражнение. которое ты сегодня выполнял. ТЫ должен медленно отработать удар в аутодвижениях сначала рукой, а потом всем туловищем. В критические моменты этот удар по отработанным траекториям будет выполняться настолько быстро, что ты не заметишь, как твоя рука его нанесет, и будешь наблюдать только его последствия.

Окрыленный открывшейся перспективой, я продолжил тренировку. Теперь я сосредотачивался не на ощущении аутодвижения в руке, а на детальном представлении траектории уда-

ра. Вдруг мое тело дернулось, и я увидел, как рука сама выполнила нужное движение. То, что я почувствовал, можно было сравнить с ощущением движения во сне. В первые периоды обучения у Ли у меня появились удивительно яркие и реальные сновидения, когда я дрался с одним или несколькими противниками. Иногда у меня возникало чувство, что что-то сковывает меня, мешая двигаться, и тогда я заставлял себя двигаться волевым усилием, не за счет мышц, а именно представлением движения.

Чтобы закрепить успех, я представил другую траекторию удара, и моя рука почти мгновенно нанесла удар по этой траектории.

—Ли.—начал я.—скажи, почему в первый раз моя рука... Не дав мне закончить. Ли выхватил из костра дымящуюся головню и с размаху ударил меня ею по руке. Выражение ярости на его лице испугало меня больше, чем боль от удара.

— Сколько раз нужно напоминать, что ты должен делать со своими конечностями после аутодвижений, —закричал он.

Я понял «намеки» и принялся растирать ушибленную руку, начиная от плеча, и особенно сосредоточившись на кисти. Пройдясь по руке два раза вверх и вниз и похлопав по тем местам руки и туловища, где еще сохранялась память об аутодвижениях, я снова задал вопрос, на середине которого Учитель прервал меня.

— Ли, почему при первой попытке аутодвижение выполнялось медленно, потом пошло быстрее, а в последний раз было выполнено почти мгновенно?

— Все зависит от степени сосредоточения и скорости сосредоточения, а также внутреннего напряжения посыла. Ты уже знаешь, что это такое.

— Да, —ответил я.—Я это почувствовал.

— Я научу тебя лечить с помощью аутодвижений. Передав ощущение аутодвижения другому человеку, ты сможешь вылечить его. В период аутодвижения мозг спит, и оно посылает ци в то место, где необходимо присутствие энергии. В первую очередь ци направляется не в самое больное место, а в ту зону, которая больше всего тревожит твой организм. Так, например, ты можешь страдать тяжелым заболеванием, но оно не проявляется так остро, как боль в простуженных мышцах. Поэтому ци сначала направится к простуженным мышцам, снимет в них

воспалительный процесс и только после этого почувствует затаившуюся болезнь. Но иногда бывает и иначе, когда ци. по какой-то причине, мимоходом проходя по зоне хронического заболевания, уничтожает его, и только после этого начинает действовать в участке тела с более ярко выраженными болевыми ощущениями.

Ли отвлекся от своих рассуждений, наливая себе еще одну кружку чая. Он бросил в нее несколько кусков сахара и начал пить чай вприкуску, поглощая сахар кусок за куском. Учитель, совершенно забыв об аутодвижениях, принялся воодушевленно рассуждать о вреде сахара, красочно описывая разрушительное воздействие «белой смерти» на здоровье и умственные способности человечества.

Ли так великолепно копировал убежденность и интонации ярых поборников здорового образа жизни, что я слушал его импровизацию, затаив дыхание и почти позабыв об упражнении, которое только что выполнял. Ли всегда насмехался над последователями вегетарианства, аскетического образа жизни, особых диет или систем физических упражнений. Он говорил, что все проблемы человечества заключены в его сознании и что пытаться стать счастливыми, питаясь клубникой и рисом, так же глупо, как закапывать в землю золотые монеты, ожидая, что они принесут обильный урожай. Больше всего его развлекало то, что человек, додумавшийся до какой-то очередной «универсальной» диеты, ведущей к гармонии и просветлению, тут же стремился поведать о своем великом открытии всему человечеству, возводя помидоры или проросшую пшеницу на алтарь божества и заставляя других поклоняться ей.

Ли снова и снова показывал мне, что истина находится посередине. Я нигде не встречал более сложной и продуманной до мельчайших деталей системы питания, чем в Шоу-Дао. В идеале было необходимо питаться девять раз в день. очень маленькими порциями, каждый раз составляя рацион таким образом, чтобы поставлять в организм все необходимые ему компоненты. Тут было и мясо, и рыба. и коренья, и минеральные составляющие.

Ли говорил, что вопрос, придерживаться или нет правил. нужно всегда решать в зависимости от ситуации, и что сила его сознания может при необходимости уравновесить недостатки питания.

Хотя обычно он питался девять раз в день, согласно канонам учения, иногда он устраивал представления с поглощением пищи или сахара в стиле древних римлян.

Свой обвинительный приговор сахару Ли закончил, эффектно втоптав в землю последний кусочек «белой смерти». Потом

он сел на землю и монотонно замычал, издавая продолжительные вибрирующие звуки на одной частоте, подобно тому, как это делают индийские монахи, выпевая мантру АУМ.

Я не прерывал Учителя, с интересом наблюдая за ним. Его тело было неподвижным. Полуприкрытыми глазами он смотрел на свою руку, которая начала подрагивать, медленно приподнялась в воздух и стала выписывать причудливые, округлые фигуры. Звук словно сливался с движением, сопровождая его изменения, и я неожиданно понял, что звуком Ли регулирует направление и передвижение руки. Упражнение прервалось так же неожиданно, как и началось.

— Ты видел то, к чему еще придешь, но пока тебе еще рано выполнять это,—сказал Ли.—Сейчас ты будешь выпевать звуки. Сосредоточься на звуках, которые тебе нравятся. Пусть твое горло будет свободным и расслабленным, чтобы звук длился долго и отдавался в этих областях.

Он указал мне три зоны, с которыми я должен был работать.

— Я должен воздействовать на эти зоны поочередно или одновременно?

— И так, и так, —Ли скорчил гримасу. —Не задавай глупых вопросов.

Сосредоточившись на звуках, я попробовал выпевать гласные и согласные звуки, но гласные мне нравились больше, и я в основном выбирал их, лишь иногда перемежая их с некоторыми звучными согласными типа «м». «н» или «з», которые мне было легче пропевать. Звуки отдавались в моем теле, заставляя вибрировать отдельные его части. Я подобрал частоту, при которой завибрировали три зоны, указанные Учителем. Процесс медитации захватил меня. Сквозь опущенные ресницы я видел отблески костра, но его свет не отвлекал меня. Ли знаком дал мне понять, что я должен изменить области воздействия. Я менял тональность, и вместе с ней менялся характер вибраций, отдававшихся в нижней и средней частях живота, плечах, руках, ягодицах, в точках юн-цюань*, бай-хуэй** и хуэй-инь***.

* Юн-цюань—точка акупунктуры, расположенная в центре подошвы, на уровне 2/5 расстояния от конца II пальца до задней стороны пятки.

** .Бай-хуэй—точка акупунктуры, находящаяся на пересечении средней линии головы и вертикальной плоскости, проходящей через верхние кончики ушей.

*** Хуэй-инь—точка акупунктуры, расположенная посередине между половыми органами и задним проходом.

Я перемещал вибрацию на периферию своего тела так, чтобы она отдавалась в коже спины и внутри, где она заставляла сокращаться мышцы брюшного пресса.

Раньше я уже занимался звуковыми упражнениями, один или в группе со Славиком или с Ли. Пропевая определенные слога вместе, мы попадали в унисон, и возникало удивительное чувство воздействия звука на тело, какое иногда появляется в церкви при слушании органа или церковных песнопений. Вместе мы управляли звуком, заставляя его гулять по телу, опуская от головы до нижнего дань-тяня или мочевого пузыря.

Ли протянул ко мне руки и начал делать пассы. Я почувствовал, как мое тело попадает во власть приказов, диктуемых теплом и энергией, исходящими от его рук, и как оно повинуетя безмолвным требованиям.

Вариант подобной техники инициации у ученика аутодвижения можно увидеть во второй серии моего видеофильма «Коготь каменной птицы», посвященной технике Шоу-Дао. После групповой звуковой медитации я инициировал аутодвижения у одного из моих учеников, Александра Фурунжиева. Его тело после выполнения нескольких пассов попадает под власть аутодвижения, поток ци становится неуправляемым, захватывая все тело целиком и заставляя его выгибаться, вращаться по меняющимся траекториям с широкой амплитудой, вибрировать. и в конце можно видеть, как поток ци укрощается и как осуществляется вывод из состояния аутодвижений.

На первых фазах обучения ученика нужно вводить в состояние и выводить из состояния аутодвижений. Пока его тело не подготовлено, неконтролируемый поток ци может быть опасен и чреват неприятными последствиями, вплоть до саморазрушения организма. Но когда тело становится настолько здоровым, что позволяет энергии беспрепятственно циркулировать по нему, когда подсознание ученика умеет обуздывать и направлять энергетические потоки, он может в стрессовых или критических ситуациях переходить в состояние аутодвижений, и тогда силы его удесят�ряются, ци, действуя независимо от его сознания, позволяет двигаться гораздо быстрее, дает почти невероятную выносливость и практически превращает человека в неутомимого робота-берсерка. который работает на пределе своих возможностей, за

счет резервов внутренних сил. Конечно, подобные всплески энергии очень истощают, и потом требуется много времени и сил для восстановления, поэтому не сле-

дует злоупотреблять аутодвижениями и использовать эту технику просто для развлечения или чтобы проверить себя.

Сосредоточившись на звуке, я сразу не заметил, как мои руки, повинаясь пассам Учителя, поднялись и разошлись в стороны, потом сошлись вместе. Заставив мое тело проделать еще несколько движений головой, телом и ногами. Ли начал активизировать мою ци длинными пассами вдоль позвоночника. возвращаясь обратно со стороны боков или вдоль рук и снова спускаясь вниз. Это повторялось многократно. Я чувствовал холодок ци, исходящей от Учителя. Организм постепенно возбуждался, напряжение в спине усиливалось, становясь мучительным и навязчивым. Непроизвольными движениями головы я пытался избавиться от этого тягостного ощущения. Покачивания головы перешли в широкоамплитудные аутодвижения, разминающие больные плечи, застуженные когда-то во время ночевки на снегу.

Я чувствовал, как ци излечивает мои застуженные мышцы. аутодвижение казалось мне удивительно легким и приятным. Я провалился в состояние полудремы, краем сознания отмечая. как аутодвижение становится шире, распространяясь вниз. вовлекая в движение плечи и спускаясь вниз по позвоночнику. Начала вращаться верхняя часть туловища одновременно со спиралевидным движением шеи и волнообразным покачиванием позвоночного столба. Казалось, каждая часть тела двигается сама по себе. Руки размашисто двигались из стороны в сторону, ноги начали подпрыгивать, тоже перемещаясь в разных направлениях. Тело совершало встречные круговые движения, которые не мешали движениям рук и ног.

Верхняя часть туловища вращалась в одном направлении. нижняя—в другом. Амплитуда движений увеличивалась, я почти пошел в разнос. Колени начали вращаться по самым непредсказуемым траекториям, то врозь, то в одном направлении. Аутодвижение стало переходить в вибрацию. Меня затрусило. мышцы начали сводить судороги. Онемевшие пальцы до боли в суставах сжались в кулаки. Хотелось подпрыгивать, ударяя пятками о землю. Сжавшиеся челюсти давили друг на друга с такой силой, что казалось, что зубы вот-вот раскрошатся. Стала изменяться мимика лица,

искажаясь серией гримас, которые были приятными до умопомрачения, потому что они снимали годами накапливающееся напряжение мимических мышц. Лицо, наконец, расслабилось, выбрасывая стресс, усталость и болезни. Когда Ли новыми пассажами и похлопыванием по телу остановил поток аутодвижений, я, повинаясь четкому внутреннему импульсу, начал хватать и разминать участки тела, в которых чувствовался застой, выполнять массажные движения. Я ударял по этим местам, отдирая там кожу, кусал и массировал их. Некоторые зоны тела стали невероятно чувствительными. Они настоятельно требовали прикосновений только тыльной частью руки, потому что касание ладони вызывало в них неприятное чувство.

Когда все закончилось. Ли с усмешкой сказал:

— Ну и гримасы ты корчил, дружок. Заметил бы тебя кто-нибудь из-за тех кустов, он бы, наверно, в обморок упал. Учитель кивнул в направлении ближайших зарослей.

— Думаю, мне не стоит объяснять тебе принципы движения ци по организму в момент аутодвижения, потому что ты познал их на собственном опыте, — сказал Ли. — Запомни, если ты вдруг почувствуешь себя очень усталым, сожми челюсти и расслабься, и тогда вызванная сжатием челюстей непроизвольная судорога, уже неконтролируемая твоим организмом, но контролируемая на всякий случай твоим мозгом, так, чтобы можно было в любой момент прервать ее, вылечит тебя от усталости. То же самое касается и мышц лица. Когда ты даешь им свободу, они начинают напрягаться, выносить наружу и уничтожать последствия стрессов, за годы накопившиеся в организме. Они восстанавливают свои функции и одновременно с этим и функции внутренних органов.

Лицо—это половина тела. От него в нервную систему поступает столько же сигналов, сколько от всего тела. Вызывая судорогу в любой зоне, ты можешь таким образом воздействовать на мышцы, связанные с этой зоной, и лечить ее. Воздействуя на лицо, ты в первую очередь лечишь мозг, который у вас, европейцев, безнадежно болен. Вы слишком много думаете, но делаете это неправильно.

В будущем, чтобы избавиться от стресса или переутомления, ты должен сжимать челюсти и пускать на самотек судорогу лицевых мышц. Эта судорога

вылечит тебя от усталости, зубы своим давлением друг на друга будут воздействовать на внутренние органы. Ощущение сильного давления начнет перетекать из одного угла челюсти в другой.

Прежде чем закончить упражнения, когда ты почувствуешь, что челюсти сжимаются слишком сильно, нужно размять мышцы в углах челюстей, затем сделать несколько круговых движений нижней челюстью с максимальной амплитудой и не-

сколько дыхательных упражнений, имитирующих зевоту. Потом, расслабив мышцы лица таким образом, чтобы челюсть отвисла, нужно взять ее рукой и подвигать несколько раз из стороны в сторону, вверх-вниз, немного потрясти и закончить круговым движением. Навязывая расслабленной мышце движение извне, ты позволяешь еще больше расслабиться мышце, недавно пребывавшей в состоянии сильного напряжения.

Точно так же напрягая другие мышцы и доводя их до состояния судороги, ты можешь воздействовать на внутренние органы, связанные с этой мышцей, и лечить их. Если напряжение мышцы вызывает болевые или другие ощущения, например, покалывание, пощипывание, ощущение тепла или холода, нужно дополнительно воздействовать руной на эту зону. так как в ней невозможно полное напряжение мышц. Для лечебного эффекта лучше всего сочетать воздействие рукой с напряжением мышц. Так ты выгонишь болезни из тела. применяя один из приемов метода «воинов, городов, крепостей и путей».

— Ли, — спросил я, — как обучать аутодвижениям людей, менее подготовленных, чем я?

— Ты когда-нибудь играл в школе с ребятами, когда тебе прижимали руки к телу так, чтобы ты не мог поднять их?

— Как это?

Учитель подошел ко мне. схватил за кисти рун. прижал их к моему телу и скомандовал:

— Напрягись, сопротивляйся мне.

Я напрягся и вспомнил, что в школе мы действительно не раз играли подобным образом.

— Знаешь, я вспомнил эту игру.—сказал я.

—А теперь вспомни еще раз,—усмехнулся Ли и отпустил мои руки.

Несмотря на то что я уже расслабился, руки. все еще под впечатлением затраченных ранее усилий, взлетели вверх.

— Через это ощущение самопроизвольного подъема рук, повторяемого многократно, можно привести человека к пониманию аутодвижений. А вот еще одно упражнение.

Ли поднял мои руки до уровня плеч и резко нажал пальцами на точки над локтями, спровоцировав расслабленное рефлексорное движение рук к лицу.

— Я привел тебе два примера провоцирования

аутодвижений. К завтрашнему дню ты должен будешь придумать не меньше сотни упражнений такого типа.

Я уже не раз сталкивался с подобными максималистскими требованиями Учителя, который объяснял их тем, что, поскольку у нас нет времени и возможности соблюдать традиции, приходится действовать иными способами.

Например, при изучении движений боевых связок он сказал, что, следуя традициям школы, прежде чем узнать первый прием, ученики в течение трех лет учатся повторять за Учителем совершаемые им движения любой сложности и конфигурации. Только после этого переходят к изучению приемов.

— У европейцев.—говорил Ли, —основная проблема заключается в том, что они сосредотачиваются на применении движения, а не на его выполнении, и их очень трудно научить правильно выполнять движение, потому что обычно у них маленький двигательный опыт.

Под европейцами Ли понимал всех некоординированных людей любой расы и национальности, живущих в современных урбанизированных и слишком цивилизованных условиях. Это не было противопоставлением Востока и Запада, потому что с тем же ожесточением он называл европейцами китайцев, японцев и корейцев. Больше всего доставалось китайцем. Ли говорил о европейском типе мышления и образе жизни, яростно критикуя его отрицательные стороны, хотя и признавал у европейцев ряд положительных качеств.

В первые месяцы нашего знакомства я воспринимал его высказывания слишком лично, задумываясь над своими недостатками и пытаясь взглянуть на себя глазами более совершенного человека. То, что я открывал в себе, мне часто очень не нравилось, и я удивлялся, почему я не замечал и не понимал этого раньше.

Вернувшись домой, я достал литературу по аутотренингу и принялся отыскивать в ней все, так или иначе связанное с аутодвижениями. Зажав ручку в расслабленной кисти, я попробовал выполнять аутописьмо. Пальцы начали слегка подергиваться, потом движения стали сильнее, и рука задвигалась, вычерчивая на бумаге какие-то каракули. Расслабляясь все сильнее и сосредотачиваясь на разных образах, я выяснил, что моя рука без участия

сознания начинала писать фразы, относящиеся к этим образам. Постепенно почерк аутописьма становился все четче, рука стала скользить по бумаге с невероятной скоростью, исписывая страницу за страницей.

В свое время я прочитал несколько книг, которые, как утверждали их авторы, были написаны с помощью аутописьма

духами, вселяющимися в них. Одна из книг называлась, по-моему, «Записки живого усопшего», и ее автор женщина, фамилию которой я не помню, говорила, что ее рукой писал дух ее умершего знакомого, повествуя о своих загробных странствиях. Раньше я считал подобные истории обыкновенным надувательством, но теперь я понял механизм происходящего. Женщина, имеющая достаточно подвижную психику, входила в состояние аутописьма, и ее подсознание, в котором продолжал жить образ ее друга, заставляло руку фиксировать на бумаге все фантазии, связанные с ним.

Потом я потренировался в ауторазговорах, когда человек начинает произносить какие-то звуки или даже целые речи, не понимая, что он делает или говорит, словно его устами вещает дух или божество. Помня предупреждения Ли о том, что аутодвижения могут быть опасны, я на всякий случай вставил между зубов в углах челюстей две деревянные палочки, чтобы случайно не откусить язык. Вызвать аутодвижения языка оказалось легко. Он трепетал и бился о зубы и десны, провоцируя аутодвижения челюстей и гортани. Из моего горла вырывались странные звуки, челюсти двигались и сжимались, перемалывая деревянные палочки.

Выполняя еще одно задание Учителя, я постарался перед сном вызвать ощущение полета, но полета, провоцируемого не воображением, а аутодвижениями, возникающими во всем теле, связанными с ощущением полета. Для этого нужно было сначала вызвать легкие аутодвижения на поверхности тела, охватывающие его целиком, как вторая кожа, и потом перевести аутодвижения вовнутрь, представляя, что они поднимают тебя и уносят вверх.

Это упражнение впоследствии понадобилось при изучении боевой техники, потому что формировало навык взвешивать верхнюю часть туловища или облегчать его нижнюю часть при выполнении ряда техник, особенно фехтовальных.

В книге Джона Ф. Гилби есть рассказ о китайском боксере Чжоу Сю-лае, который мог изменять вес своего тела в ту или в другую сторону. Он мог прыгнуть из окна третьего этажа на деревянный настил и приземлиться абсолютно беззвучно, с легкостью перышка. Другим упражнением, которое демонстрировал Чжоу, было увеличение веса. Он

стоял спокойно, держа руки у бедер, но, несмотря на то что он весил всего лишь около 60 кг, Гилби не удалось его даже чуть-чуть оторвать от пола. Не смогли поднять Чжоу и вдвоем, хотя, судя по его виду, он даже и не напрягался. Техника, которую использовал Чжоу заключалась в вызывании аутодвижений. В первом случае— аутодвижений полета, облегчающих его вес, и во втором случае — прижимающих его к земле. Ту же самую технику я продемонстрировал в учебном видеофильме «Укрепление ростка инь». посвященном работе с сексуальной энергией.

Сосредоточившись на ощущении аутодвижений полета, я, как сторонний наблюдатель, отрешенно следил за движениями и пируэтами, которые совершало мое тело. хотя в действительности я неподвижно лежал на кровати. Постепенно я погрузился в глубокий спокойный сон.

В дальнейшем ощущение полета использовалось в активизирующих медитациях и упражнениях по наращиванию внутренней энергии и концентрации ци.

Чтобы научиться вызывать в медитациях ощущения полета нужно было запоминать чувство, возникающее при многократном падении на спину на мягкую поверхность. Падение на спину было одной из форм полета. Больше всего мне нравилось падать с большой высоты спиной в воду. Инстинктивный страх падения на спину возбуждал потоки ци. которая самопроизвольно бросалась то в ноги. то через копчик по позвоночнику вверх к точке бай-хуэй. охлаждая и возбуждая спину щекочущей вибрацией. Я падал вниз снова и снова, запоминая ощущение полета. Это ощущение было ключом к спонтанному проявлению ци.

Ли объяснил, что ощущение полета или падения на спину напрямую связано с аутодвижением, потому что ци в этот момент так же свободно активизировалось и начинало свой путь по телу. Ощущение продолжительного, длительного падения назад применялось и в омолаживающей медитации.

Давая очередную связку или комбинацию для рукопашного боя. Ли в первую очередь заставлял обращать внимание на сущность данной техники, на ее переплетение с другими техниками и их взаимопроникновение. Ли требовал умения мгновенно определять принципы, на которых было основано то

или иное движение, причем принципы как функциональные, так и чисто двигательные, координационные, на основе которых происходили усиление движения, изменения его направления, переориентация в пространстве и многое другое. Немало внимания уделялось комбинаторике и ситуационному применению движений.

Например, показав мне защиту выбрасыванием руки вперед, Ли требовал использовать ее почти без подготовки против оружия (палки, ножа), против ударов конечностями по разным траекториям и против попыток захвата. Потом начинался этап срачивания защиты с контратакой для достижения максимальной эффективности движения.

Ли заставлял меня подробно разбирать все—от элементарных до самых сложных вариантов техник. Он демонстрировал мне прием, и я должен был тут же его воспроизвести и подробно проанализировать. На первых порах мне это не удавалось, и Учитель давал мне в качестве задания на дом продумать все возможные варианты применения показанной техники. Дома я обдумывал технику, выделяя принципы, на которых она основывалась, рассматривал ее связи и комбинации с другими техниками.

Впоследствии разбор техник начинался сразу. Стандартными требованиями Ли было превратить удар в защиту и защиту в удар, использовать одно и то же движение для освобождений от захвата, нанесения удара, для защиты, выведения из равновесия, обезоруживания и т.д.

Ли создавал ситуацию по определенному сценарию, когда я должен был выбрать наиболее выгодный момент для применения той или иной техники.

Однажды, в момент редкого для Учителя порыва откровенности, он мне признался, что подобная форма обучения необходима для меня как для будущего Хранителя знания, чтобы основные принципы, преподанные мне, могли быть использованы не только для обучения системе рукопашного боя Спокойных, но и для свободного манипулирования ее арсеналом и, в конечном счете, для ее развития.

— По традиции, —говорил Ли, —ты должен был бы повторять за мастером движения от самых простых до самых сложных в течение нескольких часов в день, и лишь потом, когда твое тело было бы готово к познанию, ты бы начал учиться использовать движения с той или иной целью. По традиции очень важно, чтобы ученик в начале обучения не наделял движения боевым смыслом, а относился к ним просто как к движениям, приучая к ним свое тело, выделяя особенности их усиления и управления ими. Только спустя несколько лет ученик начинает познавать принципы использования движений для защиты или атаки,

управления линиями концентрации и учиться применять живущий в нем арсенал движений на практике, в ситуациях, создаваемых для него Учителем.

Большое внимание в начальном обучении Ли уделял интуитивной наработке определенных навыков. Примером подобной интуитивной наработки может служить известная притча об ученике знаменитого фехтовальщика, которого Учитель каждый день избивал палкой до тех пор, пока тот, без всякой техники, только используя свои интуитивные возможности, научился защищаться и уворачиваться от ударов. Только после этого Учитель показал ему первый прием.

Таким образом, существуют два подхода к обучению боевым искусствам. Первый подход требует абсолютного послушания, полностью подавляя инициативу ученика и запрещая ему сделать хотя бы один шаг в сторону. При обучении такого типа ученик слепо следует за Учителем и повторяет увиденные им уроки, совершенствуясь в них.

Другой подход основывается на интуиции и инициативе ученика, на полной реализации его внутренних возможностей. Учитель строит процесс обучения с учетом структуры личности обучаемого, так, чтобы в первую очередь реализовать врожденные и уже приобретенные качества и преимущества ученика, и потом этот каркас возможностей он начинает дополнять иными техниками в порядке наиболее эффективного их усвоения.

Одним из принципов обучения, помимо развития интуитивного, комбинаторного и ситуационного мышления, было параллельное изучение техник, когда одновременно с тем, что он может выполнить сегодня, ученик изучал технику «завтрашнего дня», то, что он сможет выполнить только через несколько лет, и то, что он не сумеет сделать никогда. Вместе с простыми техниками я запоминал упражнения максимального уровня сложности. Эти супертехники должны были заставить меня по-новому переоценить свои возможности, выработать новый взгляд на воинское искусство. Сверхсложные техники вводились не как элементы боя, а как упражнения, и ученик, пытаясь выполнить нечто, превышающее его возможности, подготавливался к качественным скачкам в более простых и доступных ему техниках.

ГЛАВА XVI

Я старался не упоминать о Ли в разговорах со своими друзьями и учениками и, если показывал им какие-то техники или приемы, которым Ли меня обучал, никогда не говорил об источнике или системе, откуда эти приемы появились. Обычно я объяснял, что выдумал это сам или слегка видоизменил какую-нибудь известную технику. Как правило, моих знакомых удовлетворяли такие объяснения, но я не учел, что сотрудники КГБ не будут так легковжны. В то время я вел определенную работу с офицерами госбезопасности, о которой я не могу здесь рассказать. и, кроме того, я сначала в малом зале «Динамо», а потом в большом спорткомплексе «Динамо» вел факультативные группы сотрудников милиции, прокуратуры и госбезопасности. Также у меня тренировались некоторые люди из обслуживающего персонала спорткомплекса, и они так хорошо ко мне относились, что поздно вечером меняли для меня воду в бассейне, чтобы я мог прийти и поплавать в свежей, чистой воде.

В то время КГБ интересовало все, относящееся к боевым искусствам, но еще больше Комитет интересовался теми, кто эти искусства распространял. Следить за деятельностью таких наставников было нетрудно, потому что сведения об их связях, техниках и личной жизни, правда зачастую сильно искаженные и преувеличенные, с быстротой лесного пожара распространялись в среде поклонников рукопашного боя.

Комитетчики начали подозревать, что существует неизвестный им человек, который меня тренирует, и что этот человек по уровню мастерства превосходит всех иностранных студентов и тренеров, состоящих у них на учете. По молодости лет я не задумывался о последствиях, показывая им техники Ли и называя их никому не известными и непривычными словами. На вопросы, откуда я это знаю, я отшучивался фразами типа:

«Все во всем, все вокруг нас и все внутри нас, и надо, мол, улавливать информацию из воздуха».

Часто мои собеседники продолжали настаивать, тоже стараясь вести беседу в шуточном ключе, но я улавливал в их голосах определенную напряженность и не спешил быть откровенным.

Однажды я встретился в городе со Славиком,

чтобы вместе поехать на Партизанское водохранилище, где нас ожидал Ли. Утром того же дня у меня был очередной разговор с комитетчиком, интересовавшимся источником моих знаний.

После этого разговора я никак не мог избавиться от гнетущего беспокойства. Я понял, что о системе Ли и ее философии Комитету абсолютно ничего не известно, и это заинтересовало меня.

Я раньше задавал Ли вопрос, почему никто никогда не слышал о его школе, и он вскользь ответил, что наиболее сильное и эффективное искусство всегда было тайным, что в тайные кланы был достаточно жесткий отбор учеников, знания передавались далеко не каждому, освоить их было трудно, поэтому разным людям давались разные части знания. Учение разбивалось на части, что тоже не способствовало его распространению.

Ли тогда сказал, что мир завоевывают простейшие формы, которые кажутся человечеству панацеей, но на самом деле не имеют внутреннего содержания, достаточного для того, чтобы быть гармоничными. Я думал о том, что до сих пор не знаю, откуда пришло это учение, кто такой Ли, откуда он появился, и каковы его реальные цели. Я не мог понять, почему все окутано такой глубокой тайной. Общие высказывания меня больше не удовлетворяли.

Я высказал свои сомнения Славику, на что он с присущей ему простотой ответил:

—Ты видишь, насколько это учение захватило тебя. Какая тебе разница, насколько глубоки его корни и откуда они исходят. Вспомни, что говорил Учитель—если ты идешь по пустыне, умирая от жажды, и вдруг увидишь родник, ты **не** будешь спрашивать, откуда он появился, а припадешь к воде, чтобы утолить жажду.

Я рассказал, что системой Ли, а возможно, и им самим заинтересовался Комитет и что все это меня беспокоит, потому что если они зацепятся за что-то, то уже не оставят в покое, стараясь добраться до Учителя любой ценой, и я не знаю, к чему это может привести.

— Будем учиться до тех пор, пока судьба дает нам такую возможность.—сказал Славик.

— Не знаю, стоит ли говорить Учителю о том, что Комитет им заинтересовался, — поделился сомнениями я. — Мне бы не хотелось его напрасно тревожить.

На самом деле я смертельно боялся, что из-за КГБ Ли временно или навсегда прекратит встречаться со мной. Думаю, что Славик вполне разделял мои чувства, потому что он, лицемерно озабоченный спокойствием духа Учителя, предложил ничего ему не говорить и посмотреть, как будут развиваться события...

Мы долго тренировались, выполняя комплексы «тяжелой руки» и "быстрых рук".

Когда Ли сказал, что пора отдохнуть, мы развели костер, приготовили пищу и чай с травами.

Тревога не отпускала меня. и, испытывая угрызения совести из-за того, что я не рассказал Ли про расспросы комитетчиков. чтобы немного себя успокоить, я спросил:

— Ли, если тебе будет грозить опасность, если кто-либо начнет преследовать тебя. ты сможешь ускользнуть от преследования?

—Тебе не кажется, что это довольно дурацкий вопрос?— усмехнулся он.

— Я понимаю, что дурацкий, но. может быть, ты ответишь на него?

— Все зависит от того. кто тебя преследует. Европейцы не умеют это делать, как, впрочем, и многое другое. Но если меня будет преследовать человек моего уровня, тут ни за что нельзя будет ручаться.

— Знаешь, есть пословица: чот тюрмы да от сумы не зарекайся.—продолжал я, слегка задетый его высказыванием о европейцах.—Скажи, ты смог бы, например, если нужно, обеспечить себе алиби, сделав вид, что одновременно находишься в двух местах?

—Такие техники существуют.—ответил Ли и замолчал, не желая далее развивать эту тему.

Через несколько минут он сказал, что отдых закончен, и дал мне задание отрабатывать технику «катящийся камешек» с разворотами на наклонной плоскости плотины.

Славику он приказал добраться бегом до грота, находящегося на расстоянии нескольких километров от нашей стоянки и там выполнять упражнение по подъему энергии, которое называлось «легкие

плечи».

Суть этого упражнения заключалась в том, чтобы сконцентрироваться на общем подъеме ци вверх, но подъеме легком, таком, чтобы возникало ощущение, что сотни воздушных шариков подхватывают тебя и твои руки, поднимают руки вверх, и ты чувствуешь уменьшение давления верхней половины тела на нижнюю. Создаваемое этим упражнением ощущение легкости позволяло быстрее осваивать и выполнять многие боевые техники, давая легкость и подвижность в движениях.

Я начал бегать на полусогнутых ногах по наклонной плоскости плотины, выполняя задание Ли, и через некоторое время прикинул, что Славик, наверное, уже добежал до грота и начал делать упражнение.

Тут я увидел Учителя, направляющегося ко мне. Приказав мне не прерывать занятия, он присел на землю и стал рассказывать о тонкостях управления кистью руки при переходе движений с круга на круг. о том, как накапливается энергия при движениях по кругам и как этой энергией управлять. Потом он заговорил о каких-то других техниках.

Я не переставал тренироваться. В практике обучения было обычным делом рассказывать ученику теоретический материал. одновременно заставляя его выполнять тяжелые физические упражнения. Эта методика позволяла развить у ученика предельную концентрацию внимания, мыслей и органов чувств на говорящем и на том, что говорилось. Мозг ученика приучался работать четко и ясно при любых видах физической и психологической нагрузки, при выдерживании боли, в моменты усталости и даже в полумедитативном состоянии. Эта методика позволяла осваивать многие техники с поразительной быстротой. Через несколько часов Ли сказал, что на сегодня достаточно и пришло время отдохнуть. Мы вместе прошли по гребню плотины до костра, который почти погас, хотя мы перед уходом положили в него несколько толстых стволов деревьев.

Я увидел подходящего к костру с другой стороны Славика и повернулся к Ли. чтобы сказать ему. как удивительно, что мы пришли к костру одновременно. К моему изумлению. Ли исчез, хотя я был готов поклясться, что мгновение назад он шел рядом со мной. Я начал озираться по сторонам, ища Учителя, и

заметил, что Славик тоже как-то странно оглядывается и вертит головой. Славик присел около костра и палочкой пошевелил угли. Я опустился на землю рядом с ним.

— Знаешь, сегодня был самый счастливый день в моей жизни,—неожиданно сказал он.—Учитель уделил мне столько вни-

мания, как никогда раньше. Все это время он просидел со мной в гроте, рассказывая об управлении энергией и других техниках, а потом вернулся сюда вместе со мной. Кстати, он дал мне задание обсудить это с тобой.

Удивление, которое я ощутил, трудно описать. Я забыл о наставлениях Ли всегда контролировать свою мимику, и, вероятно, на моем лице отразилась вся степень изумления, потому что Славик оторопел, глядя на меня, и спросил:

— Что с тобой? Ты выглядишь так, будто увидел перед собой приведение.

Немного придя в себя и проглотив слюну, я сказал:

— Видишь ли. дело в том, что Учитель все это время провел со мной, и мы пришли сюда вместе.

Славик рассмеялся, решив, что это была всего лишь шутка. Я продолжал стоять на своем. Он слегка рассердился. Выясняя, кто же из нас прав, мы дошли до того, что чуть не подрались, но вовремя опомнились и постарались успокоиться.

— Может быть, лучше мы спросим у Ли, где он был?—предложил Славик.

Мы помолчали, стараясь осмыслить ситуацию, и я понемногу свыкся с мыслью, что произошло что-то, выходящее за рамки привычных норм. Я очень хорошо знал Славика, поэтому понимал, что он не врет—он никогда меня не обманывал, и мы абсолютно доверяли друг другу. С другой стороны, я был воспитан в семье убежденных атеистов, у меня вообще не было никакой склонности к мистике, и любым непонятным событиям я всегда пытался найти наиболее трезвое объяснение. Славик тоже отличался здравым умом. Мы приняли тот факт, что Учитель одновременно находилось с каждым из нас в разных местах, но наш рассудок отказывался примириться с этим. Переживания настолько опустошили нас, что мы больше не могли говорить и сидели, тупо глядя на угли и ожидая прихода Учителя.

Он появился примерно через час.

— Где ты был в то время, пока мы тренировались?—спросил я.

Он ответил просто и тихо без обычно присущей ему ехидной улыбки:

— В саду. Мне тоже нужно время от времени отдыхать от вас. Я гулял по вечернему саду, любовался луной, кушал яблоки и размышлял о смысле жизни.

В его словах была спокойная торжественность, но

для нас это прозвучало как самое изощренное издевательство.

Мы буквально онемели. Я хотел что-то сказать и не мог. У нас вдруг пропало всякое желание задавать вопросы, и, надо сказать, я чувствовал себя полным дураком.

На следующий день Ли произнес только одну фразу, которая подвела черту под происшедшим.

— Наконец-то ты смог удержаться от несвоевременного вопроса. Это уже большой шаг вперед,—сказал он мне.

Примерно через год-полтора на том же самом месте произошло событие, повлиявшее на меня, возможно, сильнее, чем все, что случалось со мной раньше. После более чем полугодового периода практических непрерывных занятий с Учителем на Партизанском водохранилище мне удалось достичь состояния "серебряного тумана", что означало завершение первой большой ступени обучения Шоу-Дао.

Однажды Ли сказал мне, что, хотя мы встречаемся и тренируемся почти каждый день, для настоящего прогресса этого мало и предложил мне устроить так, чтобы мы могли находиться вместе достаточно длительное время и тренироваться непрерывно—днем и ночью. Трех месяцев летних каникул было недостаточно. Я ломал голову, пытаюсь найти возможность освободиться от занятий в институте, и неожиданно мне помог мой тренер по самбо. По его рекомендации я устроился на производственную практику в совхоз «Жемчужный». Вместо того чтобы совершенствовать и применять свои познания в сельском хозяйстве, я договорился (опять-таки с помощью моего тренера) с директором совхоза, что буду два раза в неделю вести все спортивные секции совхоза. Официально меня зачислили на должность помощника бригадира в бригаду виноградарей.

Мои обязанности универсального спортивного тренера заключались в следующем: один раз в неделю поздно вечером я приезжал в совхоз, вместе с местным физруком открывал спортзал и там, в жутком, холодном, совершенно непригодном для занятий помещении с сырыми, покрытыми грибок стенами, я давал группам молодежи задания по художественной гимнастике, боксу, борьбе, настольному теннису и еще каким-то видам спорта. Ночевал я в совхозе, на следующий день рано утром снова проводил занятия—и был

свободен до следующей недели. Иногда я на сутки уезжал домой. Таким образом 5—6 суток в неделю я был свободен.

Славик в то время работал милиционером и занимался, в частности, охраной Партизанского водохранилища. Мы с Ли и со Славиком поселились в лесу недалеко от плотины, и начался период очень жесткого и напряженного более чем полугодового обучения. Ли проводил занятия в ритме три часа—тренировки, три часа—отдых и прием пищи. Этот цикл повторялся непрерывно. Во время изнурительных физических занятий Ли заставлял нас выполнять медитативные упражнения и одновременно рассказывал обо всем на свете: об истории клана, его легендах и притчах, передавал медицинские знания, теорию общения и управления людьми, говорил о философии, системах жестов, тайных знаках, шпионских уловках и о многом другом. Все это делалось для того, чтобы приучить нас получать одновременно информацию из многих источников и уметь отдавать информацию нескольким источникам, научить ум, эмоции и тело работать в разном ритме, выполняя различные задачи, и действовать максимально эффективно в условиях сильнейших физических, психических и умственных нагрузок.

Мы выполняли медитативные комплексы, которые вводили нас в измененное состояние сознания и учились управлять им и действовать в нем так же эффективно, как и в обычной жизни. Состояние «серебряный туман» было на этом этапе своеобразным рубежом использования измененных состояний сознания.

В течение суток мы вели обычные циркуляционные тренировки, которые заключались в непрерывном повторении на большой скорости определенных движений в сочетании с глубоким дыханием и переходами с круга на круг. Мы имитировали движения Учителя, спарринговались и бились с тенью.

Однажды рано утром Славик ушел на дежурство, и мы с Ли остались одни. Он запретил мне есть и сказал, что сегодня я должен буду выполнить особое медитативное упражнение. В чем это упражнение заключалось, он не стал объяснять, а я уже привык не задавать никаких вопросов.

Ли велел мне принять позу для медитации и достал из сумки несколько бутылок с буровой жидкостью, открыл одну из них, плеснул немного жидкости в кружку и предложил мне выпить. Я выпил. Жидкость имела резкий неприятный вкус, и я подумал, что это

какой-то настой из трав. Ли сел напротив меня и начал выполнять звуковую медитацию. Он издавал долгие, протяжные вибрирующие звуки на одной ноте, время от времени меняя их высоту, тональность и интенсивность. Я делал то же самое, стараясь звучать в унисон с ним. Время от времени Ли наливал в кружку очередную порцию настоя и давал мне выпить.

Прошло три часа. Привыкнув к четкому ритму циркуляционных тренировок, я мог определить этот срок, не глядя на часы. Но сигнала к отдыху не последовало. Ли дал мне задание совмещать звуковую медитацию с вибрацией, направленной на активизацию ци. По его хлопку я, не переставая пропевать звуки, начинал вибрировать всем телом в ритме, задаваемом голосом Учителя. Иногда Ли подходил ко мне и хлопал меня по какому-либо участку тела, в котором была нарушена циркуляция ци и который требовал поэтому дополнительного воздействия. Я начинал бить, колотить, мять эти участки тела. Ли воздействовал на активные точки, заставлял меня выполнять другие медитативные упражнения, которые мы изучали раньше. Я все время пил настой и выпил его, наверное, несколько литров. К вечеру я вошел в состояние аутодвижений. Тело было легким и невесомым, оно двигалось само по себе, словно без участия рассудка и мышечных усилий выполняя необходимые упражнения. Мой мыслительный процесс остановился. Время, казалось, тоже остановилось, и только что-то внутри меня реагировало на команды и жесты Учителя.

Окружающий мир потерял четкость очертаний и стал отчужденным и незнакомым. Перед глазами возникала то ярче, то слабее прозрачная серебристая пелена, словно кто-то встряхивал передо мной прозрачную алюминиевую фольгу, отблески которой мелькали и перемешивались, как множество солнечных зайчиков.

За серебряной пеленой я увидел силуэт Ли, который жестами сделал мне вызов на бой. Я среагировал мгновенно, вернее, среагировало мое тело, бросившись на него. Мне показалось, что я двигаюсь очень медленно, я постарался двигаться быстрее, но у меня ничего не получилось. Я прыгнул к Ли, и этот прыжок, казалось, стал вечным, и тут я понял, что сейчас глубокая ночь. Вдруг эта ночь окрасилась равномерным зеленоватым с различными оттенками

цветом. Земля и деревья засветились, я видел, как светится мое тело и фигура Ли. Стало светло, как днем. Но это свечение меня не удивило и как-то вообще не затронуло, как будто было самым обыденным делом. Меня терзало чувство неудовлетворенности собой. Я должен был драться, но никак не мог заставить свое тело двигаться быстрее. Меня захлестнули отчаяние и ярость. И тут я понял, что Ли

тоже двигается очень медленно, почти с такой же скоростью, как и я.

В качестве тренировки мы часто устраивали медленный спарринг, когда каждое движение, каждый удар выполняются в 3—4 раза медленнее, чем в нормальном спарринге, для того чтобы ученик, уступающий Учителю в скорости движений, мышления и времени для принятия решений, успевал проводить необходимые технические приемы и учился думать и предсказывать движения соперника. Я был абсолютно уверен в том, что Ли жестом вызвал меня на бой на полной скорости, и я никак не мог понять, почему же мы двигаемся медленнее, чем в самом медленном спарринге.

Эта мысль промелькнула и исчезла. Я подпрыгнул вверх и с удивлением заметил, как медленно земля уплывает у меня из-под ног. Пытаясь достать ногами землю, я сделал ими несколько произвольных движений, словно вращая педали велосипеда. Движения выполнялись медленно, но земля приближалась ко мне еще медленнее. В этот момент что-то сместилось в моем сознании, и мне вдруг показалось, как в полусне, что я вращаю ногами с бешеной скоростью, но в следующее мгновение я снова двигался очень медленно. Не знаю, сколько времени продолжался бой. Это время показалось мне вечностью.

Я отражал удары Ли. проводил захваты, уходил от него. Мы катались по земле, нанося друг другу какие-то удары, но все это происходило как бы в полусне. Прижимаемые телом травинки, как при замедленной киносъемке, медленно распрямлялись. Когда я ударился о дерево и оттолкнулся от него, дерево вспыхнуло искрами. Я почти не ощущал собственного дыхания, усталости. боли. мышечных усилий. Звуки внешнего мира отодвинулись куда-то. Единственной реальностью в этом мире был только мой движущийся противник, мой Учитель.

Не помню, как я перешел в состояние сна, может быть, я просто отключился. Я пришел в себя примерно через сутки на рассвете. С трудом открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной Славика. Он улыбнулся, но его лицо было встревоженным. Славик заговорил со мной, но я не понимал смысла его слов. Я совершенно не чувствовал своего тела. не мог говорить и даже связно думать. Я отметил только, что

вокруг меня горели несколько костров, я был закутан в одеяла и обернут полиэтиленовой пленкой.

Славик говорил, что я сутки пролежал без сознания, что Ли только что отошел, буквально за минуту до того, как я открыл глаза. Я пытался вспомнить, что произошло, но не мог, и я снова уснул. В таком полубессознательном состоянии я находился около трех суток. Иногда я ненадолго открывал глаза и видел Славика. Каждый раз перед моим пробуждением Учитель уходил под каким-нибудь благовидным предлогом—принести фруктов, собрать хворост для костра и т. д.

Ли я увидел только на четвертый день. Я очнулся очередной раз и на этот раз вместо Славика увидел Учителя. Он массировал мне грудь. Его лицо было подчеркнуто будничным и спокойным.

— Пора тебе выпить немного рыбного бульона, — сказал он.

В его руках появилась большая резиновая клизма с наполовину обрезанным кончиком, чтобы расширить отверстие. Ли отодвинул мне пальцем губу, разжал зубы и, вставив клизму в рот, заставил меня проглотить немного рыбной ухи. Больше всего меня поразила именно будничность ситуации. Я по-прежнему ничего не мог вспомнить и не чувствовал своего тела. Было только отчужденное спокойствие и отрешенность. Ли начал растирать мое тело, надавливая на какие-то точки. Иногда он снова давал мне бульон. Тело начало понемногу обретать чувствительность, но еще оставалось легким и невесомым. Голова казалась пустой. Было такое ощущение, что даже легкое прикосновение к ней вызовет гул, как удар по колоколу.

Когда я снова проснулся. Ли и Славик сидели у костра, поджаривая мясо на шампурах. Учитель не обращал на меня внимания, рассказывая Славику какие-то истории. Как выяснилось потом, Ли велел Славику вести себя так, как будто ничего особенного не произошло, но по тому, как мой приятель смотрел на меня широко раскрытыми глазами с застывшим выражением лица, я догадался, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

Память о случившемся вернулась ко мне только через несколько дней. Я постепенно начал двигаться, нормально есть, хотя и безо всякого аппетита, скорее созерцательно наслаждаясь пищей. Мы говорили о

посторонних вещах, не касаясь моего состояния. Ко мне начали приходить отдельные воспоминания, но они были смутными, неконкретными. Я что-то чувствовал, но никак не мог ухватить суть этого чувства. Я съездил на сутки домой, потом в совхоз провести занятия в кружках, и, когда я возвращался из совхоза, сидя в автобусе в полусонном состоянии, что-то вдруг вспыхнуло в моем мозгу, и я полностью

вспомнил и восстановил события той ночи, когда я вошел в состояние «серебряного тумана».

Вернувшись на водохранилище, я разыскал Славика и с жаром принялся пересказывать ему свои воспоминания. Он сказал, что Ли запретил ему обсуждать со мной эту тему до тех пор, пока я сам не смогу вспомнить, и рассказал мне все, что он видел.

К ночи Славик вернулся с дежурства и подошел к полянке в тот момент, когда мы с Учителем начали бой. Он говорил, что никогда в жизни не видел такой скорости движений. Мы носились по полянке, как два урагана. Удары следовали с такой скоростью, что было невозможно различить отдельные движения, воспринимался только их общий рисунок. Я почти ни в чем не уступал Ли и прыгал на такую высоту и таким образом, что это превышало любые возможности человека моей комплекции.

— Правда, я не мог понять, — добавил Славик, — почему ты в прыжках быстро-быстро вращаешь ногами, словно едешь на велосипеде.

В течение долгих часов, пока длился бой, Славик сидел в зарослях молодого сосняка на краю полянки, и зрелище так захватило его, что он вошел в состояние, близкое к трансу. Его тело застыло и словно окаменело, он не чувствовал ни своего дыхания, ни ощущения неудобства от того, что долго находится в неподвижности. Он был целиком поглощен созерцанием боя.

Только после разговора со Славиком я, наконец, полностью осознал сущность происшедшего и почувствовал необычайное удовлетворение, потому что, испытав состояние «серебряного тумана», я завершил прохождение первой большой ступени обучения. Потом Славик рассказал мне, чем закончились мои подвиги, и, хотя эта часть истории не была особо вдохновляющей, моя радость от этого не уменьшилась.

Прежде чем я отключился, у меня началась рвота. Я настолько испортил поляну, что Ли даже высказал сомнение, что в дальнейшем будет целесообразно здесь тренироваться. У меня полностью очистился желудок, и Славику, которому Ли приказал меня, уже отключившегося, раздеть и отмыть, пришлось нелегко. Потом Славик одел меня, укутал одеялами и завернул в полиэтилен. Мы и раньше иногда пользовались полиэтиленовой пленкой, когда ночевали в лесу. и

Славика поразило то, что в этот раз мое тело почти не испаряло влаги и пленка **не** запотела, как обычно.

Все трое суток Ли и Славик непрерывно заботились обо мне. Ли делал мне массажи, заставлял Славика поочередно растирать мои конечности. Он нагревал соль на старой сковородке и в мешочке накладывал ее на те или иные зоны моего тела. Он делал мне баночный массаж, кровопускание, прижигание конусами из трав. Периодически он давал задание Славику выполнять с моим телом разные манипуляции. Иногда для этого требовалось поднимать меня и привязывать к дереву, придавая конечностям определенные положения. Славик рассказал, что его поражали неадекватные реакции моего тела.

Например, однажды Ли велел ему привязать меня к дереву и парить мне ноги в обжигающе горячей воде. Славик сначала поставил одну мою ногу в воду на несколько минут, через некоторое время он должен был начать согреть другую ногу. и так как ему мешала первая нога, он ненадолго вынул ее из горячей воды и поразился: вместо того чтобы покраснеть и согреться, как это обычно бывает, она была бледной, синюшной и холодной, словно находилась в снегу, а не в горячей воде. Только минут через 10—15 после того, как Славик снова опустил ее в воду и еще подлил кипятка, она стала приобретать нормальный цвет.

Ли научил Славика специальным комплексам отвлечения от головы и регуляции жара и холода в моем теле. Меня то подносили близко к кострам, то укутывали, то раскрывали и охлаждали в соответствии с определенными циклами.

Как мне представляется, состояние «серебряного тумана» — это временное ускорение хода внут ренних процессов в сочетании с изменением индивидуального ощущения времени, когда молниеносное движение свое или противника человек, находящийся в этом состоянии, воспринимает как фрагмент замедленной съемки. Состояния, напоминающие «серебряный туман», может испытать и обычный человек без специальной подготовки. например, в момент сильного стресса. Так. несколько лет назад я прочитал в журнале, не помню уже в каком, воспоминания солдата о состоянии, которое он пережил во время Великой Отечественной войны. Солдат увидел летящий снаряд и его падение, а потом, словно в

замедленной съемке, он наблюдал, как медленно поверхность снаряда покрывается трещинами. как он начинает распадаться на кусочки, как из него появляется пламя. В этом случае явно прослеживается измене-

ние индивидуального ощущения времени, но воздействие стресса было недостаточным для того, чтобы солдат смог двигаться в темпе, адекватном скорости разрыва снаряда.

Более подробно о психофизических методах подготовки воинов Спокойных будет рассказано во втором томе этой книги «Путь Шоу-Дао. Обучение у воды», посвященном периоду непрерывного обучения в лесах Партизанского водохранилища, во время которого я освоил базисные техники воинского искусства Шоу-Дао во всем их многообразии.

ГЛАВА XVII

В один из теплых майских дней я встретился с Ли. Он жизнерадостно улыбнулся мне и заявил:

— Мне кажется, тебе уже пора начать обучение женщиной.

— Хорошая идея, — согласился я. — Что же мне предстоит изучать?

— Видишь ли, — объяснил Учитель, прищуриваясь, как сытый довольный кот, — для пробуждения определенного вида жизненной силы. жизненной энергии, для того. чтобы научиться управлять этой энергией, ты должен пройти через довольно специфическое общение с женщиной, причем с женщиной — последовательницей того же учения, которому следуешь ты.

— Когда начинать? — спросил я.

— Прямо сейчас, — ответил Ли.

Мы сели в троллейбус и доехали до совхоза «Красный». Выйдя из троллейбуса. Учитель сказал, что мы должны подождать на остановке. На вопрос, кого мы будем ждать, он отвечать отказался, знаком приказав мне замолчать. В молчании мы провели около получаса, и это показалось мне немного странным. потому что обычно Ли не тратил попусту ни минуты, и мы всегда беседовали на разные темы.

Я пытался угадать, что Ли хочет сказать этим молчанием — что меня ожидает что-то важное, или, наоборот, хочет ввести меня в заблуждение, излишне подчеркивая важность того, что не стоило особого внимания.

В какой-то момент Учитель повернулся ко мне и сказал:

— Тебе придется завязать глаза. Они приближаются.

Я оглянулся, но никого вокруг не увидел, кроме обычных прохожих, спешащих по своим делам. Ли вынул из кармана темную повязку и туго затянул ее на моей голове.

Я услышал шум затормозившей рядом машины, меня схватили чьи-то сильные руки и довольно грубо запихнули в салон.

Вспоминая детективные рассказы, я попытался было запомнить направление движения, количество и направление поворотов, отсчитывая в определенном ритме время, которое ма-

шина затрачивала, двигаясь между поворотами, но вскоре от этой мысли пришлось отказаться, потому что машина поворачивала так часто, что я сбился со счета. С сожалением я понял, что мне не удастся определить, куда мы ехали.

Машина остановилась. Меня без особых церемоний вытащили из нее и бросили на землю. Я услышал голос Ли:

— Подчиняйся ей так же, как если бы на ее месте был я сам. Это очень важная ступень твоего обучения. От твоего поведения будет зависеть, сможешь ли ты продолжать свое совершенствование или остановишься на этом этапе.

Энтузиазма от этих слов я не почувствовал. Довольно долго я неподвижно лежал на земле, встревоженный и грустный.

Две пары рук подхватили меня, занесли в какое-то помещение и оставили лежать на чем-то вроде жесткого топчана. Я услышал удаляющиеся шаги, звук закрываемой двери. Меня так и подмывало снять повязку, но я слишком боялся ослушаться Учителя и провалить испытание. Пришлось попытаться определить, где я нахожусь, спомощью остальных органов чувств.

Некоторое время я прислушивался к звукам, принюхивался, потом поднялся и начал ощупывать пространство вокруг себя. Я понял, что лежал на деревянном топчане, сколоченном из досок и покрытом широким и тонким лоскутным матрасом. Около топчана я нащупал небольшое окошечко. Запах сена и куриного помета свидетельствовал, что я нахожусь в частном доме или в небольшом крестьянском хозяйстве. Ощупывая и простукивая стены, я понял, что это неотапливаемая временка. Я немного успокоился, прекратил свои исследования и снова улегся на топчан.

Во дворе послышались легкие осторожные шаги. Дверь во временку отворилась, и вдруг я почувствовал, как проснулся, активизировался и отчаянно завибрировал мой крут ворот. Я ощутил знакомые горячие токи энергии и понял, что передо мной снова находится та женщина, которая обучала меня на поляне.

Трудно передать словами то, что я испытал. Меня захлестнул шквал эмоций и переживаний, начиная от чувства смущения и стыда от того, что я лежу перед

ней на спине с завязанными глазами, неловкости— ведь я никогда не считал себя экспертом в отношениях с женщинами, и вместе с тем меня переполняло неудержимое влечение к ней, волнение и радость от того, что мы снова встретились.

Она подошла ближе, и я услышал тихий мелодичный голос:

— Лежи неподвижно, что бы с тобой ни происходило.

Помня то, что сказал мне Ли, я воспринял это как приказ и попытался расслабиться, хотя это было нелегко.

Женщина стала нарочито медленно расстегивать на мне одежду. К моменту, когда она закончила это делать, у меня трепетало все тело, потому что сама необычность ситуации, немного утрированный стиль ее прикосновений, спокойная торжественность происходящего оказали на меня исключительно сильное воздействие. Я чувствовал, как мое лицо залилось краской. Эрекции такой силы я никогда раньше не испытывал. Неимоверные усилия требовались для того, чтобы сохранять контроль над собой.

Женщина начала снимать с меня одежду. Я попытался приподняться, чтобы помочь ей, но она довольно чувствительным толчком напомнила мне, что я должен оставаться неподвижным. Потом она мягко потрепала меня по плечу, и я понял, скорее интуитивно, что этим жестом она мне говорит, чтобы я расслабился и успокоился. Вскоре я лежал уже полностью обнаженный с завязанными глазами, чувствуя всем телом ее присутствие, стыдясь и одновременно ужасаясь неизвестности. Она стояла молча. Я слышал ее дыхание. Напряжение усиливалось. Я подумал, что она намеренно нагнетала обстановку. Казалось, что время замедлило свой ход, и воздух стал тягучим и вязким. Мне даже стало трудно дышать. Я расслабил горло, выдохнул и начал дышать глубоко и размеренно. Мне удалось расслабиться и восстановить нормальное дыхание. Стараясь не думать о ее присутствии, я сосредоточился только на дыхании, что мне позволило взять под контроль поток неведомых мне ранее эмоций и ощущений.

Я почувствовал, что женщина приближается. Она приближалась бесшумно, но мне казалось, что я воспринимаю ее движения своей кожей. Круг ворот снова завибрировал, вокруг меня сформировался

своеобразный энергетический кокон, чутко реагирующий своими изменениями на происходящее вокруг меня и передающий эти изменения рецепторам моей кожи.

Потоки тепла, идущие от ее рук, которыми она проводила над моим телом на расстоянии, которое, я не мог определить, начали ласкать меня сначала сверху вниз, затем закругленными движениями снизу в стороны, потом траектория тепловых потоков изменилась на циклические полукруговые движения, так характерные для техники рукопашного боя Спокойных. Руки оглаживали мое тело, не касаясь его. Они проходили вдоль

ног с внутренней и внешней стороны, двигались в других направлениях. Это напоминало бесконтактный массаж, стимулирующий и заставляющий вибрировать каждую клеточку моего организма.

Волны от ее рук менялись и были то горячими, то холодными. Один раз ощущение жара было настолько сильным, что мне показалось, что на мою грудь поставили раскаленную сковородку. Я чуть не закричал от боли. Крик мне удалось сдержать. но из-за неконтролируемого спазма мышц брюшного пресса я приподнялся, голова и ноги оторвались от опоры. Я снова опустился на топчан и попытался расслабиться, но рука, излучающая теперь более мягкие и ласковые волны, не давала мне сделать это, быстрыми движениями оглаживая меня то в одном, то в другом месте. Рука все время возвращалась к ключицам после совершения замкнутого движения вдоль одной из сторон моего тела. Иногда она останавливалась над сосками, щекоча их или лаская круговыми движениями.

Пальцы женщины коснулись моей кожи, и она начала мягко массировать меня ими. Потом она повернула руки. и я ощутил нежную бархатистую кожу тыльной стороны ее кистей. Она продолжала гладить меня, избегая прикасаться к области половых органов. Я снова очень сильно возбуждился. Неожиданно ее пальцы коснулись моего лобка и начали скользить по линии чуть выше волос, и ее голос, который почему-то показался мне до боли знакомым, славно я много раз слышал его раньше, сказал мне:

— Забери силу из члена.

От этих слов краска бросилась мне в лицо. и я вдруг подумал, как смешно смущаться в ситуации, когда я и так лежу голый, беспомощный и с завязанными глазами. Происходящее было настолько нетривиальным, что было бы просто глупо смущаться еще больше, теряя контроль над своими эмоциями. Я постарался сосредоточиться на пенисе, чтобы забрать оттуда энергию, но мог почувствовать только, что он слишком перевозбужден, слишком твердый, и я не представлял, как можно справиться с этим.

—Я тебе помогу,—снова послышался голос женщины.— Сосредоточься на моих прикосновениях к лобку.

Рука нежно, но настойчиво, даже с нажимом легла

на лобковую область. Я почувствовал, что ее большой палец был отогнут под углом 90° по отношению к остальным и был направлен в сторону пупка.

— Теперь сосредоточься на солнечном сплетении. Я сосредоточился на солнечном сплетении, и ее вторая рука накрыла его.

— А теперь по дуге соедини силу с солнечным сплетением и переведи ее в него.

Образ, который вызвали в моем воображении ее слова, был настолько четким, что я моментально ощутил канал, соединяющий основание пениса с солнечным сплетением. Энергия двинулась вверх по этому каналу. Дуга касалась позвоночника. некоторое время следуя вдоль него и потом изгибалась внутрь. Возбуждение в половых органах исчезло.

— Хорошо, — сказал голос. — Ты правильно выполняешь упражнение. А теперь подними энергию через грудь к ключицам.

Рука, лежавшая на лобке, поднялась и плавно легла на межключичную ямку.

Новая энергетическая дуга соединила ее руки. На этот раз она проходила по передней части тела.

— Теперь восстанови недостающие части.

Я понял, что надо сосредоточиться на возвращении энергии по недостающим частям круга, и, переместив ее по срединной линии тела. через затылок и позвоночник направил ее в солнечное сплетение. В солнечном сплетении образовался мощный вибрирующий энергетический диск. Я опустил энергию вниз к лобку. Энергия начала с огромной скоростью перемещаться. вращаясь по образовавшейся траектории. Мне показалось, что волосы на моем теле встали дыбом. Я ощущал сильное пощипывание в корнях волос. Тело покрылось потом. Я сосредоточился на ощущениях и понял, что возбуждение пропало.

— Пусти ци в ноги, — сказала женщина.

Это было нетрудно сделать, потому что раньше, занимаясь с Ли, я научился с легкостью перемещать энергию по телу. Я сосредоточился на точках юнцюань на ступнях ног и расслабил точку хуэй-инь. Энергия мощным потоком хлынула в ноги, которые задрожали и. казалось, были готовы разорваться от переполнившего их напряжения. Меня захлестнуло такое сладостно-чувственное ощущение, что я понял, что близок к оргазму. Член снова поднялся. Рука

женщины сильно и болезненно ударила по нему.

— Сосредоточься только на ногах!—жестко приказала она. —Ты не в публичном доме. Ты здесь находишься, чтобы учиться. Помни об этом.

Она схватила меня за пальцы ног и согнула их с такой силой, что я услышал хруст. Ощущение вибрации в пальцах и ступнях ног усилилось. Стопы, повинаясь произвольным мышечным сокращениям, разворачивались наружу. По ногам волнами пробегали судороги.

— А теперь активизируй руки.

Не задумываясь о том, как это сделать, я неожиданно для себя сел и пальцами рук ухватился за ступни ног. По спине вверх от копчика до точки фэн-фу* пробежал холодок, в районе шестого-седьмого позвонка начала скапливаться энергия в виде вязкой вибрирующей субстанции. Волны, идущие от копчика, пополняли ее с каждым подъемом, делая эту субстанцию все более вязкой и тяжелой. По плечам и вниз по рукам пробежали холодные мурашки. В области таза вверх от точки хуэй-инь, охватывая область копчика, также сформировалось что-то вроде энергетического шара, который тяжелеет и, увеличиваясь в размерах, поднялся до поясницы, потом до середины спины. Чувство тяжести в области копчика все усиливалось, как будто среди вязкой массы энергетического тара повисла большая тяжелая капля ртути. Эрекция полностью прекратилась. Энергия пошла по рукам. Я понял, что мне удалось забрать силу **из** половых органов и что эта сила перенасытила мой организм.

— Поднимай силу вверх.

Я сосредоточился **на** изгибе спины, и желеобразная масса потянулась вверх. Женщина подхватила меня под мышки, приподняла и стукнула ягодицами о топчан. Вязкая жидкость от этого удара резко подпрыгнула вверх, как ртуть в термометре, опущенном в кипяток.

Женщина снова и снова приподнимала и опускала меня. С каждым толчком вязкая масса поднималась все выше по позвоночнику, пока, наконец, после очередного толчка вся масса жидкости не сосредоточилась между лопатками. Моя партнерша сильно ударила меня между лопаток, жидкость снова подпрыгнула и перешла в зону шестого и седьмого шейных позвонков. Оттуда она частично растеклась по трапециевидным мышцам и спине. Спина, казалось, загорелась и начала раздуваться, как будто ее накачивали воздухом. Заломило затылок, активизировалась срединная линия головы, я ощущал

жгут. иду-

* *Фэн-фу*—точка акупунктуры. расположенная на средней линии головы. на 1 пунь выше задней границы роста волос.

щий от кончика носа через всю голову до точки фэн-фу и ниже до шестого и седьмого шейных позвонков.

Резкий удар по макушке в районе точки бай-хуэй создал две новых дополнительных линии распространения энергии, исходящих от активных точек, расположенных на внутренних углах бровей, и опускавшихся к точкам фэн-чи* на затылке, чтобы оттуда двумя незримыми нитями соединиться с начавшими пульсировать шестым и седьмым шейными позвонками. Мощная вибрация сотрясала мое тело. Я потерял контроль над окружающим. Поглощенный процессами, происходившими во мне. Руки вибрировали, встряхивая захваченные ноги. Брюшной пресс напрягся, спина тоже напряглась, по ней гуляли во всех направлениях энергетические потоки. Я отключился и не заметил, как женщина ушла.

Я проснулся от холода. Все тело было покрыто липким холодным потом. Я пошевелился. Тело казалось онемевшим и двигалось с трудом. Я начал разминать затекшие члены, поворачивать голову, пытаюсь вспомнить, где я и что со мной происходит. Медленно я приподнялся на топчане, пытаюсь сесть, и только тут вспомнил то, что случилось. Тело по-прежнему отказывалось слушаться меня. Поэтому я лег на спину и попытался расслабиться. Я был в состоянии такой апатии, что появление своей мучительницы воспринял совершенно равнодушно.

Повязка все еще оставалась у меня на глазах. Женщина молча начала растирать мое тело куском сухой шерстяной ткани. Постепенно к телу возвращалась чувствительность, но апатия не проходила. Наверно, я был слишком утомлен. Я не мог восстановить свои нормальные эмоциональные реакции.

Меня укрыли одеялом, и я впал в расслабленное оцепенение. перешедшее в сон. Проснувшись, я почувствовал на своем лице тепло солнечных лучей, падавших из окошка, и подумал, что нахожусь здесь, наверно, уже около суток. Я был так голоден, что отдал бы десять лет жизни за кусок хлеба. Через несколько минут вошла женщина и сказала что принесла мне поесть. Она поднесла к моим рукам тарелку с пищей, запах которой сводил меня с ума. Непроизвольно я поднял руку к глазам, чтобы снять повязку, но женщина мягким настойчи-

* Фэн-чи—точка акупунктуры. расположенная под затылочной костью выше задней границы роста волос на 1 цунь. немного в сторону от средней линии головы в ямке у наружного края трапецевидной мышцы, где пальпируется углубление.

вым движением отвела мою руку от лица. При этом прикосновении волна горячей энергии прокатилась по моей руке. Я сосредоточился на волшебном ощущении мягких женских пальцев, с одной стороны, достаточно сильных, жестких и крепких и, с другой стороны, исключительно пластичных и нежных. Было ясно, что ее рука может быть как страшным оружием, так и источником неземного наслаждения, нежно и уверенно ласкающим мужскую плоть. Забыв о голоде, я попытался задержать ее руку в своей, но она вырвалась и вложила тарелку мне в руки.

На тарелке я нашупал пять больших пирожков, по форме напоминающих чебуреки. Я выбрал один из них и начал есть. Меня поразил странный непривычный вкус. Я не мог определить, из чего сделана начинка. Специй было немного, и вкус, несмотря на его новизну и необычность, был исключительно приятным.

Когда я закончил есть, мокрое полотенце пришлось по моим пальцам, вытирая их. Тарелку убрали. Я вдруг вспомнил, что все еще обнажен, хотя и прикрыт одеялом. Безотчетным движением я схватил одеяло и подтянул его к своей груди.

— Интересно, почему ты сидишь с завязанными глазами? — спросил женский голос с ехидными интонациями, явно позаимствованными у Ли. — Рассказал бы, кто ты и откуда.

Следуя своей привычке не отвечать на подобные вопросы, я поднес руку к повязке и сказал, стараясь не выдать своего волнения:

— Надеюсь, это приказ снять повязку?

— Да снимай, снимай.—засмеявшись, разрешила она. Я сорвал уже порядком надоевшую повязку и в первый раз взглянул на свою напарницу. Ее юное лицо, освещенное солнцем, было необычайно красиво. Больше всего меня поразили глаза, миндалевидные, черные, глубокие и выразительные, в которых можно было утонуть. Девушка смотрела на меня снисходительно и немного торжествующе.

Пораженный удивительной красотой кореянки, я, наверно, выглядел достаточно глупо. Мышцы моего лица расслабились, и в какой-то момент я понял, что усталился на нее с раскрытым ртом. Она рассмеялась, двумя руками схватила меня за щеки и, крепко зажав большими и указательными пальцами, растянула их и игриво потрясла мою голову.

— Какой ты толстоморденький,—сказала она.

От этих слов я почему-то мгновенно расслабился и успокоился.

Чувствуя, как изменилось мое настроение, корейнка резким движением сорвала с меня одеяло. Этого я не ожидал и после мгновения недоумения покраснел и почувствовал себя неуютно. Я потянулся за одеялом, пытаюсь его достать. Девушка перехватила мою руку и сказала:

— Расслабься. Тебе не нужно одеяло.

Что-то в ее голосе заставило меня внимательно посмотреть на нее. Корейнка была одета в короткое шелковое черное кимоно, расшитое драконами, которое подчеркивало округлые формы ее тренированного тела. Ее глаза, экзотическая красота и кимоно, драконы на котором шевелились в такт дыханию, буквально околдовали меня, и я понял, что передо мной самая прекрасная женщина, которую я когда-либо встречал в своей жизни. К своему отчаянию и стыду, я не смог справиться с начинающейся эрекцией.

Заметив это, она мягко сказала:

—Тебе сейчас это не нужно. Попробуй забрать силу не через поясницу, как вчера, а спереди. Подними ее до пупка.

Девушка надавила пальцем на точку около основания пениса и провела пальцем черту на моем животе от этой точки до пупка. Часть возбуждения тут же переместилась туда. Сильно возбудилась и покраснела поверхность кожи в зоне под пупком. Эрекция начала уменьшаться.

—Теперь заberi остаток силы через поясницу.— сказала корейнка.

Я, сосредоточившись на знакомом ощущении, провел остатки энергии через копчик вверх по изгибу спины. Энергия, идущая по спине, повернула в области поясницы и слилась с энергией, поднимающейся к пупку. Образовался замкнутый круг, по которому ци циркулировала одновременно в двух направлениях. Энергетические импульсы начали распространяться по спине, ногам, шее и затылку. Сильнее всего они пульсировали в точках фэн-чи и фэн-фу. В этот раз движение ци не было тревожащим и болезненным, оно вызывало исключительно приятное ощущение наслаждения и сладострастия. Но это сладострастие не распространялось на область половых органов, которые словно полностью

отключились. Кольцо энергии, вращаясь, вибрировало внутри меня. Неожиданно я понял, что снова очень голоден, но это чувство голода как бы было привя-

зано к ощущению сладострастия. Это был специфический голод, скорее всего являющийся отголоском потери энергии или желанием ее восполнить. Мои губы онемели, хотелось пошевелить ими, облизнуть их.

Кореянка подошла совсем близко и, пристально глядя в глаза, положила большие пальцы рук мне на губы. Она ласкала губы пальцами, потом, раздвинув челюсти, она засунула пальцы мне в рот и начала массировать губы и щеки изнутри легкими, нежными движениями. Эта легкость прикосновений вызвала приток ци к обрабатываемой зоне.

— Запомни,—сказала она.—легкое воздействие привлекает ци, сильное воздействие рассеивает его, вынимает ци из зоны, позволяя одним усилием нейтрализовать другое усилие и переводить энергию в иную форму.

От уголков губ ее руки опустились вниз по шее, прочертив ногтями указательных пальцев линию по коже до сосков. Она сжала соски достаточно сильно, так, что мне еще не было больно, но уже почти на грани болевого ощущения. Подергивания и сжимания сосков вызвали усиление движения ци в районе поясницы. Тело покрылось гусиной кожей. Ноги завибрировали, по ступням прокатились холодные приливы блуждающей ци. Мне показалось, что я покрываюсь холодным потом, но на самом деле пот не выделялся. Это было лишь чувство прохлады испаряющейся с поверхности кожи влаги.

— Соски—это место выхода энергии. Перекрывая этот выход, ты можешь управлять энергией, направляя ее в нужное тебе русло, —сказала кореянка.

Она продемонстрировала мне, как это делается, манипулируя моими сосками, то нажимая на них, то оттягивая в разные стороны, то отпуская. В зависимости от способа воздействия энергия прилиwała то к внутренней поверхности бедер, то к их наружной поверхности, к спине, к рукам или к груди. От этих перемещений ци я испытывал неземное блаженство, хотя мой член больше ни на что не реагировал. Вся сила ушла из него в другие области тела.

Кореянка велела мне прогнать энергию по восьмерке, как это я делал вчера, но на этот раз в обратном направлении. Я выполнил это.

— Сейчас ты освоил способ сохранения семени при

общении с женщиной,—сказала моя учительница.— Ты научился направлять наслаждение и ци внутрь себя. Ты должен теперь раз в неделю встречаться с женщиной и насыщать запасы своего мужского ци. Это—один из исходных моментов общения, который не только доставляет тебе удовольствие, но и позволяет научиться управлять энергией и сохранять свое семя для накопления внутренней силы. На сегодня урок закончен. Отдохни, так как в полночь начнется следующий урок.

Я откинулся на спину. Она подошла с одеялом в руках и, нарочито медленно растягивая одеяло за углы, накрыла меня им, продвигая его от пальцев ног к груди. Потом она ласково и аккуратно подоткнула одеяло со всех сторон. В ее движениях было что-то материнское. Мне стало хорошо и уютно. Я уснул.

Разбудил меня звук шагов и открывающейся двери. На дворе стояла ночь. Девушка вошла, неся в руке ведро, и приблизилась к топчану, где я лежал. Запах, распространившийся по комнате, даже в темноте выдал, что ведро было наполнено конским навозом.

—Учитель говорил мне, что ты стеснителен и брезглив,— сказала корейка. — Сейчас ты будешь учиться преодолевать отвращение. Это исключительно важный этап для тебя. Воин никогда не должен испытывать отвращения ни к предметам, ни к веществам, ни к живым существам и их поступкам. Он должен только учитывать опасность, исходящую от предметов, веществ или живых существ и действовать в соответствии с этим. Тебе придется обмазать тело навозом и выйти на улицу.

Радости от этих слов я не испытал, но сильного внутреннего сопротивления тоже не почувствовал. Меня настолько захватила сама ситуация, что я подчинился воле корейки с отрешенностью, доходящей до безразличия. Сохраняя спокойное выражение лица, я деловито обмазал себя навозом с головы до ног, встав на небольшой кусок полиэтилена, который она подстелила мне под ноги. Корейка попросила меня не запачкать времянку. Потом я вышел во двор.

Девушка последовала за мной и объяснила, что я должен выйти на главную улицу поселка, потому что это первый шаг к тому, чтобы побороть мою стеснительность, которая мешает мне ясно мыслить и действовать в определенных ситуациях. Я прошел по

двору, вышел на улицу и медленно зашагал по ней. Дверь дома, мимо которого я проходил, распахнулась, на пороге появилась женщина с ведром воды в руках. Она выплеснула воду на улицу, выпрямилась, и тут ее взгляд упал на меня. Ведро выпало у нее из рук и с грохотом покатилося по ступенькам. Женщина замерла в угловатой неестественной позе, глядя на меня с раскрытым ртом, словно не веря в реальность моего

существования, потом, оставив ведро валяться на улице, метнулась в дом и захлопнула дверь.

На несколько мгновений меня захлестнула волна смущения, но усилием воли я быстро справился с ней и пошел дальше. Дойдя до конца улицы, я повернул обратно. Было слишком поздно и больше на своем пути я никого не встретил.

Кореянка стояла около дверей времянки с большим черным шлангом в руках. Она включила воду и начала поливать меня. как лошадь, упругой холодной струёй.

—Теперь тебя можно пустить в баню.—с усмешкой сказала она.

Мы вошли в небольшую деревенскую баню с сауной. Я принял душ и попарился с настоем душистых трав. Все происходящее зачаровывало меня. Неординарность и непредсказуемость событий создавали восхитительное ощущение жизни, необычности и новизны. Я пытался представить, что меня ждет впереди. но воображения на это у меня просто не хватало. Я уже собрался выходить из сауны, когда дверь открылась и вошла кореянка, полностью обнаженная. За мгновение до этого я был расслаблен и спокоен. Ее неожиданное появление повергло меня в состояние, близкое к шоковому. Я онемел от неожиданности, не в силах оторвать взгляд от ее смуглого тела. Круг ворот мгновенно активизировался и завибрировал, зона под солнечным сплетением начала пульсировать. Ощущение пульса передалось в точку, расположенную на три пальца ниже пупка. Я понял, что начали возбуждаться энергетические центры. упражнения с которыми раньше я многократно выполнял, занимаясь у Ли.

— Возьми пульс снизу.—сказала кореянка.

Я уже умел выполнять упражнения с пульсами и управлять ими, поэтому, не раздумывая, собрал пульс из-под пупка, используя мыслеобраз втягивания его в руку и ощущения его вязкости. Я зажал пульс в руке.

— Вложи этот пульс в мое солнечное сплетение, — приказала она.

Я протянул руку к ее солнечному сплетению и сосредоточился на мыслеобразе выдыхания пульса в это место. Смущение прошло, и я полностью сконцентрировался на выполнении упражнения. Кореянка положила руку на мою лобковую область. Это прикосновение было приятным. Вместе с ее выдохом волна энергии прошла от ладони по моему

телу, и я ощутил сладострастную дрожь в спине и ногах. Эта дрожь передалась ощущением холода в руку, несмотря на то что меня окутывал раскаленный воздух сауны. Энергия начала вращаться по кругу между нашими телами, проходя по моей руке, касающейся ее солнечного сплетения, и по ее руке, прижатой к моему лобку.

Кореянка показала мне несколько десятков способов манипуляции энергией и передачи ее от мужчины к женщине, и наоборот, вне полового контакта. Под утро она объяснила мне, что такого рода общение с женщиной позволяет воину Спокойных быстрее понять механизмы движения энергии, потому что при виде женщины мужская энергия активизируется и приходит в движение гораздо легче, чем при обычных медитативных упражнениях. Поэтому, когда у воина есть женщина-партнер, умение управлять ци формируется быстрее.

Уже рассвело, когда мы вымылись холодной водой, насухо вытерли друг друга и пошли во времянку. Кореянка велела мне лечь в постель и скользнула под одеяло, прижавшись ко мне всем телом.

—После упражнений подобного рода очень важно полежать, обнявшись, в специальных позах. Тогда восполняется затраченная энергия, и ее место занимает энергия противоположного знака. Хотя основные энергетические изменения происходят внутри организма, соприкосновение тел является раздражителем, который стимулирует обмен мужской и женской энергиями, что способствует восстановлению и накоплению сил.

Мы лежали обнявшись, периодически меняя позы, в течение нескольких часов. Я чувствовал удивительную легкость во всем теле и совершенно не хотел спать. Кореянка накормила меня, одела и снова завязав повязку на глазах, сказала:

—Ты не должен знать, где находится этот дом. Конечно, если ты захочешь, ты найдешь его, но я тебя прошу этого не делать, потому что сейчас слишком опасное время для нас обоих.

Не объяснив, в чем заключается эта опасность, она мягко взяла меня за руку и вывела на улицу. Открыв дверцу машины, девушка помогла мне забраться внутрь. Машина была той же самой, что привезла меня сюда. Я находился в грузовом кузове «Москвича». Я узнал это, ощупывая салон машины.

Меня высадили из машины прямо на дороге недалеко от села Пионерское. Некоторое время, следуя указаниям кореянки, я оставался в повязке, когда же снял ее, то увидел удивленные лица людей, разглядывающих меня из проезжающего мимо троллейбуса...

ГЛАВА XVIII

В одно из воскресений Ли предложил нам со Славиком потренироваться на Партизанском водохранилище. Славик в этот день должен был работать, патрулируя водохранилище, но он уже приучил своих коллег по работе к тому, что он уходил в лес, надев старое, заношенное кимоно, и время от времени, создавая видимость трудовой деятельности, появлялся в районе дежурной части, чтобы выпить чаю, поболтать и снова уйти в лес.

— Сегодня я научу вас управлять болью, — сказал Ли. Чтобы разогреться, мы сделали пробежку по лесу. Ли бежал впереди, используя деревья в качестве воображаемого противника. Он сражался с хлещущими по телу ветками, отводя их, переламывая, захватывая, выполняя различные приемы и маневры, и мы следовали за ним, копируя его движения.

Размявшись, мы вышли на полянку, примыкающую к одной из тихих заводей Партизанского водохранилища. У Ли была привычка носить под верхней одеждой надетую через плечо холщовую сумочку, стянутую шнуром в горловине, причем он умудрялся носить ее так, что она была почти незаметна под пиджаком или легкой курткой. Ли достал сумку и вынул из нее большую бутылку, наполненную темной жидкостью. Присмотревшись, я заметил в ней какие-то корешки.

— Управлять болью очень просто, — сказал Ли. — Тут даже нечего объяснять. Сейчас вы все поймете сами.

Я понял, что начинаются неприятности. Часто Ли преувеличивал сложность выполнения упражнений и их важность для того, чтобы заставить нас сильнее сконцентрироваться, более активно переживать то, что мы делаем. Он почти никогда не успокаивал нас перед упражнением, а если успокаивал — это означало, что нас ждет что-то очень близкое к кошмару. Дезориентирующая словесная подготовка была коньком Учителя, и он иногда, входя в роль занудного европейского профессора, называл ее важным воспитательным моментом, необходимым для формирования специфического состояния боевой готовности.

Это состояние боевой готовности означало, что воин готов к любой ситуации, к любому повороту событий и не доверяет непроверенным сведениям или

отрывочным характеристикам, полученным со стороны. Воин должен быть одновременно готов и к простому и к сложному, быть не слишком расслабленным, но и не напряженным. Он должен балансировать на грани между напряжением и расслаблением, спокойствием и агрессией. Это состояние как общий фон должно было присутствовать при выполнении любого упражнения.

Ли движением головы и нетерпеливым жестом руки, который заключался в круговом потряхивании кистью, словно что-то отбрасывающей вверх, дал нам понять, что мы должны раздеться догола. Взяв руку Славика, он вылил немного жидкости из бутылки ему на ладонь. Лицо Славика перекошилось от боли. Я почувствовал себя очень неудобно.

Ли, садистски ухмыляясь, подошел ко мне и встал у меня за спиной. Я весь напрягся в ожидании чего угодно, вплоть до удара палкой по голове. По моим плечам и спине потекла жидкость. Я собрал всю свою волю, готовясь к болевому шоку и чувствуя себя еретиком в лапах Торквемады, но ничего не произошло. Я было расслабился, и тут Ли с ухмылкой показал мне зажатый в другой его руке пузырек из-под поливитаминов. Судя по запаху, идущему от пузырька и моей спины. Учитель вылил на меня подсолнечное масло. Ли начал втирать масло в мое тело. Потом из потайного кармана, скрытого под воротником рубашки, Ли достал перышко и этим перышком начал наносить на мое тело поверх подсолнечного масла неизвестное мне снадобье из бутылки. Жидкость имела резкий запах и по своему действию была немного похожа на пасту Розенталя, но обладала гораздо более выраженным разъедающим действием.

Каждое прикосновение пера порождало невероятную гамму болевых ощущений, от разъедающего жжения до ноющего усталого онемения. Потом по моему телу прокатились волны холода и жара. Казалось, что кожу отрывают от тела и образующуюся кровоточащую поверхность натирают солью. Приступы боли накатывали и отступали, нарастая в своей интенсивности. Хотелось закричать, выскочить из собственного тела и умчаться как можно дальше, но какие-то последние волевые ресурсы удерживали меня на месте. Я начал глубоко дышать, пытаюсь отключиться от сигналов, отчаянно посылаемых моей нервной системой. Мы и раньше

выполняли подобные упражнения, контролем над дыханием снимая боль от ударов, или

учились не реагировать на то, что Ли нас щекотал. Но такую боль. как сегодня, мне не приходилось испытывать никогда ранее.

Закончив намазывать спину. Ли перешел на ноги. но мазал их уже не так тщательно и равномерно, как спину, а длинными параллельными линиями, спускающимися вниз от ягодиц к ступням. После этого он перешел на живот, на котором начал чертить полосы хаотично, во всех направлениях, без всякого порядка.

То, что творилось с моей спиной, просто не поддавалось описанию. Казалось, она разбилась на множество участков, в каждом из которых боль пульсировала и ощущалась по-разному. Нервы были напряжены до предела. Стоило хоть чуть-чуть отвлечься от контроля над дыханием, как дыхание перехватывало, и мне казалось, что я схожу с ума. Хотелось кричать, плакать, двигаться, царапать ногтями тело, чтобы сорвать с себя пылающую кожу и мясо.

Прикосновения пера к животу тоже отдавались то холодной. то горячей, то острой или режущей болью. Ли налил жидкость мне на ладони и приказал растереть ею сначала кисти рук. а потом и все руки. Мне казалось, что я втираю перец в открытую рану.

Кивком головы Учитель указал на заводь и сказал:

—Входи в воду очень медленно, контролируя дыхание. Вспомни какое-нибудь стихотворение и читай его наизусть выразительно и четко. На твоём лице должно сохраняться выражение абсолютного покоя и удовольствия.

Я сделал отчаянную попытку выглядеть бодрым и счастливым. чем вызвал приступ неистового веселья у Славика. Меня это очень разозлило, хотя я понимал, что гримасы боли, перемежающиеся жалкими пародиями на улыбку, вполне могли бы принести мне Гран-при на конкурсе клоунов.

Ли дал Славiku бутылку с жидкостью и предложил ему намазаться самому. Славик схватил бутылку с решительностью камикадзе. пикирующего на вражеский корабль. Учитель поспешил предупредить, чтобы он намазывался аккуратно, не расплескивая жидкость в больших количествах, потому что, зная силу воли и решительность Славика, Ли понял, что тот собрался вылить все себе на голову и растереться с отчаянностью смертника.

Я медленно входил в воду. и прикосновение воды к моей воспаленной коже вызывало ряд новых непередаваемых ощущений. Вода показалась мне ледяной, хотя в действительности было тепло. Я подумал, что препарат, которым меня намазал Ли, не только вызывает болевые ощущения, но и делает кожу гиперчувствительной, обостряя реакции организма на воздействие окружающей среды. Я медленно погружался, ступая по пологому дну, из последних сил сохраняя контроль над дыханием. Когда я оказался по горло в воде. Учитель велел мне перемещаться, делая определенные движения. Я начал выполнять эти движения руками, ногами и туловищем. В момент рассечения телом воды я почувствовал, что боль, казалось, уже достигшая пика. еще усилилась. Мне чудилось, что я двигаюсь не в воде, а в груде острых осколков битого стекла, которые при каждом движении срывали куски мяса с моего тела. как стая голодных пираний.

Я потерял чувство времени. Мелькнула мысль, что если бы я был христианином и верил в существование адских мучений. то с этого момента и навсегда я вел бы исключительно праведную жизнь.

Учитель дал мне знак выйти из воды. Я вышел и взглянул на часы Славика, которые тот оставил на своей рубашке. В заводи я провел всего лишь пятнадцать минут.

Славик начал входить в воду, а я получил новое задание. Ли велел мне тереться о стволы молодых деревьев и наносить удары по ним разными частями тела. Я бил по деревьям, испытывая при этом невыносимую боль. Учитель стоял рядом и каждый раз. когда он замечал по моим глазам или выражению лица. что я теряю контроль над действительностью, уходя внутрь себя и понемногу отключаясь от боли, он резким гортанным окриком возвращал меня к реальности. Одновременно с этим Ли монотонно и тихо. так. чтобы заставить меня внимательно прислушиваться, не прерывая выполнения упражнения. объяснял, для чего нужно установление контроля над болью. почему это так важно для меня.

Контроль над болью делает тебя воином, — говорил Учитель. —Ты сможешь гораздо дольше продержаться в поединке, чем боец, не владеющий этой техникой. Ты будешь биться, игнорируя призывы организма о помощи, не поддаваясь болевому

опущениям, травмам, не отвлекаясь на них. Даже если тебя ранят, ты будешь иметь дополнительное преимущество хотя бы потому, что сможешь контролировать свое тело и не позволишь боли влиять на твои действия и на ясность твоего рассудка.

Слова Ли отдавались где-то внутри моего сознания, гипнотизируя меня и вводя в состояние, которое я должен был испытать. Я действительно почувствовал себя воином, сражающимся в смертельном поединке, хотя моими противниками были всего лишь деревья. Изнутри поднялась волна холодной ярости. я наносил удары все сильнее и сильнее, чувствуя, как ярость и сила наполняют меня. подавляя приступы боли и контролируя их. Боль даже начала доставлять мне определенное наслаждение, потому что. чем сильнее она становилась, тем более сильным я себя чувствовал, подавляя и контролируя ее.

К моменту, когда Славик вышел из воды, я превратился в разъяренного берсерка, жаждущего крови и смерти. Славик, похоже, тоже испытывал нечто подобное, потому что, когда Ли дал нам сигнал начать бой, мы набросились друг на друга, как дикие звери. Мой организм непонятно откуда черпал все новые и новые силы, меня наполнила яростная готовность крушить и уничтожать все на своем пути. хотя ум оставался холодным и обрел удивительную четкость и ясность мышления. Было ощущение, что моя личность распалась на несколько составляющих. одной из которых был холодный сторонний наблюдатель, а другой—безумный всепоглощающий берсерк.

Мы со Славиком все больше входили в раж. и, похоже, это начало всерьез тревожить Учителя, потому что он несколько раз вмешивался, парируя наши удары, чтобы мы не поубивали друг друга. В какой-то момент он прыгнул вперед, разбросав нас в стороны.

Ли велел нам увеличить скорость боя, но удары наносить только в воздух, не касаясь друг друга. Мы двигались все быстрее и быстрее, подхлестываемые гортанными выкриками Учителя. Он обзывал нас ленивыми скотами и дворовыми собаками, недостойными своей похлебки, еще какими-то необычайно цветистыми ругательствами, но его слова нас не оскорбляли. Их эмоциональный накал заводил нас все сильнее, заставляя наносить удары на пределе скоростных возможностей организма. Для того чтобы мы еще больше сосредоточились на выполнении упражнения, Ли периодически давал команду:

—Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее, быстрее...— по мере проговаривания увеличивая скорость и тональность речи так, что к концу он практически

переходил на резкий пронзительный визг, вызывающий удивительную, почти гипнотизирующую отдачу в наших организмах. Когда я почувствовал, что больше не могу, что я уже дошел до предела. Учитель скомандовал:

— В воду. Быстро доплывите до середины водохранилища и обратно.

Я понял, что упражнение закончилось и началась заминка, когда бешеный ритм движений сменяется другим, менее интенсивным. Потом ритм снижался еще больше, чтобы полностью восстановить дыхание и, наконец, перейти к полному расслаблению.

Выйдя из воды, мы стали выполнять упражнения по кругам, постепенно снижая темп. В какой-то момент я увидел, как Славик расслабленно рухнул на траву и заснул. Через некоторое время я тоже отключился.

Я проснулся от холода. Тело казалось окостеневшим. Славик подошел ко мне и начал растирать мое тело старым шерстяным свитером. Я так заоченел, что почти не мог пошевелиться, и только болезненное покалывание напоминало о том, что мое тело еще живое.

— Где Ли?—спросил я.

— Он уехал в Симферополь, —ответил Славик. —Я должен идти на дежурство. В котелке горячая уха, и я принес немного яблок из сада.

Он ушел. Я накинул на плечи милицейский бушлат, который Славик принес из учебного класса, находившегося неподалеку, и набросился на уху, чувствуя, что никак не могу утолить зверский голод, проснувшийся во мне. Славик оставил мне ключ от одного из учебных классов, превращенного в склад зимней одежды для охраны. Я пошел туда, зарылся в кучу дубленок и заснул. то переходя в состояние полусна и просыпаясь от собственных криков и ударов, наносимых в воздух и по дубленкам. то снова засылая.

ГЛАВА XIX

Я уже говорил о том, что тренировал группу работников госбезопасности. Я подружился со многими из моих учеников и они тоже испытывали ко мне искреннюю симпатию. Как-то после тренировки один мой приятель-комитетчик вызвался проводить меня до дома. Мы шли, болтая о пустяках, и вдруг он сказал:

— На твое счастье, многие не верят в то, что у тебя есть Учитель. Но я видел тебя в городе с каким-то корейцем. Думаю, что это и есть твой Учитель, слухи о котором носятся по всему городу.

Я никогда не упоминал о Ли в разговорах и вообще старался не говорить о нем, но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Когда я только начал встречаться с Учителем, я рассказал о нем нескольким близким друзьям. Если учесть необычность техники, которую я показывал, вполне понятно, что слухи о Учителе множились и распространялись, несмотря на то, что теперь я отрицал его существование.

— Ты мог меня видеть с самыми разными людьми. Не помню, чтобы я в последние дни встречался с каким-то корейцем, — сказал я.

— Я видел вас в Гагаринском парке примерно три месяца назад.

— С равным успехом это мог быть какой-то знакомый или даже незнакомый человек, который просто хотел что-нибудь узнать.

— Я говорю это не потому, что меня интересует твой Учитель. Проблема в том, что им интересуется еще кое-кто. Поэтому твоя задача сейчас — максимально сбить волну, поднявшуюся вокруг него, и быть готовым к любому вызову и к любому разговору.

Другие сотрудники госбезопасности из тех, что учились у меня, тоже начали говорить со мной о Ли. Одни из них пытались что-то разузнать о нем ненавязчивыми, заданными вскользь вопросами, другие, наиболее расположенные ко мне, в открытую предупреждали о том, что один из отделов интересуется моим Учителем.

Я понял, что пришла пора предупредить Ли и законспирировать наши встречи.

Несмотря на мою юношескую наивность и восторженность, несмотря на желание работать в Комитете госбезопасности, я почувствовал скрытую, но слишком реальную угрозу моим отношениям с Ли и

сразу же инстинктивно встал на защиту Учителя.

Еще через несколько дней другой комитетчик предложил подвезти меня домой после тренировки в своей машине. Он завернул в какой-то тихий переулок, остановил машину и сказал, что должен поговорить со мной.

— В последнее время у нас в стране появилось слишком много чуждых нам течений,—сказал он.— Эти течения еще не изучены достаточно хорошо органами госбезопасности, но они представляют собой угрозу для общества, привнося в него чуждую идеологию. Но еще опаснее, чем идеологические диверсии, то, что различные враждебные нашей стране силы могут достаточно активно использовать карате и другие виды единоборств как базу для подготовки боевиков. Кроме того, карате и враждебная идеология—великолепный инструмент для оболванивания молодежи и превращения ее в грозное оружие в руках того, кто манипулирует ее сознанием.

Комитетчик начал расспрашивать, известно ли мне о каких-либо группировках и организациях, созданных на базе карате или новых идеологических течений.

Я, без указания конкретных имен и мест, рассказал о Черных драконах, используя информацию, которую мне удалось собрать через знакомых. Эта информация была достаточно разноречива, но речь шла, в частности, о связи Черных драконов с антисоветчиками в Латвии и Литве, настроенными на отделение этих стран от Советского Союза. Там действительно были группы каратистов, занимающихся, помимо спортивной, еще и чисто боевой подготовкой.

Мой собеседник предложил мне отправиться с этой информацией к генералу, возглавлявшему тогда Крымское отделение КГБ, и предложить ему себя в качестве оперативного работника по изучению антисоветских течений среди людей, занимающихся рукопашным боем и увлекающихся враждебными идеологическими течениями.

Я сказал, что не готов сейчас дать ответ и согласиться на работу в этом направлении, так как не уверен, что уже достаточно созрел для этого.

Потом со всех сторон до меня стали доходить слухи о начавшихся гонениях на людей, интересующихся чем-либо, связанным с восточными учениями.

Я был дома, когда в дверь позвонил муж подруги моей сестры. Он был бледен и задыхался так, словно за ним по пятам гналась стая волков.

—Меня вызывали в КГБ.—простонал он.— Господи, похоже. они пытаются пришить мне дело.

Виктор много лет занимался йогой, не только физическими упражнениями хатха-йоги, но и раджа-йогой, агни-йогой и всеми прочими ее разновидностями, о которых ему удавалось достать литературу. Он изучал все, что мог, по индийской философии, оккультным наукам и эзотерическим учениям. К сожалению, его жажда приобщения к духовным таинствам не ограничивалась самосовершенствованием, и он, слегка возомнив себя носителем истины и сокровенной эзотерической мудрости, начал проповедовать чуждые нам идеи среди небольшого кружка почитателей. Естественно, что среди почитателей нашелся человек, который либо по долгу службы, либо по велению сердца обратился в компетентные органы и настучал на пророка.

Сотрудник Комитета не стал вызывать Виктора в КГБ, а назначил ему свидание в номере одной из гостиниц Алушты (Виктор жил в Алуште) и там напутал его до полусмерти красочным описанием возможных роковых последствий его идеологически не выдержанных увлечений. Речь шла и об увольнении с работы, и о том, что, возможно, придется отсидеть срок за агитацию и распространение враждебной идеологии. Когда комитетчик с наслаждением начал описывать жизнь и быт советских заключенных и нехитрые прелести трудовых будней на сибирском лесоповале, мой приятель перетрусил настолько, что был готов на любое сотрудничество с органами вплоть до того чтобы отдать жизнь на благо нашей Великой Родины.

Из рассказа Виктора я понял, что офицер КГБ вел эту операцию сам, не докладывая начальству, и, скорее всего, имел тут какой-то свой интерес, потому что задание, которое он дал Виктору, выглядело просто бредовым.

Комитетчик сказал, что единственным способом для Виктора избежать тюрьмы будет собрать 100 кг подпольной самиздатовской литературы по йоге, мистике, эзотеризму и оккультным наукам и передать их лично ему.

Виктор чуть ли не на коленях начал умолять меня, чтобы я отдал ему всю свою самиздатовскую литературу, потому что иначе его жизнь будет кончена. Мне было жалко расставаться с книгами, и я предложил Виктору, у которого был доступ к нескольким ксероксам, сделать копии книг или, еще лучше, перефотографировать их и напечатать, потому что фотографии весят больше, и периодически, по несколько килограммов относить литературу комитетчику. Я помогал Виктору делать копии и у него дома просматривал всю новую литературу, которую тот доставал. Поэтому меня очень позабавило, когда мои ученики из комитета начали приносить мне копии Виктора, предлагая их прочитать, и с очень многозначительным выражением лица сообщали, что это необычайно интересный материал, но я никому не должен говорить, что читал его. Они просили меня читать как можно быстрее, поскольку, как я понял, другие работники Комитета с нетерпением ждали своей очереди приобщиться к враждебной идеологии.

Комитет продолжал проверять меня как возможного кандидата для работы в органах. Одновременно я неофициально вел работу, связанную с подготовкой определенных людей для определенных целей, о которой я не могу рассказать. Вокруг меня создалась какая-то нездоровая атмосфера, связанная со слухами о моем Учителе и с другими странными слухами, распространяемыми обо мне. На это наложились столкновения с кое-кем из блатных, меня начали преследовать фанатики боевых искусств, которые, похоже, сами не понимали, чего хотят, но страстно пытались что-то доказать себе и другим. За мной кто-то регулярно следил. Я не всегда мог понять, кто это делает, но, выходя в город, я больше не чувствовал себя в безопасности. Мне от всего этого стало как-то не по себе, но больше всего я боялся, как бы эта ситуация не повлияла на мои отношения с Учителем. Встретившись с Ли, я рассказывал ему о разговорах с комитетчиками, о том, что КГБ пытается выйти на него, и о том, что начались гонения на

восточные учения.

Ли взглянул мне в глаза и спокойно сказал:

— Все в наших руках. Если не будешь давать, у тебя нечего будет взять.

Я уже научился расшифровывать подобные фразы Учителя и понял, что я не только не должен давать новую информацию,

но и не давать никаких поводов для подозрений, а значит, нужно было найти способ направить всех по ложному следу и сделать наши встречи тайными.

В тот вечер мы разработали систему условных сигналов, с помощью которых мы могли бы договариваться о встречах и передавать сообщения. Я жил на Пролетарской улице в центре города. Мой подъезд выходил в замкнутый дворик с аркой. Недалеко от арки находился деревянный подвал, разделенный на секции для каждой квартиры, потому что в доме не было центрального отопления, и жители согревались печами-буржуйками. Внизу под лестницей в каменной кладке стены было углубление. Туда мы прятали консервную банку, которая служила нашим почтовым ящиком. Сообщения мы передавали с помощью камешков и обломков черепицы, которые в различных сочетаниях означали место, где мы должны были встретиться завтра, или имели какой-либо другой смысл. Время встречи у нас обычно было согласовано заранее, так как мы встречались после моих занятий в институте. Иногда знаками на стенах арки Ли обозначал срочную встречу, и тогда я, откладывая все дела, ходил кругами по городу по определенному маршруту, и кто-нибудь из учеников Ли или учеников его учеников, проходя мимо меня с ничего не выражающим лицом, сообщал мне время и место нашей встречи.

Все это напоминало игру, и как-то я сказал об этом Учителю, на что он заметил:

— Каждая игра—это подготовка к действию. Ощущение опасности, преследования и ореол тайны, окружавшей наши встречи, сделали мою жизнь еще более интересной и насыщенной.

И тут меня вызвали на собеседование в Комитет.

Я встретился с Ли, рассказал ему об этом и спросил, что мне делать.

— Пойди туда. —сказал он. —Ты сам знаешь, как себя вести. Я на некоторое время уеду из Симферополя, но ты не будешь очень скучать по мне, потому что это время ты посвятишь обучению женщиной, что будучи не менее познавательно, для тебя явно более приятно.

Я покраснел и попытался было протестовать, но в глубине души я чувствовал, что мечтаю о том, чтобы прекрасная кореянка обучала меня непрерывно в течение нескольких ближайших десятилетий.

В указанное время я явился в КГБ. Меня довольно долго продержали в коридоре, где я от скуки изучал развешанные по стенам портреты и какие-то исторические документы. Наконец меня пригласили в кабинет, и двое сотрудников, явно настроенных недружелюбно, начали расспрашивать меня обо всем, что происходит в среде любителей боевых искусств, в околolygonических, околоскультных и прочих кругах. Вопросы носили, в основном, общий характер, без уточнения подробностей. Потом неожиданно, без всякого перехода один из комитетчиков спросил меня:

— Когда ты познакомился с Ли Намсараевым? Кто он, откуда и что тебе о нем известно?

На мгновение я опешил, потому что не думал, что в Комитете известно имя Ли, так как я называл его всего нескольким своим гражданским друзьям, и только в самом начале своего ученичества.

Понимая, что ставлю крест на своей будущей карьере офицера КГБ, я ответил:

— Никакого Намсараева не существует. Это имя я придумал для того, чтобы поддерживать свой авторитет в кругах любителей боевых искусств. Я сам придумываю новые техники рукопашного боя. но мои техники никого бы не заинтересовали, поэтому я говорю, что у меня есть некий Учитель, кореец Ли Намсараев, и это производит впечатление. На самом деле Ли Намсараев просто миф.

— Наши сотрудники неоднократно видели тебя с корейцами. У нас есть несколько докладных записок по этому поводу.

— Вы же знаете мою популярность, — сказал я. — Ко мне вечно подходят знакомиться самые разные люди. Я знаю в лицо половину Симферополя, даже не представляя, как зовут многих из тех, с кем я здороваюсь. Но если ко мне теперь когда-нибудь на улице подойдет кореец, я обязательно спрошу его паспортные данные и немедленно сообщу их вам.

Не думаю, что моим собеседникам понравился этот ответ, но они были вынуждены принять его.

Разговор закончился рассуждениями на тему о проникновении чуждой идеологии в нашу страну, и я с воодушевлением вызвался помочь в плане анализа ситуации и составить доклад о том, почему эзотерические учения оказывают такое влияние на нашу молодежь, и что в них кажется юношеству таким привлекательным и интересным.

Кислые лица сотрудников лучше всяких слов сказали мне, что меньше всего их интересуют мои рассуждения на эту тему. Они похлопали меня по плечу и, фальшиво улыбаясь, попрощались. пожав мою вспотевшую от переживаний руку.

ГЛАВА XX

Была суббота. Не помню, как мне удалось договориться со старостой, но я сумел смыться из института. У нас должна была быть практика по уборке фруктов, возникла неразбериха—какая группа должна заниматься, а какая ехать на уборку. Воспользовавшись этим, я предпочел развлечься в городе. Теплый солнечный осенний день вдруг напомнил мне, что я уже почти два года знаком с Ли. За эти два года произошло столько событий, что я стал совершенно другим человеком.

Я зашел на почту и отправил сестре поздравительную открытку, не помню, по какому поводу. Мама всегда донимала меня требованиями посылать поздравительные открытки всем родственникам, друзьям и знакомым заблаговременно, чуть *ли*. не за месяц.

Недалеко от почты был парк. Мне вдруг захотелось побродить по нему и посмотреть на танк—памятник танкистам-освободителям. Мне нравился этот танк. Я любил читать книги про войну, слушать боевые воспоминания отца и гордился героическим прошлым своего народа.

Я присел на скамейку о чем-то задумавшись, и вдруг мою голову сжали мягкие тиски женских рук. Жаркая волна ликования поднялась в моей груди. Я сразу понял, кем была эта женщина, но меня удивило, почему мой круг ворот не активизировался, как это бывало раньше при ее приближении. Я задумался об этом и понял, что сейчас совсем другая обстановка для встречи с девушкой, которую я уже успел полюбить. Мы еще ни разу не были вместе в обычном понимании этого слова. То, чем мы занимались, было лишь тренировкой, формальными отношениями между обучающей и обучаемым. Но я чувствовал, что теперь все изменилось. Мне было так спокойно и хорошо, что не хотелось двигаться, чтобы не спугнуть эти теплые нежные руки.

— Ты узнал меня, — услышал я мягкий, ласковый голос.

— Конечно, — ответил я.

— Тогда почему мы теряем время?

— Чему ты научишь меня сегодня?—взяв ее руку. спросил я.

Легким движением она перемахнула через скамейку. Я мысленно отметил, что не знаю девушек, перепрыгивающих через парковые скамейки так, как она. Корейка с грациозностью лани уселась рядом со мной и сказала:

— Сегодня наш день. Я ничему не буду тебя учить. Сегодня я буду учиться у тебя любить.

Она посмотрела мне в глаза, и ее взгляд щемящим ликованием отозвался у меня внутри.

Мы молча пошли к Гагаринскому парку, спустились к реке, перешли через мост и вошли во дворик частного дома.

—Я договорилась со своей знакомой,—объяснила корейка. —На два дня эта квартира принадлежит нам. Я понял, что не скоро вернусь домой. Мы вошли в комнату.

— Сегодня мы будем общаться вне школы, — сказала девушка и, подумав, добавила:

—Хотя это все равно жизнь.

Я был счастлив как никогда. Автоматически я выполнил упражнение, которому она меня обучила раньше, и убрал силу из полового органа. Не возбуждаясь, я получал несказанное удовольствие от созерцания прекрасной женщины, мягко, с кошачьей грациейдвигающейся по комнате и освобождающей от одежды себя и меня.

Был долгий день и долгая ночь. Мы любили друг друга просто, как это делают мужчина и женщина, без всяких даосских сложностей. И тем не менее дух школы незримо присутствовал в нашем общении, наполняя скрытым смыслом каждое наше движение, каждое наше действие.

Потом мы уснули, обнявшись. Я чувствовал во сне, как она время от времени меняла позу. очень ловко и аккуратно поворачивая при этом мое тело. Под утро. после еще одного периода бурных ласк. она сказала:

— Сейчас ты знаешь, как спят собаки.

— Что ты имеешь в виду?— спросил я.

— Во время сна нужно все время менять позы, тогда энергия твоего организма течет свободно и без помех. Так спят собаки и все остальные животные. Они все время меняют положение своего тела. Вот почему я постелила нам на полу. Обычная постель слишком мала для того, чтобы спать так, как нужно. Постель должна быть такой длинной и широкой, чтобы

от твоей головы до стены было расстояние минимум 50 см. а лучше метр. Тогда ты в любой момент сможешь откинуть руку так, как тебе это удобно. Нельзя заставлять тело принимать стандартные позы, которые тебе чужды, которые утомляют и изнашивают тебя. Большинство людей спят так, что не получают полноценного восстановления во время сна, потому что не принимают нужные позы, чередуя их.

— Покажи мне, как меняют позы, —попросил я. Кореянка грациозно опустилась на постель, разложенную на полу, с мастерством великой актрисы каждым своим жестом показывая, как она хочет спать. Ее тело вытягивалось, переваливалось с боку на бок, сгибалось. Она отбрасывала конечности под разными углами. Зафиксировав ненадолго одну из поз, кореянка мимоходом делала несколько замечаний и принимала другую позу. Ее показ был настолько изящен и эротичен, что казался замедленным экзотическим восточным танцем лежа. Мне снова пришлось убрать силу из члена, чтобы спокойно отдаться наслаждению созерцания ее смуглого гибкого тела.

Девушка улыбнулась. Стремительно приподнявшись, она схватила меня за руки и опрокинула на постель.

— Расслабься, —прошептала она и игриво укусила меня за ухо,—я буду учить тебя позе.

Несколько незабываемых часов мы провели, принимая разные позы, переплетая руки и ноги в самых невероятных сочетаниях. Мелодичный голос кореянки объяснял мне. как, куда и зачем должно передаваться тепло наших рук, о циклах миграции энергии и их связи с положениями наших тел.

Потом мы уснули в классической позе «ян. окружающий инь». Девушка лежала спиной ко мне. немного согнувшись вперед. Мои руки обнимали ее. Ее рука сжимала пальцы моей левой кисти, прижимая ее к животу, моя правая рука так же сжимала ее пальцы. Она согнула колени, прижав свои ноги к моим, и мой нос находился как раз против точки бай-хуэй на ее голове.

— Когда мы снова увидимся?—спросил я.

— Чтобы не вредить твоему обучению, мы можем видеться только раз в месяц, —с грустью сказала она.

Вдруг я понял, насколько важна для меня эта женщина и как ограничен наш обычный мир общения, мир европейцев и других людей, какими убогими казались мне обычные повседневные человеческие

отношения с их нервозностью, комплексами, ограниченностью и агрессивностью.

Ни одна женщина, с которой я встречался раньше, даже если она вызывала у меня чувство влюбленности, не давала

мне такого ощущения родства душ, гармонии, наслаждения и покоя. Я понял, что жизнь подарила мне удивительное счастье, и что медитация воспоминания поможет мне сохранить это счастье навсегда, переживая его вновь и вновь. Только теперь я полностью осознал огромную силу и смысл медитации воспоминания, помогающей, когда это нужно, выравнивать негативное воздействие окружающего мира, заполнять вакуум общения и впечатлений, так необходимых нашему организму и столь важных для нас.

Мои размышления прервал голос девушки.

— О наших встречах пока никто не должен знать, — сказала она.

— А как же Учитель?

— Учитель и так все знает.

У нас оставалось немного времени до расставания. Мы сидели рядом, лежали рядом, смотрели друг на друга. Это взаимное созерцание и молчаливое общение доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Раньше никогда в жизни мне не хотелось так долго рассматривать женщину, любуясь ею как цветком, как деревом, как прекрасным пейзажем.

Настало время расстаться. Она молча отстранилась, поцеловав мне руки, и спрятала лицо в мои ладони. В моей душе поднялась такая волна нежности, что на глазах выступили слезы. Кореянка стремительно поднялась, быстро оделась, не глядя на меня, и, повернувшись ко мне в последний раз, сказала:

— Здесь английский замок. Уходя, просто захлопни дверь. Еще некоторое время я лежал на расстеленной на полу постели и глядел на голубизну неба за оконным стеклом. Вдруг я вспомнил, что должен ехать на вечернюю тренировку по дзюдо. Я быстро оделся и, нащупав в кармане мелочь на проезд, помчался на автобусную остановку.

Я ехал в автобусе, продолжая пребывать в каком-то нереальном мире грез и воспоминаний. Я впервые испытывал любовь такой силы. Мой юношеский пыл превратился в сильный, ровно и постоянно горящий огонь, опаляющий меня изнутри ощущением невероятного счастья. Мне захотелось подарить что-нибудь своей возлюбленной. Я вспомнил, что сестра просила мою мать продать ее платье, которое ей почему-то не нравилось. Платье было французское, очень красивое, и я представил, как прекрасно оно бы

смотрелось на моей любимой. Я стал лихорадочно соображать, где мне достать 40 рублей, чтобы выкупить платье у сестры.

После тренировки я вернулся домой. Мама, как обычно, ожидала моего появления у окна, выходящего во двор. Я подошел к ней и сказал:

— Мама, я влюбился. Мне нужно сделать подарок моей возлюбленной. мне очень этого хочется. Могу я взять платье, которое прислала сестра?

Видимо, в моем голосе было что-то настолько убедительное. что мама. молча потрепав меня по голове, прошла в свою комнату и вернулась, держа в руках французское платье...

ГЛАВА XXI

Возвращаясь из института, я решил сократить путь, пройдя через проходной двор. Чтобы попасть в него, нужно было миновать сквозной подъезд жилого дома. Выйдя из подъезда, я понял, что застал врасплох двух мужчин, которые при виде меня застыли посреди двора в напряженных и неестественных позах.

Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что я стал свидетелем довольно крутой разборки. Шляпа одного из них была сдвинута на бок, очки висели на ухе и, качнувшись, упали.

Несколько дней назад на тренировке по дзю-до я вывихнул локоть и теперь одна рука у меня была на перевязи. Я подумал, что лучше поскорее убраться отсюда, но сделать этого не успел. Второй мужчина резко развернулся в моем направлении и бросился на меня с ножом. Он выбросил руку, целясь мне в грудь, но я среагировал почти мгновенно и, ударив ногой в болевую точку на запястье, выбил нож из его руки. Противник замахнулся для нового удара, но мне удалось здоровой рукой перехватить его удар и, развернувшись, приемом, который показывал мне Ли, я растянул ему плечо. Послышался характерный хруст. Не дав ему опомниться, я сбил его на землю ударом ноги под колено и, перехватив запястье, нанес удар коленом, сломав ему руку. На всякий случай я еще раз ударил его ногой и уже было собрался бежать, но тут с двух сторон—из сквозного подъезда и проходного двора—появилась милиция.

Нас троих задержали и отвезли в отделение. С нас сняли показания, и меня довольно быстро отпустили, но мне не понравилось то, что нас всех допрашивали в одной комнате и заставили в присутствии напавшего на меня уголовника назвать свое имя, фамилию, домашний адрес и место учебы. Я попытался было возражать, на что милиционер мне ответил достаточно грубо, и, чтобы поскорее освободиться, больше я спорить не стал, как потом выяснилось, зря.

Месяца через полтора, когда травмированная рука уже полностью зажила, я сидел дома и готовился к экзаменам. Раздался звонок в дверь. На пороге стоял атлетически сложенный молодой человек. В нем чувствовалась скрытая энергия, он поигрывал мышцами и доброжелательно улыбался мне.

— Извините, вы Шурик Медведев?—спросил он. Я ответил, что да, сразу почувствовав к нему симпатию,

потому что Шуриком меня обычно называли только близкие друзья. Я подумал, что он интересуется боевыми искусствами и кто-нибудь из моих знакомых направил его ко мне.

— Вы не могли бы уделить мне несколько минут?
— очень вежливо попросил парень.—Но мы должны спуститься вниз и поговорить во дворе.

Меня это немного насторожило и заинтриговало, появилось смутное мимолетное ощущение опасности, но я не обратил на это внимания. Я одел ботинки и пошел за парнем. Спускаясь по лестнице, он что-то бормотал, типа:

— Пойдемте, я должен передать вам кое-что очень важное... Мы спустились с крыльца и оказались на бетонированной площадке в центре двора. Парень резким движением повернулся ко мне и с неожиданной злобой спросил:

— Сыча помнишь?

Удивленно посмотрев в его холодные серые глаза, я поинтересовался:

— Какого Сыча?

В этот момент он нанес мне удар снизу ножом в живот. Не успев ничего сообразить, я инстинктивно отпрыгнул и окрестным ударом двух рук выбил нож из его пальцев. Другой рукой он выхватил сзади из-за пояса брюк опасную бритву, закрепленную в деревянной рукоятке, и попытался полоснуть меня по глазам. Еле-еле успев откинуться туловищем назад, я рукой защитил глаза от удара и почувствовал, как бритва прошла по моей руке, перерезав сухожилия пальцев.

Не давая противнику замахнуть для нового удара, я ударил его ногой в пах и в лицо. Он упал на спину, но тут же приподнялся на руке, продолжая размахивать бритвой. Я выбил бритву, ударив ногой по активной точке на предплечье, и, перепрыгнув через его лежащее тело, очень сильно с оттяжкой нанес удар ногой в подбородок, после чего его голова с глухим стуком ударилась о цемент, тело несколько раз содрогнулось в конвульсиях, и он потерял сознание. Я взглянул на свою руку и

увидел глубокие разрезы на пальцах. Мне запомнилось, как из этих разрезов обильно хлынула кровь.

Вспомнив инструкции Ли, я сложил руки ковшиком ипил эту кровь, чтобы хоть немного компенсировать кровопотерю. Открывая ногой двери, я поднялся наверх, домой, перетянул руку резиновым жгутом, перевязал рану и после этого позвонил в «Скорую помощь».

Выйдя во двор встречать «Скорую помощь», я не увидел на земле ни парня, ни ножа, ни бритвы. Мой противник не мог уйти сам, потому что получил слишком тяжелые травмы, и я подумал, что наверняка у него были сообщники, которые наблюдали за нами и теперь унесли его куда-нибудь.

Потом я узнал, что их было двое, но, чтобы не вызвать подозрений, ко мне пришел только один, рассчитывая застигнуть меня врасплох.

В больнице после операции меня положили в палату с людьми, подозреваемыми в различных преступлениях, так как хирург сообщил в милицию о том, что я поступил с ранением холодным оружием. Около дверей палаты дежурил милиционер. Я утверждал, что порезался случайно и, несмотря на боль, продолжал готовиться к экзаменам.

На следующий день появилась моя мать, во весь голос взывая к высшей справедливости, и вскоре вся больница и ее окрестности были в курсе того, что ее бедного маленького сыночка, невинного, как ангел, поместили в палату с бандитами и убийцами. Поскольку никто не мог вынести ее бешеного напора, мое дело быстро уладили во всех инстанциях, и меня отпустили на экзамен.

По дороге в институт я понял, что за мной следят. Как я впоследствии узнал, люди из окружения Сыча контактировали с Черными драконами. Черные драконы снова вспомнили обо мне. С одной стороны, они жаждали отомстить за Сыча и проучить меня, а с другой стороны, все еще хотели, чтобы я их тренировал. За мной начали следить постоянно, и то, как развивались события, мне очень не нравилось.

Я рассказал Ли о сложившейся ситуации, и он немедленно предложил мне свою помощь, а также помощь своих учеников и учеников его учеников. Я наотрез отказался, решив, что должен сам справиться со своими проблемами, но в первую очередь я так

поступил потому, что не хотел впутывать Ли ни в какие истории, боясь подставить его под удар.

Учитель одобрил мое решение и сказал, что все равно должен ненадолго съездить на Дальний Восток и надеется, что к его возвращению все закончится.

Я попросил помощи у товарищей, с которыми я учился в школе, и у ребят, с которыми я когда-то тренировался.

Почти каждый советский школьник так или иначе сталкивался с криминальной средой. Тут была и фарцовка, и принадлежность к враждующим группировкам, и разборки на танцплощадках, и многое другое. Время от времени я слышал, что кого-нибудь из моих знакомых забрали в милицию или кто-то уже получил срок, что кого-то ранили во время сведения счетов. Как это обычно бывает в небольших провинциальных городках. почти все друг друга знали или встречали когда-либо раньше, и собрать информацию о тех, кто меня преследовал, оказалось достаточно легко через моих школьных знакомых, связанных с преступным миром.

Мои друзья организовали довольно большую группу поддержки и постоянно следили за мной и за членами моей семьи. Пришлось использовать связи среди врачей, чтобы обеспечить друзей больничными листами для того, чтобы они могли не ходить на работу или в институт.

На пустующем верхнем этаже дома, окна которого выходили в сторону моего подъезда, был установлен круглосуточный пост наблюдения за людьми, входившими во двор или в подъезд. Энтузиасты, дежурившие там и воспринимавшие все происходящее как приятную альтернативу надоевшим будням, были готовы в любой момент прийти на помощь.

Мы получили информацию, что один из милиционеров, принимавших участие в аресте Сыча, оказался его знакомым и был связан с преступным миром. Имя милиционера узнать не удалось, но было ясно, что обращаться в милицию не стоило, потому что вместо помощи я мог нарваться на неприятности.

Я боялся огласки этой истории и стычек с бандитами еще и потому, что за любую драку или привод в милицию меня могли запросто выгнать из института, не разбираясь, прав я или виноват. Чтобы не позволить кому бы то ни было приблизиться ко мне и затеять драку, тем более, что раненая рука еще не

зажила, меня повсюду сопровождали «телохранители», наблюдая, нет ли слежки, и не подпуская ко мне близко незнакомых людей.

В день, когда пострадал мой приятель, я возвращался один из сельхозинститута, но издали за мной следили три человека.

С этим приятелем мы встречались несколько лет назад. Он мельком заметил меня и пошел следом за мной, пытаясь определить, я это или нет. Группа поддержки набросилась на него сзади, беднягу оглушили сильным ударом сбоку по шее и, схватив за руки и за ноги, затащили в подъезд дома, расположенного в небольшом дворике. Все было проделано так быстро и четко, что я этого даже не заметил. Один из «телохранителей» догнал меня и позвал допрашивать задержанного, в котором я опознал своего друга детства. Пришлось объяснить ему ситуацию и попросить прощения.

Я был постоянно начеку, носил сумку за спиной, чтобы она не мешала в случае, если придется драться, не выпускал из здоровой руки «коготь каменной птицы» — короткую палочку, и достиг достаточного мастерства в определении, ведется за мной слежка или нет. Я, как заправский шпион, заходил в кафе, чтобы понаблюдать за улицей, использовал витрины, карманное зеркальце и совершал всевозможные маневры, позволяющие обнаружить опережающую и преследующую слежку.

В один из дней напряженного ожидания развязки я подвергся нападению человека, вооруженного куском арматуры. Атака была такой неожиданной, что мои друзья не успели задержать его. Я ударил нападавшего ногой в колено, перехватил здоровой рукой его руку и вращением внутрь по спирали обезоружил его. Тут подскочили мои товарищи и, быстро нокаутировав беднягу, затащили его в подвал одного из заброшенных домов, предназначенных на снос. Я собирался сдать его в милицию, выйдя через моих знакомых по Комитету Госбезопасности на кого-либо из милиционеров, кому можно было бы доверять. Мне не хотелось допрашивать этого человека с применением жестких мер, но ситуация разрешилась самым забавным образом. Нападавший никогда не слышал ни о Сыче, ни о Черных драконах и оказался обычным ревнивым мужем, по ошибке принявшим меня за хахалю своей жены. Он был так напуган и так искренне извинялся, что мы отпустили его, взаимно решив забыть о недоразумении, и новоявленный Отелло ушел, хромая и чертыхаясь.

То, что произошло, оставило неприятный осадок. Мы поняли, что если так будет продолжаться, то по ошибке вполне можем покалечить невинного

человека. Стало ясно, что пришло время изменить тактику и перейти от обороны к нападению.

Снова используя каналы связи с преступным миром, нам удалось выяснить, где находится временная штаб-квартира Черных драконов. У одного из членов этой группы была подружка—проводница поезда, и во время ее отсутствия компания собиралась у нее дома. Когда девушка возвращалась. Черные драконы переходили на другие временные квартиры. Мы установили наблюдение за домом и выбрали для атаки период, когда девушка уехала, и в ее квартире обосновались восемь человек.

Нападение планировалось самым тщательным образом. Мы знали, что у Черных драконов было холодное и огнестрельное оружие, и нашей задачей было напасть так внезапно, чтобы они не успели им воспользоваться. Мы изучили подходы к квартире и режим жизни ее обитателей. В решающий день, дождавшись, когда два «дракона» отправились в магазин за водкой, двое друзей устроили на их пути засаду, расположившись с бутылкой вина и закуской у входа в небольшой дровяной подвал. «Драконы» возвращались из магазина. Еще двое моих друзей сопровождали их сбоку. Когда бандиты приблизились к засаде, парень, доселе мирно закусывающий, вскочил и оглушил одного из них ударом бутылки по голове, на второго набросился его напарник, подоспели и двое других.

В мгновение ока «Драконов» заволокли в подвал и, от души наградив несколькими ударами в живот, принялись допрашивать. Выяснив, что меня собирались жестоко избить, возможно, даже убить, и что нападение было назначено на завтра, бандитов связали, засунули им в рот кляпы и перенесли в кузов грузового «Москвича», подогнанного к двери подвала. На этой машине работал один из моих знакомых. Он остался в машине сторожить пленников, остальные отправились на квартиру. Был уже вечер. Мы решили не дожидаться ночи и напасть сразу, рассчитывая на фактор внезапности.

Мы вышибли дверь мощным ударом лома и, ворвавшись в комнату, принялись крушить дубинками всех, кто попадался под руку. Все закончилось очень быстро. Мы связали остальных "драконов», находившихся в полубессознательном состоянии. и начали выносить их из квартиры, складывая их. как

поленья, в грузовом отсеке машины. Вынося последнего, мы натолкнулись на любознательную старушку, и один из моих приятелей веско сказал, пытаясь сойти за работника МВД:

— Бандитов задерживаем, бабушка.

Пленников мы привезли в частный дом одного из моих друзей, задержав их в качестве заложников.

Скоро через посредников начались переговоры о прекращении вражды, тем более, что сам Сыч, заваривший всю *эту* кашу, признал, что сваял дурака, напав на покалеченного студента, этого бешеного идиота, который так его отделал.

Мы отпустили заложников, предварительно выяснив, чтобы лишний раз себя обезопасить, всю информацию о них, их родственниках и знакомых. На время страсти улеглись, но эта история имела продолжение, о котором я расскажу как-нибудь в другой раз.

ГЛАВА XXII

Вместе со мной в секции самбо занимался некто Волков, исключительно красивый и талантливый парень. Его волевое лицо и уверенная манера держаться неотразимо действовали на представительниц прекрасного пола. Девушки были его слабостью. Волков не мог пройти мимо очередного юного объекта в юбке, не опробовав на нем силу своих чар.

Я даже не пытался состязаться с ним в искусстве разбивать женские сердца. В основном это было связано с тем, что тренировки с Ли отнимали у меня слишком много времени, но Волков считал, что я излишне стеснителен, и время от времени пытался меня осчастливить, познакомив с какой-нибудь красоткой.

В тот день Волков решил сделать мне подарок в лице Танюши. приятной блондинки, которая мне действительно очень нравилась. Действовал он по стандартной схеме — девушку приглашали в ресторан, где она выпивала дозу вина. достаточную для того, чтобы отправиться на снятую на ночь квартиру в полубессознательном состоянии. Естественно, девушки заранее знали, что их ждет. и несколько против этого не возражали. Танюша была обаятельной и раскованной. То, что в квартире нас было двое, ее несколько не удивило и не смутило, но все горе было в том. что мы слишком долго проболтали в ресторане, и теперь я опаздывал на встречу с Учителем. Мне не нужно было долго колебаться, прежде чем сделать выбор между юными прелестями Танюши и постижением Великой Истины, но когда я уходил, мою душу терзали сожаления о потерянной возможности. Волков счел мой уход очередным приступом стеснительности.

Встреча с Ли была назначена в лесополосе недалеко от аэропорта. Я нашел его в тени деревьев, казавшейся мне интенсивно черной по контрасту со светом ртутных фонарей. Была глубокая ночь. но Ли считал, что ночное время эффективнее для тренировки, потому что ночью обостряются рефлексy. Ночью человек меняется, отрешаясь от дневных забот. Он ста-

новится ближе к природе и воспринимает все более четко и отстраненно, особенно в темноте леса, которая всегда кажется наполненной тайнами и неожиданностями.

Я выполнил жестовый ритуал приветствия в виде ладони, охватывающей снизу кулак с последующей переменной рук. Кулак, лежащий на левой руке, означал, что я приветствую мудрость Учителя, перемена рук символизировала восхищение его физическими данными.

Ли усмехнулся.

— Сегодня ты не так жаждал увидеть меня, как обычно, — заметил он.

Я понял, что моя печаль по Танюше не укрылась от него даже в темноте, но тем не менее изобразил на лице готовность постигающего Истину' ученика и сказал:

—Учитель, я весь твой.

Ли не стал вдаваться в подробности. На ночных тренировках он обычно избегал лишних слов.

— Сегодня ты будешь изучать технику атакующего крыла. Он взял меня за руку и сильно, до боли в суставах, отвел пальцы руки назад, выгнув кисть таким образом, что ладонь открылась. Я не мог сдержать болезненную гримасу.

— Еще немного, и у тебя будет травмирована рука. —сказал Учитель.—Так может случиться при ударе основанием ладони. если ты ведешь руку неправильно и удар приходится на пальцы.

Он сжал мои пальцы в кулак и, охватив мою руку своей, ударил ею достаточно сильно по стволу дерева сначала основанием кулака, а потом запястьем и косточкой, отчего у меня чуть не посыпались искры из глаз.

— Видишь, основание кулака крепкое, а его несущая часть (имеется в виду переход между кулаком и предплечьем) слаба. —сказал Ли. —В бою ты часто будешь промахиваться и ударять слабой частью, а не основанием кулака. Вот почему эту часть обычно бинтуют и одевают напульсники. Однако, если ты придашь руке такую форму (Ли расположил мою кисть под углом к предплечью с пальцами, направленными вверх, и снова нанес ею несколько ударов по дереву), ты не сможешь травмировать руку ни первым, ни вторым способом. Однако при занятиях, особенно пока у тебя недостаточно хорошо

подготовлены ударные части, ты должен бинтовать кисть руки до тех пор, пока она не сможет выдерживать необходимую ударную нагрузку. Той формой, что я тебе показал, ты сможешь наносить удары с любого направления и в любом направлении.

Двигая моей рукой, он показал, как она должна перемещаться при прямом ударе, как она приходит к цели сверху, снизу, сбоку, изнутри, маховым, рубящим, толчковым и тычковым ударами и как должна отдергиваться, сохраняя ту же ударную форму.

Потом Ли заставил меня лечь на спину и, перекаtywаясь с боку на бок, изо всех сил наносить удары рукой в форме крыла, периодически сочетая их с ударами ног.

Я выполнял удары, и вдруг мне пришло в голову, что Ли может исчезнуть из моей жизни так же внезапно, как он вошел в нее. Учитель только что уезжал на несколько дней, время от времени он исчезал без предупреждения, и я не мог найти способа разыскать его.

Как было принято на ночных тренировках, я поднял руку, показывая, что хочу задать вопрос. Ли подошел, и я жестом попросил у него позволения задать вопрос словами. Я еще не владел достаточно хорошо языком жестов, чтобы свободно выражать на нем свои мысли. Учитель разрешил мне говорить, и я не прерывая выполнения упражнения, спросил:

— Ли, у меня тревожно на душе. Ты иногда исчезаешь куда-то. Я боюсь потерять тебя навсегда. Что я тогда буду делать? Ли засмеялся и сказал:

— Знаешь, корабль—это в принципе непотопляемая штука. Он может на время затонуть, но потом всплывет на поверхность.

Я не понял, почему он заговорил о корабле, и начал размышлять, что он имел в виду. Может быть, он отождествлял с кораблем систему знаний, которую он давал мне? Я не успел задать вопрос, как Учитель снова заговорил.

—Помнишь, ты когда-то давно спрашивал меня, почему воин жизни кормит коня волчьим мясом. Сейчас я могу ответить, потому что ты уже дорос до этого объяснения.

Мне стало любопытно, почему Ли считает, что именно теперь я дорос до того, чтобы поговорить о морали Спокойных, но зная, как он не любит глупые вопросы, предпочел промолчать. Примерно год назад

во время одной из прогулок, рассуждая о морали общества. Ли сказал:

— На этой земле сильное гнетет слабое, твердое давит мягкое, злое теснит доброе, ищущие не находят, жаждущие не утоляют жажды. Но это вовсе не означает, что не может быть по-другому. Владеющий учением Спокойных кормит коня волчьим мясом.

Меня тогда очень заинтересовал образ коня, поедающего волчье мясо, но смысла этой фразы я не понял, а Учитель сказал, что еще рано говорить об этом.

Ли сделал мне знак подняться и перейти к медленному спаррингу с ним.

Он начал объяснять мне смысл своего высказывания. Его дыхание, как всегда, было ровным, он мягкими кошачьими движениями уходил от моих атак, отклоняясь в самую последнюю секунду, словно поддразнивая меня и провоцируя бить сильнее и точнее.

— Мы уже говорили с тобой о морали, — сказал Ли. — Я объяснял тебе, что разные слои общества и разные типы обществ имеют разную мораль. Нормальные для одного общества поступки считаются преступлением в других. Где-то считается гуманным убить человека, чтобы избавить его от мучений, в других местах за его жизнь будут цепляться до конца. В одних обществах аморально есть на виду у других людей, для нас же привычны застолья. Есть племена, где женщина имеет несколько мужей, у мусульман мужчина может содержать гарем. По европейской морали считается зазорным изменять супругу, хотя почти все мужчины и очень многие женщины имеют любовников, публично осуждая подобное поведение.

Ты спрашиваешь меня, морально ли скармливать коню волка, потому что, во-первых, конь— вегетарианец, а во-вторых, волк тоже живое существо. Высказывание о том, что Спокойный кормит коня волчьим мясом, отражает идеологическую концепцию учения о том, что ты не должен проявлять агрессивность, но в то же время и нельзя быть беззащитным, и на зло нужно отвечать злом, потому что только так будет восстановлена справедливость, только тогда ты будешь защищен от посягательств на твою жизнь и свободу. Эта метафора имеет несколько подтекстов.

Кормить коня волчьим мясом — это очень нестандартное решение, но в критических ситуациях часто самое нестандартное решение оказывается наиболее эффективным. Воин жизни носит в себе образы и коня, и волка. Внешне всегда доброжелательный, спокойный и смиренный, в душе он таит бесстрашие, агрессивность и кровожадность хищника, в которого может превратиться безобидный конь,

столкнувшись с врагом.

Конь. поедающий волчье мясо,—это и метафорический образ Спокойного, потому что такой конь—животное другого уровня, внешне не отличающееся от своих собратьев, но стоящее на другой ступени сознания, развития и возможностей. Он не становится добычей, а поедает хищников, нападающих на него, даже если это противоречит его природе.

Этот образ—часть учения о «Вкусе плода с дерева жизни», которая помогает клану выжить и воспитать достойных последователей. способных защитить себя и клан от нападок со стороны.

На фоне разговора Ли постепенно увеличивал темп нанесения ударов и сделал знак начать совмещать удары и защиты по определенным схемам, постепенно переходя к блокударам, которые одновременно служили и защитой, и атакой.

Под утро. вконец измочаленный, я с облегчением увидел жест Учителя, говорящий о том. что пора переходить к медитации. Я замедлил скорость движений, перейдя от блокударов к чисто облачным движениям, и сделал несколько дыхательных упражнений.

После медитации Ли показал мне технику «наблюдение за листом»—лечебные и общеукрепляющие медитативные жесты. укрепляющие как внутренние органы, так и пальцы, кисть и предплечье руки для принятия ударов. «Наблюдение за листом» начиналось с форм купола. Подмышечные впадины округлялись так. словно в них были вложены шары. руки свободно свисали по сторонам. Жесты начинались с напряжения в руке. Растопыренные полусогнутые пальцы охватывали и сжимали воображаемый шар, из которого исходила энергия, проходящая через руки в приподнятые и расслабленные плечи. Несмотря на напряжение, утомленные мышцы расслаблялись и восстанавливались. Энергия стекала в пальцы и казалось, что пальцы наливаются кровью. Возникало непреодолимое желание поворачивать кисть, отводить ее в сторону. Я следовал движениям, которые хотела выполнять рука.

Вдруг руки без моего желания и мышечных усилий плавно взлетели вверх и начали в буквальном смысле этого слова плавать передо мной. как два космонавта в

невесомости. Учитель, заметив этот эффект, тут же начал говорить что-то тихим монотонным голосом, на который он переключался всегда, когда я переходил в контролируемое состояние измененного сознания. Я с удивлением и радостью следил за еще одним проявлением тайных сил моего организма. Как это часто бывает при активизации ци, мое тело начало раскручиваться по спирали с нарастающей амплитудой. Я не заметил, как потерял контроль над

своим сознанием. Я превратился в огромную рыбу, плывущую в океане.

Я увидел корабль, с которого люди сбрасывали сети, и видел, как рыбы попадали в эти сети, чтобы погибнуть. Я поплыл дальше и наблюдал за тем, как уже другие люди ловили рыб, и изучил многие уловки и хитрости рыбаков. Потом вдруг в море я столкнулся с одним своим приятелем—офицером КГБ. Мы поплыли рядом, и я начал очень подробно рассказывать ему о методах ловли рыбы. Комитетчик слушал меня, открыв рот, и мне было приятно его внимание. Вдруг я понял, что рассказываю о рыбалке не своему другу, а Учителю, и что я не плыву, а выполняю пальцовки. Это неожиданное переключение сознания изумило меня. Окружающий меня ночной лес был таким же реальным и одновременно нереальным, как и воды океана, по которым я только что плыл.

Я сосредоточился на выполнении пальцовой. Выпрямленные, напряженные пальцы образовывали угол в 90° с ладонями, большие пальцы поочередно соединялись в кольцо с остальными пальцами, потом по очереди соединялись парами все остальные пальцы рук. Затем пальцы соединялись в тройки и, наконец, в четверки. Я горел, как в лихорадке, и не мог понять, почему такие простые упражнения с такой силой действуют на меня. и решил, что в этом виноваты переутомление и бессонная ночь.

Ли догадался, о чем я думаю, и подчеркнул, что подобное лихорадочное состояние очень важно при освоении целого ряда техник, и начал тем же монотонным тихим голосом рассказывать об исполнении пальцовой «кольца змеи». Я запоминал, как надо вращать пальцами, как их потирать и какие точки продавливать, чтобы добиться желаемого эффекта.

При переходе от пальцовой в состояние аутодвижений меня всегда охватывало радостное возбуждение, словно я становился свидетелем чуда, реальности которого я никак не мог привыкнуть. Аутодвижения захватили меня. и я почти отключился. повинуюсь неведомой силе. управляющей моим телом. Голос Учителя доносился до меня словно издалека, объясняя, какие именно напряжения или изгибы укрепляют тот или иной орган, лечат то или иное заболевание, и как подобные положения рук

применяются в бою.

Мои руки плавно, как падающие листья, начали опускаться вниз и наконец остановились у бедер, равномерно подрагивая от пульсации в пальцах. Мне казалось, что в руках спрятаны невидимые насосы, с каждым ударом пульса нагнетающие кровь в пальцы. Меня удивляло, что пальцы внешне не изменяются, потому что я чувствовал, что они набухают от крови до состояния, когда казалось, что они вот-вот разорвутся. Мне захотелось с усилием поднять плечи, поворачивать кистями, что я и начал делать. Тело снова захватил поток аутодвижений, оно выгнулось в спине, начали вращаться голова и плечи. Вдруг я понял, что пальцовки теснейшим образом связаны с ударами атакующего крыла, которыми мы начали тренировку. Я радостно поведал о своем открытии Учителю, чем вызвал у него взрыв веселья.

— Если бы ты не замечал столь очевидные вещи, я бы не тратил время на тебя,—с иронией сказал он. Ли схватил меня за руку и начал показывать зоны на пальцах, которые я должен был массировать в течение недели для того, чтобы открыть их и сделать восприимчивыми для ци при выполнении пальцовок «кольца змеи».

— «Кольца змеи»—сложные пальцовки,—сказал он,—потому что в них, помимо энергетического влияния мыслеобраза и формы, присутствует конкретное массажное воздействие на зону, и их неправильное выполнение может привести к нежелательному результату.

— Неправильное выполнение может причинить вред? — спросил я.

— Нет. Просто результат воздействия будет иным. Воздействие на пальцы до определенного уровня, пока оно не становится разрушительным, в принципе не может быть вредным. Природа защитила зоны пальцев лучше, чем некоторые точки на теле. Однако если болезнь уже гнездится в организме, иногда даже слабое воздействие на ту или иную зону может исказить ход энергии, и это может привести к неприятным последствиям. А теперь отшлифуй в замедленном бое с тенью технику, которую ты сегодня узнал.

Я понял, что он говорит о технике атакующего крыла, и начал двигаться. Возможности этой техники поразили меня. Она была настолько эффективной, что, пользуясь только ею одной, можно было создать стиль,

превосходящий и бокс, и борьбу, вместе взятые. Но я помнил слова Учителя о том, что нет смысла увлекаться узкоспециализированными стилями, потому что в них всегда будет чего-то не хватать. Можно приготовить сотни блюд из хлеба, но они не заменят мяса, молока или фруктов. Можно привыкнуть есть блюда из хлеба, если они

будут отличаться вкусом, цветом и запахом, и думать, что не надо ничего другого, но организм не обманешь. Точно так же не обманешь и боевую систему. Можно в совершенстве владеть какой-то техникой, но всегда находятся ситуации, когда этой техники недостаточно.

Ли посмотрел на восток, на еще тусклое восходящее солнце.

— Нам пора расставаться. — сказал он.

Учитель достал из сумки яблоко и краюху хлеба. Разломив яблоко пополам, он протянул мне половину и кусочек хлеба. Я так проголодался, что сочетание яблока с хлебом показалось мне необычайно вкусным. Запах щекотал ноздри, еще сильнее возбуждая аппетит и доставляя почти физическое наслаждение.

— Ты следуешь по пути пищи, — улыбнулся Ли. — а я пойду в другом направлении. Когда будет нужно, я найду тебя.

Перемахнув через изгородь из металлической сетки. Учитель исчез за деревьями.

С уходом Ли яблоко потеряло свой вкус и краски рассвета померкли. Мне становилось грустно от подобных фраз, которыми он не в первый раз заканчивал наши занятия. Мое эгоцентрическое европейское сознание не хотело мириться с тем, что Учитель будет находить меня, когда считает это нужным, а я не смогу его отыскать, как бы мне этого не хотелось.

Общение с Ли отодвинуло на второй план всю остальную мою жизнь, учебу, тренировки по самбо, девушек и домашние заботы. Повседневный быт я воспринимал как досадную помеху процессу обучения, но, следуя учению о «Вкусе плода с дерева жизни», я научился так использовать время, что у меня не возникало проблем ни с учебой, ни с тренировками, ни с общением. Мне приходилось действовать очень четко и эффективно, потому что нагрузки, которые я испытывал, были слишком большими даже для молодого человека. Чтобы восстанавливать силы, я спал на лекциях и даже завел любовницу, которая жила недалеко от сельхозинститута, чтобы иметь возможность днем отдыхать в ее квартире, пока она была на работе.

Из-за этого я испытывал определенные угрызения совести. Хотя она мне нравилась как женщина, любви к ней я не чувствовал, потому что мое сердце было отдано моей учительнице и напарнице. Именно

благодаря ей я смог побороть в себе некоторые черты характера, которые раньше мешали мне в общении с женщинами. Я стал свободнее и раскрепощеннее.

Я рассказал о своих чувствах кореянке и спросил ее мнение о моих отношениях с той женщиной.

—Ты все делаешь правильно,—ответила она.—Ты даешь ей то, о чем многие только мечтают. Поэтому не терзай себя бессмысленными вопросами, прав ты или виноват. Ты стал на тяжелый путь. Хранитель знания отличается от обычного человека. К тебе будут предъявляться более жесткие требования, чем к обычным людям. Ты не должен иметь детей, если же какая-то женщина родит тебе ребенка, ты не должен будешь его воспитывать. Твои дети—это твои ученики, это последователи учения Спокойных. Только если ты будешь полностью уверен, что ребенок будет расти под твоим влиянием, лишь в этом случае ты можешь тратить на него свои силы, время, эмоции и тепло души. Если же на него будет оказывать влияние мать, не идущая по пути, лучше не тереби свое сердце, не трать время попусту, потому что это будет нарушать нужный тебе ход вещей и твою картину мира.

В голосе моей подруги была почти незаметная грусть, и вдруг на меня снизошло озарение.

— Тыбросишь меня. — сказал я, глядя в ее бездонные черные глаза.

— Да, — ответила она. — Время нашего счастья непродолжительно. На мне лежат обязанности, которым мне не хотелось бы следовать, которые мне не хотелось бы выполнять. Но не забудь, что ты не обычный человек, и все, что было между нами, ты сможешь всегда, когда захочешь, восстановить через медитацию воспоминания. Прими свою судьбу, как Спокойный. Радуйся тому, что счастье было, и не расстраивайся оттого, что оно было недолгим. Человек только тогда может быть счастлив, когда он умеет накапливать в себе ощущение счастья и воспоминания о нем, когда он умеет подчиняться и следовать законам жизни, а если происходит что-то, чему ты не можешь противостоять, нужно уметь находить утешение в других вещах.

Я часто вспоминал этот разговор и восстанавливал в медитации воспоминаний ощущение, которое я тогда испытал. Оно было сродни чувству охвата мира, возникшему у меня во время одной из тренировок с

Учителем на Партизанском водохранилище. когда Ли учил меня воспринимать кожей окружающий мир и распространять эту способность вовне, словно отделяя от себя и расширяя во все стороны невидимую чувствительную оболочку.

Была ночь. Ли объяснил мне, как важно расширять область своего восприятия, чтобы даже на расстоянии чувствовать присутствие затаившегося врага так четко, чтобы слышать его дыхание и биение его сердца.

Я выполнил несколько медитативных упражнений, и моя кожа начала нагреваться и вибрировать, реагируя на звуки и движения вокруг меня. Я воспринимал энергию, идущую от деревьев, неба и земли. Потом я представил расширяющуюся сферическую оболочку, отделившуюся от меня и передающую мне ощущения, как вторая кожа.

Меня захлестнул поток чувств и информации, которую я еще не мог расшифровать. Среди обрушившегося на меня хаоса я различил слабую ритмическую пульсацию. Я сосредоточился на ней, стараясь отключиться от всего остального. Пульсация начала восприниматься более отчетливо, и я понял, что слышу, как очень быстро бьется чье-то сердце. Я смог определить направление, где находилось существо, стук сердца которого отдавался на поверхности моей кожи. Волна возбуждения захлестнула меня. что-то вспыхнуло в моем сознании, и я увидел, что в нескольких метрах от меня находится фазан. Я увидел это не с помощью глаз, просто ко мне вдруг пришла уверенность в том, что среди кустов на краю поляны прячется фазан. Мне так сильно захотелось поймать фазана, словно от этого зависело все мое будущее и моя жизнь.

Я неслышно поднялся и начал осторожно подкрадываться к птице, так, как учил меня Ли. По мере приближения к кустам стук сердца становился все сильнее, как будто сотни маленьких молоточков ударяли по всей поверхности моей кожи и барабанным перепонкам. Я подобрался к кустам, из них действительно выпорхнул фазан и, опустившись на землю, побежал по траве. Какая-то сила заставила меня прыгнуть вперед и, в несколько прыжков настигнув птицу, я бросился на нее и схватил. Теперь биение сердца отдавалось только в моих ладонях. Я смотрел на перепуганного фазана и чувствовал переполнявшую меня благодарность к этой птице и к моему Учителю, показавшему мне новую грань человеческих возможностей и новое чудо неисчерпаемого и таинственного мира, в котором мне посчастливилось родиться. Я раскрыл ладони, фазан вспорхнул и улетел, что-то возмущенно крикнув на прощанье.

Я обернулся и увидел Ли. неподвижно застывшего в тени развесистого дерева. Учитель молчал, но я понял то, что он хотел мне сказать, и без слов.

ГЛАВА XXIII

Этот день был самым трудным в моей жизни. Я знал, что сегодня я должен навсегда проститься со своей возлюбленной. Несколько лет тренировки контроля над эмоциями почти **не** помогали побороть отчаяние, охватившее меня. Я продолжал надеяться на чудо, теша себя иллюзиями, что наше прощание лишь очередной трюк, необходимый на этом этапе обучения. но в глубине души я уже знал, что наше расставание окончательно и неизбежно. Для того чтобы сохранять внешнее спокойствие, я непрерывно осуществлял контроль над дыханием. прорабатывая точки, снимающие стресс, растирал активные зоны и пытался выполнять медитативные упражнения, но никак не мог сосредоточиться на них.

Наши встречи обычно происходили в той самой времянке. где когда-то прекрасная кореянка преподавала мне первые уроки управления энергией. Времянка стала моим вторым домом. С ней были связаны такие прекрасные воспоминания, что каждый раз. когда у меня было свободное время, я приходил туда, даже зная, что моей возлюбленной там нет. Я научился пробираться во времянку сзади, через окно. так, чтобы никто из соседей не заметил меня. Для моей подруги было очень важным сохранение тайны, и я поклялся никогда никому не рассказывать о наших встречах и не упоминать места, где она бывает.

Обычно я ложился на топчан и просто созерцал стены, окно и потолок, отдыхая и предаваясь приятным воспоминаниям. Девушка могла появиться неожиданно, в любой момент. Иногда, когда ее не было, я засыпал на топчане. Потом появлялась она, ложилась рядом, не касаясь меня, и тоже засыпала. Если я приходил, когда она спала, я тоже не будил ее и ложился спать. Удивительным было то, что если во сне меня охватывало желание и я просыпался, моя возлюбленная просыпалась одновременно со мной. желая меня так же, как и я ее. Мы предавались любви и, утолив страсть, возвращались к нашим обычным занятиям-тренировкам. которые зачастую казались утонченным продолжением любовной игры, столь восхитительным, необыч-

ным и нестандартным, что нас захлестывали новые порывы страсти.

Поскольку большую часть времени мы должны были общаться в рамках учения, корейка обычно заставляла меня применять даосские методы любви, и мы редко наслаждались друг другом как обычные мужчина и женщина. Но формы общения между мужчиной и женщиной по канонам воинов жизни доставляли еще более изощренные, еще более тонкие сексуальные переживания без выброса спермы и обычного оргазма.

Я подошел к временке и, убедившись, что меня никто не видит, влез в окно. Моя возлюбленная уже ждала меня и поднялась мне навстречу.

Почувствовав рядом тело любимой женщины, глядя в ее глубокие черные глаза, я вновь ощутил безумную надежду, что мы всегда будем вместе, что наша любовь сильнее обстоятельств, и мы просто не сможем жить друг без друга. И она, и Учитель заранее готовили меня к неизбежному расставанию и к тому, что я должен принять его с достоинством и спокойствием. Я сказал Ли, что никогда больше не смогу так полюбить. Он засмеялся и ответил, что Спокойный не цепляется за свои чувства, а наслаждается и пользуется ими. Потом он рассказал мне притчу.

«Однажды к отшельнику пришел странник и, исполнив ритуал приветствия, попросил наставить его на путь истины.

— Я знаю, что занимает твои мысли и крадет радость бытия, — сказал отшельник. — Всю свою жизнь ты ищешь совершенства в людях и, не находя его, не можешь обрести покой. Но я знаю лекарство от твоей болезни. В общении с каждым следует искать лишь то, что тебе по душе, дополняя качества одного чертами другого и свойствами третьего. Тогда в дюжине мужчин ты сможешь обрести хорошего друга, а в дюжине женщин — Великую Любовь...»

Я не хотел искать Великую Любовь в дюжине женщин и, несмотря на все притчи и рациональные доводы, отчаянно не желал расставаться с любимой женщиной. Ситуацию ухудшало еще и то, что она была беременна от меня. Моя возлюбленная сказала, что сохранит ребенка и обязательно назовет его моим именем. Она была совершенно уверена, что родится мальчик. Со временем я узнал, что у нее действительно

родился сын. Я любил этого еще неродившегося ребенка почти так же сильно, как и его мать, потому что по неписаному закону природы мужчина больше всех любит ребенка, рожденного ему любимой женщиной. Обычно мужчины любят в ребенке продолжение себя. но я относился к другому типу и любил в ребенке продолжение моей возлюбленной.

Я сказал Ли, что больше всего на свете хочу иметь этого ребенка и воспитывать его.

—Ты не должен заикливаться на любви к собственным детям,—жестко ответил он мне.—Для тебя не должны существовать люди вне клана. Ты готовишься стать Хранителем знания. и твоими детьми станут твои ученики. Именно к ним ты должен относиться, как к собственным детям, а не к тем. кто по воле судьбы или случая был оплодотворен частичкой твоего семени. Ты олжен заботиться не о детях, а обеспечивать более комфортное существование наиболее преданным и достойным своим ученикам, которые смогут воспринять Учение и будут любить тебя так же, как ты любишь их.

Хотя эмоционально в тот момент мне было трудно принять эту точку зрения, которая может показаться извращенной обычному человеку, выращенному на поговорицах типа "кровь гуще, чем вода», умом я понимал, что Ли совершенно прав. Начиная со школы, мы писали сочинения о сложных взаимоотношениях отцов и детей, не делая из этого никаких правильных и практических выводов. Я в своей жизни повидал много семей, но можно было бы по пальцам пересчитать те, где между родителями и детьми царила бы гармония, уважение и взаимопонимание. Скорее, обычные семьи напоминают поле боя. где враждующие армии не могут ни прийти к мирному соглашению, ни разойтись и оставить друг друга в покое.

Плановая форма общения и существования гораздо больше напоминала хорошую прочную семью, члены которой были близки по духу, устремлениям и целям, объединены общими интересами и поиском знаний, позволяющих им улучшить и сделать полноценным и насыщенным свое существование в этом мире.

Я отвлекся от своих мыслей, снова осознав, что нахожусь рядом с любимой женщиной, и поймал себя на ощущении тонкого извращенного удовольствия от накала переживаемых мною чувств в сочетании с

попытками отстраненного самоконтроля согласно учению и самой отчаянной жалостью к себе. Мне казалось, что если я хоть чуть-чуть расслаблюсь, я разрыдаюсь, как ребенок, и в то же время из глубин моего сознания за всеми этими переживаниями спокойно и отрешенно наблюдало мое второе «я», воспитанное за годы напряженных тренировок.

Я начал выполнять упражнения движения потоков сексуальной энергии по телу. Внизу, охватывая почти всю область от пупка до таза, сформировался энергетический центр, диск, разделенный на несколько секторов, и эти сектора позволяли, при обращении на них внутреннего взора, возбуждать целые вихри энергии, которые то мощным выбросом, то медленным подъемом активизировали те или иные зоны внутренней и внешней поверхности тела. Этот диск, нижний энергетический центр с выбросами энергии, разделялся на зоны, одна из которых начиналась от пениса и шла вверх по центральной части тела, по государству каменной птицы, заканчиваясь под ключицами. Вторая зона поднималась от анального отверстия вдоль по спине и заканчивалась дуновением холода на щеках, создавая ощущение мурашек на волосистой части головы и застоя тяжелой энергии в затылке.

Энергия раз за разом ударяла в затылок так, что хотелось растереть это место. Третья симметричная зона поднималась вдоль позвоночного столба от анального отверстия и охватывала прилегающие к нему боковые зоны. Боковые зоны представляли собой левый и правый сектора. Два других боковых сектора располагались по бокам переднесрединного канала. Еще две активные зоны возникали после возбуждения точек юн-цюань, расположенных на ступнях ног. Я стимулировал эти точки, двигая стопами, зоны возбуждения активизировались и поднимались вверх по ногам, перекрывая собой часть нижнего цветка, прилегающую к пенису и анальному отверстию, и заканчивались под мышками.

Всего, таким образом, существовало восемь зон. из них две были несимметричными, а шесть других можно было считать тремя симметричными зонами. Две несимметричные и три симметричные зоны давали в сумме цифру пять и были отражением учения о пяти первоэлементах. Цифра восемь, совпадающая с числом стихий, тоже была священной для даосов. Упражнение, которое я выполнял, было одним из тайных даосских упражнений, которое символизировало процесс превращения пяти первоэлементов в цветок восьми сущностей, восьми стихий.

Сосредотачиваясь в определенном порядке на той или иной зоне, я вызывал ощущение приятных

энергетических потоков в нужной мне части тела. Это доставляло мне особое удовольствие и помогало подавить непреодолимое, почти звериное желание наброситься на мою возлюбленную и сделать то, что сделал бы обычный мужчина в моем положении. К сожалению, я не мог себе позволить вести себя так, как мне хочется, понимая, насколько она необычная женщина, насколько она ценит выдержку и умение любить ее по ее правилам.

Я продолжал выполнять упражнение. Закончив прорабатывать восемь зон, я сосредоточился на посыле энергии от зоны шестого-седьмого шейных позвонков в руки и обратно, потом к области нижнего цветка, в подмышки и встечной волной к точкам юн-цюань. Пройдя по внутренней части ног, волна энергии поворачивала обратно по внутренней стороне и, пройдя через центр тела, возвращалась в зону шестого-седьмого шейных позвонков, ударяла в макушку головы и, отразившись от нее, охватывала зону ушей, омывала плечи, шею, и все повторялось вновь.

Когда раскрылся и начал вибрировать верхний цветок, я почувствовал, как волны энергии, уже проработавшие все нижние лепестки и возбуждавшие мою кожу и мое тело, перемешиваются с потоками, идущими от верхнего цветка, заставляя меня переживать ни с чем не сравнимые ощущения. Мелькнула мысль, что я похож на наркомана, кайфующего под дозой. Хотя я никогда не использовал психостимулирующих средств и даже никогда не пил алкогольных напитков, я прекрасно понимал, что состояния, достигаемые через медитацию и доставляющие подчас изощреннейшее эмоциональное и чувственное удовольствие, сродни состояниям, возникающим в результате приема наркотических средств, с той лишь разницей, что наркотики разрушают организм, а правильно выполненная медитация, наоборот, укрепляет нервную систему и ведет человека к здоровью и самосовершенствованию.

Кореянка молча смотрела на меня. Я понял, что она чувствует и понимает все, что происходит в моей душе. Она медленно сняла с меня одежду, разделась сама, и мы начали свое общение с искусства тайных касаний, которому она меня обучала с наших первых встреч. Искусство касания Спокойных универсально.

Оно включает в себя и оздоровительные касания. и касания сексуальные, боевые касания и касания, подготавливающие воина к испытаниям. Рефлексотерапия тоже отчасти является искусством касаний, но то, что можно было бы назвать рефлексотералией в учении Спокойных, очень сильно отличается от привычных описанных методик акупрессуры. В науке тайных касаний самой точке уделяется меньше внимания, чем зоне, окружающей ее, потому что каждая точка имеет

свои законы, свою территорию, на которую распространяется ее влияние. Она соединяется разными видами связей с группами других точек. Эти связи изменчивы и непостоянны, и тайные касания воздействуют в основном на зоны и группы точек с учетом всех их связей и взаимоотношений.

Касания для мужчин и женщин различны. Для того чтобы возбудить ци мужчины, достаточно мимолетного прикосновения к коже и легких поцелуев. У женщин нужно начинать с более тонких ласк, приберегая поцелуи и обычные европейские ласки, как изысканное угощение, на потом, потому что поцелуи производят немного шокирующее воздействие на неподготовленное женское тело, блокируя энергию и не позволяя накопить достаточно тонкой ци.

Чтобы активизировать зону и подготовить ее для более утонченной ласки, нужно начать с упражнений настроя, с эмоционально окрашенных медитаций, переходя затем к очень легким касаниям, и тогда каждая зона тела насыщается тонкой ци сексуальной природы. Тело возбуждается еще до того, как язык и губы коснутся его. и любая зона в период такого общения может стать эрогенной, и, насытив ее нежностью губ, можно переходить к ласкам языком.

Конечно, чтобы подготовить тело к манипуляциям с ци, нужна большая предварительная работа со звуковыми и дыхательными упражнениями, пульсами. и упражнениями, подобными ци-гуну. Для того, чтобы быть расслабленным и раскрепощенным, выполняются специальные медитации, освобождающие от предрассудков общественной морали, тревожности и неуверенности. Люди Запада обычно просто играют в секс, повторяя то, что видели на экране телевизора или прочитали в книгах, так и не узнав, каким прекрасным может быть настоящий секс, когда он идет из глубины натуры, возбуждая истинную природу жизненной энергии.

В начале моих отношений с любимой я со своим юношеским максимализмом воспринимал почти как издевательство то, что она не позволяла мне удовлетворить мои мужские желания, быстро овладев ею и достигнув пика наслаждения, но добившись определенного успеха в даосских упражнениях, я понял, как мало получает тот, кто торопится, как он обкрадывает себя. подобно тому, кто, найдя сундук с

золотом, забирает сундук себе. а золото выбрасывает на помойку.

Одним из условий наших отношений было многократное удовлетворение моей партнерши, и я с эгоцентризмом обычного европейца поначалу с завистью наблюдал, как она испытывает оргазм за оргазмом, заставляя меня вновь и вновь сдерживаться, хотя я уже не мог этого выносить, не теряя контроля над своей энергией. Но. тренируя контроль, осваивая приемы сохранения семени, я научился испытывать многократный оргазм без эякуляции и переживал то же. что и моя возлюбленная. Моя страсть питалась ее страстью. По даосским канонам, настоящий мужчина должен был уметь подряд удовлетворить несколько десятков женщин, но изливать свое семя только раз в месяц. Изливание семени принимало разные формы и зависело от целей в данный момент, от типа практикуемых упражнений, от питания, от образа жизни, от возраста и т.п.

Искусство любви бессильно, если партнерша не может быть раскованной и свободной. К сожалению, большинство европейских женщин, живущих в достаточно холодном климате, менее чувствительны, чем восточные женщины, менее возбудимы. чем женщины теплых краев. Их тела подавлены ношением теплой тяжелой одежды, они не привыкли общаться со своим телом. наслаждаться им. И, конечно, они не знакомы со специальными массажными приемами и культурой тела, характерной для плановых школ Востока.

На мою долю выпало встретиться с невероятной женщиной. которая, казалось, была воплощением женской силы. чувственности, олицетворением самого женского начала, и, сливаясь со мной. она наполняла собою весь мир. Я до сих пор счастлив, восстанавливая в медитации воспоминания ее образ, ее телодвижения, которые даже в самых простых своих формах были такими грациозными, женственными и чувственными. Легкое движение пальцев, касание руки, не говоря уже о поцелуях. вызывали во мне такой взрыв чувств, такой отклик, который я не мог испытать в обществе европейской женщины.

Мы прощались, не отрываясь друг от друга более суток. Это было изнуряющее тело и душу общение на грани нервного срыва, на грани всех мыслимых и немыслимых удовольствий. Когда мы, наконец,

расстались, мы оба были так измучены, что не было сил горевать или сожалеть о чем-то. Нас наполняло абсолютное счастье, мы были переполнены им до краев. Я вернулся домой в полубморочном состоянии, но, верный своей традиции, подробно описал в дневнике события последних суток и уснул, сидя за столом.

ГЛАВА XXIV

День, когда Ли начал говорить без акцента, был переломным в моей жизни, и я запомнил его навсегда. Смена акцента означала, что первая фаза моего ученичества закончилась.

Утром я встретился со своим другом из КГБ, который время от времени сообщал мне, как обстоят дела в Комитете и что там предпринимают для того, чтобы отыскать Ли.

Мой друг сказал, что он и еще несколько моих учеников-комитетчиков, решивших помочь мне, сумели убедить начальство, что истории про Ли—обычные выдумки, чтобы завоевать авторитет, и что кореец, с которым меня видели.—всего лишь случайный знакомый.

Начальство решило, что с меня можно снять наблюдение и прекратить поиски Ли Намсараева, несуществующего источника враждебной идеологии.

Я отправился на свидание с Учителем. Мы должны были встретиться на автобусной станции, чтобы поехать оттуда на Партизанское водохранилище. Мы прошли по залу ожидания, купили билеты на автобус и, о чем-то разговаривая, вышли на улицу.

Я рассказал о том, что у меня получилась медитация, которую он дал для самостоятельной отработки. Я описал ощущения и образы, которые я видел. Ли похвалил меня, сказав, что я все сделал правильно. Недалеко от автостанции находился аэродром, и было видно, как тренировались парашютисты. Мы залюбовались ими.

— Как красиво они летят, прямо как птицы. — сказал я.

— Ничего, скоро ты сам научишься летать, — пошутил Ли. Я рассказал о встрече со своим другом-комитетчиком и о том, что нас, похоже, «сняли с крючка». Я очень тяжело переживал то, что за мной следили, боясь, что это может повредить Учителю и моему общению с ним.

И тут Ли заговорил на чистейшем русском языке.

— Все эти "игры"—ничто по сравнению с тем, что, наконец, ты, мой маленький брат, стал большим братом, и теперь я могу говорить с тобой, как с равным.

Чистота и абсолютно новый тембр его речи, как громом, поразили меня. Я посмотрел на Ли и увидел его совершенно другими глазами. У меня возникло

неуловимое ощущение, что даже закрученные на полтора оборота носки его туфель распрямились.

— Ли, куда девался твой акцент?—с трудом выдавил я.

— Это неважно.—ответил он.—Важно то, что ты самостоятельно смог выполнить медитацию. Это означает, что ты достиг уровня, когда я могу разговаривать с тобой на твоём языке.

Ли говорил ещё что-то, я слушал его и понимал, что важнейшая часть моей жизни закончилась безвозвратно и что я никогда больше не увижу прежнего Учителя. На моих глазах произошло удивительное превращение Ли-паяца с его бесконечными идиотскими шутками и эксцентричным поведением в Ли-мыслителя. Конечно, он не перестал шутить и смеяться надо мной, но теперь его шутки больше не были злыми, резкими и целенаправленными. Они превратились в добрые шутки мудрого человека.

Учитель, казалось, понимал моё состояние. Он ласково положил ладонь мне на затылок.

— Как ты чувствуешь себя в качестве большого брата? — улыбаясь, спросил он.—Раньше ты мне напоминал огромную добродушную собаку, которая глядит на меня преданным взглядом и, хотя вроде и понимает, что я говорю, сказать ничего не может. Теперь ты уже не собака. ТЫ такой же, как я. Наконец мы стали братьями по знанию, хотя твой путь к постижению Истины ещё очень и очень долг...

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	
7	
ГЛАВА I.....	
31	
ГЛАВА II.....	
38	
ГЛАВА III.....	-
.62	
ГЛАВА.....	IV
.....77	
ГЛАВА V.....	
89	
ГЛАВА VI	
108	
ГЛАВА.....	VII
.....116	
ГЛАВА.....	VIII
.....137	
ГЛАВА.....	IX
.....150	
ГЛАВАХ.....	
.....159	
ГЛАВА.....	XI
.....174	
ГЛАВА.....	XII
.....185	
ГЛАВАХ!!!.....	
.....200	
ГЛАВА.....	XIY
.....214	
ГЛАВАХУ.....	
.....230	
ГЛАВАХУ!.....	
.....246	
ГЛАВАХУП.....	
.....259	
ГЛАВА.....	XVIII
.....272	
ГЛАВА XIX.....	
278	
ГЛАВА XX	
285	
ГЛАВА.....	XXI
.....290	
ГЛАВА.....	XXII

.....	297	
ГЛАВА		XXIII
.....	307	
ГЛАВА XXIV		
314		

В ближайшее время планируется издание следующих книг Ирины Медведевой из серии «Путь Шоу-Дао»:

Книга 2. "ОБУЧЕНИЕ У ВОДЫ» — описывается период непрерывного полугодового обучения в лесах у Партизанского водохранилища.

Книга 3. «ОБУЧЕНИЕ ЖЕНЩИНОЙ» — изучение техник управления сексуальной энергией с напарницей корейкой.

В серии "Сохраненное сокровенное» планируется выпуск следующих книг Александра Медведева:

1. '«СЕКСУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ СПЯЩЕЙ СОБАКИ» — книга посвящена секретным способам пробуждения, укрепления и управления внутренней энергией человека, известной большинству европейцев под названием Кундалини.

2. «ШОУ-ГУН ШОУ-ДАО» — книга раскрывает секреты пальцевых жестов используемых для управления тонкими энергиями человеческого организма, что позволяет лечить и укреплять тело и психику, а также совершенствоваться духовно и ментально.

3. «ОБЛАЧНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СПОКОЙНЫХ» — книга познакомит читателей с системой многоцелевых циркуляционных движений позволяющих побеждать в рукопашном бою, излечивать энергетические застои тела, постигать сущности окружающего мира, оздоравливать и омолаживать организм.

4. «ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ ДАОСОВ» — книга посвящается использованию зон и точек человеческого тела для духовного и физического совершенствования по школе Шоу-Дао.

5. «СТИМУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ ЭНЕРГИЙ С ПОМОЩЬЮ ВЕРЕВКИ» — учебное пособие по стимуляции и управлению тонкими энергиями с помощью веревок методами Спокойных по школе Шоу-Дао.

Ирина Борисовна
Медведева **Тайное учение**
даосских воинов

Издательство САТТВА Лицензия №
070911 от 16.03.93 Гарнитуры Букман.
Проун, БетинаСкрипт. Тираж изготовлен в
типографии Гуммерус (Финляндия).